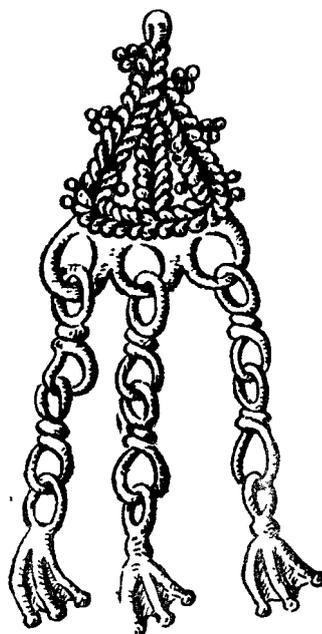

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МАРИЙСКОЙ АССР

Г. А. Архипов

МАРИЙЦЫ IX - XI вв.

К ВОПРОСУ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА

МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИОШКАР - ОЛА 1973

*Монография посвящена ранней этнической истории мари-
рийцев*

Автор впервые собрал и проанализировал большой археологический материал, полученный Марийской археологической экспедицией и относящийся к марицам IX - XI вв. В работе тщательно проведена классификация всех археологических материалов древних марицев в сопоставлении с древностями других финно-угорских народов

Историческая часть монографии раскрывает характер хозяйства и общественных отношений древних марицев и рассматривает некоторые вопросы происхождения марицкого народа

Книга рассчитана на археологов, этнографов, лингвистов, антропологов, историков, а также читателей, интересующихся древней историей Среднего Поволжья.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук
профессор А.П.Смирнов

Марийское книжное издательство, 1973

ВВЕДЕНИЕ

Территория, заселенная мари́йцами, в основном располагается в междуречье Ветлуги и Вятки по левобережью Волги, а также в горном правобережье, занимаемом Горномарийским районом Марийской АССР (марийцы Приуралья и Урала, так называемые «восточные», являются переселенцами в более позднее время с основной территории расселения в древности).

Ареал древних мари́йцев выходил за пределы современных административных границ республики, охватывая в основном район левобережья Среднего Поволжья от устья Оки на западе до Вятки на востоке.

Главные черты рельефа Марийской АССР сформировались уже к началу четвертичного периода. Существовали Марийско-Вятский вал и Приволжская возвышенность. Последняя к четвертичному периоду вся была сушей, а современные песчаные равнины - крупным понижением, занятым ледниковыми водами. В формах, близких к современным, существовали и все крупные реки республики и соседних районов. После спада ледниковых вод, отложенные пески обсохли и были переверены ветром в дюны, а затем покрылись лесной растительностью*.

На территории, занимаемой мари́йцами в IX-XI вв., выделяются несколько физико-географических районов. По данным исследований, проведенных коллективом казанских ученых², эта территория находится в лесной зоне и лишь один район (Чебоксарский возвышенно-равнинный) входит в лесостепную зону (рис. 1)

Лесная зона Среднего Поволжья делится на три провинции. Древнемари́йская территория

входит в лесные провинции Низменного Заволжья Вятско-Камской возвышенности, отличающимися друг от друга в отдельных районах лишь рельефом.

Лесная провинция низменного Заволжья делится на подзоны южной тайги и смешанных лесов. Подзона южной тайги характеризуется равнинами и еловыми лесами. Почва здесь дерновоподзолистая с ее разновидностями: слабо-, средне- и сильноподзолистая. Встречаются торфяно-подзолисто-глеевые почвы на глинистом субстрате.

Подзона смешанных лесов занимает значительную территорию. Поверхность ее долинно-зандровая, флювиогляциальная равнинная, водораздельно-равнинная, полесская, карстовополесская, долинно-террасовая. Почва дерново-подзолистая, супесчаная дерно-среднеподзолистая.

Лесная провинция Вятско-Камской возвышенности делится также на подзоны южной тайги и смешанных лесов. В первую входит Уржумский равнинный район с остаточными еловыми лесами южно-таежного типа. Поверхность здесь представляет типичную равнину эрозионно-денудационного происхождения. Почвы здесь, по сравнению с другими районами Кировской области, выделяются лучшими качествами. Значительная площадь представлена светло-серыми лесными почвами. Встречаются дерново-среднеподзолистые и дерново-карбонатные почвы.

Подзона смешанных лесов этой провинции характеризуется темно-хвойными и широколиственными лесами. Сюда входят возвышенно-равнинные и эрозионно-равнинные районы. Почвы преимущественно дерново-подзолистые.

Чебоксарский возвышенно-равнинный район со зрелым эрозионным ландшафтом входит в лесостепную провинцию Приволжской возвышенности лесостепной зоны. Поверхность представляет собой всхолмленную возвышенную

¹ Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. Под редакцией А. В. Ступишина. Казань, 1964.

² Физико-географическое районирование Среднего Поволжья

равнину, круто обрывающуюся к долине Волги. Преобладают почвы дерново-подзолистые.

Исследователи отмечают, что 400-500 лет назад территория района почти сплошь была занята широколиственными лесами, среди которых особенно выделялись массивы дуба, tie-большие дубравы по склонам и на водоразделах сохранились до настоящего времени

Физико-географические и природные условия были благоприятными для заселения края людьми в древности. И действительно, исследованиями последних лет выявлены археологические памятники, относящиеся к периоду от верхнего палеолита до XVI-XIX вв н э.³

Археологическое изучение Среднего По-РОЛЖЬЯ имеет сравнительно небольшую историю. А такие районы, как лесное Заволжье (кроме Поволжья) в пределах Марийской АССР, Горьковской и Кировской областей мало исследованы

Наиболее оживленная работа по собиранию и систематизации археологических находок в дореволюционное время протекала в 80-90-х годах XIX в., в чем сказались огромная заслуга крупнейшего русского археолога А. А. Спицына, уроженца Вятской губернии. В 1887 и 1888 гг на средства Московского Археологического общества, в порядке подготовки к Ярославскому археологическому съезду, А. А. Спицын совершил поездки по Вятке и ее притокам. Результатом этой поездки, с учетом всех собранных до этого сведений, явилась работа А. А. Спицына «Приуральский край. Розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии», составившая 1 том Материалов по археологии Восточных губерний России, изданного в 1893 году в Москве. В Предисловии к этой работе дан обзор изучению вятских древностей с самого начала до 90-х гг. XIX в. Это избавляет нас от повторения истории открытий и исследований, произведенных до начала работ А. А. Спицына. Кроме того, подобный обзор дан в работах А. П. Смирнова и А. Х. Халикова⁴

Все сведения, собранные А. А. Спицыным в его сводной работе и относящиеся к периоду, разбираемому нами, мы учли и использовали в соответствующих разделах

А. А. Спицын считал, что его работа «составляет систематизированный свод всех имею-

3 См. Архипов Г. А. Археология - В кн: "Развитие финноугроведения в Марийской АССР". Йошкар-Ола, 1970.

4 Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949, с. 7 - 11. Халиков А. Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Рукопись, ч. 1, 1966 [Диссертация] Архив ИА АН СССР, Р-2, № 1953

щихся под руками автора сведений по доисторической археологии Вятской губернии». Однако им была предпринята попытка и исторической интерпретации некоторых фактов. В частности, им сделаны некоторые замечания относительно этнической истории марийцев. Он справедливо писал, что "на Вятку черемисы пришли не с севера. . не с запада, а с юга, по преданиям с Волги, по историческим же соображениям через Галицкую дорогу... Черемисы двинулись в землю, уже занятую вотяками, должны были вступить с ними во враждебные отношения и несмотря на сопротивление, оттеснили их далее к р. Вятке, а потом и на другой берег её..". Однако, время появления марийцев на Вятке А. А. Спицын ошибочно относил к более позднему времени - после прихода русских на Вятку. Интересно другое замечание А. А. Спицына, касающееся бассейна Пижмы. Считая Пижму чудской, он отмечает, что "Пижма могла быть заселена и не чепецкою чудью, а например со стороны Ветлуги, но во всяком случае, культура заселившего ее племени аналогична с чепецкою чудью"

Располагая лишь отрывочными данными по археологии Вятского края, А. А. Спицын не мог разработать этническую историю края

В конце XIX - начале XX вв. сбором информации о находках и самих вещах занималась Археологическая комиссия. В ежегодно издаваемых отчетах Комиссии имеются сведения и о находках вещей IX - XI вв на территории Ветлужско-Вятского междуречья.

В 80-х гг у д. Рейчваж (поч. Малозверевский) Шарангского уезда были найдены серебряная шейная гривна, два кремневых наколенника, копья и стрелы, костяная и деревянная трубочки и железная подкова⁶. Гривна "глазовского типа", найденная здесь, датируется X в. В 1889 г эти вещи были доставлены в Вятский губернский статистический комитет, откуда переданы в 1891 году в Государственный Эрмитаж⁷. Более многочисленными были вещи, обнаруженные крестьянином Сидоровым и описанные А. А. Спицыным. Среди них поясные накладки с обрывками кожи, 7 браслетов витых или с украшениями, серебряная гривна «глазовского типа» и др.⁸ К сожалению, эти вещи в фондах музеев Ленинграда и Москвы найти не удалось

Ряд находок отмечается А. А. Спицыным, некоторые из них включены в сводную работу

5 Спицын А. А. Приуральский край. Розыскания с древнейших обитателей Вятской губернии. МАВГР, вып. 1, М. 1893, с. 101

6 ОАК за 1889 г СПб, 1892, с. 93

7 ОИПК Северо-восточный отдел, № 516

8 Спицын А. А. Приуральский край, с. 163

И. А. Талицкой⁹. Интересные вещи были подняты при распашке поля у д. Малые Ключи (на устье Пижмы, близ поч. Расцветаева), в том числе несколько серебряных гривен и серебряная чаша с какими-то изображениями. Из этих находок в Археологическую комиссию были пересланы только гривны¹⁰. Подобные вещи, известные в науке под названием «Ви-харевского клада», найдены на р. Кильмезь, левый приток Вятки¹¹.

В «Каталоге древностей Вятского края» А. А. Спицын упоминает о находках близ д. Чумбары Уржумского уезда (в настоящее время Советский район Марийской АССР) обломков серебряного браслета, колец, целых браслетов и других предметов¹², а также арабской монеты, которая была определена А. Марковым 166 г. х. (782 г.)¹³.

Серебряные гривны «глазовского типа» были найдены недалеко от Нижневотского городища, по ту сторону Немды; на поле д. Б. Тумпурь; около с. Тужи; близ с. Кувшинского. Куча медных блях и котел были найдены в д. Кожы в 6 верстах от г. Яранска и серебряные вещи в д. Новый Починок и др.¹⁴.

Известны многократные находки вещей из могильника у с. Лопьял б. Уржумского уезда (р. Уржумка, Кировская обл.). Первые из них относятся к 1874 г.¹⁵. В 1897 г. по поручению Археологической комиссии С. К. Кузнецов собрал там ряд вещей: браслеты, височные кольца, гривны, бубенчики, серебряные лунницы, пластины, очковидные подвески и др., переданные в Исторический музей¹⁶. В 1904 г. С. К. Кузнецов вторично исследовал этот памятник, заложил небольшой раскоп, но погребений не обнаружил, однако собрал среди местных жителей новые находки: серебряные бляхи, лунницы, обрывки ремня и др.¹⁷.

В 1891 г. был открыт Юмский (Загребинский) могильник местным крестьянином О. А. Загребинным. О находках стало известно А. А. Спицыну, а затем Археологической комиссии. По поручению последней А. А. Спи-

⁹ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы МИА, № 27, М., 1952, с. 22, № 74, с. 24, № 94; с. 26, № 110, с. 27, № 114, 115, 116, 120, с. 28, № 125.

¹⁰ Спицын А. А. Указ соч., с. 102.

¹¹ ОАК за 1890 г. СПб, 1891, с. 117, рис. 69. Смирнов Я. И. Восточное серебро СПб, 1909, табл. XIII, № 117.

¹² Календарь Вятской губернии за 1882 г. Вятка, 1882.

¹³ Марков А. Топография кладов восточных монет. СПб, 1910, с. 7.

¹⁴ Спицын А. А. Указ соч., с. 163.

¹⁵ ОАК за 1874 г., СПб, 1877, с. XXIV. Архив ЛО ИА ф. 1, № 2, 1874.

¹⁶ ГИМ II отдел, инв. № 38852 и 42. Архив ЛО ИА, ф. 5, д. 363, л. 145.

¹⁷ ОАК за 1904 г. СПб, 1907, с. 136—137. ГИМ, II отд., инв. № 43913.

цын в том же году обследовал место находки и нашел «3 узла с вещами»¹⁸. В узлах были различные украшения, остатки меховой одежды, вооружение и предметы конской сбруи. А. А. Спицын описал обряд погребения и пришел к выводу, что эти узлы представляют собой остатки погребений в честь лиц, погибших вдали от места захоронения¹⁹.

В связи с поездкой на р. Юма, А. А. Спицын сделал разведки далее по течению р. Юма к д. Ивки, откуда и ранее были известны находки. В результате он открыл марийское мольбище, синхронное могильникам IX—XI вв. Правда, сам А. А. Спицын не мог, конечно, в то время отнести этот памятник к культовому объекту марийцев, но назначение его, как религиозного обрядового характера, он определил правильно.

В пределах б. Казанской губернии в конце XIX в. были найдены различные вещи у оз. Борисковского у г. Казани. Здесь в 1890 г. было выкопано 2 костяка с вещами: гривны, браслеты, бусины, различные привески и пронизки и др. На место находок в том же году выехал магистр Казанского Университета Н. П. Лихачев, но никаких новых находок не обнаружил²⁰. Вещи были переданы в Казань и в настоящее время хранятся в Государственном музее Татарской АССР²¹.

Первые научные раскопки были проведены В. И. Каменским в 1908 году на «Черемисском кладбище», расположенном на левом берегу речки Луданги, левого притока р. Ветлуги. Материалы раскопок поступили в Музей Антропологии и Этнографии²² и до сих пор не опубликованы. Небольшая информация об этих материалах имеется в «Путеводителе по Музею Антропологии и Этнографии». Этаж III, Зал, 5, Археология», составленном и изданном в 1916 г. в Петрограде Б. Э. Петри.

В археологической литературе существует неправильное мнение, что раскопки на «Черемисском кладбище» в 1908 г. произвел П. П. Ефименко. П. П. Ефименко действительно был на Ветлуге, но обследовал только поздние марийские кладбища у с. Тоншаево и с. Большие Ошкары, материалы которых поступили в Гос. Эрмитаж²³. В «Путеводителе» Б. Э. Петри автором раскопок считается В. И. Каменский (стр. 35). В Отчете Археологической комиссии за 1908 г., в отделе III читаем: «Частным лицам были выданы открытые листы на право

¹⁸ Архив ЛО ИА, ф. 5, д. 86.

¹⁹ ОАК за 1891 г., СПб, 1893, с. 103—106.

²⁰ ОАК за 1890 г., СПб, 1893, с. 66—68.

²¹ ГМТР—6405, колл. оп. ОА—24.

²² МАЭ, Отдел археологии, колл. № 1265—IV (№№ 1—692).

²³ Гос. Эрмитаж ОИПК, колл. оп. 2344 (№№ 1—181) и колл. оп. 2345 (№№ 1—69).

производства раскопок в следующих губерниях и областях:... 6) Вологодской и Костромской губернии—В. И. Каменскому (по поручению антропологического музея АН)... 19) В черемисских могильниках Костромской губернии—П. П. Ефименко (по поручению этнографического отдела Русского музея)».

В МАЭ вместе с коллекционной описью инвентаря «Черемисского кладбища» имеется рукописный текст доклада, с которым В. И. Каменский выступил 11 марта 1909 г. на заседании Историко—филологического отдела. Сам В. И. Каменский намеревался опубликовать статью о раскопках на «Чортовом городище»: «Но раскопки Черемисского кладбища дали мне совершенно особый материал, описание коего составит предмет второй моей статьи о моих раскопках в Ветлужском уезде»²⁴.

Коллекция с «Черемисского кладбища» включена в типологическую классификацию вещей могильников Ветлужско-Вятского Междуречья (см. гл. 1).

После раскопок на «Черемисском кладбище» на интересующей нас территории вплоть до Великой Октябрьской революции археологических работ не производилось.

В 20-х гг. начались раскопки поздних мари́йских кладбищ и других памятников, расположенных на территории расселения древних мари́йцев.

В 1928—1929 гг. были открыты и изучены два могильника IX—XI вв.: на Ветлуге—Веселовский и на Вятке—Кочергинский²⁵. Веселовский могильник первоначально был датирован неточно—XII—XIII вв.

Итоги исследований дореволюционных и советских археологов в Среднем Поволжье были обобщены в работах М. Г. Худякова, А. В. Шмидта²⁶, Ю. В. Готье²⁷, вышедших в 30-х годах.

Первая работа, касающаяся территории Мари́йского края, принадлежит М. Г. Худякову²⁸. Он обобщил и дал историческую интерпретацию материалов, собранных А. А. Спицыным

²⁴ Каменский В. И. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. Сб. МАЭ, т. VII, СПб. 1909, с. 7.

²⁵ Бадер О. Н. 1) Городища Ветлуги и Унжи МИА, № 22, М. 1951. 2) Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, 2. Талицкий М. В. Кочергинский могильник МИА, № 1, М.—Л., 1940. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья МИА № 28, М., 1952, с. 165.

²⁶ Шмидт А. В. Очерки по истории Северо-востока Европы в эпоху родового общества. Изв. ГАИМК, М.—Л., 1935, вып. 106, с. 13—96.

²⁷ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, с. 122—155.

²⁸ Худяков М. Г. Очерк истории первобытного общества на территории Мари́йской области. ИГАИМК, М.—Л., 1935, вып. 141, с. 30 и след.

и последующими исследователями, с привлечением этнографических и лингвистических данных. К сожалению, в своих выводах он больше опирался на этнографические и лингвистические работы. В последних он занимал марристскую позицию, что сказалось отрицательно на его выводах. Это особенно касается II главы «Пережитки родового строя» и в некоторой степени главы III «Эпоха материнского рода» его «Очерков». Последующие главы (IV. «Эпоха отцовского рода» и V. «Эпоха разложения родового общества»), написанные с широким привлечением археологического материала, содержат ряд правильных положений. М. Г. Худяков первый поставил вопрос о занятии древних мари́йцев земледелием и скотоводством²⁹.

Несмотря на некоторые неточности в датировке городищ, исследованных и ранее описанных А. А. Спицыным³⁰, М. Г. Худяков правильно указал на длительное существование большинства из них. Им правильно реконструировано хозяйство населения, оставившего городища и могильники³¹.

М. Г. Худяков близко подошел к истине, говоря, что мари́йцы оформились в юго-западной части территории Мари́йской области³².

Исходя из этого, мы не можем согласиться с А. Х. Халиковым, давшим только отрицательную оценку этой книге. Несмотря на марровские основы этой книги, неудовлетворительность первых двух глав, работа М. Г. Худякова является этапом в историографии мари, представляя в то же время первую сводку археологических материалов после работы А. А. Спицына.

В послевоенные годы, в 1951 г. и 1952 г. по инициативе Мари́йского научно-исследовательского института совместно с Республиканским краеведческим музеем были проведены небольшие археологические работы Р. В. Чубаровой в Горномари́йском районе Мари́йской АССР³³. Эти работы носили рекогносцировочный характер, ими были охвачены памятники с эпохи бронзы до средневековья.

В эти же годы, в 1949—1952 гг. вышли обобщающие работы А. П. Смирнова³⁴, О. Н. Бад

²⁹ Худяков М. Г. Указ. соч., с. 80.

³⁰ Спицын А. А. Привуральский край, с. 143—157.

³¹ Худяков М. Г. Указ. соч., с. 107.

³² Худяков М. Г. Указ. соч., с. 125.

³³ Чубарова Р. В. 1) Археологические памятники на территории Горномари́йского района Мари́йской АССР. Уч. зап. МарНИИ, Йошкар-Ола, 1953, вып. V, с. 177—198. 2) Археологическая экспедиция МарНИИ 1952 г. Там же, с. 285—291.

³⁴ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники на территории Мари́йской АССР, 2) Очерки древней и средневековой истории.

ра³⁵ по древней и средневековой истории Среднего Поволжья.

А. П. Смирнов в двух исследованиях наметил основные этапы развития истории населения Среднего Поволжья и Прикамья. В его работах были привлечены и изучены археологические материалы, касающиеся этой территории. О. Н. Бадер обобщил результаты полевых работ 1925—26 гг. на Ветлуге.

Планомерная, систематическая археологическая работа в Марийской АССР началась в 1956 году, когда была организована Марийская археологическая экспедиция. С первых лет ее работы внимание исследователей обращалось на памятники, связанные непосредственно с марийцами, относящиеся в основном к I и рубежу I и II тыс. н. э. В частности, в 1957 году были произведены раскопки на могильниках Веселовском, «Черемисском кладбище» и Юмском. В 1958 г. были продолжены раскопки на Веселовском могильнике, где выявлено всего 30 захоронений, и 3 погребения вскрыты в том же году на Руткинском могильнике³⁶ и одно погребение обнаружено при раскопках Выжумской стоянки (Выжумский могильник). В 1962, 1963 и 1965 гг. производились раскопки на Дубовском могильнике, давшем 30 погребений. «Черемисское кладбище» дало 29 погребений, Юмский могильник — 12.

Материалы, полученные этой экспедицией, позволили поставить и решить в какой-то степени вопрос о происхождении марийского народа. И в 1965 году Марийским научно-исследовательским институтом была проведена научная сессия по этногенезу марийцев, где были прослежены исторические пути финно-угорских народов в целом и этническая история марийцев³⁷.

Нет необходимости в нашей работе останавливаться на вопросах древнейшей истории финно-угорских народов и их первоначального этноса. Для нас важно отметить, что в настоящее время большинство языковедов и археологов считает, что основная территория обитания и формирования ядра финно-угорского населения находилась в Волго-Камье и прилегающих к этой области районах Среднего Урала (Б. А. Серебренников, Л. Ю. Янитс, П. Н. Третьяков, А. Х. Халиков и др.).

Вопрос о происхождении марийцев в совет-

³⁵ Бадер О. Н. 1) Городища Ветлуги и Унжи 2) Древнее Поветлужье в связи с этногенезом мари

³⁶ Раскопками 1969 и 1970 гг. Руткинский могильник исследован полностью. Большинство погребений относятся к XII—XIII вв. Материалы могильника подготовлены к печати

³⁷ Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии Йошкар-Ола, 1967. Архипов Г. А. Научная сессия по этногенезу марийского народа. СА, 1967, 1, с. 317—321

ской археологической литературе впервые был поставлен А. П. Смирновым³⁸ и О. Н. Бадером³⁹. Позднее А. Х. Халиков предложил этногенетическую схему марийцев⁴⁰, в своей основе близкую к схеме А. П. Смирнова и О. Н. Бадера. В связи с изучением памятников юмского типа эту проблему затронул В. Ф. Генинг⁴¹. И, наконец, некоторые вопросы этногенеза марийцев были подняты в докладе автора на научной сессии по этногенезу марийского народа в 1965 году⁴².

Изучая городища Поветлужья, О. Н. Бадер пришел к выводу, что в I тысячелетии до н. э. рся Ветлуга была занята племенами ананьинской культуры. Однако исследователь считает, что «для Поветлужья можно говорить об особом своеобразном варианте ананьинской культуры⁴³». Общение ананьинского населения Поветлужья с населением Прикамья, основным центром ананьинской культуры, осуществлялось по Волге, где имеются городища Копань и Малахай, которые О. Н. Бадер также считает ананьинскими (нижние слои), ссылаясь на выводы Е. И. Горюновой и Л. И. Варакиной.

Послеананьинский период истории Поветлужья (IV—I вв. до н. э.), по О. Н. Бадеру, представляет «своеобразную племенную культуру, родственную ананьинско-пьяноборской культуре Прикамья»⁴⁴. Около III в. н. э. в Поветлужье появляется плоскодонная керамика (верхний слой Одоевского городища), которая по форме, составу глиняного теста, близка керамике позднелюдовских городищ более западных районов Поволжья. Это свидетельствует, по О. Н. Бадеру, «о проникновении в область левобережья Западного, вероятно, правобережного населения, приведшее здесь и, в частности, в Поветлужье, к смене культурных форм. Время смещения части правобережных племен в области левобережья определяется, вероятнее всего, III в.»⁴⁵ Это наблюдение привело исследователя к выводу, что

³⁸ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники на территории Марийской АССР, с. 83—96 2) Очерки древней и средневековой истории, с. 169—174

³⁹ Бадер О. Н. 1) Городища Ветлуги и Унжи, с. 155. 2) Древняя история Поветлужья, с. 32—33

⁴⁰ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды Мар. АЭ, т. II, Йошкар-Ола, 1962, с. 8—24

⁴¹ Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). В кн. Происхождение марийского народа, с. 52—70

⁴² Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.). В кн.: Происхождение марийского народа, с. 36—52

⁴³ Бадер О. Н. Древняя история Поветлужья, с. 22.

⁴⁴ Бадер О. Н. Указ. соч., с. 29

⁴⁵ Бадер О. Н. Указ. соч., с. 31.

«образование древнемарийских племен (цар-мис), от которых произошел современный марийский народ, восходит к первой половине I тысячелетия н. э. и связано с передвижением части правобережного населения Поволжья в область левобережья, установившим культурную близость и родство населения обеих этих областей, подтверждаемые более поздними достоверно марийскими археологическими памятниками и находящие современное отражение в национальном единстве горных и луговых мари»⁴⁶

О проникновении правобережных племен на левый берег Волги несколько раньше писал и А. П. Смирнов. Характеризуя керамику типа верхнего слоя Одоевского городища, он отметил: «Эта керамика ничем генетически не связана с левобережными городищами Мариинской АССР» и что «весь материал позволяет сделать заключение о проникновении племен правобережья в лесную зону левого берега Волги и ассимиляции с местным населением...»⁴⁷.

Вопрос о происхождении марийцев А. П. Смирновым был поставлен шире, чем О. Н. Бадером, который касался только Поветлужья. По А. П. Смирнову, «вся территория междуречья Ветлуги-Вятки входила в область распространения племен ананьинской культуры»⁴⁸. И ананьинская культура сменилась пьяноборской. В пьяноборское время правобережье Волги в основном продолжали занимать племена городецкой, а левобережье—пьяноборской культур⁴⁹. Однако продвижение городецких племен на левобережья Волги наложило «заметный отпечаток на всю культуру левобережья» и с «городецкими племенами связано все дальнейшее развитие культуры Марийского края»⁵⁰, но «в своей основе мари все же относятся к ананьинско-пьяноборским племенам»⁵¹.

А. П. Смирнов впервые объединил памятники Ветлужско-Вятского междуречья в одну культуру и отнес их к древним марийцам. Им дана первая целостная характеристика материальной культуры, хозяйства и общественного строя марийцев IX—XI вв.

Наконец он указал, что древнемарийская культура имеет некоторые своеобразия в разных районах: Поветлужья, побережья Волги и Вятки⁵².

⁴⁶ Бадер О. Н. Указ соч., с. 33

⁴⁷ Смирнов А. П. Археологические памятники Мариинской АССР, с. 79

⁴⁸ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья МИА, № 95 М 1961, с. 90

⁴⁹ Смирнов А. П. Указ соч., с. 95

⁵⁰ Там же, с. 127

⁵¹ Там же, с. 125

⁵² Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории, с. 167

А. Х. Халиков считает, что в I тыс. до н. э. не только левобережья Волги, но прибрежные районы правобережья также были заняты ананьинскими племенами. По его мнению, в VII—V вв. до н. э. происходит оформление культуры ананьинского населения на Средней Волге и что «бассейн Средней Волги от устья Суры до жигулевского массива был занят группой ананьинских племен»⁵³. К ананьинской культуре он относит Акозинский могильник⁵⁴ и Старший Ачмыловский. Правда, он отмечает, что в этих могильниках встречаются и вещи, характеризующие связи ананьинцев с западными соседями—дьяковско-городецкими племенами

Оформившись в VII—V вв. до н. э., ананьинское население на Средней Волге в V в. до н. э. постепенно исчезает. Это явление А. Х. Халиков объясняет началом концентрации населения в Прикамье и постепенным проникновением городецких племен с запада на восток в Среднее Поволжье, особенно усилившимся в середине I тыс. до н. э.⁵⁶ А. Х. Халиков в этом отношении солидаризируется с В. Ф. Генингом, считающим, что ананьинские племена в это же примерно время покидают Вятку и концентрируются в Нижнем Прикамье, где образуется племенной союз, получивший название пьяноборского⁵⁷.

Однако А. Х. Халиков допускает, что на Ветлуге ананьинское население сохраняется небольшими группами до III в. н. э., когда оно постепенно ассимилируется пришлыми городецкими племенами⁵⁸.

В вопросах определения этнической принадлежности памятников Среднего Поволжья в I тыс. до н. э. нет единого мнения. Мы здесь не будем останавливаться на этом, так как специально разбираем этот вопрос в главе «Этническая история марийцев IX—XI вв.» Отметим только, что в рецензии на II том Трудов Марийской экспедиции рецензент не во всем со-

⁵³ Халиков А. Х. Очерк истории населения Мариинского края, с. 14

⁵⁴ Халиков А. Х. Указ соч., с. 15

⁵⁵ Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х., Халикова Е. А., Хлебникова Т. А. Марийская археологическая экспедиция (1964—1966), V Уральское археологическое совещание (Тезисы докладов и сообщений), Сыктывкар, 1967, с. 108—109

⁵⁶ Халиков А. Х. Указ соч., с. 18

⁵⁷ Генинг В. Ф. 1) Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры ВАУ, вып. 4, Свердловск, 1962, с. 34—50. 2) История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху ВАУ, вып. 10, Свердловск, 1970, с. 126—139. Однако в этой последней работе В. Ф. Генинг «пьяноборскую» культуру назвал «Чегандинской», оставив термин «пьяноборская» для обозначения этнокультурной общности послепьяноборского времени (с. 9)

⁵⁸ Халиков А. Х. Указ соч., с. 18

ласен с А. Х. Халиковым⁵⁹. По нашему мнению, правобережье Среднего Поволжья в I тыс. до н. э. было занято племенами, смешанными в этническом отношении, и что такие памятники, как Акозинский могильник и некоторые городища Чувашии оставлены смешанным городецко-ананьинским населением. Такой вывод был высказан еще А. П. Смирновым в его последних работах⁶⁰.

Если в отношении этнической принадлежности средневожских памятников I тыс. до н. э. нет единого мнения, то о роли городецких племен в этногенезе марийцев исследователи более или менее единодушны (если не считать спорного вопроса о культурной принадлежности городищ Копани, Малахай и др., относимых некоторыми учеными к дьяковской культуре).

Этногенетический процесс в Среднем Поволжье и в Ветлужско-Вятском междуречье в I половине и середине I тыс. н. э. А. Х. Халиковым рассмотрен, по нашему мнению, правильно. И мы в своих работах подтверждаем его выводы анализом археологического материала⁶¹. А. А. Халиков отметил, что в основе древнемарийской культуры лежат городецкая и пьяноборская культуры: «предки древнемарийских племен сформировались в результате развития северных волжских групп позднегородецкого населения при активном участии грикамского позднепьяноборского населения»⁶².

Необходимо остановиться еще на одном вопросе: это—вопросе о меря и мари, возникшем еще в XIX в. и довольно бурно дискутировавшемся в то время. Высказывались различные точки зрения историками, археологами, лингвистами. Они получили широкую публикацию. В настоящей работе нет необходимости перечислять взгляды ученых на эту проблему, они известны специалистам⁶³.

Мы считаем, вслед за А. П. Смирновым и

Е. И. Горюновой⁶⁴, что меря и мари—это разные народы: их культуры возникли на разной основе и имеют разную историю, хотя есть много общих, может быть, и родственных черт между ними. В предлагаемой работе подробно проанализирована материальная культура и этническая история марийцев IX—XI вв. В это время марийцы четко выделяются как самостоятельная этническая группа.

Мы не рассматриваем решение вопроса этногенеза мари лингвистами, антропологами и др. специалистами, так как наша работа построена только на археологическом материале.

Подытоживая обзор состояния вопроса об этногенезе мари, мы можем отметить, что основное направление решения его уже определено исследователями А. П. Смирновым, О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым. Однако, правильные в своей основе выводы не нашли достаточной аргументации анализом конкретного материала. К тому же, к выводу последней по времени работы А. Х. Халикова археологам не были известны памятники V—VIII вв. н. э., связывающие период I половины I тыс. н. э. и IX—XI вв. С открытием в 1962 г. и исследованием Младшего Ахмыловского могильника V—VII вв., проведенного под руководством автора, этот пробел в некоторой степени восполнен.

Основным источником для написания монографии явились материалы раскопок марийских могильников IX—XI вв.: Дубовский, Руткинский, Выжумский, Веселовский, «Черемисское кладбище», Юмский, Кочергинский и Младший Ахмыловский могильник V—VII вв. В эти же годы производились раскопки на городищах I тыс. н. э. Почти все разбираемые памятники изучались при участии или под руководством автора.

В работе использованы материалы предшествующих раскопок могильников Веселовского, «Черемисского кладбища» и случайные находки у д. Борисково, у с. Лопъял, у с. Кантаурово в Горьковской области (см. карту, рис. 2).

При работе над монографией были изучены фонды музеев гг. Москвы, Ленинграда, Горького, Казани, Йошкар-Олы, Чебоксар, Кострома, Ижевска, Перми, Кудымкара, Чердыни и Сыктывкара. Эти фонды имеют разную значимость. Так, если в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде хранятся коллекции с «Черемисского кладбища» раскопок В. И. Каменского в 1908 г., то в Отделе истории первобытной культуры в Государственном

⁵⁹ Могильники В. А. Рец.: «Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II, Йошкар-Ола, СА, 1967, 2, с. 263.

⁶⁰ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. САИ, Д1—14, М., 1965, с. 23.

⁶¹ Архипов Г. А. 1) Марийская археологическая экспедиция 1963 г. Тезисы докладов на научной сессии института за 1963 г. Йошкар-Ола, 1964, с. 17. 2) Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.). Халиков А. Х., Архипов Г. А. Марийская археологическая экспедиция (1960—1965) Труды Марийского института, Йошкар-Ола, 1967, вып. XXII, с. 189 и след.

⁶² Халиков А. Х. Указ. соч., с. 24.

⁶³ В последнее время их привела Е. И. Горюнова в работе «Этническая история Волго-Окского междуречья», МИА, № 94, М., 1961, с. 38—43.

⁶⁴ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники на территории Марийской АССР..., с. 124. 2) Очерки по древней и средневековой истории..., с. 174. Горюнова Е. И. Указ. соч., с. 41.

Эрмитаже сосредоточены в основном случайные находки с интересующей нас территории. Такого же характера материалы по истории мари хранятся в Государственном Историческом музее г. Москвы. В музее г. Ветлуги находятся материалы раскопок 1929 г. на Веселовском могильнике.

В музеях гг. Горького, Казани нами изучались материалы, собранные в разное время (Кантауровский клад, Борисковский могильник и др.). Коллекции музеев гг. Чебоксары, Костромы, Ижевска, Перми, Кудымкара, Чердыни и Сыктывкара использованы для сравне-

ния и сопоставления с нашими материалами, для выделения комплексов, характерных для того или иного района.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность сотрудникам вышеуказанных музеев, способствовавших в работе над фондами.

Нами просмотрены материалы, хранящиеся в архивах Институтов археологии в гг. Ленинграде и Москве, отчеты полевых исследований и рукописные фонды. Часть материала заимствована из публикаций (особенно А. А. Спицына); аналогии подбирались и по опубликованным работам.

Глава I

МАРИЙСКИЕ МОГИЛЬНИКИ IX—XI вв. н. э.

Могильники Ветлужско-Вятского междуречья¹, изученные в разное время и объединяемые нами в одну группу, располагаются в основном на песчаных дюнных всхолмлениях боровой террасы. Территория могильников почти не возвышается над окружающей местностью (рис. 3).

Специфических местных названий могильники не имеют, за исключением «Черемисского кладбища». Это название бытует среди современного русского населения.

Стратиграфия могильников довольно проста: сверху иногда идет надувной песок светло-коричневого цвета мощностью до 60 см; затем погребенный дерн—черный перегной с древесными остатками до 12—13 см толщиной. Ниже—песок разной окраски, иногда с углистыми включениями, до 30 см толщиной. Заполнение могильных ям обычно состоит из этого слоя. Погребения лежат на чистом желтоватом или светло-коричневом песке, чаще без заметных очертаний могильных ям.

Несколько отличается по местоположению Кочергинский могильник. Здесь погребения лежат не на песчаном грунте, а в слое глины с мергелистыми включениями.

За исключением Руткинского могильника, расположенного на берегу Волги², могильники Междуречья находятся вблизи малых рек, являющихся притоками больших (Волги и Вятки).

Почти все могильники располагались по левому берегу рек, является ли это случайностью, сказать трудно.

Итак, говоря о характерных особенностях

¹ В дальнейшем мы будем иногда называть их «могильники Междуречья» или «древнемарийские могильники»

² Как показали раскопки 1969 и 1970 гг., большая часть погребений могильника относится к XII—XIII вв. н.э.

топографии могильников Междуречья, можно отметить следующие черты: 1) расположение их у небольших рек; 2) преимущественно на дюнах боровых террас; 3) незначительное господствующее положение территории могильника над окружающей местностью.

Раскопанные могильники Междуречья невелики и по площади и по количеству погребений. К сожалению, ни один могильник не сохранился в целом виде. В той или иной степени все они разрушены выветриванием или кладонско-кательскими раскопками. Могильники Дубовский, Веселовский³ и «Черемисское кладбище» с учетом разрушений, имели, по-видимому, по 40—50 погребений. Юмский могильник в 1957 г. дал всего 12 погребений, кроме того А. А. Спицыным в 1891 г. были найдены остатки нескольких погребений. 5 погребений вскрыто в 1929—1930 гг. М. В. Талицким на Кочергинском могильнике. По-видимому, этот могильник был вообще меньше остальных, хотя хронологически охватывает IX—XI вв. В 1957 г. Марийской археологической экспедицией были проведены раскопки под руководством В. Ф. Генинга на этом могильнике. Раскопы были заложены на южной стороне оврага (размером 30×9 м) и на северной стороне. Однако, погребений не обнаружено. Их не было и в траншее, заложенной здесь же М. В. Талицким. В 1957 г. удалось установить, что канавки, отмеченные М. В. Талицким, являются обычными промоинами на склоне, образованными, по-видимому, весенними водами. Можно сделать вывод, что могильник исчерпан и что если и были погребения на месте совре-

³ В 1929 г. сотрудниками Ветлужского краеведческого музея было вскрыто 13 погребений. Вещи хранятся в указанном музее. Однако при них нет никакой полевой документации, поэтому нельзя установить погребальные комплексы

менного оврага, то немногочисленные. Следует отметить, что и местные жители не знают о каких-либо находках древних вещей в окрестностях этого могильника. Вещи, находимые лет за 30 до раскопок М. В. Талицкого, были найдены при починке дороги, которая проходила как раз по сохранившейся части могильника (ср. план М. В. Талицкого).

Погребения на всех изученных могильниках обычно располагаются группами на некотором расстоянии друг от друга. На Веселовском могильнике можно наметить 2 группы (рис. 4). В I группу—северную—входит 17—20 погребений. Во II группе—южной обнаружено 26 погребений.

На Дубовском могильнике погребения расположены на двух бугорках песчаной дюны, образуя две большие группы — восточную и западную (рис. 5, 6, 7). В восточной группе (1 раскоп) можно еще выделить несколько групп: I группа объединяет погребения 1, 2, 5; II группа—погребения 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 24, 25, 26, 27; III группа—погребения 7, 8. Часть погребений этой группы разрушена при строительстве дома № 16 и хозяйственных помещений. По-видимому, к погребению 17 примыкали еще погребения, т. к., по словам хозяина дома № 16, на его усадьбе были кости и медные и железные вещи. И, наконец, IV группа в восточной части I раскопа состоит из 3 погребений (28, 29, 30).

В западном, II раскопе предварительно нами было выделено 3 группы⁴. Однако по результатам раскопок 1964 и 1965 годов трудно четко выделить группы погребений (рис. 7), т. к. погребения здесь расположены, в отличие от погребений II группы I раскопа, очень разбросанно. Следует при этом учесть, что раскоп II примыкает к забору усадьбы № 18, где раскопки не производились, но где раньше также выкапывались костяки с древними вещами.

На «Черемисском кладбище» по раскопкам 1957 года выделяются 3 группы (рис. 8); I группа—погребения 2, 7, 9, 10, 11, 12; II группа—погребения 4, 6, 8; III группа—погребения 1, 3, 5, 13. Взаиморасположение погребений, раскопанных в 1908 году, за отсутствием планов установить мы не можем.

В каждой группе погребений имелись как мужские, так и женские костяки, погребенные как обрядом труположения, так и обрядом трупосожжения.

Все захоронения (совершенные как обрядом ингумации, так и кремации) совершались в обычных грунтовых ямах, не сохранивших никаких следов на поверхности. Возможно, в

древности на могиле были какие-нибудь отличительные знаки, не сохранившиеся до нас, т. к. могилы не перекрывали одна другую, за исключением одного случая в Веселовском могильнике (погребения 10 под погребением 4)⁵.

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Для выяснения этнических особенностей древних захоронений большое значение имеет анализ погребального обряда.

В могильниках древних марийцев можно отметить 3 основных типа захоронений: 1) обычное труположение (ингумация); 2) трупосожжение (кремация) и 3) кенотафы.

В процентном выражении соотношение кремации и ингумации выглядит следующим образом. В Дубовском могильнике из 30 погребений обрядом кремации совершены 4 захоронения (погребения 7, 8, 11, 27), т. е. 13,3%, причем, все женские. Одно погребение (22), по-видимому, представляет собой сочетание обрядов кремации и ингумации: в изголовье были остатки угля толщиной в 2—3 см. Сохранились и кости, но очень фрагментарно. Вещей при погребенном не было, поэтому пол не установлен. Обряд одного погребения не установлен, а остальные 25 погребений—труположения.

Веселовский могильник дал 8 трупосожженных (26,6%), 19 труположений (63,3%) и 3 погребения—кенотафы.

Несколько иное соотношение между труположением и трупосожжением по раскопкам В. И. Каменского дает «Черемисское кладбище». Исследователь отметил, что из 16 погребений лишь 4 совершены обрядом ингумации. Однако, по данным коллекционной описи (1265—IV) обрядом трупосожжения погребены 9 захоронений, труположений—4 и неопределенных 3. В таком случае, процентное выражение соотношения труположения и трупосожжения выглядит так: трупосожжения—56,8%, труположения—22,2%. По нашим же раскопкам в 1957 году из 13 погребений только 3 трупосожжения, а остальные 10—труположения. Если мы подсчитаем данные раскопок 1957 года отдельно, то картина получается близкая к Дубовскому и Веселовскому могильникам: т. е. труположение составляет 76,9% и трупосожжение—около 23%.

Отсутствие полевой документации научного счета о раскопках 1908 года и несовершенство методики раскопок лишает возможности использовать результаты работ В. И. Каменского

⁴ Архигов Г. А. Дубовский могильник. (Раскопки 1963 г.). Труды МарНИИ, Йошкар-Ола, 1964, вып. XIX, с. 174.

⁵ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья Горький, 1960, с. 44.

го и приходится ориентироваться на данные только наших раскопок. Отметим, что некоторые погребения, отнесенные В. И. Каменским к трупосожжению, вызывают сомнения (например, погребение IV).

1. *Обряд труположения.* При труположении могильная яма вырывалась обычно в соответствии с ростом покойника; в тех же случаях, когда в изголовье или в ногах ставили ритуальные вещи, яма увеличивалась в длину.

Размеры могильных ям при обряде труположения нами сведены в таблицу. Наиболее полные и достоверные данные мы имеем по Веселовскому могильнику, где в таблицу включены 20 погребений из 30. Также дана таблица с данными глубины 26 погребений Дубовского могильника и 9 погребений Черемисского кладбища.

Таблица А

Распределение погребений Веселовского могильника по величине могильных ям

Длина в см	Ширина в см	Номера погребений Глубина в см			Всего
		до 50	51—70	71—100	
до 50	51—80		8		1
151—200	до 50				
	51—80	6	11	15	3
201—220	до 50				
	51—80	2	4, 5, 10		6
221—250	до 50				
	51—80	25		13	2
251—280	до 50				
	51—80		16		1
Не установлен.		3,9	1, 22, 27	30	7
			28		
Всего.		5	12	3	20

Примечание: Мужские погребения выделены жирным шрифтом

Таблица Б

Распределение погребений могильников Дубовского и «Черемисского кладбища» по глубине могильных ям

Глубина в см	Дубовский могильник	Всего	«Черемисское кладбище»	Всего
до 50	21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29	9	1, 5, 8, 9	4
51—70	4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 20, 30	12	3, 4, 6, 7, 13	5
71—100	3, 8, 14, 17, 19	5		
Всего:		26		9

Примечание: Мужские погребения выделены жирным шрифтом.

Как видно из таблиц А и Б, большинство могильных ям имеет размеры 201—220 см в длину, 51—80 см в ширину и глубину 51—70 см. Относительно глубоких могильных ям (71—100) в Веселовском могильнике всего 3 погребения, в Дубовском—5 и на «Черемисском кладбище» ни одного. Из таблиц также видно, что размеры и глубина ям не зависят от пола погребенных.

Остатков деревянных гробов не обнаружено. Однако часто дно могильной ямы застилалось досками или лубом, на которые иногда расстилали мех, войлок или ткань. При раскопках удалось проследить подстилку в следующих погребениях Дубовского могильника: 3, 11, 12—13, 14, 18, 20, 23, 24, 25. В Веселовском могильнике подстилку имели погребения 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16. Почти во всех случаях остатки луба, меха или войлока были прослежены сверху погребенных. Незначительные остатки меха наблюдались в «Черемисском кладбище». Для Кочергинского могильника это явление отметил М. В. Талицкий⁶.

Особо следует отметить несколько случаев покрытия лица холстом (мужское погребение 5 Веселовского могильника) и шелком (женские погребения 12 и 16 Веселовского могильника), сохранившимися весьма фрагментарно.

Таблица В.

Положение рук захороненных в Дубовском могильнике

П о л	Обе руки вытянуты вдоль тела	Правая рука согнута	Левая рука согнута	Обе руки согнуты	Всего
Мужские	3	3	2	1	9
Женские			2	2	4
Подростковые	1	1		1	3
Неопределенные				2	2
Всего	4	4	4	6	18

Таблица Г.

Положение рук захороненных в Веселовском могильнике

П о л	Обе руки вытянуты вдоль тела	Правая рука согнута	Левая рука согнута	Обе руки согнуты	Всего
Мужские			2	2	4
Женские	3	3		3	9
Подростковые				2	2
Всего.	3	3	2	7	15

⁶ Т а л и ц к и й М. В. Кочергинский могильник МИА, № 1, 1940, с. 164.

По-видимому, мы можем считать обычными подстилки и покрытия трупа лубом, войлоком или тканью.

Умершие в яме лежали вытянуто на спине (рис. 9, 10) Различались лишь положения рук. Данные о положении рук по Дубовскому и Веселовскому могильникам сведены в таблицу.

Из таблиц В и Г видно, что из достоверно установленных положений рук (было 18 по Дубовскому и 15 по Веселовскому могильникам) преобладающим является положение обеих рук в согнутом виде: на 33 погребения их 13; 7 погребений имеют вытянутые руки вдоль тела и 6 погребений с согнутыми левыми руками. Таким образом, мы не можем говорить о закономерности в положении рук, отметив, однако, преобладание положения обеих согнутых рук. Точно также нет закономерности для положения рук мужских и женских погребений.

К сожалению, не все изученные погребения дали возможность определить ориентацию головой в градусном выражении. Нами составлена диаграмма ориентации могильных ям и костяков по данным 74 погребений, что составляет около 76,3% разбираемых нами могил. Ориентация погребений также не зависит от пола и возраста погребенного, что видно из таблицы Д.

ОРИЕНТАЦИЯ ПОГРЕБЕННЫХ

По Дубовскому могильнику

ПОЛ	С	СЗ	З	ЮЗ	СВ
Мужские	1	9			1
Женские		12			2
Неопредел.		2			
Всего:	1	23			3

По «Черемисскому кладбищу»

ПОЛ	С	СЗ	З	ЮЗ	СВ
Мужские	2	1			2
Женские	3	2	1		
Неопредел.	1				
Всего:	6	3	1		2

На Кочергинском могильнике все 5 погребений ориентированы на СВ, из них 2 труположения: мужское и ребснка.

Суммируя данные таблиц. можно отметить, что Северная ориентация с отклонениями на З и В составляет 68 погребений (или 91,8%) и 6 погребений на З и ЮЗ (или 8,1%). На С и СЗ ориентированы 64,8% всех погребений. Исходя из этого, можно считать для могильников

Междуречья характерным преобладание северо-западной ориентации.

Если рассматривать количество погребенных, ориентированных в ту или иную сторону по могильникам, то получается следующая картина. В Дубовском могильнике явное преобладание северо-западной ориентации и лишь 3 погребения имеют северо-восточную (см. диаграмму рис. 11). К Дубовскому могильнику в этом отношении приближается «Черемисское кладбище» (см. таблицу Д). Веселовский могильник в отличие от них имеет больше могил, ориентированных на СВ, а погребения Кочергинского могильника все ориентированы на СВ. И в погребальном инвентаре наблюдается некоторое отличие Вятских могильников (Юмского и Кочергинского) от Ветлужско-Волжских (Дубовского и «Черемисское кладбище»). Веселовский могильник вообще выделяется обилием погребального инвентаря и его разнообразием, являя собой пример синтеза материальной культуры Вятско-Камского и Ветлужско-Волжского бассейнов, что будет нами рассмотрено в III главе.

В погребении 15 Дубовского могильника череп был чуть повернут к западу.

Отметим еще следующую черту погребального обряда. В могильниках Дубовском (пп. 15.

Таблица Д.

ГОЛОВОЙ:

По Веселовскому могильнику

ПОЛ	С	СЗ	З	ЮЗ	СВ
Мужские		3	1	4	2
Женские		10			6
Неопредел.					
Всего:		13	1	4	8

По Юмскому могильнику

ПОЛ	С	СЗ	З	ЮЗ	СВ
Мужские					1
Женские		1			
Неопредел.					1
Всего:		1			2

16 и 30) и Веселовском (пп. 4, 5, 6, 12, 13, 14, 16, 25, 27) при труположении встречены клады в головах и в ногах (погребение 10 Веселовского могильника). В Веселовском могильнике клад обнаружен в двух мужских (пп. 5 и 14) и в женских погребениях (пп. 4, 6, 10, 12, 16, 27). В Дубовском могильнике в двух мужских (пп. 15 и 30) и в одном женском

Таблица Е

Состав кладов вещей при погребениях Веселовского могильника.

Погребения	П о л	Где лежат вещи	Гол. цепочки	Височ. кольца	Серьги	Гривны	Ожерелья	Наряд. укрощ.	Сюльгамы	Браслеты	Перстни	П о я с	Кошелек	Обувь	Н о ж	Копье	Стрелы	Ш и л о	Топор	Котел	Крес. медное	Гребни	Копышки	Дер. сосуд	Осекок	Форма д/лнтя	Тесло	Тигель	Кост. дожка	Пряслище	
4	жен.	костяк клад	+	+	+	+	+	+		++	++	+		+	++			++	+	++	+										
5	муж.	костяк клад		++	+	+	+	+	+	++	++	+	+	+	++	+	+	++	+		+										
6	подр	костяк клад	++	+				+		+	++	+	+	+	++				+			+			+	+					
11	жен	костяк клад						+		+	++				+													+			
12	жен	костяк клад	+	+		+		+		+	++	+		+	++			+	+		×		+		+	+					
14	муж	костяк клад								+		++	+		+		+		+	+	+	+		+							
16	жен.	костяк клад	+	+	+	+	+	+	+	+	++	+			++			++	+		+		++		+	+	+				
27	жен.	костяк клад	+	+			+				+			+	+					+		++	++			++	++				++

(п. 16). В других могильниках Междуречья их нет

Вещи нередко складывались в берестяной короб. Составклада можно проанализировать, исходя из таблицы Е, где крестиками обозначены вещи, встречающиеся в кладах и при костяке.

Из таблицы видно, что мы не можем выделить вещи, встречающиеся только в кладах. Как правило, это вещи тех же типов, которые есть при костяках

2 *Обряд трупосожжения* представлен несколькими вариантами. Первый вариант. Обожженные кости располагались кучей в области предполагаемой груди. Часть вещей клалась вместе с косточками, часть располагалась в порядке, обычном при трупоположении. Форма и размеры могильных ям соответствуют могильным ямам при трупоположении. Примером подобного обряда является погребение 1 Кочергинского могильника⁷. Остатки кремации лежали в яме размером 175х45 см подпрямоугольной формы. На дне ямы местами сохранились куски сосновых строганых досок (2), по-видимому, подстилавших все погребение и покрывающих его сверху. В яму была положена полностью меховая шерстяная одежда. Вещи располагались следующим образом. Пояс огibal кругом меховую одежду. На поясе, по-видимому, был колчан со стрелами. Чуть ниже лежал железный нож. В области предполагаемой груди и чуть выше головы, в складах одежды, были браслеты. Еще выше лежали остатки нагрудного украшения, соответствующие, по-видимому, кладу при трупоположениях.

К этой же группе относятся погребения 2 и 4 того же могильника⁸, погребение 7⁹, 23 и 24 Веселовского могильника. В погребении 24 Веселовского могильника обожженные кости сложены двумя кучами, причем в области предполагаемой головы их меньше (рис. 12—2).

Второй вариант. Остатки сожжения, состоящие из кальцинированных костей и угля, располагались вытянуто в большей части ямы. Остатков одежды нет. Украшения (серьги, браслеты) и орудия труда (нож) располагались в соответствующих местах. Примером подобного захоронения является погребение 27 Дубовского могильника (рис. 13—3).

На «Черемисском кладбище», судя по описанию, данному В. И. Каменским в 1908 г.,

большинство захоронений в основном были совершены по второму варианту¹⁰. Его описание не относится к какому-либо одному погребению, а как бы суммирует его наблюдения. Планов погребений у В. И. Каменского нет, он приложил к отчету лишь один рисунок, отметив «для полноты впечатления пришлось соединить два погребения вместе, взаимно друг друга дополняющие». Этот рисунок мы и приводим (рис. 13—1).

Третий вариант обряда трупосожжения представлен несколькими погребениями Дубовского (пп. 8, 11), Юмского (п. 6) и Веселовского (п. 26) могильников. Вещи в погребениях этого типа расположены компактно в одной куче вместе с остатками кальцинированных костей, золы и угля и лежат, как правило, в беспорядке (рис. 12—3). В погребении 8 Дубовского могильника кости и вещи лежали двумя кучами. Близок к этому обряду и у погребения 17—18 Веселовского могильника.

Трупосожжение совершалось не в могильной яме, а в специальном месте, в пределах могильника. Такая кремационная яма была обнаружена на Юмском могильнике в 1957 году. На глубине 40 см от поверхности она имела размеры 300х250 см. Ее заполнение состоит из красного прокаленного песка, прослеженного до глубины 110 см. В центре ямы в восьмеркообразном углублении размером у верхнего края 210х100 см (рис. 13—4) на глубине 65—110 см находилось скопление углей. Над ямой на глубине 30 см лежал глиняный сосуд вверх дном.

Труп на костре сжигался без вещей и, по-видимому, без одежды, так как вещи не несут следов действия огня, одежду сожженного клали вместе с погребальным инвентарем.

Очевидно, и на других могильниках были подобные ямы.

Кремационная яма была обнаружена раскопками Е. И. Горюновой на Муромском могильнике¹¹.

3 *Кенотафы* встречены в «Черемисском кладбище» в раскопках 1957 г. (2 случая), в могилах 19, 20, 21 Веселовского могильника (рис. 14). Здесь мы имеем лишь вещи, сложенные компактно без костей. Основные черты этого типа погребений заключаются в следующем: а) вещи, в основном украшения, завернуты в одежду, б) поверх завязывались ремнем, в) весь комплекс прикрывался сверху деревянной или металлической чашей. Иногда вещи клались в берестяной туесок или деревянный боченок, в некоторых случаях все это прикрывалось железным котлом.

⁷ Талицкий М. В. Указ соч. с. 160.

⁸ Там же.

⁹ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ соч. с. 40.

¹⁰ МАЭ. колл. 1265—IV.

¹¹ Горюнова Е. И. Муромский могильник, КСИИМК, 1953, вып. 52 с. 36.

* * *

Почти все погребения сопровождаются погребальным инвентарем. По всем данным, погребенные одевались в лучшие костюмы со всеми украшениями. Расположение украшений на костяке соответствует положению их при похоронах.

Преобладают украшения костюма, головы, рук и ног. Они составляют основную категорию инвентаря. Другая категория вещей—орудия труда и оружие. Чаще всех встречаются ножи, затем топоры, шилья, тесло. Из оружия сравнительно много железных наконечников стрел, мало наконечников копий и единицы боевых топоров.

Ножи чаще всего располагались в области таза. При жизни они, по-видимому, подвешивались к поясу слева или справа¹². Иногда ножи встречаются и в области нижней части живота. Вместе с ножом встречаются и шилья. Место топоров чаще в ногах, реже у головы. Иногда они встречены на правой или левой голени. И, как исключение, в погребении 30 Веселовского могильника топор был слева у пояса. Тесло обычно бывает в нижней половине костяка—у голени или бедра.

Мечи или сабли нами не найдены. В 1891 году А. А. Спицын нашел одну саблю в ножнах с серебряной оправой с изображением животных¹³.

Редко встречаются наконечники копий. Большая часть их добыта раскопками «Черемисского кладбища» в 1908 г., поэтому мы не можем сказать точно их местоположение. Как правило, копыя лежат в ногах или у черепа, что, по-видимому, зависело от длины древка копья.

Стрелы встречаются часто. Большая их часть была в колчане, который лежал в области бедра. Поэтому наконечники стрел чаще всего были находимы у колен, чуть выше или ниже, т. е. стрелы в колчане лежали наконечниками вниз.

Боевые топоры редки и лежали обычно в ногах или у головы.

Бытовые предметы располагались в области пояса. Кошельки, кресала, копоушки встречаются в области таза с обеих сторон. Иногда кошельки лежали под тазовыми костями. Кресала встречены и в области груди, так же как и копоушки. Они входили в состав ожерелья и служили украшением.

Гребни, как правило, лежали в области пояса и, по-видимому, привешивались к ремню.

Кремни, трут и трубочки для него нередко были в кожаных кошельках. В погребении 15 Веселовского могильника в кошельке лежали 3 сосновые заостренные палочки.

¹² Здесь мы не берем во внимание инвентарь кладов.

¹³ ОАК за 1891 год. СПб, 1893, с. 104, рис. 87.

Глиняные сосуды в могилах редки и можно считать, что они не характерны для разбираемых могильников.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА

Могильники Междуречья дали богатый погребальный инвентарь, состоящий из различных украшений, орудий труда, оружия и бытовых предметов. Наиболее многочисленны украшения. Для выявления разнообразия их типов даем классификацию, основанную на анализе формы и материала. При этом мы ставили целью, во-первых, выделить типы вещей, характерные только для древних марийцев, во-вторых, определить по возможности общефинно-угорские типы и, в-третьих, проследить пути культурных контактов древних марийцев.

Работа по классификации вещей необходима потому, что без выявления комплекса вещей, характерного для могильников Ветлужско-Вятского междуречья, трудно было бы прийти к какому-либо выводу относительно этнической принадлежности этих памятников и этногенеза марийцев. Привлечение этнографического материала и данных раскопок марийских кладбищ XVI—XVIII вв. дало возможность установить этническую принадлежность рассматриваемых могильников. При этом в основу сопоставлений были положены женские украшения в их развитии.

УКРАШЕНИЯ

Головной убор и украшение головы. Нередко в погребениях древнемарийских могильников встречались остатки мехового головного убора и покрывала из шелка и холста.

Основной вид женского украшения головы—венчик в налобной части и медные цепочки.

Венчик (или налобная повязка) состоял из жесткой основы (луб или береста), обернутой кожей и украшенной различными накладками (рис. 15—9,10). Длина повязок в пределах 15—20 см, при ширине до 3 см. Венчик завязывался шнурками сзади на затылке.

Накладки на повязке прямоугольной формы, пластинчатые или из гладкой медной или серебряной проволоки; иногда проволока имитирует сложное плетение.

Налобные повязки встречаются обычно вместе с головными цепочками, однако последние нередко находятся и отдельно.

Головная цепочка (рис. 15—1,2) состояла из обычных проволочных звеньев овальной или круглой формы, нередко звеньями из тонкой проволоки в 2—3 оборота, что придавало цепочке определенное изящество. В одном случае цепочка состояла из плетеной проволоки

В-образной формы (погребение 5 Веселовского могильника).

Поскольку головная цепочка одевалась выше налобной повязки в несколько оборотов (от 2 до 7), то она имела значительную длину. Например, в погр. 12 Веселовского могильника цепочка была длиной 396 см. Однако, цепочки, по-видимому, не всегда наматывались вокруг головы, но имели и более сложное оформление. Так, в погребении 4 Юмского могильника было три цепочки: одна простая длиной 105 см, вторая скрепленная в кольцо с общей длиной в 162 см, на протяжении 7 см была двойной. Третья, с бубенчиками на концах, имела длину 75 см (100 звеньев); около концов цепочка стягивалась другой цепочкой длиной в 43 см (62 звена). В погр. 7 того же могильника одна цепочка имела в длину 175 см, вторая, скрепленная в кольцо,—55 см. К сожалению, не удалось проследить первоначальное расположение этих цепочек на черепе. Они всегда лежали или в куче у черепа, или часть вокруг черепа, а часть рядом с черепом, по-видимому, свалившаяся.

Головные цепочки всегда имели привески: сбоку позади ушных раковин и на затылке. Цепочки—привески оканчивались на затылке бубенчиками или цельнолитыми «пуговками». Длина затылочных привесков небольшая—3—4 звена, т. е. 4—5 см. Привески сбоку были длиннее—до 10—15 см, оканчивались также бубенчиками или другого вида привесками. Нередко рядом с этими цепочками по вискам шли кожаные шнуры с нанизанными на них медными спиральками, изображениями уточек (костяных), коготками рыси.

Головные украшения описанного типа характерны для поволжских финнов. У восточных финнов, в Прикамье и Приуралье, в IX—XI вв. они почти неизвестны.

Для сравнения возьмем в основном памятники, синхронные рассматриваемым нами, т. е. IX—XI, XII веков, иногда удревяя дату с целью выяснения истоков этих форм.

Для мордовских племен IX—XI вв. характерна также налобная повязка (венчик). Она довольно подробно описана в специальных и общих работах. У мордвы в женских погребениях часто встречались бронзовый или серебряный венчик из трубчатых пронизок и обойм со штампованным орнаментом; он представлял собой чаще всего налобную часть убора¹⁴.

¹⁴ Алихова А. Е. 1) Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н. э. СА, 1958, 2, с. 71, рис. 1—15; 2) Мордва и Муром. КСИИМК, XXX, 1949, с. 26, рис. 3—1; 3) Из истории мордвы конца I и начала II тыс. н. э. В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник, II, Саранск, 1959, табл. 1—16, 31.

А. Е. Алихова считает, что подобный тип головного убора у мордвы появляется примерно с VIII в. У марийцев IX—XI вв., как можно судить по описанному выше, венчики несколько другого типа, но принцип оформления тот же, что и позволяет нам сопоставить их. Повязки, подобные мордовским, были характерны и для марийцев более раннего времени—V—VII вв. (Младший Ахмыловский могильник, погр. 88.)¹⁵. Это сближает Младший Ахмыловский могильник с одновременными могильниками пензенской мордвы типа Армиевского¹⁶. По-видимому, время появления венчиков подобного типа следует считать не VIII век, как это предлагает А. Е. Алихова, а несколько раньше V—VII вв. н. э.

Налобная повязка встречается и в муромских погребениях. Наиболее изученными являются Подболотьевский¹⁷ и Малышевский¹⁸ могильники. Могильники эти одновременны и датируются в пределах VI—XI вв. (А. П. Смирнов считает возможным удревянить Подболотьевский могильник до V в. н. э.)¹⁹.

Исследователь Подболотьевского могильника В. А. Городцов головные венчики называет широким головным ремнем или венчиком²⁰. Там налобная часть часто состояла из двух ремней—широкого со спиральными пронизками и обоймами и узкого, украшенного спиральками и обоймами и нередко еще небольшими трапецевидными подвесками, а иногда и шумящими подвесками с трубчатой основой²¹. Сходные головные венчики встречались и в Малышевском могильнике²².

Подразделение муромских погребений на хронологические этапы проведено А. Ф. Дубыниным на материалах Малышевского могильника.

По А. Ф. Дубынину венчики и ремни в погребениях Малышевского могильника характерны для стадии В (VIII в.—первая половина IX в.) и С (Вторая половина IX—первая половина X в.). В стадии С головной убор

¹⁵ См. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1963 и 1964 гг. Архив ИА, Р—1, № 2684 и № 2901.

¹⁶ Рыков П. С. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, с. 7.

¹⁷ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. Древности, т. 24, с. 40—216.

¹⁸ Дубынин А. Ф. 1) Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, вып. XXVII, с. 91—96. 2) Малышевский могильник. КСИИМК, 1949, вып. XXV, с. 134—136.

¹⁹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, МИА, № 28, М., 1952, с. 146.

²⁰ Городцов В. А. Указ. соч., с. 57—58.

²¹ Там же.

²² Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб, 1901, с. 45, табл. XXVII—I, 3, 6.

достигает полного расцвета²³ и становится характерным этническим признаком муромы. В погребениях стадии С₂ (вторая половина X—начало XI в.) головные уборы уже отсутствуют.

Головные венчики, аналогичные вышеописанным, встречаются в могильниках Кошибеевского типа (погр. 42 Кошибеевского могильника)²⁴, а также в Борковском и Кузьминском²⁵. В последнем встречаются и двойные венчики, характерные для муромских погребений²⁶.

Для муромы характерны еще двойные головные жгуты из конского волоса, обвитые медными спиральками. Они располагались обычно над головой в виде дуги²⁷. Близкие по форме уборы встречаются в Кошибеевском могильнике²⁸.

В древнемарийских могильниках IX—XI вв. жгуты не встречаются. Но раньше марийские женщины изредка имели такие украшения. Например, в Мл. Ахмыловском могильнике (погр. 45,91) обнаружены жгуты из конских волос, обвитые также медными спиральками, а на концах жгутов у висков имелись крестообразные фибулы, как и в Подболотьевском могильнике²⁹.

В нашем распоряжении мало могильников, оставленных мерей. Известные в литературе могильники мерей VI—XI вв. (Хотимльский, Холуйский, Подольский и др.) дали мало погребений и публикация их не осуществлена. Судя по сводным работам (Е. И. Горюновой) меря не имели такого типа головного убора, хотя общие черты в украшении головы между марийцами и мерей есть (височные кольца). Привлечение же материалов Владимирских и Костромских курганов ничего не дает, т. к. они в основном относятся к последующим векам—XII—XIV. А в это время венчики и цепочки как головные украшения не встречаются ни у мордвы, ни у муромы и мари.

Височные кольца. Все кольца из круглой серебряной или медной проволоки. Преобладают кольца из гладкой проволоки (группа А). меньше—кольца из двух перевитых проволок (группа Б).

²³ Дубынин А. Ф. Малышевский могильник, с. 135.

²⁴ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 15.

²⁵ Там же, с. 33.

²⁶ Там же, табл. XIX—10.

²⁷ Городцов В. А. Указ. соч., с. 56, рис. 47,61 и др.

²⁸ Спицын А. А. Указ. соч., с. 7.

²⁹ Городцов В. А. Указ. соч., с. 133, погр. 220, рис. 60. Между прочим, это погребение одно из богатых женских погребений и одно из ранних—V—VII вв. по А. П. Смирнову, т. е. по времени соответствует Мл. Ахмыловскому могильнику.

Кольца группы А. Делятся на типы по форме концов.

I тип—кольца с многогранным или утолщенным отогнутым наружу концом и чуть заостренным или отрубленным другим. Этот тип имеет четыре разновидности: а) кольца с многогранной головкой, напоминающей головку гривны «глазовского» типа, которые иногда называют еще «колбочкой»—14 экз. (рис. 16—1); б) вторая разновидность отличается меньшим количеством граней и можно назвать плоскомногогранной—10 экз. (рис. 16—2); в) головка имеет, в отличие от первых двух разновидностей, круглую форму и напоминает шляпу гвоздя—4 экз. (рис. 16—3); г) отогнутая головка круглая или овально-вытянутая—6 экз. (рис. 16—4).

II тип—кольца с отогнутым концом без какого-либо утолщения—4 экз. (рис. 16—5).

III тип—кольца с завитками наружу на одном конце—10 экз. (рис. 16—6).

IV тип—а) с завязанными концами—2 экз. (рис. 16—7) и б) чуть заостренные концы заходят друг за друга и перевиты тонкой медной проволокой—2 экз. (рис. 16—7). Возможно, эта разновидность является переходной к первой разновидности (а) этого типа.

Кольца группы Б (рис. 16—8) состоят из двух круглых переплетенных проволок с завязанными концами. Его разновидностью является кольцо из одной круглой проволоки, которая перевита на всем протяжении кольца. Концы завязаны. Височных колец этой группы 2 экз.

К височным же украшениям следует отнести костяные круглые диски под височными кольцами. Диски орнаментированы концентрическими кружочками (рис. 16—9).

Кольца I и II типа являются специфическими для могильников Междуречья и не имеют аналогии в других районах.

Третьему типу височных колец соответствуют кольца из костромских памятников рубежа I и II тыс. н. э.³⁰ Подобные кольца изредка встречаются в Приладожских³¹ и во Владимирских³² курганах, хотя имеются у них значительные отличия.

Кольца с одним закрученным концом являются характерными для костромского Повольжья, где они встречаются в большом коли-

³⁰ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенных летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, М., 1899, табл. 1—1.

³¹ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб, 1895, рис. 8. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, вып. 94, М.-Л., 1934, табл. XII—8; XIII—18.

³² Спицын А. А. Владимирские курганы. ИАФ, СПб, 1905, вып. 15, рис. 130.

честве в курганах³³. В других же районах они единичны, на что указал еще А. А. Спицын³⁴.

Серьги, являющиеся нередкими находками (53 экз.), по форме делятся на 4 типа.

I тип—круглопроволочные подтреугольной формы—14 экз. Имеет 2 разновидности: а) стык находится сбоку (рис. 17—3, 4, 5); Из 8 экземпляров этой разновидности 7 имеют петельные изгибы в нижней части (рис. 17—4, 5); б) стык снизу—6 экз. На некоторых имеется многогранное утолщение на одном конце (рис. 17—1, 2).

Размеры серег этой группы 3—4,5 см в длину, ширина у основания—1,8—3 см.

II тип—кольцевые, круглые в сечении—16 экз. (рис. 17—6—13). Разновидности их: а) цельнолитые гладкие (рис. 17—6) и витые в утолщенной части (рис. 17—7); б) серьги медные с металлическими (серебряными и медными) напускными бусами (рис. 17—11—13). Количество бус от 1 до 3; в) серьги подобные же, но без бус (рис. 17—8—10).

III тип—так называемые калачевидные (рис. 17—14—18). Из 8 экземпляров 6 серег из серебра, 2 из меди. Серебряные иногда имеют позолоту (2 экз.). Расширенная часть некоторых экземпляров ornamentирована точечным или кружковым штампом (рис. 17—18) или прочерченными зигзагообразными линиями (рис. 17—16).

IV тип—серьги с овальным, слегка расширенным внизу кольцом, к которому снизу прикреплена гроздевидная привеска, а в верхней части кольца—чуть сбоку—литые шарики пирамидкой (рис. 17—19—23). Всего таких серег 15 экземпляров целых и 2 обломка. Имеются две разновидности этого типа: а) цельнолитые вместе с привесками (рис. 17—19). Как правило, подобные серьги имеют гроздевидные привески в виде небольших цельнолитых шариков или бипирамидальной формы имитации зерни. Во внутренней части кольца также имеются небольшие пирамидки из шариков; б) составные, с полыми бусинами в качестве привесок (рис. 17—20—23).

Как видим, серьги довольно разнообразны. Однако, ареал этих типов в основном совпадает. Серьги I, III типов характерны в основном для финноугорского населения западнее Урала³⁵. Серьги II типа представляют собой раз-

новидность серег с напускными бусами славянского мира³⁶. Серьги IV типа, по-видимому, исходными формами имеют салтовские серьги, но очень сильно видоизмененные. Близкие серьги есть в Прикамье (д. Мальцево, д. Горд-Кушет, Загарье)³⁷; и на Чепце³⁸.

Шейные украшения, встречающиеся как в мужских, так и в женских погребениях, представлены двумя категориями—гривнами и ожерельями. Последние встречаются реже, чем первые.

Гривны. Одной из распространенных и частых находок являются шейные гривны. В некоторых захоронениях были по 2 экземпляра. Гривны изготовлены из серебра, меди или бронзы и железа. Серебряных гривен 26 экземпляров (группа А), медных и бронзовых—7 (группа Б) и железных—1 экземпляр (группа В).

Гривны группы А. Тип А1—24 экз. Гривны круглопроволочные с косой витой нарезкой, прерывающейся в средней части. Концы оформлены в виде многогранных головок или многогранной головки и петли. Сердняя часть этих гривен несколько утончается (рис. 18—1). В археологической литературе подобные гривны получили название «глазовского типа», т. к. по данным Т. И. Арне³⁹, такие гривны наиболее распространены в б. Глазовском уезде (более 100 экземпляров). Диаметры этих гривен различны—от 15—16 до 20—23 см. А гривна из Вихаревского клада в диаметре—31,5 см. Вес их также различный. Например, гривны из Веселовского могильника весят—одна 210,02 гр. другая—257 граммов. Гривны из Юмского могильника весят—86,22 грамма (п. 5), 83,93 г (п. 7) и 209,04 г с участка раскопа.

Тип АII—2 экз. Круглопроволочные, в средней части прокованы в четырехгранный дрот и перевиты (рис. 18—2).

Гривны этой группы встречаются, кроме

Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, ВАУ, вып. 3. Свердловск, 1962, табл. 1—1, 4, 5. Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, рис. 4—5. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, рис. 21—3. Кабинет археологии КИЯЛИ АН СССР, коллекции Танкеевского могильника (пп. 68, 99, 100, 171, 462, 503, 571). Оборин В. А. Баяновский могильник на р. Косье. Уч. зап. Молотовского Гос. Универс., т. IX, Харьков, 1953, вып. 3.

³⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы. ИАК вып. 15, СПб, 1905, с. 139.

³⁷ Спицын А. А. Указ. соч., табл. VII—6, 7, 8. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Указ. соч., рис. 21—4, 5. Кабинет археологии КИЯЛИ АН СССР, колл. Танкеевского могильника (пп. 97, 128, 151, 176 и др.).

³⁸ Генинг В. Ф. Указ. соч., табл. 1—9, 10, 11, 15.

³⁹ Arne T. I. La Suède et l'orient. Upsala, 1914 c. 9.

³³ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГР, М., 1899, вып. III, с. 245, 246.

³⁴ Спицын А. А. Дополнительные замечания (к раскопкам Н. Е. Бранденбурга курганов в южном Приладожье), МАР, № 18, с. 143—154.

³⁵ Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплсуховых. МАР, № 26, СПб, 1902, табл. VII—4, 5, 9 (д. Михалево, Горд-Кушет, с. Рождественно).

указанного Глазовского уезда⁴⁰, в мордовских древностях X—XI вв.⁴¹ и в муромских могильниках⁴². Однако, как указывалось в литературе⁴³, их здесь немного. Кроме Советского Союза, аналогичные гривны известны в Финляндии и Швеции⁴⁴.

Учитывая значительное количество гривен глазовского типа с территории Ветлужско-Вятского междуречья, можно считать, что эта область является одним из районов наибольшего распространения гривен этого типа.

Гривны группы Б. Тип Б I—I экз. (рис. 18—5). Обломан, сохранившаяся часть имеет на конце петлю и косую винтовую нарезку, как на гривнах типа А I, в дополнении к нарезке имеются крестообразные насечки. В сечении гривна круглая. Происходит из погребения 15 Веселовского могильника.

Тип Б II—2 экз. Аналогичны «глазовским», но изготовлены из бронзы. Гривна из погребения 15 Веселовского могильника имеет более тонкую резьбу, а на гривне из погребения 5 Кочергинского могильника нарезка менее отчетлива и нанесена лишь ближе к концам. Возможно, гривны бронзовые изготовлены по образцам серебряных и несколько отличаются от последних, что и дает, по-нашему, основание выделить эти гривны в особый тип.

Тип Б III—I экз. (рис. 18—7). Гривна из круглого медного дрота, большого диаметра—19,5 см. За исключением средней части и концов, имеет глубокую винтовую нарезку, напоминающую витые. Один конец гривны имеет глоско-выпуклую шляпку, другой тупой. Концы соединены и обмотаны медной проволокой. Происходит из погребения 22 Веселовского могильника.

Тип Б IV—I экз. (рис. 18—6). Гривна из круглого медного дрота также с глубокой винтовой нарезкой. Концы сильно разомкнуты и расплющены, имеют небольшие отверстия. Происходит из погребения 25 Веселовского могильника.

Тип Б V—6 экз. (рис. 18—8). Гривны гладкие круглопроволочные со шляпками в виде «кол-

бочки». Такие гривны известны из «Черемисского кладбища» (2 экз.) и из Лопъяльских находок (4 экз.), т. е. все 6 экземпляров из Вятского бассейна.

Тип Б VI—I экз. (рис. 19—4). Гривна медная большого диаметра (23,5 см) из круглой проволоки, обмотанной пластинчатой медной лентой, имитирующей резьбу. Концы в виде петли и крючка. Гривна происходит из Веселовского могильника раскопок 1929 г.

Тип Б VII—I экз. (рис. 19—1). Гривна медная из круглого перевитого дрота. Концы не сомкнуты и оканчиваются маленькими петельками.

Тип Б VIII—I экз. (рис. 19—2). Гривна медная из круглого дрота, в средней части перекручена, образуя крупную резьбу. Один конец «колбочкой», другой—петелькой.

Тип Б IX—I экз. (рис. 19—3). Состоит из трех пластинчатых частей, соединенных шарнирами. Концы, по-видимому, обломаны. На лицевой стороне имеется орнамент из мелких и крупных выпуклин. Гривна эта является уникальной.

Гривны группы В. Одна гривна железная, сохранилась плохо. В сечении прямоугольник, конец закручен. Происходит из Дубовского могильника.

Бронзовые гривны распространены довольно широко. Типы, подобные нашим Б V, есть в мордовских древностях⁴⁵. Железные гривны, по А. П. Смирнову, есть и в финских и в славянских древностях⁴⁶. В частности, они найдены на Донды-Карском городище⁴⁷, встречены в Кузьминском могильнике⁴⁸ и на Сарском городище⁴⁹. М. В. Фехнер считает, что на территории древней Руси максимальное распространение железных гривен падает на конец X и начало XI в. В это же время бытуют подобные шейные гривны в странах Северной Европы. Она считает, что эти гривны являются продуктом скандинавского импорта⁵⁰.

Несколько необычной является гривна с сильно разомкнутыми концами (рис. 18—6). Близкой аналогии мы не нашли.

Ожерелья были нередки у древних мари. Они представлены следующими типами: на ко-

⁴⁰ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань Шай, табл. VI-7. Матвеев С. Г. Могильник Чем-Шай. Тр. Научного общества по изучению Вотского края, вып. IV, 1928, табл. 9—7 (только бронзовая). Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 112.

⁴¹ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, СПб, 1893, таб. XI—I. Алихов А. Е. Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э.

⁴² Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы в 1910 г., с. 59.

⁴³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, с. 201.

⁴⁴ Там же, с. 201.

⁴⁵ Иванов П. П. Крюковско-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. VI—8 (п. 126).

⁴⁶ Смирнов А. П. Донды-Карское городище. Тр. Научного общества по изучению Вотского края, вып. IV, 1928, с. 50.

⁴⁷ Смирнов А. П. Указ. соч., с. 50.

⁴⁸ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. табл. X—5 (несколько ранняя).

⁴⁹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, МИА, № 94, М., 1961, рис. 39—1.

⁵⁰ Фехнер М. В. О происхождении и датировке железных гривен. Труды ГИМ, вып. 40, М., 1966, с. 104.

жанный шнур или шерстяную нить нанизывались медные спиральки попеременно с различными бусами и привесками. Нередко в передней части, на груди были различные фигурки и изображения (животных, птиц и зверей), служившие, по-видимому, оберегами. К таким подвескам относятся изображения всадницы (рис. 20—10) из погребения 4 Дубовского и погребения 8 Веселовского могильников. В погребении 2 Веселовского могильника была круглая подвеска низкопробного серебра с пунктирным чеканным орнаментом, изображающим птицу с распростертыми крыльями⁵¹. Два изображения птицы с распростертыми крыльями имелись в погребении 26 Веселовского могильника. Птицы сделаны, по-видимому, для подвешивания; в отверстии одной из них сохранился обрывок кожаного шнура (рис. 20—5,6).

Из случайных находок 1908 г. на «Черемисском кладбище» имеется подвеска подтреугольной формы с пятью полукруглыми выступами с отверстиями в нижней части и петелькой в верхней. На лицевой стороне изображены две птицы, обращенные друг к другу. Остальное поле подвески имеет узоры, напоминающие растительные (табл. 20—8).

Интересна бронзовая подвеска со стилизованным изображением зверя из погребения 27 Веселовского могильника (рис. 20—9). В двух погребениях Веселовского могильника (23 и 24) привесками являлись круглые серебряные пластинки (диаметром 4,5 и 6 см), по две в каждом. На одной пластинке по краю и в середине имеются круги точечным наколом. На другой подвеске (п. 23 Веселовского могильника) имеются наколы по краю в 2 ряда и в середине ромб с попарно расходящимися от углов лучами (рис. 20—3). А в погребении 25 Веселовского могильника в ожерелье входили 7 круглых блях без орнаментов (диаметром в 3,5 см). Две круглые подвески были и в «Черемисском кладбище», на одной из них имеются выпуклины, расположенные в два ряда с одной большой в центре, выполненной штампом. В погребении 10 Дубовского могильника в нагрудной части ожерелья была большая медная бляха диаметром в 8 см (рис. 20—1).

Другой тип ожерелья представляет собой набор из медных спиральных пронизок с медными бусами и бусами из пасты и стекла. Иногда нанизывались раковины каури и костяные неопределенные подвесочки. Наиболее яркий пример подобного ожерелья представлен находками из погребения VII «Черемисского кладбища» раскопок В. И. Каменского

⁵¹ См. Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 20—1.

(рис. 20—7). Ожерелья подобного типа были и в Дубовском могильнике (погребение 9 и др.).

Оригинально шейное украшение из погребения 5 Кочергинского могильника⁵². На бронзовой цепочке была подвешена бронзовая шестиконечная звезда. Составной частью ожерелий являлись раковины-каури. Исследованиями установлено⁵³, что раковины—каури добывались в Индийском океане. В Европу попадали через Индию и Персию. В Средней Азии они известны уже в I тыс. до н. э., откуда шли на Волгу.

Интересными являются привески в виде сплошного круга с орнаментом, изображения птичек, всадниц и какого-то зверя в напряженной позе.

Изображение всадниц, по данным Л. А. Голубевой⁵⁴, встречается в Приладожье, Прионежье (Челмужи, о. Кокорин, Видлица, Карлуха, Сязига, Вырица), на Чепце и Средней Каме (Рябиновский клад, городище Донды-Кар, Версино, Загарье, Купорос, Вакино). Здесь же добавим всадницу из Баяновского могильника. Это две основные области распространения всадниц. По последним данным можно наметить, по-видимому, третий район бытования таких подвесок—это Серднее Поволжье и Поветлужье. Здесь мы имеем подвеску из Дубовского могильника⁵⁵, из Танкеевского⁵⁶, на Ветлуге из Веселовского⁵⁷ и промежуточное место занимает находка в Аксеново быв. Архангельской губ.⁵⁸

О назначении подобных подвесок уже писалось в литературе. Как отметил А. П. Смирнов, в этом отношении нет разногласия. Большинство считает их предметами шаманского культа (В. А. Городцов, А. А. Спицын, Ф. Теплоухов)⁵⁹.

Относительно датировки также нет разногласий—все они датируются X—XI вв.⁶⁰. Эта дата устанавливается монетами 2 пол. X в. В

⁵² См. Талицкий М. В. Указ. соч., табл. V-60.

⁵³ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 59.

⁵⁴ Голубева Л. А. Археологические памятники всси..., рис. 5.

⁵⁵ Архипов Г. А. Дубовский могильник. Тр. МарНИИ, вып. XIX, Йошкар-Ола, 1964, с. 182, рис. 6—3.

⁵⁶ КИЯЛИ АН СССР, кабинет археологии. Коллекция Танкеевского могильника, погр. 291.

⁵⁷ Халиков А. Х. Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 34—1.

⁵⁸ ОАК за 1913—1914 гг. Пгр. 1918, с. 179.

⁵⁹ Смирнов А. П. Донды-Карское городище, 1929, с. 54.

⁶⁰ Спицын А. А. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде, Вятской губ. Записки Русск. Арх. общества, т. VII, СПб, 1895. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 220. Станкевич Я. В. Курганы Юго-восточного Приладожья и Карело-Финской АССР, Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, с. 103.

Рябиновском кладе было семь целых и 4 обломка диргемов. Сравнение находок всадниц с разных мест показывает, что они имеют некоторые различия в трактовке как всадницы, так и коня. Хронологические различия в трактовке всадниц отметил А. П. Смирнов⁶¹, на это же указывал А. А. Спицын. Наши всадницы из погребения 4 Дубовского могильника и из Танкеевского могильника более стилизованы, чем всадница, скажем, из Загарья и Рябиновского клада, также как и всадницы из Донды-Карского городища. Однако хронологического разрыва между ними установить нельзя. Так, всадница из погребения 4 Дубовского могильника встречена вместе с монетой середины X в. (Саманиды, Наср ибн-Ахмед Самарканд, 325 г. х. (=936/937)).

Изображения всадниц являются продуктом ремесленного производства Прикамья X—XI вв., образцы же подобных всадниц появились еще в начале I тысячелетия н. э.⁶²

Мы уже отметили, что всадницы являлись для населения Прикамья предметом культа. Однако, попав из Прикамья в Приладожье, они утратили свое прямое назначение и служили застежками, о чем свидетельствует приделанная игла на всаднице из курганов у Карлухи⁶³.

По-видимому, у марийцев всадницы также не являлись предметом шаманства, т. к. последнее среди марийцев не было распространено. Но культ коня для марийцев был характерен, что подтверждается и этнографическими материалами⁶⁴. Культ коня обычно связывают с космическими представлениями. Отражением последних являются и изображения птиц. Культ птиц исследователи отмечают для всех народов⁶⁵. Территорией, где изображение птицы было широко распространено и близкой к древним марийцам, является Прикамье. А. В. Шмидт эту территорию очерчивал так: Пермский, Кунгурский, Верхнекамский и Коми-Пермяцкий округа⁶⁶.

Птички из древнемарийских могильников не

⁶¹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 220.

⁶² Там же

⁶³ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, вып. 94, М.—Л., 1934, табл. IX—3.

⁶⁴ Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, с. 251—279.

⁶⁵ Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. МАВГР, вып. III, М., 1899, с. 87—160.

⁶⁶ Спицын А. А. Шаманские изображения, ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб, 1906 (с. 29—145). Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, т. VI, Л., 1927, с. 131. Приблизительно эту же территорию намечает и Д. Н. Анучин. См. указ. соч., с. 125, 126.

имеют прямой аналогии ни в Прикамье, ни в других местах. Поэтому мы затрудняемся указать на какие-либо хотя бы отдаленные аналогии. К сожалению, все три экземпляра наших находок (рис. 20—5,6 и рис. 25—2) сохранились не в целом виде—отломана голова, поэтому мы не можем говорить о характере изображения головы. Можно предположить все же, что все изображение дано в одной плоскости. По технике изготовления—вырезаны из листовый меди—наши изображения птиц можно сблизить с более ранними—гляденовскими.

А. В. Шмидт опубликовал изображение птиц с распростертыми крыльями из случайных находок на «Черемисском кладбище». Он считал, что эта птичка является попыткой подражания пермским образцам местными мастерами, но «мастер вовсе не понял ложных голов на туловище»⁶⁷. В связи с этим замечанием А. В. Шмидта может возникнуть вопрос: действительно ли мастер не понял пермский образец или же преднамеренно переделал? Дело в том, что фигура птицы имеет четкое обозначение клюва и глаз, как у пермских, крылья же больше подходят на изображение утиных голов. Это видно как на фотографии, опубликованной А. В. Шмидтом, так и на приводимом нами рисунке (рис. 25—3). Не сделал ли мастер сознательно крылья похожими на утиные головы, так как культ утки был довольно широко распространен в Ветлужско-Вятском междуречье и Костромском Поволжье⁶⁸.

Есть еще два изображения птиц—две птицы на привеске подтреугольной формы (рис. 20—8) и одна на круглой пластинчатой подвеске. Аналогии им нет. Близка им серебряная бляха из Змеиногорска, опубликованная А. А. Спицыным⁶⁹, на которой изображены две птицы по сторонам растения. По выпуклому ободку и двум широким отверстиям с характерными колечками вокруг А. А. Спицын сблизил эту бляху с подобными предметами (только без изображений) из Харьковской области и Кавказских могильников VIII—IX вв.

Наша подвеска не круглая и этим отличается от змеиногорской бляхи. Однако изображения птиц, по-видимому, можно сравнить и отождествить. Здесь также две птицы, обращенные друг к другу. Под ногами птиц на бляхе из Змеиногорска имеется растительный орнамент, под ногами птиц нашей бляхи тоже есть орнамент, только геометрический. По времени наша подвеска с птичками позже (X—XI вв.), чем Змеиногорская (VIII—IX вв.).

⁶⁷ Шмидт А. В. Указ соч., табл. II—6; с. 155.

⁶⁸ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 142—143.

⁶⁹ Спицын А. А. Шаманские изображения, с. 32, рис. 6.

Для круглой подвески с изображением птицы⁷⁰ мы не имеем точной аналогии. Укажем лишь на круглую медную бляху—подвеску с изображением птицы из могилы вогулов, опубликованную Д. Н. Анучиным⁷¹.

Аналогии нашим круглым подвескам с мелкими выпуклинами по краям (рис. 20—3—4) можно считать бляху из Финляндии⁷², опубликованную Е. Кивикоски. По-видимому, эти бляхи являлись символом солнца и неба, как это предполагал для подобных изображений А. А. Миллер⁷³.

Бусы. В древнемарийских могильниках бус сравнительно немного. Чаще всего они встречаются в составе ожерелий.

Характеристике бус, технологии их производства в последнее время уделялось достаточно внимания⁷⁴. Этими исследованиями установлено, что в Восточной Европе бусы в основном привозные и только в Старой Ладогe они производились из битых привезенных бус путем переплавки⁷⁵. Предположение З. А. Львова о производстве бус в Верхнем Прикамье⁷⁶ не нашло поддержки у исследователя Прикамья В. Ф. Генинга⁷⁷.

На вопросах технологии производства мы не останавливаемся. При описании найденных в древнемарийских могильниках бус пользуемся принципами классификации, принятыми в археологической литературе.

Все бусы из наших могильников из прозрачного и глухого стекла.

По цвету бусы можно разделить на одноцветные и многоцветные.

Бусы одноцветные по форме делятся на следующие виды: 1) короткие бипирамидальные

бусины—1 бусина зеленого цвета из погребения 26 Веселовского могильника (рис. 21—19). 21 экземпляр таких же бус разных цветов имеется из погребения 3 «Черемисского кладбища». 2) Боченовидные—одна красная боченовидная бусина найдена в погребении 16 Дубовского могильника (рис. 21—20); 3) несколько бус круглых в поперечном сечении и 4 подпрямоугольных в продольном сечении желтого цвета (Лопъял, Веселовский могильник—п. 22). Стекланные бусы с внутренней позолотой встречаются в погребении VI⁷⁸ «Черемисского кладбища» (2 экз.), в погребении 9—10 Дубовского могильника (по 1 экз.). Бусина из погребения VI «Черемисского кладбища» имеет тоненькие продольные прожилки красноватого цвета (рис. 21—22); 10 экземпляров из погребения 18 Дубовского могильника представляют бусы пастовые кирпично-коричневого цвета. Бусы эти мелкие, диаметром—4—5 мм.

Вторая группа одноцветных—мелкие трехзвеньевые бусы стекланные с внутренней позолотой (такие бусы иногда называют многочастными пронизками). Встречены они в погребениях «Черемисского кладбища» также в небольшом количестве.

Бусы многоцветные представлены глазчатые (рис. 21—1—18). Преобладающим цветом фона является черный и желтовато-зеленый. По характеру глазков различаются бусы с выпуклыми и гладкими глазками. Из первых две бусины, по терминологии В. Б. Деопик⁷⁹, могут быть отнесены к типу бородавчатых. Диаметр бусины этого типа из погребения 8 Веселовского могильника равен 1,5 см, фон коричневый, глазки (бородавки) желтые и синие. Между глазками петлеобразно проходит белая узкая полоса (рис. 21—17). Вторая бусина маленькая в диаметре 0,6 см, фон бурый, глазки синие с белыми ободками (рис. 21—15).

Бусы с выпуклыми глазками обычно больших размеров (диаметры 1,5—1,7 см). У бусины из погребения 14 Дубовского могильника на красном фоне белые глазки с черными ресницами. Между глазками белые разводы (рис. 21—3). Вторая бусина из этого погребения—на желтом фоне скученно расположены глазки с голубыми и бурыми ядрышками, обрамленные красными ободками с черными ресничками (рис. 21—2). Третья бусина отсюда же: на черном поле тускло выглядят красные глазки с черными ресничками (рис. 21—1).

Преобладают бусы с гладкими глазками на черном фоне. Бусы эти круглые или

⁷⁰ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 20-1.

⁷¹ Анучин Д. Н. Указ. соч., с. 137, рис. 99.

⁷² Kivikoski E. Die eisenzeit Finnlands, t. II. Helsinki, 1951, Taf. 92, №№ 747, 748.

⁷³ Миллер А. А. Элементы неба на вещественных памятниках, ИГАИМК, М.—Л., 1933, вып. 100

⁷⁴ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. Следы производства глазчатых стекланных бус в Средней Азии. КСИИМК, XXX, М., 1949. Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладогe. СА, XIV, М., 1950, Безбородов М. А. 1) Стеклоделие в древней Руси. АН БССР, Минск, 1956. 2) Технология производства стекланных бус в древности. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, 1959, вып. 33. 3) Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963. Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, М., 1956, Деопик В. Б., 1) Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, № 3, 1959, 2) Классификация бус Восточной Европы VI—IX вв. СА, № 3, 1961. Львова З. А. Восточно-Европейские стекланные украшения VIII—XII вв. Л., 1961 и др.

⁷⁵ Гуревич Ф. Д. Указ. соч., с. 182—186.

⁷⁶ Львова З. А. Указ. соч., с. 10.

⁷⁷ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, с. 49.

⁷⁸ Нумерация погребений «Черемисского кладбища» раскопа 1908 года дается римскими цифрами (по нумерации В. И. Каменского), раскопок 1957 г.—арабскими.

⁷⁹ Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв., с. 223.

близкие к круглым. За исключением одного экземпляра (из погребения IX—X «Черемисского кладбища») глазки ресниц не имеют. Все эти бусы имеют разводы, обычно белые, а разводы бусины из погребения IX—X «Черемисского кладбища» — синие. Глазки у двух экземпляров одноцветные (красные, голубые, бурые), у одной бусины двухслойные — голубой глазок на желтом глазке (рис. 21—16). У бусины с глазком с ресничками ядрышко голубое, окаймленное желтым ободком с красными ресницами (рис. 21—6).

4 бусины почти одинаковые как по форме, так и по расцветке (рис. 21—11—15). Размеры их меньше предыдущих (0,9—1,1 см в диаметре), фон желтовато-зеленого цвета. Глазки обычно того же цвета и лишь ободок бурый или кирпично-красный. Одна бусина имеет желтый глазок (рис. 21—11). По существу, здесь нельзя даже говорить о глазках, так как при изготовлении на незатвердевшую массу вставлялись не глазки, а лишь ободки. Все эти бусы из Руткинского могильника. В том же могильнике (п. 1) встречена одна бусина продолговатой формы зеленого цвета с красными глазками и черными ресницами на сером ободке (рис. 21—9).

Из погребения 10 Веселовского могильника происходит глазчатая гладкая бусина. Размеры — длина 0,9 см, диаметр — 1,2 см. Поле — голубое, глазки тоже голубые, вокруг них ободки белые и коричневые (рис. 21—18).

Одна бусина относится к типу полосатых. Форма боченкообразная, длина ее — 1,5 см, диаметр — 1,0 см. Желтовато-серые зигзагообразные полоски расположены продольно на черном поле (рис. 21—10).

Говоря об аналогиях нашим бусам, ближние области — Верхнее Прикамье и Волго-Окский бассейн. Это бусы из могильников Мыдлань-Шай⁸⁰ и др. в Прикамье, Томниковский и Лядинский⁸¹ в Поволжье, с территории Волжской Болгарии⁸²; на северо-западе из Старой Ладогои⁸³ и Новгорода⁸⁴ и бусы из памятников салтовской культуры⁸⁵, Саркела Белой Вежи⁸⁶ на Юге.

З. А. Львова пишет, что глазчатые и мозаичные бусы, т. е. многоцветные, распространены преимущественно в юго-восточных областях —

на северном и северо-западном Каспийском побережье, в Средней Азии, в районах среднего течения Волги⁸⁷. А. Ф. Лихачев отметил возможность производства стеклянных бус из «стекловатой массы» в Болгарах и большое количество черных стеклянных бус, украшенных «пестрой стеклянной массой»⁸⁸. По наблюдениям З. А. Львовой черные непрозрачные бусы также тяготеют к юго-восточной области. Подобные бусы есть и в Средней Азии (Мунчак-Тепе, Афрасиаб)⁸⁹.

К древним марийцам бусы, по-видимому, проникли с территории Болгар, а через них из Средней Азии.

Все эти бусы по указанным аналогиям встречаются в комплексах IX—X вв. н. э. Например, в Новгороде глазчатые гладкие и рельефные, встречаются в 20—28 ярусах (X—XI вв.), в слоях I пол. X в. в Старой Ладого, в могильнике Чем-Шай⁹⁰ и Лядинском⁹¹ также в X в.

Бусы металлические. Медные полые, их можно назвать «дутыми» (рис. 52—15—17). Они встречены как в составе ожерелий, так и в других украшениях, например, в привесках к головному убору, в наконечниках, а более крупные в качестве украшения обуви.

Медные бусы в основном двух типов — одинарные, двух- и трехзвеньевые (можно назвать «трехчастными»). Первые не велики по размеру — в диаметре и в длину до 1 см. На концах у отверстий бусы имеют зубчатое кольцо. Иногда концы вытянуты в виде раструба. Размеры их — диаметр 0,6—0,7 см, длина — 1,8—2,6 см. Такие бусы в небольшом количестве встречены в погребениях 22 Веселовского могильника, IX—X «Черемисского кладбища». В погребении III Черемисского кладбища в составе ожерелья была одна двузвеньевая бусина. В коллекции ГИМ из Юмского могильника из раскопок А. А. Спицына имеется набор медных одинарных бус⁹².

Нагрудные украшения. Состоят они в основном из шумящих подвесок с основной-щитком различных форм. Эти подвески носились двумя способами: а) пришивались попарно к нагруднику с каждой стороны; б) привешивались шнурками на шею⁹³. Иногда здесь же встречаются застежки, при помощи которых прикреплялись нагрудники. Самостоятельную роль украшения сюльгамы не играли.

⁸⁰ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 47—52 табл. XVI.

⁸¹ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники, с. 48; табл. XII.

⁸² Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Болгарии. Тр. ИАС, СПб, 1876, вып. 1, с. 8.

⁸³ Гуревич Ф. Д. Указ. соч., с. 170—173.

⁸⁴ Шапова Ю. Л. Указ. соч., с. 164—179.

⁸⁵ Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи, МИА, № 75, М., 1959, с. 330—331.

⁸⁶ Львова З. А. Указ. соч.

⁸⁷ Там же, с. 330.

⁸⁸ Лихачев А. Ф. Указ. соч., с. 8, 34.

⁸⁹ Боброва А. С. Указ. соч., с. 121—123.

⁹⁰ Матвеев С. Г. Могильник Чем-Шай, с. 22. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, с. 203.

⁹¹ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. XII.

⁹² ГИМ, II отдел, планшет 59/8—а, № 38.

⁹³ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 29—1; рис. 45—9.

Щитковые шумящие подвески встречаются широко по всему европейскому северу и Среднему Поволжью, занятыми финноугорскими племенами. Нс в каждом районе, заселенном тем или иным финноугорским народом, наблюдается своеобразие или в оформлении и форме щитка или в типах концевых привесок и цепочек.

По форме щитка нагрудные украшения из древнемарийских могильников можно распределить по нескольким группам, последние, в свою очередь, делятся на типы.

Группа А—с трапециевидным щитком или основой (рис. 22—1—3);

Группа Б—с круглым ажурным щитком (рис. 22—5—8);

Группа В—с вытянуто-пластинчатой основой (рис. 23—1),

Группа Г—с арочным щитком (рис. 23—2—9);

Группа Д—с треугольным щитком (рис. 23—10—14);

Группа Е—с основой из пирамидок кружков со спиральным узором (рис. 23—16, 17),

Группа Ж—с основой в виде горизонтально-го щитка (рис. 23—19—21).

Нагрудные украшения группы А. Подвески этой группы являются специфическими для могильников Ветлужско-Вятского междуречья.

Основа подвески оформлена в виде трапециевидной пластины, составленной из прямых и зигзагообразных медных проволок, ограниченных с боков чуть наклонными стойками из 4—5 рядов проволоки. В верхней части стойки оканчиваются имитацией конских головок, смотрящих в разные стороны. Концы головок оформлены в виде двух кружочков или спиральки. У некоторых верхние концы просто отогнуты и никаких признаков конских головок нет. Средние проволоки стойки имеют плетение в виде веревки (рис. 22—1) или же веревка имитируется насечкой (рис. 22—3). Нередко все проволоки гладкие (рис. 22—2).

Снизу щиток имеет кольца-петли для привесок, а в верхней части щитка иногда идут пирамидки зерни (рис. 22—1).

Размеры щитков—основы: наибольшая ширина в основании около 8 см, наименьшая в верхней части—2,5—4,5 см. Высота щитка 6,2—7,5 см.

Привески к щиткам в большинстве случаев бутылчатые (рис. 22—1,2); в редких—«лапчатые» (рис. 22—3). Цепочки однотипны и состоят из овальных и восьмеркообразных звеньев. Количество привесок 10—13.

Подвески этой группы встречены в погребениях 6, 12, 13, 16 и 20 Веселовского, в п. 14 Дубовского могильников и в Кантаурово.

По оформлению щитка можно выделить

типы этих подвесок. Типологически, по-видимому, развитие шло в сторону упрощения: «головки» постепенно исчезают, веревка сначала заменяется насечкой, а затем гладкой проволокой. Можно предположительно высказаться и за то, что бугельчатые привески заменялись лапчатыми.

Крепление щитка состояло из дужки с обратной стороны, за исключением подвески из погребения 6 Веселовского могильника, которая имела петлю в верхней части (рис. 22—3).

Особняком стоит подвеска из Юмского могильника сборов А. А. Спицына в 1891 г.⁹⁴ (рис. 22—4). Основу составляет прямоугольная пластина из рядов проволоки и зерни, расположенной сплошь или попарно, в середине щитка зигзагообразный жгут; все это с боков ограничено вертикальными стойками. Над прямоугольной пластиной возвышаются две «головки» с круто загнутыми шеями. Снизу, пять крупных колец для привесок в виде вытянутого ромбика. К верхним углам прямоугольной пластины при помощи колец прикреплены пластинчатые трапеции, а у нижних углов припаяны двойные спиральки. Пластинчатые трапеции имеются и в изгибе шеи. Двойные спирали украшают морду, имитируя уши, и завершают шею в ее нижней части.

Подвески со щитками в виде прямоугольника с выступающими боковыми стойками известны в мордовских памятниках⁹⁵ и в Прикамье⁹⁶ отличаюсь несколько по технике Мордовские подвески по технике изготовления близки к древнемарийским. В Крюковско-Кужновском могильнике они известны из погребений 55, 71, 116 и 507⁹⁷. В описании погребений автор раскопок их называет застежкой-сьюльгамой. Название это не точно, ибо они не имеют иглы. В указанном могильнике все подобные подвески были в составе ожерелья⁹⁸ и лишь один экземпляр привешивался шнурами на шею⁹⁹.

Аналогия подвеске из сборов 1891 г. на Юмском могильнике (рис. 22—4) есть в Подболотьевском могильнике¹⁰⁰ и в Прикамье¹⁰¹ (по одному экземпляру).

⁹⁴ ГИМ, инв. № 54746, № 4 См. ОАК за 1891 г. СПб. 1893, с. 105, рис. 90

⁹⁵ МАЭ, колл. 1264, № 108

⁹⁶ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории, с. 199, табл. 1—5, с. 217 табл. IIV—1—5

⁹⁷ Иванов П. П. Крюковско-Кужновский могильник, табл. II—4, 6, III—2, V—2

⁹⁸ Там же, с. 26—27 (п. 55), с. 44 (п. 116) и с. 160 (п. 507)

⁹⁹ Там же, с. 31—32 (п. 71)

¹⁰⁰ ГИМ, II отдел планш. 95/241 (раскопки В. А. Городцова в 1910 г.)

¹⁰¹ ГИМ, II отдел, инв. 54746. Найдена при распахивании земли у с. Зюздино Афанасьевская, быв. Глазовской у., Вятской губ.

Подвески группы Б. Основу подвесок составляют круглые пластины бляхи, составленные разным способом. Наиболее простая форма—круглая бляха, окантованная по краю двумя рядами веревочки и одним рядом прорезных каплевидных отверстий. В средней части имеется кольцо, соединенное с большой бляхой при помощи двенадцати полушариков, расположенных по три (рис. 22—5). С обратной стороны припаяна петля для пристегивания к одежде и снизу 10 петель-колец для привесок. Последние представляют собой нанизанные на шерстяную нить гладкие пронизы с утолщениями на концах попеременно с граневой спиралью. На концах нити крупные конические привески, закрепленные узелками. Диаметр бляхи—9,5 см. Найдена в погребении 1 «Черемисского кладбища» в 1957 г.

К нашей бляхе близка привеска из Плещеевского могильника¹⁰², а также из д. Пуксиб. Датируются они VIII—IX вв.

Вторая бляха из погребения 29 Веселовского могильника в виде умбона (рис. 22—6). Бляха состоит из центрального круглого умбона, окаймленного полушарными выпуклинками. Она соединена с наружной бляхой при помощи двадцати тройных «спиц». Как центральная, так и наружная бляхи орнаментированы концентрическими кругами. По внешнему краю наружной окружности расположены тринадцать петель-колец, на которых висят лапчатые привески.

Бляха в целом прикреплялась к одежде при помощи петли с обратной стороны центральной бляхи. Диаметр бляхи 8,3 см. На груди она носилась в одном экземпляре.

Группа В представлена шумящей привеской с вытянуто-пластинчатой бронзовой основой (рис. 23—1). По нижнему краю имеются 8 отверстий для привесок. Пластина орнаментирована выпуклинами по краям, а в нижней части прочерченными ромбиками с выпуклинами в центре. По средней линии пластины расположены звездчатые прочерченные узоры.

Подобные подвески известны в мордовских, муромских древностях и датируются, по А. П. Смирнову, не позже IX в. по совместным находкам с филигранными привесками¹⁰³. Такие подвески у мордвы пристегивались при помощи сюльгамы¹⁰⁴.

¹⁰² Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых, таб. XXII—21.

¹⁰³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 121, табл. XXVI—12. Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э. (могильник у пос. Заря). СА, 1961, № 4, с. 172, а также рис. 3—39.

¹⁰⁴ Материальная культура средне-восточной мордвы VIII—XI вв., табл. 20, № 5; 28, № 8; 39, № 2. Саранск, 1969.

К этой же группе можно отнести пластинчатую основу по форме близкой к трапеции с привесками на 7 цепочках. Орнамент в виде мелких кружочков расположен по краям, а в середине вертикально проходит зигзагообразный орнамент (рис. 23—2). Таких подвесок известно всего 2 экз. (погр. 17 Веселовского могильника).

Подвески группы Г с арочными щитками встречаются по паре в одной могиле, иногда (в погребении 15 Веселовского могильника)—по 2 пары, на обеих сторонах груди. Арочные подвески имеют основу в виде вытянутого высоко го полукруга, сверху находится пластинчатое ушко, а внизу ряд отверстий для крепления цепочек или ремешков. Края основы сбоку и сверху обычно оформлены в виде пояса, часто с насечками. Эта группа объединяет подвески со сплошной и прорезной пластиной с различными орнаментами.

Сплошные основы—а) основа с чеканным рисунком в виде трех кружков, обрамленных звездчатым узором и пирамидками зерни (рис. 23—3); б) то же, но узор в центре из двух концентрических окружностей (рис. 23—4); в) то же—с гладким полем в середине, и по дуге близ края—кружочки (рис. 23—5); г) поле орнаментировано мелкими выпуклинами, расположенными горизонтально и вдоль края (рис. 23—6).

Прорезные основы—а) основа с ромбиком в центре (рис. 23—7); б) основа с двумя очковидными узорами (рис. 23—8): сверху спираль закручена внутрь, внизу—наружу. У подвески из Веселовского могильника раскопок 1929 г. спиральки и внутренний край основы орнаментированы насечкой, имитирующей веревку (рис. 23—9).

Шумящие части арочных подвесок имеют чаще всего цепочки или реже ремешок со спиральками, на концах которых прикреплены различные привески. Цепочки двух видов—из грустных овальных колечек-звеньев и из звеньев восьмеркообразной формы. Привески на цепочках четырех видов: очковидные с завитками внутрь, конические, бутыльчатые и литые дисковидные.

Арочные шумящие подвески имеют широкое распространение, занимая всю лесную зону европейского Севера и Нижнее Приобье. Наиболее густое сосредоточение их зафиксировано в Верхнем Прикамье (41 пункт)¹⁰⁵, хотя здесь надо учитывать хронологические этапы развития арочных подвесок. Наиболее ранние восходят еще к середине I тыс. н. э. (Георгие-

¹⁰⁵ Оборин В. А. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура.) [Диссертация.] М., 1957, Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1403, с. 109—110 и № 1404, рис. 11.

вский и Плесинский клад)¹⁰⁶. Этот факт говорит о прикамском происхождении подобных привесок и более позднем появлении их в Ветлужско-Вятском междуречье.

Для времени X—XI вв. мы можем выделить арочные подвески, характерные древнемарийским могильникам. Это подвески с сплошной и прорезной основой типа рис. 23—3—7. За пределами Ветлужско-Вятского междуречья они встречены только в Танкеевском могильнике (пп. 207, 440), одна подвеска типа рис. 23—7 известна в Баяновском могильнике. В то же время подвески типа рис. 23—8,9 следует считать камскими.

Подвески группы Д. К арочным подвескам близки шумящие подвески с основой треугольной формы (рис. 23—10, 12—14, 16, 17). В наших могильниках они известны двух основных форм: I—рамка основы состоит из пояса плетения с петлей сверху; внутри рамки помещены или вертикальный жгут (рис. 23—12), или просто гладкая вертикальная и две наклонные перемычки (рис. 23—13, 14). Один экземпляр имеет сплошную основу, покрытую зернью (рис. 23—10). II—основа подвески составлена из пирамидки кружков со спиральным узором (рис. 23—16, 17).

К этой же группе можно отнести подвески с подтрапецевидной основой, поле заполнено тремя спиралевидными завитками (рис. 23—15).

Точной аналогии подвескам группы Г в соседних областях нет. Можно указать лишь аналогию подвеске типа рис. 23—9, 12 и 16. Арочные подвески типа рис. 23—9 есть из Михалева¹⁰⁷, которая датируется А. П. Смирновым ломоватовским временем¹⁰⁸, значит не позже IX в.; А. А. Спицын отнес ее к X в.¹⁰⁹

Подвескам с основой треугольной формы укажем близкие аналоги из Мыдлань-Шая¹¹⁰ и из Танкеевского могильника (пп. 164, 440, 481).

Вообще подвески с арочным щитком и с треугольной основой распространены довольно широко территориально и хронологически. Однако, они имеют локальные особенности.

Подвески группы Е. К этой группе относятся подвески с основой из пирамидок кружков со спиральным узором (рис. 23—16, 17). Подоб-

ные широко встречаются на верхней Каме, на нижней Оби, во владимирских курганах и в муромских древностях. Однако все они отличаются от наших различными деталями. Наиболее близкую аналогию отметим из древностей костромских мери XI—XII вв.

Подвески группы Ж. Эта группа объединяет подвески с горизонтальным щитком и медными колокольчикообразными привесками. Количество привесок зависит от длины щитка—от 2 до 6.

В погребении 10 Веселовского могильника был набор из трех подвесок с горизонтальным щитком (рис. 23—19). Средняя подвеска имеет длинную планку-щиток и мелкие кольца с коническими привесками на цепочках. От концов щитка спускаются шнурки, оканчивающиеся уточками. Два боковых щитка короткие и с крупными кольцами, на которых висят массивные привески. В некоторых случаях поверх планки идут шарики зерна пирамидкой или в один ряд.

Подвески типа группы Ж широко бытовали в это время у муромы и мордвы¹¹¹. Единично встречаются на Севере. Например, Е. Кивикоски отмечает находки подобных подвесок в Финляндии¹¹², встречены на юго-восточном берегу Ладоги¹¹³ и др. Есть они в Танкеевском могильнике¹¹⁴.

В погребении 29 Веселовского могильника были две коньковые привески мерянского типа (рис. 23—18).

Количественное соотношение вышеописанных подвесок представлено в таблице Ж.

Таблица Ж

Группы	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
Могильники							
Веселовский	10	3	5	11	2	2	3
«Черемисское кладбище»					3		2
Дубовский	2						
Кантаурово	1		1				
Борисково				3			
Юмский				1	1	1	
Кочергинский				1			
Всего:	13	3	6	16	6	3	5

¹¹¹ Иванов П. П. Указ. соч., табл. III—2. Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря), рис. 3—37, 38. Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. IV—8; VIII—5, с. 30. Горюнова Е. И. Муромский могильник КСИИМК, вып. 52, М., 1953, рис. 8. Материальная культура средне-двинской мордвы VIII—XI вв., табл. 12, № 12; 14, № 11.

¹¹² Kivikoski E. Указ. соч., II, табл. 91, № 738.

¹¹³ Бранденбург Е. Н. Курганы южного Приладожья, табл. 1—7.

¹¹⁴ Танкеевский могильник, пп. 480, 508. КИЯЛИ АН СССР, кабинет археологии.

¹⁰⁶ Спицын А. А. Древности камской чуды..., табл. III—10, XXXVIII—30.

¹⁰⁷ Спицын А. А. Древности камской чуды..., табл. XXXII—I. Подобная есть и в атласе И. Р. Аспелина Antiquités du Nord Finno-Ougrien, вып. II. Paris, 1877, рис. 714.

¹⁰⁸ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 182, 184, табл. XLI—9.

¹⁰⁹ Спицын А. А. Указ. соч., с. 31.

¹¹⁰ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шая, табл. VI—12.

Из таблицы видно, что больше всего подвесок группы А (13 экземпляров) и Г (16 экземпляров). Подвески группы А встречены в погребениях 6, 12, 13, 14, 16 и 20 Веселовского могильника, в погребении 14 Дубовского могильника и в Кантаурово. Подвески группы Г были в погребениях 4, 5, 15 и 26 Веселовского могильника, в погребении 1 Кочергинского, погребении 8 Юмского могильника и раскопок 1891 года, а также в Борисково—3 экз.

Только в Веселовском могильнике представлены все группы подвесок. Следует отметить, что подвески групп А, Б и Ж встречаются только в могильниках Волжско-Ветлужского бассейна, остальные как здесь, так и в Бятском бассейне.

К шумящим украшениям относится скоба с шестью отверстиями для привесок, найденная в области пояса погребения 5 Юмского могильника (рис. 25—1). Подобные скобы часто встречаются в Прикамье, где они являются нагрудными украшениями.

Функции нагрудного украшения и застежки носят ажурные бляхи, застегивающиеся при помощи иглы, как сюльгамы. Но они отличаются от тех застежек, которых принято называть фибулами. По своему виду и типу оформления они аналогичны мордовским¹¹⁵, где являлись застежкой-украшением.

В 1929 году при раскопках на Веселовском могильнике была найдена круглая ажурная бляха с пятнадцатью ромбовидными привесками на цепочках (рис. 22—8). Бляха составлена из круглых гладких и зигзагообразных проволок, расположенных попеременно. Снизу по внешнему краю имеются 15 колец, на которые привешены ромбовидные привески, а сверху зигзаги. В центре отверстие диаметром в 2,5 см, в котором имеется игла для застегивания. Бляха имеет поперечную перемычку из пяти гладких проволок, оканчивающихся на концах двойной спиралью. Диаметр бляхи 7,3 см.

Аналогичная бляха была, по-видимому, в погребении 20 Веселовского могильника, сохранившаяся лишь в обломках. Наиболее близкой аналогией нашей бляхе является застежка из погр. 120 Елизавет-Михайловского могильника¹¹⁶. Варианты ее известны в Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках¹¹⁷.

Следующая застежка меньшего размера и каменного проше и в то же время изящнее. Бляха превращена в ажурное кольцо, состоящее

¹¹⁵ Иванов П. П. Указ. соч., табл. 1—2—4; II—1, 3, 7. V—3 и др. работы по археологии мордвы.

¹¹⁶ Материальная культура среднесцинской мордвы VIII—XI вв. Табл. 45, № 7.

¹¹⁷ Указ. соч., табл. 3, № 4; 4, № 10; 5, № 1; 17, № 7; 20, № 6; 32, № 11.

из 3-х рядов веревки, окаймленной тонкой гладкой проволокой, на которой по внешнему краю идут пирамидки из трех зерен (рис. 22—7). Бляха застегивалась при помощи свободно вращающейся тонкой иглы. Диаметр бляхи 4,5 см. К кольцу при помощи петелек привешены 5 привесок в виде бутылок на щитковых цепочках.

Бляхи, застегивающиеся иглами, довольно широко распространены в мордовских и муромских древностях. Они есть в материалах Лядинского, Томниковского¹¹⁸, Крюковско-Кужновского¹¹⁹ могильников, в могильнике у пос. Заря¹²⁰, в Михайловском¹²¹ и др.

Подковообразные фибулы—19 экз. (рис. 24). Все из меди или бронзы с несомкнутыми концами. По форме сечения дуги делятся на 4 типа:

1 тип. Фибулы треугольные в сечении—6 экз. (рис. 24—1,2). По оформлению концов делятся на 2 разновидности: 1) многогранные с шипами (рис. 24—1,2). Дуги имеют кружковый орнамент, на одной фибуле (из погребения 5 Веселовского могильника) в один ряд, на другой (из раскопок 1929 года того же могильника)—в два ряда. Игла свободно передвигается по дуге. Диаметр по внешней части дуги 5,5—6,7 см.

2) Фибулы второй разновидности менее массивны, концы завернуты в спиральку (как у рис. 24—6)—4 экз. Никакого орнамента на дугах нет. Игла также свободно передвигается по дуге. Диаметр кольца—3,8—5,7 см.

II тип. Фибулы, имеющие в сечении трапецию, довольно массивные—2 экз. (рис. 24—3,4). Оба из Веселовского могильника (пп. 13, 16). Концы одной из них (рис. 24—4) в виде восьмигранного утолщения. Иголка свободно передвигается по дуге. Второй экземпляр (рис. 24—3) менее массивен, иголка чуть больше диаметра дуги; концы оформлены в виде многогранной пирамидки. Диаметры—5,0 и 6,8 см.

III тип. Пластинчатые с завернутыми в спиральку концами—I экз. (рис. 24—6). Без орнамента. Игла свободно передвигается по дуге. Диаметр—5,8 см.

IV тип. Круглые в сечении—10 экз. (рис. 24—5). Различаются две разновидности. Первая разновидность (1 экз.)—концы оформлены в виде фигурной головки, отогнутой в одну

¹¹⁸ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. 1—2,3.

¹¹⁹ Иванов П. П. Указ. соч., табл. 1—2, 3, 4; табл. II—1, 3, 7.

¹²⁰ Жиганов М. Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, с. 74, табл. 29, рис. 1.

¹²¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXV—13.

из сторон по плоскости кольца, так называемые макавидные (рис. 24—5). Игла обломана она свободно передвигалась по дуге. Вторая разновидность (9 экз.) — наиболее простая из всех фибул, концы завернуты в спиральку. Диаметры около 5 см.

Фибулы типа рис. 24—1—4 являются западно-финскими. Близкие по оформлению головок, форме сечения есть в финских и приладожских древностях¹²². По Е. Кивикоски фибулы типа рис. 24—1 появляются в Готланде, затем распространяются во все страны западного побережья Балтийского моря. В Финляндии их 20 экземпляров и датируются они XI в.

Аналогия фибуле рис. 24—5 есть в Прибалтике, но они характерны для Финляндии, где их около 80 экз.¹²³ Е. Кивикоски называет их финской формой и датирует 850—1000 гг. Кроме Финляндии есть в Средней Швеции, Норвегии и юго-восточной Ладоге.

Засгежки типа рис. 24—6 бытуют по всей Восточной Европе, много их в Прибалтике.

Среди находок в древнемарийских погребениях в области груди встречаются вещи несколько отличающиеся от вышеописанных нагрудных украшений. Их можно считать украшениями кос. По-видимому, при захоронении косы перебрисывались на грудь и наконечники оказались вместе с нагрудниками. Такие наконечники, по-видимому, были в погребении 8 Юмского могильника. Украшение состояло из шнурков, пронизанных медными спиральками, оканчивающихся коническими пронизками. В погребении 6,7 этого же могильника шнурки со спиральками заканчивались привесками с треугольной основой или бубенчиками и бугельчатыми привесками (рис. 25—5, 6, 7).

По-видимому, к украшениям кос относятся немногочисленные медные литые уточки (рис. 26—1,2), костяные коньки (рис. 26—3—9) и конические привески (рис. 26—13). К ним же, вероятно, можно отнести и костяные «амулеты» с резным орнаментом (рис. 26—10, 11, 12). Количественно их немного — всех насчитывается около 20.

Литые бронзовые уточки встречаются широко

¹²² Бранденбург Е. Н. Курганы южного Приладожья. Табл. II—1, 2, 3, 4. Raudonikas W. I. Die Notizen der Wikingerzeit and Ladogagebiet. Stockholm, 1930, табл. 69. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, табл. V-8, VIII-12, XI-1. Древности северо-западного края, т. 1, вып. 1, МАР № 4 СПб. 1890, табл. VI-22.

¹²³ Kivikoski E. Die eisenzeit im Auralflussgebiet Suomen Huinaismistoy hdistuksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesforeningens Tidskrift. XLIII, Helsinki, 1939, табл. 81 № 652, табл. 80, № 662. Бривкалнс Э. П. Городище Тервете и его историческое значение. Вопросы этнической истории народов Прибалтики М., 1959, табл. III-3.

по всему Северу европейской части СССР¹²⁴. Появляются они одновременно (в III—IV вв. н. э.) как в Прикамье, так и на Оке¹²⁵.

Костяные коньки встречаются и в Прикамье¹²⁵. Конические привески известны из Старой Ладоги¹²⁷ и многих других мест.

Особо следует описать украшения нагрудника на кожаной основе из погребения 28 Веселовского могильника. На широкою кожаную основу пришивались два шнура с нанизанными на них медными и стеклянными бусами. К концам привязаны большие кольца, напоминающие браслеты или височные подвески. Сверху, кроме бус, еще кольца, меньше диаметром, чем на концах (рис. 27). Эти кольца гладкие проволочные и лишь одно кольцо перевитое. Здесь же лежали костяные конические пронизки и бубенцы, относящиеся, надо полагать, к этому же набору. Были и костяные продолговатые поделки.

Вышеописанный тип украшения единственный и не имеет аналогии в древнемарийских могильниках. Если судить по типу больших колец, то можно предположить, что они не местного происхождения или заимствованы или же женщина из другой среды принесла с собой и носила в знак почитания обычаев и привычек своего племени. В последнем случае, судя по кольцам, это была мерянка¹²⁸.

Коньковые подвески. В древнемарийских могильниках найдено 8 экземпляров. В последнее время Л. А. Голубевой проведена систематизация цельнолитых двухголовых коньковых подвесок¹²⁹. Мы пользуемся ее типологией и датировкой при описании наших находок.

Наиболее ранняя коньковая подвеска из Лопъяльских находок¹³⁰ относится ко второму варианту I типа и датируется VIII—IX вв. Эта подвеска с прямоугольной прорезью, обведенной рельефной рамкой. Шумящих привесок шесть, в виде литой «гусиной лапки».

Л. А. Голубева установила, что коньковые подвески I типа бытовали на южной окраине

¹²⁴ Гос Эрмитаж Отдел Северо-Востока Колл. 1384 №№ 935 и 61 (Раскопки Тарасова, 1907 г) Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма, табл. XI—II (Карлула).

¹²⁵ Горюнова Е. И. Указ, соч., с. 142, рис. 1—3.
¹²⁶ Спицын А. А. Древности камской чуди, табл. XVII—18 (Горд—Кушер).

¹²⁷ Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР). Археологический сборник, вып. 8. Гос Эрмитаж, Л—М, 1966, с. 4, 6 (Здесь ссылки на литературу).

¹²⁸ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 321, 331. Способы соединения кольца аналогичны, рис. 233, 242, 314, 325, 327, 320.

¹²⁹ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья, СА, 1966, № 3.

¹³⁰ Архив ЛОИМК, ф. 5, оп. 363, л. 145 (Архив А. А. Спицына).

территории ломоватовской культуры и исчезли с прекращением захоронений в Сылвенских могильниках¹³¹.

Две подвески из погребения 3 Веселовского могильника относятся к пятому варианту II типа. Подвески этого типа с сильно вытянутой основой, суженной средней частью и украшены с двух сторон дугообразными выемками с рядом мелких «выпуклин жемчужин» (рис. 28—1). Датируется по гривне «глазовского» типа и огниву с медной рукоятью X—начала XI вв. н. э.

Этот тип не получил широкого распространения.

К четвертому варианту V типа относится одна коньковая подвеска из Веселовского могильника раскопок 1929 года¹³². Подвеска имела шесть шумящих конусовидных привесок на цепочках из семи звеньев (рис. 28—4).

Подобные подвески встречаются в комплексах начала X века¹³³.

И наконец, 2 экземпляра из погребения XI «Черемисского кладбища» и 2 экземпляра из погребения 18 Веселовского могильника относятся к третьему варианту VI типа (рис. 28—2,3) и датируются X в.

Коньковые подвески VI типа получили наиболее массовое распространение: Т. А. Хлебникова предполагает местное производство таких подвесок в Волжской Болгарии.¹³⁴

Привески к шумящим украшениям. Височные, нагрудные, поясные и обувные шумящие подвески имели многочисленные и различные привески. Нагрудные привешивались к основе на цепочках или на шнурах (рис. 22, 23).

По форме их можно разделить на несколько типов с разновидностями (рис. 29).

Тип I—конические. Встречены почти во всех могильниках, как в бассейне Вятки, так и в бассейне Волги и Ветлуги. Нет их в Кочергинском и Руткинском могильниках. Возможно, это объясняется небольшим количеством изученных погребений в этих могильниках.

Конические привески литые со сквозным отверстием в узкой части. Привешивались при помощи узелков, завязываемых внутри привески (рис. 29—1—15).

Разновидности этого типа выделяются по оформлению основания и вершечек конуса: утолщение в виде гладкого валика или валика

с насечками, имитирующими веревочку (рис. 29—6—9, 12, 14). Одна привеска представляет собой конус витой из ленточки (рис. 29—15). Единичные экземпляры имеют петлю в верхней части для прикрепления (рис. 29—12, 15).

Тип II—бутыльчатые. В большинстве случаев тоже литые. Встречаются в Ветлужско-Волжском бассейне и в Юмском могильнике. По форме довольно разнообразны и делятся на несколько разновидностей (рис. 29—16—30). Способ крепления аналогичен коническим. Различаются по соотношению длины и ширины шейки и тулова, по наличию ободков на концах, иногда с косой насечкой (рис. 29—21—25, 29, 30). Имеются и с петельками для прикрепления (рис. 29—26, 27). Одна привеска в нижней части имеет две петли, на которых висят две ромбические привески (рис. 29—30).

Тип III—бубенчики и пуговицы (рис. 29—33—34). Литые. Первые крупные и, как правило, прорезные, преобладают крестообразные прорезы в нижней части. Пространство между прорезами заполнено узором (насечки косые, прямые, крестообразные, циркульные узоры). Нередко внутри бубенчиков имелись шарики. При наличии в погребении нескольких шариков звучание бубенчиков разное, как например, это наблюдалось у бубенчиков из погребения 7 «Черемисского кладбища».

Пуговицы мелкие, цельнолитые, с ушками, с орнаментом в виде различных насечек в нижней части, чаще в виде лучей, исходящих из центра (рис. 29—40, 41). Привеска из погребения 26 Веселовского могильника составляет исключение из общей массы (рис. 29—42).

Тип IV—очковидные спиральки (рис. 29—31, 32). Сделаны из узкой медной пластинки или из тонкой медной проволоки. Размеры разные. Они входят в набор височных и нагрудных украшений. Встречаются довольно часто и могут считаться специфическими для марийцев. 4 экземпляра таких привесок есть, правда, и в Полломском могильнике¹³⁵.

Тип V—ромбические и лапчатые (рис. 30—13—24). Ромбические бывают вытянутых пропорций (рис. 30—13, 14) и почти равносторонние (рис. 30—16). По форме можно их считать также лапчатыми и они, по-видимому, носили тот же смысл, что и настоящие лапчатые. Об этом, в частности, говорят и горошинки по углам, как бы подчеркивая идею «лапки», т. е. водоплавающей птицы (рис. 30—13—16).

Как бы связующим звеном между ромбическими и «лапчатыми» привесками является привеска ромбическая, имеющая 3 полосы, как у лапчатых (рис. 30—15).

¹³¹ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего камня, с. 90.

¹³² Хранится в Ветлужском краеведческом музее Горьковская обл.).

¹³³ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего камня, с. 94.

¹³⁴ Хлебникова Т. А. Основные производства Волжских Болгар X—начала XII вв. Канд. диссертация, Рукопись. Архив ИА АН СССР, р. 2, № 1918, 24.

¹³⁵ Гос. Эрмитаж. Отдел Северо-Востока. Колл. 606, № 98—101 (раскопки Тарасова, 1909).

Лапчатые привески у нагрудных украшений имеют сильный изгиб в профиле (рис 30—19, 25—6), что особенно характерно для Юмского могильника. Привески с таким же изгибом есть и у обувных подвесок (см дальше). Привеска типа рис 30—22, выгнутых пропорций и покрупнее, известны в мордовских древностях.

Имеются несколько единичных привесок других форм. Одна из них довольно архаичной для наших могильников форм (рис 30—18), такие встречаются еще в I тыс н э. Другая фигурная с перекрестьем в средней части (рис 30—20). Третья подтреугольная (рис 30—21). Наконец, из Лопъяла известна небольшая привеска вытянутых пропорций, с отверстием в верхней части для подвешивания. И одна подвеска была в составе височных украшений с двумя отверстиями в нижней части и трубочкой в верхней для продевания шнура. Аналогичим нам неизвестны.

Все привески соединялись к основе-щитку при помощи цепочек, состоящих из разнообразных звеньев. Типы последних представлены на рис 30—1—12, 17. Наиболее распространенными являются типы рис 30—1, 3, 5, реже встречаются типы рис 30—2, 4, 6, 7, 8, 11, 12. Единичными встречены типы рис 30—8, 9, 10, 17. Если говорить о характерных цепочках для Волго-Вятского междуречья и Прикамья, то можно отметить следующие типы рис 30—1 являются массовыми и характерными для древнемариинских могильников, типы рис 30—7, 8—для прикамских памятников¹³⁶. Типа рис 30—9 есть в случайных находках из Лядинского могильника¹³⁷. Привеска типа рис 30—17, по-видимому, продолжает традиции привесок Борковского и Кузьминского могильников¹³⁸.

По-видимому, некоторые характерные типы для разных районов можно наметить и по лапчатым и ромбическим привескам. Так, лапчатые с сильным изгибом больше встречаются в Прикамье (на Чепце¹³⁹) и в Костромских Древностях¹⁴⁰. Менее профилированные и ближе к ромбическим формам лапчатые при-

¹³⁶ Спицын А. А. Древности Камской чуды табл. XIII—6 (Михалцево), табл. XIV—4 (Михалцево), табл. XV—3 (д. Модороб), Смирнов А. П. Дондл Карское городище, с. 48—49, табл. 19 и др. работы.

¹³⁷ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники, с. 30, рис. 19—а.

¹³⁸ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVII—5, табл. XXIV—12, 13 (хотя они и несколько отличаются).

¹³⁹ Гос. Эрмитаж, отдел Северо-Востока, колл. № 1665, № 332 (раскопки Емельянова 1908 г.). Спицын А. А. Древности Камской чуды, табл. XIV—5 (Горд—Кушет).

¹⁴⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 96—7.

вески характерны для мордвы и муромы¹⁴¹. Нечто среднее между этими типами встречаются в Приладожье. Например, есть аналогичная нашей привеске типа рис 30—22¹⁴².

Конические и бутыльчатые привески распространены широко, по-видимому, характерны как для Прикамья, так и Волго-Вятского междуречья. Известны они и в Приладожье¹⁴³. Появляются они раньше IX века как в Прикамье, так и на Оке¹⁴⁴.

Браслеты составляют наиболее многочисленную группу украшений как мужских, так и женских погребений. Всего найдено 254 экземпляра (таблица 3). Большинство из них изготовлено из меди или бронзы. Очень мало серебряных и железных (по 10—12 экземпляров). Некоторые бронзовые браслеты имеют слабые следы позолоты. Среди серебряных 2 браслета сделаны из гривен глазовского типа.

По форме все браслеты нами разделены на 2 группы с несомкнутыми концами (группа А) и с завязанными концами (группа Б). Браслеты группы А по оформлению концов и по форме сечения делятся на типы, которые, в свою очередь, делятся на разновидности. Формы большинства железных браслетов не установлены. Для наглядности все браслеты сведены в таблицы с указанием количества их в каждом могильнике по отдельности (рис 31—36). Могильники распределены по бассейнам рек. Из 254 браслетов 198 найдено в могильниках Волги и Ветлуги. Это можно объяснить тем, что здесь 3 могильника дали наибольшее количество погребений. Среди этих могильников выделяется Веселовский, где найдено 124 браслета, т. е. почти 50% всех находок. Причем в

¹⁴¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXVI—15 (Максимовский могильник), табл. XXVIII—8 (то же), табл. XXX—16 (Муромский могильник), табл. XXXI—11 (Максимовский могильник), Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. XIII—3, 4, табл. IV—4, табл. 1—2, 3, 4.

¹⁴² Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма, табл. V, 12 (Видлица), Raudonikas I. Die Normannen, рис. 74 (Яровщина).

¹⁴³ Гос. Эрмитаж, Отдел Северо-Востока, колл. 1384, №№ 121, 705, 937 (раскопки Тарасова 1907). Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань Шар, табл. VI—12, 13, Raudonikas W. I. Указ. соч., рис. 61 (Алехновщина), Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма, табл. IV—6 (Рабола), V—13 (Видлица), XI—10 (Карлуха), Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXX—18 (Муромский могильник).

¹⁴⁴ Генинг В. Ф. Деменковский могильник—памятник ломоватовской культуры, ВАУ, вып. 6, Свердловск, 1964, табл. 1—2, 5, 6, 7 (2 половина VIII—1 половина IX вв.). Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXI—14, Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э., рис. 4—6 (VII—VIII вв.).

этом могильнике встречены все типы браслетов. Количественное распределение браслетов по могильникам показывается таблицей 3.

Таблица 3

	Могильники	Многогранные	Пластинчатые	С головкой	С вставками	Со вставкой	Прочие	Всего
Бассейны Волги и Ветлуги	Веселовский «Черемисское кладбище»	60	17	15	5	1	26	124
	Дубовский	4	1	1	3	2	23	33
	Руткинский				1		2	3
	Борисково						11	11
	Всего:	133	24	16	11	3	67	254
	в %/о	52,4	9,4	6,3	4,3			
Бассейн Вятки	Юмский	20	6		1		1	28
	Кочергинский	9					1	10
	Лопъял	18						18
	Всего:	47	6		1		2	54
	в %/о	12,9	1,6		0,3		0,5	14,3

Из таблицы видно, что больше половины составляют многогранные браслеты—133 экземпляра (52,4%). Этот тип и является характерным для марийцев IX—XI вв. Ни в одном другом районе нет такого количества подобных браслетов¹⁴⁵. Затем идут пластинчатые браслеты—24 экземпляра (9,4%). Причем 18 из них из бассейна Ветлуги, что нетрудно объяснить близостью к костромским Поволжьем, где была мера, у которой много встречается подобных браслетов¹⁴⁶. Единичные экземпляры встречаются в Прикамье¹⁴⁷.

Несколько слов о браслетах, включенных нами в раздел «прочие» (типа А IV). Сюда вошли браслеты, в основном, встречающиеся единично или же имеющие разное сечение на концах и в средней части. К таким относятся браслеты, дающие в сечении несколько кружочков (тип I отдела I по А. В. Арциховскому¹⁴⁸ (рис. 34—д, е). Подобных браслетов всего 3 экземпляра и все из Дубовского могильника. По данным А. В. Арциховского, в курганах вятчей—62 экземпляра¹⁴⁹. Есть они и в

¹⁴⁵ Многогранные браслеты есть и в других районах, но там единичны. Смирнов А. П. Донды-Карское городище, с. 51 Оборин В. А. Баяновский могильник на р. Косьбе, табл. III—I. Генинг В. Ф. Указ. соч., табл. II—9, 8. Танкесвский могильник, pp. 95—а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, 164, 176, 481, 550, 584.

¹⁴⁶ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Камского междуречья, рис. 63 (орнаменты другие). Цыган А. А. Владимирские курганы, рис. 334, 339, 347 и др. Нефедов Ф. Д. Указ. соч., табл. 1—15. Генинг В. Ф. Указ. соч., табл. II—11а, б (п. Оборин В. А. Баяновский могильник на р. Косьбе, табл. III—7.

¹⁴⁸ Арциховский А. В. Курганы вятчей. М., 30, с. 10.

¹⁴⁹ Сводку находок браслетов на территории славян в Левашова В. П. Браслеты. В кн.: Очерки истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 3. М., 1967.

Костромских курганах¹⁵⁰. Встречаются и в памятниках Салтовской культуры¹⁵¹.

Браслет из Кочергинского могильника—пластинчатый с концами, оформленными в виде розетки (рис. 34—2). Подобные браслеты встречаются редко; есть такой из Костромских курганов¹⁵². Браслеты из Кантаурова и Веселовского могильника представляют собой круглый дрот, перевитый тонкой филигранной серебряной проволокой. В сечении округлые. Концы браслета из Веселовского могильника со вставками из темных непрозрачных камней (рис. 34—б), а концы браслета из Кантаурова раскованы и дают в сечении четырехугольник (рис. 34—в). Такие же вставки на концах имеют два браслета из Веселовского могильника. Сам браслет сделан из трех перевитых проволок (рис. 34—а). Браслеты со вставками встречаются редко. Два экземпляра есть из Саркела-Белой Вежи, где по М. И. Артамонову, было местное производство подобных украшений¹⁵³. Один подобный браслет опубликован В. И. Равдоникасом¹⁵⁴. В более позднее время (XII—XIV вв.) близкий браслет найден в Старосотенском могильнике¹⁵⁵.

14 браслетов пластинчатых (из них 11 из Борисково¹⁵⁶) имеют чуть отогнутые концы, браслеты без орнаментов (рис. 35—ж). Такие браслеты характерны для мордвы, распространены широко у них в X в.¹⁵⁷ Один подобный браслет был в погребении I могильника Мыдлань-Шай¹⁵⁸.

К пластинчатому же относится один браслет из Веселовского могильника (рис. 35—и). Отличается от пластинчатых типа А III большей толщиной пластинки и орнаментом—глубокий «елочный». Такой же орнамент имеет еще один браслет с плоско-овальным сечением из Веселовского же могильника.

Имеются браслеты овальноконечные с про-

¹⁵⁰ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг., табл. 1—16.

¹⁵¹ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 110—28.

¹⁵² Нефедов Ф. Д. Указ. соч., табл. 1—18.

¹⁵³ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. МИА, № 62, М.—Л., 1958, рис. 48 и с. 69.

¹⁵⁴ Raudonikas W. I. Die Normannen, с. 120, рис. 107 (курган 8 у д. Ильино).

¹⁵⁵ Алихова А. Е. Старосотенский могильник. Археологический сборник, I. Саранск, 1948, с. 252, табл. II—31.

¹⁵⁶ ГМТР—6405 ОА—24. См. ОАК за 1890 год. СПб, 1893, с. 66—68.

¹⁵⁷ Алихова А. Е. 1) Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э., с. 18. 2) Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, I, табл. XI—2, 3, 4, 10.

¹⁵⁸ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. II—11.

дольными желобками по внешней поверхности (рис 35—к)—5 экземпляров и подобными же желобками, но с обрубленными концами (рис 35—л, м)—по 1 экз Из последних один без орнамента, другой с расширением к середине и орнаментом в виде треугольников с точками, расположенными по 2 ряда обращенных вершинами друг к другу.

Браслеты овальноконечные, по А В Арциховскому, распространены широко¹⁵⁹

5 браслетов с подтреугольным сечением из Веселовского могильника имеют штрихи, расположенные в 2 ряда (рис 35—з)

Браслеты с «головками» (тип А II) являются характерными для Веселовского могильника Из 16 браслетов лишь 1 был в Дубовском могильнике, остальные в Веселовском (рис 32) Среди браслетов этого типа нет стандартных, единообразных Сечения их пластинчатые, четырехугольные, круглые и подтреугольные Концы двух типов прямоугольные и круглые в сечении

«Головки» сильно стилизованы, по-существу, о них свидетельствуют лишь небольшие парные выступы, иногда с крестообразной насечкой Некоторые орнаментированы ломаными линиями (рис 32—а, б, г) или винтообразными нарезками (рис 32—в)

Полных аналогии нашим браслетам с «головками» мы не нашли Но браслеты с «головками» разных форм встречены во Владимирских курганах¹⁶⁰ А А Спицын назвал их браслетами западного типа Такой же браслет был в Максимовском¹⁶¹ и Люцинском могильниках¹⁶²

Оригинален браслет с несомкнутыми концами, изображающими голову хищного зверя с раскрытой пастью (рис 32—л)

К «прочим» отнесены браслеты, представленные на рис 36 Нет необходимости описывать каждый браслет, отметим лишь, что для них характерна некоторая аморфность Больше всего таких браслетов из Дубовского могильника—18 экземпляров (пп 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 18) (рис 36—3—6, 10) По 2 экземпляра были в Веселовском (рис 36—7—9), Руткинском (типа рис 36—7) могильниках и из Лопьяла (рис 36—1, 2)

В погребении 4 Веселовского могильника был один браслет, круглый в сечении и с расплюснутыми концами, орнаментированными

точками¹⁶³. Подобные есть в Борковском и Кузьминском могильниках¹⁶⁴

Группа Б Браслеты с завязанными концами (рис 35) Всего 11 экземпляров и встречаются в могильниках единично Наиболее сложная завязка у браслетов из Веселовского могильника (рис 35 г) Сами браслеты сделаны из трех переплетенных проволок Лишь один браслет из Юмского могильника имеет специальную завязку из медной проволоки (рис 35—а), у остальных завязаны соединенные концы (рис 35—б, в, д)

В 1929 г в Веселовском могильнике был найден браслет со сложной завязкой (рис 35—е). Браслет изготовлен из четырехгранного в сечении дрота

Браслеты с завязанными концами, по-видимому, встречаются редко Можно напомнить один браслет из курганов юго-восточного Приладожья¹⁶⁵, и браслеты Владимирских курганов¹⁶³

Как уже отмечено, форма железных браслетов плохо восстанавливается Браслет из погребения 18 Дубовского могильника пластинчатый с завернутыми концами (рис 36—11), остальные, судя по обломкам, были или же пластинчатые, или подчетыреугольные в сечении

Железные браслеты встречаются почти везде, но они не многочисленны Они есть например, у мордвы¹⁶⁷, есть на Чепце¹⁶⁸

Перстни Перстни довольно часто встречаются как в мужских, так и в женских погребениях Их найдено 116 экземпляров Изготовлены они из серебра и меди Количественное соотношение по типам представлено в таблице И.

Как видно, наибольшее количество перстней составляют щитковые—95 экз (или около 81%) Остальные типы представлены единично Исходя из этого, можно считать специфичным для марийцев IX—XI вв перстни щитковые Большинство их найдено в Веселовском могильнике и «Черемисском кладбище».

Перстни щитковые (Рис 37—1,8) Имеют форму свернутого ивового листочка с концами из проволоки, уложенными в полтора оборота.

¹⁵⁹ Халиков А Х и Безухова Е А Указ соч, рис 24—3

¹⁶⁰ Спицын А А Древности бассейнов рек Оки и Камы табл XVIII—2, (пг 58 61 87 Борковского и пп 35 42 50 72 Кузьминского могильников всего на 7 костях иногда по несколько штук)

¹⁶¹ Станкевич Я В Курганы юго-восточного Приладожья и Карелофинской ССР Археологический сборник Петрозаводск 1947 рис 9

¹⁶² Спицын А А Владимирские курганы, рис. 233 314

¹⁶³ Иванов П П Крюковско-Кужновский могильник, табл XIII—4 (п 355), XIII—5 (п 149)

¹⁶⁴ Смирнов А П Донды Карское городище, с 50

¹⁵⁹ Арциховский А В Указ соч с 22

¹⁶⁰ Спицын А А Указ соч рис 279, 281 284

¹⁶¹ Спицын А А Древности бассейнов рек Оки и Камы табл XXVIII—9

¹⁶² Люцинский могильник МАР № 14, табл 1—7, III—15

Т а б л и ц а И

Могильники	Щит- ковые	Спира- левые	Со встав- кой	Коль- чатые	Плас- тинч.	Всего
Веселовский	64	5	6	—	2	77
Дубовский	3	1	—	2	—	6
«Черемисское кладбище»	22	2	—	—	—	24
Юмский	6	2	—	—	—	8
Кочергинский	—	—	1	—	—	1
Всего:	95	10	7	2	2	116

В ‰ к общему
числу $\approx 81\% \approx 8,7\%$

Щиток имеет в средней части выпуклый валик. Поверхность щитка часто орнаментирована полосками, образующими различные геометрические узоры (рис. 37—13).

Разновидностью этого типа являются перстни щитковые с завязанными концами (рис. 37—8). Такие А. А. Спицын назвал перстнями русского типа.

Перстни спиральные (рис. 37—2,3) изготовлены из спирально завитых круглых или трехгранных проволок от трех до 8 оборотов. Подобные перстни представлены в могильниках Ветлужско-Волжского бассейна и 2 экземпляра в Юмском могильнике.

Перстни отмеченных двух типов часты в материалах правобережья Волги—в Окских могильниках¹⁶⁹ и в более западных областях.

Аналогию щитковым перстням можно указать в Крюковско-Кужновском¹⁷⁰, Максимовском¹⁷¹, Муромском¹⁷² могильниках; известны они в коллекциях Владимирских курганов¹⁷³, в Люцинском могильнике¹⁷⁴. И лишь один перстень найден в Прикамье, у д. Старица¹⁷⁵. Вообще, щитковые перстни для Прикамья не характерны. Перстень щитковый с завязанными концами встречен, по-видимому, в Приладожье¹⁷⁶.

Спиральные перстни встречаются в Кузьминском¹⁷⁷, Перемчалкинском¹⁷⁸ и Погиблов-

¹⁶⁹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья, табл. XXX—3, 5, 6, 7, 9. Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э., табл. 1—39, 52, 27.

¹⁷⁰ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XIV—8; XXII—3; XI—8; XX—2.

¹⁷¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXVI—8, 9; табл. XXVII—13.

¹⁷² Там же, табл. XXIX—7.

¹⁷³ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 297, 299, 311, 313, 337.

¹⁷⁴ МАР, № 14, табл. XI—5, 6, 9, 10.

¹⁷⁵ Спицын А. А. Древности камской чуды..., табл. XV—2.

¹⁷⁶ Станкевич Я. В. Указ. соч., рис. 7.

¹⁷⁷ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXIII—10, 12.

¹⁷⁸ Алихова А. Е. Перемчалкинский могильник, табл. VIII—10; VII—3.

ском¹⁷⁹ могильниках, в более раннем Кошибе-евскэж¹⁸⁰, и Люцинском могильнике¹⁸¹.

Перстни со вставкой (рис. 37-9-12). Найдено 7 экземпляров. Вставки различные: темный камень (рис. 37—10); паста коричневого цвета (рис. 37—11); на перстне из Веселовского могильника раскопок 1929 года вставка янтарная, из погребения 3 Кочергинского могильника—стекло бледно-фиолетового цвета, на перстне рис. 37—9 вставки заменяют четыре медные полшарные бусины. Кольцо этих перстней из серебра или меди. Вставки, как правило, закреплялись в гнездышках с помощью четырех зубчиков.

По мнению А. Е. Алиховой этот тип перстней распространен широко по всей Восточной Европе с IX века¹⁸². В Прикамье и Приуралье он встречается чаще. Укажем на некоторые аналогии этим перстням. Более 20 экземпляров было встречено в могильнике Мыдлань-Шай¹⁸³, близкие типы известны в Деменковском могильнике¹⁸⁴, в Загарье¹⁸⁵, много их в Танкеевском могильнике¹⁸⁶, встречаются в мордовских и муромских памятниках¹⁸⁷.

Круглопроволочные перстни (рис. 37—7) сделаны из круглой проволоки, концы доведены до стыка и не спаяны.

Пластинчатые перстни (рис. 37—5,6) представляют собой свернутый в кольцо пластинку с одним суженным и завернутым концом. На одном перстне по наружной части имеется орнамент «елочкой», аналогичный орнаменту на пластинчатом браслете (рис. 35-в, тип А IV).

Перстень пластинчатый со щитком с тремя трапециевидными привесками (рис. 37—4). А. Е. Алихова считает, что перстни с трапециевидными или лапчатыми привесками, только ажурные, характерны для муромы, у мордвы они существовали недолго¹⁸⁸. Подобный нашему есть во Владимирских курганах¹⁸⁹.

¹⁷⁹ Горюнова Е. И. Погибловский могильник. Археологический сборник, I Саранск, 1948, табл. XIX—3.

¹⁸⁰ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. VII—3.

¹⁸¹ МАР, № 14, табл. X—3, 4, 5, 6, 9, 10.

¹⁸² Алихова А. Е. Указ. соч., табл. 1—28; с. 13.

¹⁸³ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. II—3, 4, 5, 6, 7.

¹⁸⁴ Генинг В. Ф. Деменковский могильник—памятник Ломоватовской культуры, табл. VI—5, 8.

¹⁸⁵ Спицын А. А. Древности камской чуды..., табл. XV—7.

¹⁸⁶ КИЯЛИ АН СССР, кабинет археологии, коллекции Танкеевского могильника (пп. 42, 53, 72, 62, 88, 136, 146, 149, 350, 456, 504).

¹⁸⁷ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXX—4; Алихова А. Е. Перемчалкинский могильник, табл. VIII—8.

¹⁸⁸ Алихова А. Е. Указ. соч., с. 19.

¹⁸⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 430.

Пояс являлся неотъемлемой частью почти каждого погребенного, как мужского, так и женского. Он встречается в захоронениях, совершенных как обрядом кремации, так и ингумации. Пояса расположены, как правило, в области таза, как бы опоясывая талию. Встречаются они в изголовье в виде клада, будучи в таких случаях свернуты.

Пояса были кожаные или плетеные из шерстяных нитей. Последних известно—3—4 случая. Ремни сделаны из полоски кожи шириной 2—3 см, нередко обтянутой тонкой кожей. На ремне расположены металлические бляшки различных форм, прикрепленные штифтиками. Оканчиваются ремни пряжкой (обычно медной или бронзовой) на одном конце и накладкой продолговатой формы на другом. Для застегивания пояса к основному ремню с внутренней стороны пришивался дополнительный ремешок, а свободный конец с накладками свисал (рис. 38, 39).

В некоторых случаях имеются и подвесные ремешки к основному ремню. Они также украшены накладками по всей длине. Как правило, подвесные ремни уже и накладки на них меньше размерами.

Иногда ниже основного ремня проходит узкий ремешок, продетый в кольца от накладок.

Пояс из погребения 5 Юмского могильника отличается от других своим устройством. Он состоит из 5 ремней, соединенных четырьмя кольцами. Средний ремень шире остальных четырех, соответственно на концах этого ремня кольца больше. Застегивался, по-видимому, без дополнительного ремешка. От основного ремня свисали 4 ремешка с бляшками (рис. 40—3).

Поясные пряжки (рис. 41, 42—1—7) все медные и представлены 5 типами.

Тип I—цельнолитые пряжки с пластиной для крепления к ремню при помощи штифтиков. Язычок у них вращается на стерженьке, закрепленном в корпусе пряжки. Задняя пластина имеет орнамент из полугорошин, выемок и листиков (рис. 41—1—3). Таких пряжек всего 4 экземпляра (погребения 12 и 20 Веселовского, погребение 2 Юмского и погребение III «Черемисского кладбища» могильников). Первые две пряжки (типа рис. 41—2) совершенно идентичны, так же как и концевые накладки ремня; изготовлены по одной форме.

Тип II—цельнолитые, по способу соединения с пластиной и ремнем аналогичны пряжкам типа I. Отличается массивностью (рис. 41—4—13) и упрощенным орнаментом. На пластине из погребения 7 Юмского могильника по краю нанесены косые насечки (рис. 41—4). На пластине из погребения 12 Дубовского мо-

гильника небольшие квадратные углубления (рис. 41—8), на пластине из погребения 13 Веселовского могильника имеются процарапанные полоски, пространство между которыми позолочено (рис. 41—10).

Концы пластин округлены или заострены (рис. 41—1—5, 8, 9, 12).

Пластины пряжек погребений 5, 9 Веселовского (рис. 41—6, 11), 3 Дубовского (рис. 41—7) могильников расширены к концу. Пряжка из погребения XIV «Черемисского кладбища» имеет сердцевидную форму, близкую к поясным бляшкам (рис. 41—13).

Тип III—шарнирные (рис. 41—14—17). Среди них следует отметить пряжку с вытянутой пластиной из тонкого листа серебра с округлым расширением на конце (рис. 41—14). По форме эта пряжка напоминает ранние. Найдена она на участке 8/в, вблизи разрушенного погребения 6 Дубовского могильника. Связать с уверенностью эту пряжку с погребением нет оснований. Аналогичные пряжки имеются в материале Младшего Ахмыловского могильника V—VII вв. н. э.

Пластинки пряжек погребений 16 и найденной у погребения 2 Веселовского могильника отличаются сложной орнаментацией (рис. 41—16, 17).

Тип IV—пряжки рамчатые (рис. 41—18—26). Различаются оформлением кольца (рис. 41—18) и формой: прямоугольной (рис. 41—19, 20, 24, 25) или трапецевидной рамки (рис. 41—21—23). К этому же типу относится пряжка от ножен меча погребения 6 Юмского могильника (рис. 41—26).

Пряжек этого типа известно всего 19 экземпляров¹⁹⁰.

Тип V—проволочные рамчатые (рис. 42—1—7). Кольцо согнуто из проволоки, края которой соединены стерженьком, на котором свободно вращается язычок.

Пряжек этого типа—11 экземпляров.

Поясные бляшки и наконечники многочисленны и разнообразны (рис. 42—8—32; рис. 43). Изготовлены они из серебра, нередко с позолотой, из меди или же какого-то сплава. По технике изготовления разделяются на две группы: 1) литые и 2) штампованные.

Бляшки и наконечники первой группы для прикрепления к ремню имеют по 2—4 штифтика. Узоры, как правило, четкие—выступающие рельефные или углубленные. На части бляшек заметны швы от литья. Штифтики с обратной стороны ремня загибались, как правило, к середине.

Вторая группа—штампованные; пригото-

¹⁹⁰ Из ранее опубликованных см. Талицкий М. В. Кочергинский могильник, табл. III—24, 30, 36; табл. IV—54.

ны из тонкого листового серебра с закраинами высотой до 1—2 мм для лучшего крепления штифтиков залитых каким-то сплавом. До нашего времени этот сплав дошел в виде легко рассыпающейся мелкозернистой массы золотого цвета.

Есть небольшое количество бляшек из сплава, не сохранившиеся и заметные лишь по отпечаткам в виде белой порошкообразной массы.

Большинство серебряных штампованных бляшек сохранилось неплохо и их форма и орнамент устанавливаются определенно. Это чаще всего растительный орнамент: трилистник в той или иной степени реалистично выполненный или же узоры, напоминающие ветки вьющихся растений; встречается и сочетание листиков с ветками вьющихся растений.

Наконечники—чаще встречаются литые как с различной сложной орнаментацией (рис. 42—8—32), так и без орнамента. Как правило, бляшки и наконечники по технике изготовления соответствуют пряжкам. Наконечники основного и подвесного ремня весьма близки по форме и орнаментации.

Форма наконечников довольно однообразна: вытянутые с закругленным концом. Типы орнаментов представлены на рисунках (рис. 42—8—32).

Бляшки по форме делятся на следующие типы.

Тип I—сердцевидные (рис. 43—1—10, 74—80). По технике изготовления литые и штампованные, часто с орнаментом окантовкой в виде мелких полугоршин, редко растительным.

Тип II—прямоугольные (рис. 43—11—18, 67, 68, 72). Чаще всего штампованные с закраинами и отверстиями. К отверстиям некоторых накладок прикреплялись подвесные ремешки. Орнамент на них растительный, иногда по краю нанесены поперечные насечки. Много таких бляшек и без орнамента. Штампованные серебряные, нередко позолочены.

Тип III—арочные (рис. 43—19—29, 53—57, 63—64). С плоским основанием и закругленным верхом. Иногда усложнены различными голукруглыми выступами. Орнамент обычный для всех бляшек.

Тип IV—подпрямоугольные с выступами и выемками на концах (рис. 43—34—37), встречаются в небольшом числе. Орнамент — прочерченные полосы по краям и растительный.

Тип V—бляшки сердцевидные и прямоугольные с кольцами (рис. 43—46—48, 70).

Тип VI—круглые с орнаментом и без орнамента (рис. 43—30, 32, 60), встречены в большом числе.

Исключение представляют двойные, полу-

шарные, штампованные бляшки из погребения 5 Юмского могильника (рис. 43—31).

Описанные 6 типов бляшек характерны как для основного, так и подвесного ремня. Отличие их, как уже отмечено, лишь в размерах.

Говоря об аналогиях, следует отметить, что ремень и его украшения носят следы сильного влияния племен степного района. Аналогии древнемарийским поясам можно найти на территории от Алтая до Венгрии, где они известны в погребениях X в. И. Диенеш дает реконструкцию поясов по материалу могильников: Пербете, Башхалом, Яношсаллаш¹⁹¹. Он считает, что эти пояса имеют большое прошлое на Востоке и венгры (угры) принесли с собой зрелую его форму.

Опираясь на реконструкцию пояса И. Диенешом, Б. А. Шрамко реконструировал пояс из салтовской катакомбы № 11 раскопок 1947 г.¹⁹² Его реконструкция полностью соответствует нашим поясам.

Аналогичные пояса известны в Крюковско-Кужновском могильнике (погр. 204). П. П. Иванов назвал их поясом аланского типа¹⁹³. Точная аналогия поясу из погребения 7 Юмского могильника имеется в Танкеевском могильнике¹⁹⁴.

А. А. Гаврилова, характеризуя могильник Кудырге, отмечает, что пояса с подвесными ремешками появляются на Алтае на пазырыкском этапе и бытуют с изменениями в катандинских и сrostкинских памятниках¹⁹⁵. По-видимому, эти пояса впервые сложились в кочевническом мире Востока и попали в лесные районы Среднего Поволжья в IX—X вв. в связи с передвижениями кочевников. Интересно отметить, что поясов древнемарийского типа нет в Приладожье, у мерянских племен, нет даже в Прикамье, где влияние кочевников было значительным. Поясные бляшки в Приладожье встречаются единицами и еще А. А. Спицын отмечал случайный характер поясного набора для Приладожья¹⁹⁶.

Массивные, литые пряжки точной аналогии не имеют: большинство их отличается узора-

¹⁹¹ Диенеш И. Пербетейская находка. Каким был пояс венгров-завоевателей? (Dienes Istvan. A perbetei lelet. Milyen volt a honfoglaló magyarok öve?). *Archaeologiai Értesítő*. Vol. 86, Budapest, 1959, рис. 6, 8, 9, с. 145, 157. Резюме на русском языке.

¹⁹² Шрамко Б. А. Древности Северского Донца, рис. 109—1.

¹⁹³ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXVII—1

¹⁹⁴ Кабинет археологии КИЯЛИ АН СССР. Коллекция Танкеевского могильника раскопок А. Х. Халикова и Ф. Казакова (погребение 273).

¹⁹⁵ Гаврилова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 39.

¹⁹⁶ Спицын А. А. Курганы С.—Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб, 1896, с. 26, 27.

ми, хотя отдельные элементы узора и техника изготовления имеют общие черты в памятниках Приладожья¹⁹⁷ и Среднего Поволжья¹⁹⁸.

Пряжки литые с пластинкой со сложным узором, соединенные шарниром, наконечники с растительным орнаментом (лепестки и др.) и бляшки на ремнях имеют некоторые аналогии в кладе из Саркела-Белой Вежи — в культурном слое хазарского времени с монетами среднеазиатского происхождения 907—954 гг. По предположению М. И. Артамонова, клад относится ко времени взятия крепости Святославом¹⁹⁹.

Пряжки типа рис. 41—20—23 имеют аналогии в материале Лядинского и Томниковского могильников²⁰⁰; типа рис. 41—20 в курганах Приладожья²⁰¹, в Прикамье²⁰²; типа рис. 41—21—22 в Танкеевском и Б. Тарханском могильниках²⁰³; типа рис. 41—21 в Саркеле-Белой Вежи²⁰⁴. Пряжки типа рис. 41—5 в Танкеевском могильнике²⁰⁵, типа рис. 41—4 в Баяновском²⁰⁶; типа рис. 42—6—в Танкеевском²⁰⁷. Более дальние аналогии укажем на Алтае. Пряжки типа рис. 41—20 подобны Катандинским (курган сrostкинскогo этапа), где они найдены с монетами 740—742 гг.²⁰⁸ Единственная аналогичная вещь найденной нами пряжке типа рис. 41—13 на Алтае в Кудыргинском могильнике (Кудыргинский этап, датируется более ранним временем — V—VII вв. Там эта пряжка являлась обувной²⁰⁹).

Пряжке типа рис. 41—17 мы не нашли аналогии. Но близкий узор есть на круглой бляшке из Владимирских курганов²¹⁰.

¹⁹⁷ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья, табл. VI—25. А. А. Спицын. Указ. соч., табл. VII—2 (у с Городня—в одном экз.)

¹⁹⁸ Танкеевский могильник Кабинет археологии КИЯЛИ АН СССР.

¹⁹⁹ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа, с. 54, табл. 35.

²⁰⁰ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. III—12, 13.

²⁰¹ Равдоникас В. И. Указ. соч., табл. VI—8 (курган № 6 у с Видница).

²⁰² Спицын А. А. Древности Камской чуды, табл. XXXIII—7.

²⁰³ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге, М., 1964, рис. 21—15, табл. XVII—2.

²⁰⁴ Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи МИА, № 109, М.—Л., 1963, рис. 13 (п. 234 в полуземлянке 12).

²⁰⁵ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Указ. соч., рис. 26—16.

²⁰⁶ Раскопки Оборина В. А. 1951 г. Перм. Гс музей, № 100.

²⁰⁷ Раскопки А. Х. Халикова КИЯЛИ АН СССР, п. 102—а.

²⁰⁸ Гаврилова А. А. Указ. соч., рис. 9—2.

²⁰⁹ Гаврилова А. А. Указ. соч., табл. XVIII (мог. 10).

²¹⁰ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 36. Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, с. 115, рис. 217.

Наиболее широко распространенным типом является так называемая лировидная (или с трилистником на кольце) пряжка (рис. 41—18). Аналогичные встречаются в Приднестровье²¹¹, в Приладожье²¹², в Прикамье²¹³, на Чепце²¹⁴, во Владимирских курганах²¹⁵ в курганах Ленинградской обл.²¹⁶, в Новгородских древностях²¹⁷ и др.

Аналогии нашему поясному набору мы находим в древностях IX—XI вв. Например, пряжки типа рис. 41—4, 20 датированы А. А. Спицыным IX в.²¹⁸, типа рис. 41—8 и рис. 42—2—X в.²¹⁹

К наиболее ранним поясным бляшкам относятся гладкие с прорезями, датируемые IX в. (VIII—IX вв.)²²⁰. К ним относятся бляшки рис. 43—1, 67, 79. Для X в., по А. А. Спицыну²²¹, характерны бляшки с орнаментом типа табл. XXV—6, 7, 8 в виде звериных головок с ушами (рис. 43—74)²²²; щитовидные с шариками по бокам (рис. 43—43)²²³; с выступами в виде лилий (рис. 43—62)²²⁴; круглые и полукруглые с колечками в нижней части (рис. 43—46, 47)²²⁵.

К XI в., по А. А. Спицыну, относятся бляшки типа рис. 43—9, 10 по аналогии с Аниковским могильником²²⁶.

Аналогии из древностей Приладожья²²⁷ и мордвы также соответствуют той же датировке²²⁸.

Наконечники имеют аналогии в финноугорском и кочевническом мире. Массивные, литые

²¹¹ Ханенко В. и Б. Древности Приднестровья, вып. VI, Киев, 1907, табл. XXX—531, 532; Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1889, табл. XXXVIII—14, 17.

²¹² Равдоникас В. И. Указ. соч., табл. XIV—5 (к. № 8 у д. Красная заря); XIV—14 (№ 10, там же); XVII—9 (к. № 4 у д. Мозолево); XVIII—19 (к. № 12, там же).

²¹³ Спицын А. А. Древности Камской чуды, табл. XVI—9.

²¹⁴ Матвеев С. Г. Могильник Чем-Шай, табл. 10—1, 5.

²¹⁵ Спицын А. А. Владимирские курганы. Рис. 353. Датирует его он XI в.

²¹⁶ Спицын А. А. Курганы С — Петербургской губернии, табл. IX—10.

²¹⁷ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XI вв.), МИА № 65, М., 1959, рис. 7—5. Три такие пряжки найдены в слое XI в.

²¹⁸ Спицын А. А. Древности Камской чуды, с. 33, табл. XXXIII—7, 14.

²¹⁹ Там же, табл. XXXIII—12, 22.

²²⁰ Там же, с. 32, табл. XVII—23, XXXIII—31.

²²¹ Там же, с. 33.

²²² Там же, табл. XXXVIII—10.

²²³ Там же, табл. XVII—28, XXIII—25.

²²⁴ Там же, табл. XXIII—19.

²²⁵ Там же, с. 33.

²²⁶ Там же, табл. XXXIV—6.

²²⁷ Равдоникас В. И. Указ. соч., табл. III—11.

²²⁸ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXVII—1.

наконечники широко распространены у кочевников²²⁹, от которых и перешли к финноуграм. По технике изготовления и по орнаменту аналогии наконечникам типа рис. 42—27, 30 есть в Лядинском и Томниковском могильниках²³⁰, в могильнике Чем-Шай раскопок 1893 г.²³¹ Точная аналогия нашему наконечнику рис. 42—29 известна в Приладожье²³², близкая к ней есть из Гнездовских курганов²³³.

Более близкие аналогии нашим наконечникам мы можем указать и в более раннее время. Например, наконечник рис. 24—30 по форме, а также характеру орнамента близок к таковому из могильника Кудыргэ в комплексе с монетами 766—780 гг.²³⁴ А. А. Гаврилова отмечает, что для могил сросткинского типа характерно наличие гладких наконечников (катандинский тип VII—VIII вв.) и появление новых с растительным. В это время появляются мелкие бляшки для украшения подвесных ремешков, ранее не украшавшиеся, что объясняется ею уйгурским влиянием²³⁵.

Такого же типа элементы орнамента, как на наконечнике рис. 42—30, имеются на поясной бляшке из болгарских древностей на Волге, которую Н. Мавродинов датирует VII—XI вв.²³⁶

Гладкие длинные наконечники типа рис. 42—10 встречены в материале XI в. могильника Саркел-Белая Вежа²⁷³.

По-видимому, более ранним временем по аналогии с наконечником из Мыдлань-Шая²³⁸, можно датировать предмет рис. 42—26 (IX в.).

Наконечники типа рис. 42—23, 32 по узору (петельки с завернутыми концами) датируются IX—X вв. Орнамент из таких петелек имеется на ножнах из Юмского могильника (находки 1891 г.) Наконечник рис. 42—19 имеет аналогии в оформлении пластинки пряжки

Крюковско - Кужновского могильника²³⁹, а полная аналогия рис. 42—19—а имеется в курганах Приладожья²⁴⁰.

Бляшки основного ремня весьма разнообразны, что видно из рис. 43, где представлены 80 разновидностей. Вполне понятно, что аналогии им можно подобрать в самых различных районах. Однако этот ареал совпадает с ареалом пряжек и наконечников. Лишь пряжки типа рис. 41—18 (с тремя лепестками на конце) распространены шире, чем бляшки

Укажем некоторые аналогии нашим бляшкам. В мордовских древностях встречаются бляшки типа рис. 43—6, 15, 72, 65, 76²⁴¹. В Прикамье и Приуралье есть бляшки типа рис. 43—1, 15, 43, 59, 62, 63, 79²⁴², во Владимирских курганах и в Приладожье есть бляшки типа рис. 43—35, 61²⁴³. Бляшки типа рис. 43—15, 19, 53, 54, 55 и др. имеют многочисленные аналогии в Танкеевском могильнике²⁴⁴; типа рис. 43—72 был в кургане № 190 Тимевского могильника²⁴⁵.

В Эрмитаже, в Отделе истории первобытной культуры хранится одна бляшка из Юмского могильника раскопок А. А. Спицына 1891 г.²⁴⁶ (рис. 40—4). Как по форме, так и по орнаментации эта бляшка единственная в древнемарийских могильниках. Аналогичную ей мы находим в Больше-Тарханском могильнике²⁴⁷ VIII—IX вв.

Все бляшки из марийских могильников датируются в пределах IX—XI вв.

Поясные кольца. Пояса с кольцами не характерны для могильников Междуречья Ветлуги-Вятки—их немного (погребения 24, 12 Веселовского, 5 Юмского могильников). Кольца железные или бронзовые простые, плоские в сечении, орнаментированы иногда насечкой с внутренней стороны (рис. 40—3). Вместо кольца иногда использовали сьюльмагу (рис.

²²⁹ Hamperl I. *Alterthümer der frühen Mittelalters in Ugarn*, t. I—III. Braunschweig, 1905—1907. Fettich N. A. *szegeg Naguszseksosi hun Fejedelmi sirlelet*. *Archaeologia Hungarica* XXXII. Budapest, 1953. Mavrodinov N. *Le tresor protobulgare de Naguszentmi-Klos*. AN, XXIX, 1943 и др.

²³⁰ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. III—20—24 (узоры другие).

²³¹ Архив ЛОИА, ф. 5, д. 365, л. 135.

²³² Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья, табл. VI—10 (нижний слой кургана); XXXIX (у д. Кириллиной на правом берегу р. Паши).

²³³ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, рис. 59 (курган № 52).

²³⁴ Гаврилова А. А. Указ. соч., рис. 11—25 (сростки 1, кург. 2, сросткинский тип—VIII—IX вв.).

²³⁵ Гаврилова А. А. Указ. соч., с. 69, 72.

²³⁶ Mavrodinov N. Указ. соч., fig. 51 в.

²³⁷ Артамонова О. А. Указ. соч., рис. 15—5 (п. 214, могильника юго-западной стенки).

²³⁸ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. IV—32—33

²³⁹ Иванов П. П. Указ. соч., XXXIV—3 (п. 302).

²⁴⁰ Бранденбург Н. Е. Указ. соч., табл. VI—19 (курган по р. Паше).

²⁴¹ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. VI—15; VIII—10, 13, Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXXI—2 (п. 67).

²⁴² Матвеев С. Г. Указ. соч., табл. 10—8 (мог. Чем-Шай). Спицын А. А. Древности Камской чуд., табл. XVII—28, 30, 40; табл. XXIII—19; табл. XXXIII—25, 38. Мелехинский могильник (раскопки В. П. Денисова в 1963 г.). пп. 8, 12, 13 (Музей ПГУ). Оборин В. А. Баяновский могильник..., табл. V—5.

²⁴³ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 50, 51, 57. Бранденбург Н. Е. Указ. соч., табл. VI—4, 19.

²⁴⁴ Танкеевский могильник. Раскопки А. Х. Халикова. пп. 34, 138, 141, 148, 149, 172, 273. Кабинет археологии КИЯЛИ АН СССР.

²⁴⁵ Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения. В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963, с. 67, рис. 39—1.

²⁴⁶ Инв. № 550—14.

²⁴⁷ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Указ. соч., табл. XVII—7 (п. 310).

40-1) Встречено одно кольцо с четырьмя спицами, орнаментированными бороздками Само кольцо орнаментировано спиралевидными линиями (рис 40—2)

Очень часто вместе с поясами находимы кошельки (или сумочки), которые следует признать одним из характернейших и оригинальнейших вещей древнемарийских могильников Всего известно 20 кошельков разной степени сохранности

Кошельки изготовлялись из сыромятной кожи с тиснением, образующим сотовый узор Форма различная (рис 44—49) Одни из них без крышек (рис 44, 45), другие с небольшой крышкой (рис 46), третьи с крышкой, соответствующей размеру и форме кошелька (рис 49) В кошельках, подвешиваемых к поясу, находились кремь, огниво, амулеты и другие мелкие вещи Кроме утилитарного назначения, кошельки играли и роль украшения пояса, поэтому они отличаются исключительной отделкой кожи и наличием металлических блях на крышке Расположение медных или серебряных бляшек всегда строго выдерживает симметрию и составляет определенный узор Края кошелька имеют пластинчатые или трубчатые зажимчики в верхней части, а в нижней—мелкие пластинчатые зажимчики с заклепками Верхний зажимчик почти всегда крупнее, иногда имеет петельку, к которой подвешивались цепочка или ремешок для украшений

Уникальным является украшение кошелька из погребения 19 Веселовского могильника На крышке помещена серебряная с позолотой пластинка с изображением древа жизни и двух зверей, стоящих на задних лапах Все поле покрывал сложный растительный орнамент (рис 49)

Крышки кошельков из погребений 15 и 19 Веселовского могильника украшены тонкой серебряной ниткой, прошитой параллельными полосами (рис 46)

Кошельки в памятниках Среднего Поволжья встречаются также и у мордвы Их нет в Прикамье, нет в северных областях европейской части СССР Находили их в Танкеевском могильнике²⁴⁸, (п 135 и др), в Крюковско-Кужновском²⁴⁹, которые очень близки к кошельку из погребения 5 Веселовского могильника (рис 44) В погребении 169 Крюковско-Кужновского могильника было 3 кошелька, украшенных серебрянными бляшками²⁵⁰

Из других районов, расположенных сравнительно близко к древнемарийским могильни-

²⁴⁸ Раскопки А. Х. Халикова Кабинет археологии ИЯЛИ АН СССР

²⁴⁹ Иванов П. П. Указ соч. таб. XII—1—3

²⁵⁰ Там же таб. XII—3

кам, укажем Владимирские курганы, откуда известны находки кошелька из прошитой кожи, украшенной медными бляшками²⁵¹

Бликие аналогии марийским кошелькам имеются на территории Карпато-Дунайского бассейна в венгерских погребениях X в. По свидетельству И. Эрдейи²⁵², их там найдено более чем в пятнадцати местах Рисунок таких кошельков приводятся в работах Хампеля²⁵³, Феттиха²⁵⁴, Д. Ласло²⁵⁵, Н. Мавродинова²⁵⁶

Можно отметить два способа крепления кошельков к поясу: первый—при помощи ремешка с накладками (рис 47) и с помощью двух или трех узких гладких или плетеных ремешков (рис 45, 46)

Кошельки вошли в моду древних мариинцев от кочевников Но заимствуя от южных племен, марийцы сделали их элементом национальной культуры настолько, что они сохранились вплоть до начала XX в. и играли большую роль в костюме, как, впрочем, и пояс вообще

Обувь и украшения обуви Довольно часто в древнемарийских могильниках встречаются остатки обуви с оригинальными украшениями Среди находок в нескольких случаях были обнаружены почти целые или большие фрагменты обуви, что дает возможность реконструировать обувь различных вариантов

Обувь изготовлялась из целого куска или двух кусков сыромятной кожи Обработка кожи не всегда была тщательной в нескольких случаях заметны следы шерсти По бортику обуви через прорезы были продеты узкие ремешки, стягивающиеся у щиколотки или обертывающиеся вокруг голени (рис 50). Бнурь на подошву иногда клали бересту

Украшения обуви довольно однотипны Среди по сторонам прикреплялись спиральные очковидные петельные подвески, между которыми на носке пришивались ремешки с медными спиральками (гранеными или проволоочными) или медные цепочки На задниках чаще всего помещали круглые умбовидные бляшки Ремешки, стягивавшие обувь, иногда имели медные бусы (рис 50—1)

Петельные боковые подвески (1 тип) встречаются в основном трех вариантов

²⁵¹ Спицын А. А. Владимирские курганы с 105 Уваров А. С. Меряне с 793 № 831

²⁵² Эрдейи И. Венгры в Лебедии Материальная культура венгров IX—X вв. Автореферат канд. диссертации Л. 1959 стр. 11

²⁵³ Hampel I. Указ соч. т. II с. 456 рис. 33 с 518, рис. 360 с 593, рис. 400, с 596 рис. 403—405

²⁵⁴ Fettesch N. Указ соч. таб. XLII—LXV

²⁵⁵ Laszlo L. v. Жизнь венгерского народа во время завоевания страны, 1944 (на венгерском языке), таб. V XXXI

²⁵⁶ Mavrodinov N. Указ соч.

а—основные подвески в виде парных спиралевидных кружков (очковидные) и дужкой сверху (рис. 51—6, 13; рис. 52—6—11). Внизу на трех или четырех петельках висят лапки или каплевидные привески. На обороте одной или двумя петлями подвеска ремешками прикреплялась к обуви. За верхнюю дужку продевались ремешки, стягивающие чулок или портянки.

Как правило, спиралевидные кружки выпуклые и лишь немногие плоские.

б—разновидность подвески типа 1-а—отсутствуют нижние петельки и лапки (рис. 51—19—21; рис. 52—12).

в—дужка соединена у основания перекладиной и на каждом конце дужка снабжена свальным широким кольцом, находящимся под прямым углом к плоскости (рис. 51—15—18). Лишь одна привеска имеет круглую дужку и перпендикулярно к ней тройное кольцо (рис. 51—22).

Исключением является одна небольшая привеска (рис. 52—13).

II тип—умбоновидные бляшки, имеют 2 варианта:

а—бляшка круглая со спиральным узором и пирамидками зерни по краю. На обороте петля. Внизу от трех до семи петель с лапчатыми или бутыльчатыми (редко) привесками (рис. 51—1, 2, 3, 5; рис. 52—2—4). Разновидностью этого варианта являются бляшки без пирамидок зерни (рис. 51—4; рис. 52—5).

б—такие же бляшки, но без привесок.

Количественное распределение типов привесок показано на таблице К.

Т а б л и ц а К

Могильники	Умбоновидные		Очковидные		Дужка с переклад.	Дужка с петелькой	Всего
	с тремя и более привесками	без привесок	с привесками	без привесок			
Всселовский «Черемисское кладбище»	6	—	11	1	—	—	18
Дубовский	7	—	16	3	9	—	35
Кантаурово	—	—	2	—	—	—	2
Борисково	—	—	2	—	—	—	2
Юмский	7	1	15	1	10	—	34
Кочергинский	—	—	2	—	6	—	8
Испьяльский	1	—	2	—	—	2	5
Всего:	21	1	50	8	25	2	107

Подвески I типа являются характерными для древнемарийских могильников. За пределами Ветлужско-Вягского междуречья они встречаются единично. Подвески типа 1-а за пределами наших районов встречены всего в

7 пунктах на большой территории²⁵⁷: в Приладожье (Новосельск), Ярославском Поволжье (Михайловский могильник), в Прикамье (Кудымкарское городище, Михалевский и Пятигорский могильники); на Чепце (Поломский могильник, Мыдлань-Шай)²⁵⁸.

Подвески типа 1-б есть в Подболотьево²⁵⁹ и 2 экземпляра из кургана 120 Петровского могильника²⁶⁰. Подвески типа 1-в есть в Поломском могильнике²⁶¹.

Умбоновидные бляшки найдены в 6 местах: в Приладожье (ст. Мишкино, Винница, Яровщина) и Подвинье (Аксеново)²⁶², Муромском²⁶³, Максимовском²⁶⁴ и Подболотьевском²⁶⁵ могильниках. Из этих могильников лишь Муромский дает в массе подобные бляшки, так же как и древнемарийские могильники.

ОРУДИЯ ТРУДА И ОРУЖИЕ

Эта категория вещей представлена топорами, ножами, копьями, стрелами и т. п.

Топоры. Всего найдено в мужских и женских погребениях 61 топор. Их трудно разделить на хозяйственные и боевые. По-видимому, топоры любого типа в минуту опасности могли применяться как боевые. Из 61 топора лишь 2 можно считать боевыми—это топоры с молоточками на обухе.

При систематизации и типологии топоров нами за основу приняты формы проухов, втулок и лезвия. По первым двум признакам они делятся на группы.

Размеры топоров мы даем лишь в двух измерениях: длина в целом и ширина лезвия в см. Эти данные нами сведены в таблицу Л. Группа А—втульчатые, представлены 4 разновидностями, включающими 14 экземпляров (рис. 53—1—4).

Втулка топоров всегда цилиндрическая и имеет плоское дно, иногда немного уже внешнего края втулки. Следовательно, топориче имело тупой срезанный конец. Способ насаживания топорича не представляет собой нововведения для того времени.

²⁵⁷ Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, 3, рис. 5.

²⁵⁸ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. VI—10.

²⁵⁹ ГИМ, инв. № 95/34-а; 95/38-б; 93/32-а.

²⁶⁰ Мальм В. А. Изделия из ювелирно-литейного производства. Сб. Ярославское Поволжье X—XI вв., с. 37, рис. 21—10.

²⁶¹ МАЭ, кол. № 1384, № 502—504. Раскопки Тарасова 1907 г.

²⁶² Голубева Л. А. Указ. соч., рис. 5.

²⁶³ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXXIX—3.

²⁶⁴ Там же, табл. XXV—10.

²⁶⁵ ГИМ, II отдел, №№ 811/715; 95/12а; 95/13а; 95/3а.

Таблица 11

	№№ пп	Размеры	Типы		№№ пп	Размеры	Типы		
Дубовский могильник				«Черемисское кладбище»					
	1	18,5×6,3	БIVв		1	15×4	Ав		
	3	18×7	БIIIж		БIVс				
	4	14,5×4,7	Аа		БIIб				
	15	16,5×8	В		БIIIв				
	17	17×7,5	БIIб		БIVа				
	18	16,5×7,8	БIVв		БIVб				
	19	17,5×6,7	БIVв		БIIIе				
	24	19,5×7,3	БIVв		Аб				
	25	18,5×5,2	АГ		БIIб				
	25	16,3×5,7	БIв		БIIIе				
	30	19,3×6,7	БIVв		БIIIг				
	сл. н.	7×4,5	Аа		БIIIд				
		19,5×5,5	АГ						
		22×8	БIг						
		17,5×6,5	БIVв						
	Беселевский могильник	2	13,5×4		Аа	Руткинский могильник	1	18×7	БIVв
		4	18,5×7,5		БIIIе		2	19×8	БIVв
		5	18,5×8,5		БIг		случ. наход.	18,6×9,5	БIIIб
		12	17,5×5,7		Аб				
		13	21,7×4,5		Г				
		15	22×8		БIIа		1	21,5×7,5	БIб
		16	17,5×4,5		Аб		Б/2	16,5×8	БIIIв
		23	20,5×11		БIIIг				
		25	20,5×10,5		БIIIз				
		28	19×8		БIIIи				
		30	16,7×6,5		БIIб		2	14×3,5	Аа
		сл. н.	19,7×7		БIVв		4	16×7,5	БIVс
			18,5×6,5		БIVв		5	21,1×6,7	БIVд
			16,7×4,5		Аб		7	22,5×7	БIа
		14,5×6	БIIIа		аб/4		15×4,5	Аб	
	19×7,2	БIIIе							
	19×7,5	БIVб	3	15,4×4,8	Ав				
	17,2×7	БIVв	5	16,6×4	Г				
	19,3×8	БIVг							
			Кочергинский мо- гильник						

Появление втульчатых топоров можно отнести еще к I тысячелетию до н. э. (Каширское городище). Распространены они во всей европейской части СССР, преимущественно в северных, лесных районах. Они известны в могильниках I тыс. н. э.: Кошибеевском, Селиженском²⁶⁶ и многих других. В Кошибеевском, как считал А. А. Спицын, топоры встречены исключительно в мужских погребениях, почти у половины общего числа их²⁶⁷. Подобные кельты есть в Борковском и Кузьминском могильниках²⁶⁸. Там также они находились в мужских погребениях (в 60% от общего числа мужских захоронений), причем большая часть их оказалась вместе с другими предметами вооружения. А. Е. Алихова предполагает связь топоров этого типа мордовских могильников рубежа I и II тыс. н. э. с топорами из Кошибеевского могильника²⁶⁶. В бассейне Камы втульчатые топоры встречаются в памятниках середины I тыс. н. э. типа Азелинского могильника—в Суворовском на Вятке, Мари-Луговском на Волге²⁷⁰. В памятниках более раннего времени таких топоров нет.

Появившись в первой половине I тысячелетия до н. э., втульчатые топоры у финно-угорских народов бытуют до X—XI вв., сосуществуя с проушными топорами. Позднее они становятся изогнутыми, коленчатыми. Промаривая втульчатые топоры, можно отметить увеличение их размеров. Если к середине I тысячелетия н. э. они имели в среднем размеры 10—15 см, то к концу I тысячелетия достигают 20 и более сантиметров; наряду с которыми сохраняются, однако, и короткие. Угол наклона оси втулки к оси лезвия у топоров древних марийцев увеличивается незначительно: в среднем он в пределах 4—7° (от 0° до 8—9°).

Аналогичные топоры встречены в памятниках VIII—XI вв., таких, как могильник у колхоза «Красный Восток»²⁷¹, у пос. Заря²⁷².

²⁶⁶ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XII—4 Полесских М. Р. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4, рис. 4—3 (погр. 85).

²⁶⁷ Спицын А. А. Указ. соч., с. 11—12.

²⁶⁸ Там же, с. 31—32.

²⁶⁹ Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I—начала II тысячелетия н. э. с. 24.

²⁷⁰ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. БАУ, вып. 5, Свердловск—Ижевск, 1963, табл. XVI—1—3 (пп. 1, 15, 24. Всего 12 топоров). Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды МарАЭ, т. II, Йошкар-Ола, 1962, табл. XXXVII—11—14 (пп. 86, 23, 30, 55).

²⁷¹ Алихова А. Е. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, вып. XXIX, М., 1949 (погр. 1, датируется VII в.).

²⁷² Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (Могильник у пос. Заря). рис. 9.

Крюковско-Кужновский²⁷³, Погибловский²⁷⁴, Перемчалкинский²⁷⁵, Волчихинский²⁷⁶, Хотимльский²⁷⁷, Лядинский²⁷⁸, Муромский²⁷⁹, Загарский²⁸⁰, Бигер-Шай²⁸¹, распространены они в Финляндии и Прибалтике²⁸². Втульчатые топоры Прибалтики имеют некоторые отличия, у них встречается втулка не с плоским дном, а с заостренным, как например топор из городища Кентескалнс. Датируется топор VII—VIII вв.²⁸³.

Группа Б. В эту группу включены проушные топоры с разного вида щековицами. Форма щековиц послужила признаком, определяющим выделение типов. Последние делятся на разновидности.

I тип (БI) объединяет узкие клиновидные топоры с 2 парами щековиц. Топоров этого типа 5 экземпляров. Разновидности установлены по небольшому различиям в форме обуха и клина.

Для топоров типа БIа характерны вытянутый узкий клин с косым срезом лезвия и довольно массивными щековицами (рис. 54—1). Разновидность БIб по форме клина близка к предыдущим топорам, но часть обуха со щековицами ближе к ромбической форме. Разновидность БIв имеет более массивный клин и щековицы с острыми отрогками (рис. 54—2). Разновидность БIг отличается от предыдущих изгибом линии клина, с тенденцией к расширению лезвия (рис. 54—3, 4).

В. П. Левашева, специально разбиравшая типы древнерусских топоров²⁸⁴, отмечает, что на европейской территории СССР такая форма топора (отличаясь от древнерусских лишь второстепенными признаками), появилась еще в первой половине I тысячелетия н. э. (Кошибеевский могильник и другие находки) и быто-

²⁷³ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXXVII—5, XXXIX—3; XL—3, 5, 6.

²⁷⁴ Горюнова Е. И. Погибловский могильник, табл. XVI—3.

²⁷⁵ Алихова А. Е. Перемчалкинский могильник, табл. VI—2.

²⁷⁶ ГОМ, 4053—11.

²⁷⁷ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 56—12.

²⁷⁸ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. X—10. Aspelin I. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, вып. III. Helsinki. 1878. рис. 842—845.

²⁷⁹ Горюнова Е. И. Мурмский могильник. КСИИМК, 52, 1953, рис. 10—5.

²⁸⁰ Спицын А. А. Древности Камской чудии..., табл. XXVII—19.

²⁸¹ УРКМ. Колл. оп. 196, № 1404.

²⁸² Aspelin I. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, вып. 5, Paris, 1884, № 1732.

²⁸³ Струбавс А. Я. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, табл. II—8.

²⁸⁴ Левашова В. П. Сельское хозяйство. Сб. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, с. 40—41.

вала в лесной полосе одновременно с втульчатыми топорами, постепенно вытесняя последних.

Ширина лезвия у наших топоров составляет, примерно, 1/3 высоты бойка.

Топоры аналогичных форм можно указать в Лядинском²⁸⁵, Крюковско-Кужновском²⁸⁶, Волчихинском²⁸⁷ могильниках, известны в Муромском районе Владимирской обл.²⁸⁸, в мерянских древностях²⁸⁹, в Болгарах, в районе Моршанска Тамбовской обл.²⁹⁰ Топоры несколько короче наших есть в Люцинском могильнике²⁹¹.

Топоры типа Б1в имеют аналогии в Церемчалкинском²⁹², Ефаевском²⁹³, Новленском²⁹⁴, Пятницком²⁹⁵ и Лядинском²⁹⁶ могильниках. Близки топоры из Максимовского могильника (там всего 5 экз.), где была монета X в. (Генрих IV Баварский—995—1002)²⁹⁷.

Топоры типа Б1г имеют аналогии в Крюковско-Кужновском могильнике²⁹⁸.

А. П. Смирнов считает, что топоры типа Б1 характерны для эпохи VII—X вв.²⁹⁹ В. П. Левашова, как мы уже отмечали, появление топоров этого типа относит к первой половине I тысячелетия н. э. и указывает, что у русских эллиновидные узколезвийные топоры не встречаются позже X в., а у финских они есть и в XIV в. (Старосотенский могильник)³⁰⁰.

По нашим материалам мы не имеем возможности определить хронологические границы бытования топоров этого типа. Отметим, что их нет в Мари-Луговском (IV—V вв.), Азелинском и Суворовском (III—VI вв.),

Младшем Ахмыловском (V—VII вв.) могильниках Ветлужско-Вягского междуречья. Впервые встречаются они лишь в IX—XI вв.

Тип Б11—лопастные (6 экз.). Топоры этого типа являются развитием форм топоров предыдущего типа (рис. 55—1—3). В исследуемых могильниках нет топоров переходных от топоров типа Б1 к типу Б11 форм, как это отмечено В. П. Левашовой для древнерусских топоров. Наши топоры можно считать развитой формой топоров этого типа: выемки между лезвием и обухом довольно большие и форма всех топоров устойчива. Можно предположить, что этот тип топоров заимствован от соседних племен.

Аналогии этим топорам встречены в курганах Ярославской и Владимирской областей и в кургане № 6 у с. Видлицы в Приладожье³⁰¹. Если подходить строго к морфологическим особенностям топора, то за пределами этих двух областей, Приладожья и Ветлужско-Волжского бассейна с марийскими памятниками IX—XI вв., таких топоров нет. Возможно, В. П. Левашова права, указывая Ленинградскую область, где имеются переходные типы топоров от II к III (по ее типологии). По-видимому, наши топоры типа Б11 происходят из Ярославской и Владимирской областей. Интересно отметить отсутствие таких топоров в мордовских древностях и в Прикамье.

Происхождение топоров этого типа А. Н. Кирпичников связывает с Центральной и Северной Европой, где они известны с VIII—IX вв.³⁰²

Тип Б11а (15 экземпляров). Объединяет топоры лопастные, с выемкой с внутренней стороны и круглым молоточковидным (2 экз.) обухом с щековицами (рис. 56—1—6). Можно выделить 3 разновидности этого типа. Разновидность Б11а по-существу не имеет выемки, но намечается за счет расширения лезвия (рис. 56—1—3). Аналогии топорам этой разновидности нам неизвестны.

Разновидность топора Б11б с лопастью и выемкой (рис. 56—4—6) встречаются на широкой территории. Они есть в курганах Ярославской и Владимирской областей³⁰³, в кургане № 7 у дер. Яровщина³⁰⁴, в кургане 17 у д. Красная Заря³⁰⁵, есть у болгар³⁰⁶, в кургане

²⁸⁵ Ястребов В. Н. Указ соч., табл. X—3, 10. Aspelin I R. Указ соч., вып. III, рис. 841.

²⁸⁶ Иванов П. П. Указ соч., табл. XXXIX—4 (п. 313).

²⁸⁷ ГОМ, 4097—24.

²⁸⁸ Aspelin I R. Указ соч., вып. III, рис. 902.

²⁸⁹ Там же, рис. 935.

²⁹⁰ Ястребов В. Н. Указ соч., с. 50.

²⁹¹ МАР, № 14, табл. XV—7.

²⁹² Алихова А. Е. Церемчалкинский могильник, табл. IV—18.

²⁹³ Горюнова Е. И. Ефаевский могильник. Археологический сборник, т. I, Саранск, 1948, табл. XXIV—2.

²⁹⁴ Макаренко Н. Новленский и Заколпский могильники Владимир, 1908, рис. 4, с. 14. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 58—13.

²⁹⁵ ГОМ, 4028—24.

²⁹⁶ Aspelin I R. Указ соч., вып. III, рис. 839, вып. IV, Helsinki 1880, рис. 1585.

²⁹⁷ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXXVIII—19 и с. 48.

²⁹⁸ Иванов П. П. Указ соч., табл. XXXVI—6 (п. 12).

²⁹⁹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья, с. 121.

³⁰⁰ Алихова А. Е. Старосотенский могильник. Археологический сборник, вып. I, Саранск, 1948, табл. V—64.

³⁰¹ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, табл. VI—3 и др. Aspelin I R. Указ соч., вып. III, рис. 934 (Переяславль Ростовский).

³⁰² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2 САИ EI-36 М—Л 1966, с. 38 (со ссылкой на P. Paylsen).

³⁰³ Левашова В. П. Указ соч., рис. 11, №№ 21, 22.

³⁰⁴ Равдоникас В. И. Указ соч., табл. VIII—4 (дата по рукояти огива—X в.).

³⁰⁵ Там же, табл. XV—20.

³⁰⁶ Хлебникова Т. А. Основные производства волжских болгар периода X—начала XIII вв.

№ 3 у с. Видлицы³⁰⁷. В Прикамье на городище Сабанчи-Кар³⁰⁸, 2 топора на Донды-Карском городище³⁰⁹, в могильнике Бигер-Шай Весья Карский³¹⁰, в Финляндии³¹¹, у славян³¹².

Топоры типа БIIIб (тип V по нему) А. Н. Кирпичников назвал финско-русскими для X—XII вв.³¹³. Происхождение этих топоров связано с европейским севером. Появившись еще в VII—VIII в.³¹⁴ на Скандинавском полуострове, они позднее распространяются на север нашей страны.

Топоры разновидности БIIIв имеют наметившийся молоточек на обухе (рис. 57—1,2). Небольшие молоточки имеются у топоров подобного же типа, но отличающиеся наличием двух пар круглых щековиц, выделенных нами в следующую группу.

Тип БIV (18 экземпляров)—наиболее распространенный тип в древнемарийских могильниках. Две пары круглых щековиц имеют небольшие подчетыреугольной формы молоточки (рис. 58—1—6). Наибольшее количество топоров (11 из 18) имеют пропорции, близкие к топору типа рис. 58—5.

Топоры с небольшим молоточковидным обухом распространены довольно широко. Они известны в Прикамье³¹⁵, в Окских могильниках, у славян³¹⁶. Однако все эти топоры имеют совершенно другую форму лезвия — они изколезвийные клиновидные.

Топоры с круглыми щековицами и зачатками молоточка на тыльной части обуха В. П. Левашова считает болгарской формой, типичной для Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Распространены они также и в Венгрии³¹⁷, встречается в Салтовских памятниках VIII—IX вв., когда, по-видимому, они и появились. Г. А. Хлебникова отмечает широкое бытование подобных топоров у волжских болгар. Они известны в Билярском, Кокрятском, Хулаш-

ском городищах и в районах Полянок и Балымер³¹⁸.

Тип В (1 экз.). Кроме щековиц имеет еще горизонтальные отростки обуха (рис. 58—7). В. П. Левашова считает, что такие топоры характерны для русских памятников X—XIII вв. и встречаются по всей территории древней Руси; известны у западных славян, но преобладают в памятниках Белоруссии и Смоленской земли.

В. Н. Ястребов такие топоры назвал датскими боевыми секирами и очертил их довольно обширный ареал от Аландских островов до Пермского края на севере и Билярска на юге³¹⁹.

Тип Г (2 экз.). Боевые топоры (чеканы). Удлиненные, с вытянутым обухом (рис. 57—4). Топоры этого типа, отличаясь лишь некоторыми деталями, распространены довольно широко. Они есть как в лесных, так и в степных районах³²⁰. Впервые чекан в Восточной Европе появился в скифское время и в VIII—IX вв. распространен на большой территории от Прикамья до Венгрии, Чехии и Румынии³²¹.

Наши чеканы относятся к I типу по классификации А. Н. Кирпичникова и относятся ко времени не позже XI в. Аналогичный чекан из погребения 81 Подболотьевского могильника А. Н. Кирпичников датирует IX—X вв.

Ножи (рис. 59) являются одной из наиболее распространенных находок в погребениях древних марийцев. Нами учтен 71 нож целый и в обломках. Размеры целых, доступных измерению, сведены в таблицу М.

Как видно из таблицы, наибольшая длина ножа 20 см, клинка 17,3 см, наименьшая длина клинка 6,5 см. Средняя длина клинка в пределах 9—12 см. Ширина клинка довольно стандартная—1,3—1,5 см (измерения сделаны с учетом сточенности лезвия). Ширина спинки в пределах 1,5—2,5 см.

В погребениях ножи расположены в различных местах: в изголовье (в составе клада или отдельно), в ногах (то же в составе клада или отдельно), чаще в области таза с обеих сторон. Вероятно, ножи подвешивались к поясу в ножнах. Нож при костяке 3 Кочергинского могильника висел, по-видимому, на цепочках.

Форма ножей типичная: лезвия с прямой

³⁰⁷ Раевоникас В. И. Указ. соч., табл. V—14.

³⁰⁸ Матвеев С. Г. Городище Сабанчи-Кар. Труды научного общества по изучению Вотского края, вып. V, 1928, табл. 3, № 20.

³⁰⁹ Смирнов А. П. Донды-Карское городище, 41—42.

³¹⁰ ВРКМ, колл. 196, № 1403.

³¹¹ Aspelin I. R. Указ. соч., вып. IV, рис. 1549.

³¹² Niederle L. Manuel de l'Antiquité Slave, t. II, Paris, 1926, с. 281, fig. 107.

³¹³ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 38.

³¹⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands, t. II. Helsinki, 1951, с. 19—20.

³¹⁵ Генинг В. Ф. Деменковский могильник. ВАУ.

³¹⁶ Ястребов В. Н. Свердловск, 1964, табл. IX Бадер О. Н. и

³¹⁷ Бурин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь,

³¹⁸ с. 49 (из Баяновского могильника). Смирнов

³¹⁹ П. Могильник Бигер-Шай, СА, IV, 1937, (п. 9).

³²⁰ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна

³²¹ реки Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, М.,

³²² рис. 25, № 11.

³²³ Левашова В. П. Указ. соч., с. 48.

³¹⁸ Хлебникова Т. А. Указ. соч., с. 6, с. 48 диссерт.

³¹⁹ Ястребов В. Н. Указ. соч., с. 50—51

³²⁰ Спицын А. А. Древности Камской, чуди..., табл. XXXVII-2 (д. Вакино). Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXXVI—5, 7; табл. XXXIX-1. Плестнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, № 62, М., 1958, рис. 3 (печенежские древности IX—X вв.).

³²¹ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 33.

Таблица М

№№ п.п.	Могильник		Размеры в см		
			общая длина	длина лезвия	ширина лезвия
1.	Дубовский	1	?	9,5	1,2
2.	«—»	2	13,5	10,5	1,3
3.	«—»	4	14,3	9,5	1,6
4.	«—»	10	12,5	7,0	1,3
5.	«—»	14	?	7,0	1,5
6.	«—»	15	15,2	11,8	1,5
7.	«—»	17	15,0	11,0	1,8
8.	«—»	19	17,8	11,0	1,5
9.	Веселовский	4	15,3	7,2	1,2
10.	«—»	6	13,0	9,0	1,5
11.	«—»	6	16,0	11,0	1,2
12.	«—»	13	9,2	6,5	1,2
13.	«—»	19	18,0	12,5	1,1
14.	Юмский	2	20,0	9,0	1,2
15.	«—»	2	?	17,3	1,7
16.	«—»	4	12,3	9,0	1,2
17.	«—»	5	14,0	11,0	1,4
18.	«—»	6	18,0	11,7	1,7
19.	«—»	6	15,5	10,6	1,3
20.	Руткинский	1	16,5	11,0	1,3
21.	«—»	2	?	7,5	1,2
22.	«Черемисское к.ладбище»	6	13,3	9,0	1,5

спинкой с уступчиком сверху и снизу к черешку. Черешок суживается к концу, сечение его четырехугольное, очень редко—круглое. Нередко на переходе лезвия к черешку имеется насаженный овальный хомутик.

Рукоятки ножей деревянные и костяные. Они обмотаны у лезвия серебряной или медной тонкой проволокой. Изредка применялся и бронзовый ободок (погребение 4 Кочергинского могильника). Ножи с черенками, обтянутыми серебряной проволокой, встречаются в мерянских древностях³²², в Гнездовском могильнике³²³, в верховьях Вычегды³²⁴.

Почти все ножи находились в ножнах. Это деревянные футлярчики, обтянутые кожей, сверху иногда накладывались металлические пластинчатые декоративные обоймочки или накладки, орнаментированные зигзаговыми узорами, близкими к узорам на перстнях и концах пластинчатых браслетов. В погребении 3 «Черемисского кладбища» вместе с ножом в ножнах в чехольчике были остатки железного шила. Условие расположения их в погребении допускает предположение, что они были свя-

³²² Уваров А. С. Меряне..., с. 790, 800, 805, 828, 844.

³²³ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, с. 105.

³²⁴ Савельева Э. А. Пермь Вычегодская, М., 1971, табл. 19—16—18 (начала II тыс. н. э.).

заны между собой кожаной лентой (шнурком)—рис. 59—7.

Ножны, обтянутые кожей и имеющие декоративные медные или серебряные пластинки, характерны для прибалтийских и приладожских захоронений, изредка встречались в Финляндии, были встречены на острове Готланд³²⁵. Их орнаментация и отделка отличается от древнемарийских, но принцип устройства один.

Интересными являются имитации кинжала в ножнах, обнаруженных в погр. 3 и 5 Веселовского могильника и 2 и 6 Юмского. Последние сохранились плохо, но близки к ножнам Веселовского могильника. Всего было 5 имитаций ножен, в погребении 5 Веселовского могильника—2, с обоих боков, были они совершенно аналогичными. Хорошо сохранились ножны с левого бока, описание которых мы и даем.

Основа их деревянная с железным стержнем внутри, обтянута кожей и серебряными листами. С обратной стороны сверху наложена медная пластинка, верхний конец которой приклепан к ножне. Нижний конец обмотан вместе с ножнами шерстяной ниткой (рис. 60).

На лицевой стороне ножен имеется декоративное оформление и по характеру можно разделить на два поля. В верхней части наложены серебряные ромбические накладки с циркульным орнаментом и серебряные геральдические обоймочки с позолотой. В нижней части на серебряной пластине даны изображения шести дужек со спиралевидными концами сгруппированных по три. Фон этих изображений позолочен.

Справа от них висел ремешок с сердцевидными накладками и штампованной концевой накладкой.

Устройство имитации кинжала из погребения 3 Веселовского могильника выглядит следующим образом. Ножны сложены из двух тонких липовых дощечек, между которыми пропущена железная тупая модель ножа очень коротким лезвием. Все это обтянуто кожей. По внешней стороне одной деревянной дощечки приложена тонкая медная пластинка, оканчивающаяся в верхней части небольшим выемом, через которую пропущен кожаный ремешок, связывающий обе дощечки. Пластинка удерживает также тонкую обкладку из листового серебра, в верхней части имеющей позолоту. Изображение на обкладке в виде дужек со спиральными концами аналогично изображению на пластине из погребения 5.

³²⁵ Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб, 189, табл. XII—1, 12, 13. Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии, табл. XIX—26; XVIII—10.

Деревянные ножны с пластинчатыми серебряными оправами встречены в Крюковско-Кужновском могильнике³²⁶, в могильниках Мыдлань-Шай³²⁷, в Каневском³²⁸, Плесинском³²⁹. Аналогичное оформление ножен сабли мы имеем из Юмского могильника³³⁰. Н. А. Мажитов отметил, что ножны, подобные нашим, имеются в Старо-Халиловских курганах VIII—IX вв.³³¹.

Мотыжки. В древнемарийских могильниках найдено 7 мотыг. Это довольно короткие орудия, с рабочей частью несколько шире или уже втулки (рис. 61—10; 62—9).

Мотыжки в IX—XI вв. распространены широко, впервые появляясь в середине I тысячелетия н. э. (Коновлятское селище, IV—V вв.). А. Е. Алихова отмечает, что мотыги характерны для салтовской культуры³³². Ареал их—Алтай, Кавказ и территория салтовской культуры, мери, мари, удмуртов и мордвы. Из соседних с марийцами территорий отметим мотыгу из могильников Мыдлань-Шай³³³, Урынского³³⁴, Кыласово³³⁵, Сарского городища³³⁶, из могильников у пос. Заря³³⁷, Крюковско-Кужновского³³⁸, Пановского и Елизавет-Михайловского могильников³³⁹.

В. А. Оборин отмечает, что мотыжки из средневековых памятников Прикамья по виду напоминают коми-пермяцкую мотыгу «куштан», которая до XX в. служила для обработки гарей и палов³⁴⁰. И у марийцев еще в XIX в. существовали железные мотыги, насаженные

на коленчатую рукоять, служившие для добытия корней марены³⁴¹.

Скобели. В нескольких мужских погребениях были найдены железные скобели (рис. 61—7,9). Скобели представляют собой ножевидное лезвие с двумя поперечными черенками на концах лезвия. На черенки надевались деревянные рукоятки. Клинки лезвия почти прямые. Размеры двух наиболее сохранившихся скобелей—ширина 15 и 17 мм; толщина спинки 4 и 5 мм.

Скобели в Европе известны с латенского времени³⁴². Дешелетт считает их преимущественно орудиями бочаров и тележников. В соседних с марийцами районах скобели появились в середине I тысячелетия н. э. (Бирский³⁴³, Азелинский³⁴⁴ могильники). К более позднему времени относится скобель из Кужендеевского могильника³⁴⁵, Саркела-Белой Вежи славянского периода жизни³⁴⁶ и др.

Ложкарь. В одном экземпляре был найден железный ложкарь (Юмский могильник)—рис. 61—8. Ложкари известны также, примерно, с середины I тысячелетия н. э. Так, он был найден в погребении кузнеца Азелинского могильника³⁴⁷. В это же время известен ложкарь в дьяковских памятниках с рубежа нашей эры³⁴⁸.

Формочки и льячки. Относятся к предметам литейного дела. Формочки, в основном, были для отливки мелких украшений (рис. 62—1). Большинство дошло до нас в обломках, так как они сделаны из известняка, породы мягкой и быстро распадающейся.

Льячки представляют собой глиняный ковшичек с носком для слива и втульчатой ручкой. Изредка ручка с лицевой стороны украшалась орнаментом в виде заштрихованных ромбов (рис. 63—1,2): В Юмском могильнике льячки меньше размером и сохранились лишь в обломках, что объясняется худшим качеством глины (рис. 63—3,4).

Льячки из могильников по форме очень

³²⁶ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXVII—1; табл. XXXIII—3 (п. 175).

³²⁷ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. VII—1, 2, 3 (пп. 21, 74, 79).

³²⁸ Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук, вып. 2. Казань, 1959, с. 194, рис. 9.

³²⁹ Оборин В. А. Раскопки памятников железного века в верхнем Прикамье. БАУ, вып. 2, Свердловск, 1962, с. 98, рис. 41—11.

³³⁰ ОАК за 1891 г. СПб, 1893, с. 104.

³³¹ Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение). АЭБ, т. II, Уфа, 1964, с. 156.

³³² Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I—начала II тысячелетия н. э. с., 25.

³³³ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, таб. XII—17.

³³⁴ Бадер О. Н. Оборин В. А. На заре истории Прикамья, рис. 42—8.

³³⁵ Там же, 49—1.

³³⁶ Эдинг Д. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, табл. V—3.

³³⁷ Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря), с. 14—3.

³³⁸ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXIV—8, LXXVII—4.

³³⁹ Материальная культура средне-циннской мордвы III—XI вв., табл. 6, № 11; 25, № 10; 30, № 13.

³⁴⁰ Бадер О. Н. и Оборин В. А. Указ. соч., 148.

³⁴¹ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, с. 65, рис. 40.

³⁴² Dechelet I. Manuel d'archeologic prehistorique celtique et gallo-romaine, II. Paris, 1913, с. 1370, рис. 605.

³⁴³ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. АЭБ, т. II, рис. 2—18.

³⁴⁴ Генинг В. Ф. Азелинская культура табл. XVII—4.

³⁴⁵ Жиганов М. Ф. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша, СА, 1959, № 1, рис. 5—1.

³⁴⁶ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, М.—Л., 1959, с. 160.

³⁴⁷ Генинг В. Ф. Указ. соч., рис. 13—4.

³⁴⁸ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, Л., 1941, с. 62.

близки льячкам из городищ Ветлужско-Вятского междуречья, где их очень много. Так, А. А. Спицын писал, что на Ижевском городище их найдено свыше 80 экземпляров. Много было их и на Еманаевском городище³⁴⁹. Наши раскопки на Ижевском городище так же дали льячки³⁵⁰. В древностях мордовских и мерянских льячки имеют другие формы³⁵¹.

В льячках из погребений VI и XV—XVI «Черемисского кладбища» были остатки сплава свинца (?). Льячки встречены в погребениях 2,20 Веселовского могильника; в погребении 9 Юмского могильника (2 экз.); по 2 экземпляра были в погребениях VI—VII «Черемисского кладбища».

Пряслица (рис. 61—3,4). Всего 2 экземпляра из погребения 27 Веселовского могильника: одно каменное (рис. 61—3), второе глиняное (рис. 61—4). Близкой формы каменное пряслице происходит из мерянского Сунгиревского селища, которое Е. И. Горюнова датирует VIII—X вв.³⁵². Каменные пряслица в Ветлужско-Вятском междуречье встречаются с эпохи бронзы³⁵³. Глиняные пряслица аналогичной формы широко распространены с I тыс. до н. э. Пряслица встречаются и на древнемарийских городищах³⁵⁴.

Шилья (рис. 61; 64). В нескольких погребениях найдены шилья, изготовленные из круглого в сечении дрота с заостренным концом и раскованным другим концом (11 экз.). В большинстве случаев сохранились костяные ручки. В одном случае ручка у основания шила обмотана тонкой серебряной проволокой, как у ручек ножа (рис. 61—2), в другом—ручка с раздвоенным концом (рис. 61—1).

Встречены шилья с подтреугольной формы костяной ручкой (рис. 64—3,5).

Шило из погребения 11 Веселовского могильника заострялось от середины к концам, один из них вставлялся в рукоятку (рис. 64—3).

Были найдены и несколько обломков железных шильев, сильно деформированных.

В «Черемисском кладбище» в 1908 г. были найдены две костяные орнаментированные ручки с остатками стерженька (рис. 62—7,8).

³⁴⁹ Спицын А. А. Приуральский край, с. 149, 150.

³⁵⁰ Архипов Г. А. Ижевское городище (результаты раскопок 1961 г.). Труды МарНИИ, вып. XVII, Йошкар-Ола, 1962, рис. 10—4.

³⁵¹ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XIX—3, 4; XXIII—8; XLII—5, 6. Алихова А. Е. Перемчалкинский могильник, с. 207, табл. IX—5 (п. 6). Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 114, рис. 53—16, 17 (Дурасовское городище), рис. 36—1—6 (Попадьинское селище).

³⁵² Горюнова Е. И. Указ. соч., табл. 20—3.

³⁵³ Спицын А. А. Указ. соч., табл. X.

³⁵⁴ Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР, табл. XLIV—1—3.

Шилья разных форм встречаются в это время широко. Ручку треугольной формы укажем из Поломского могильника³⁵⁵. Наши несколько отличаются по форме и наличием орнамента на одной из них, что характерно вообще для периода IX—XI вв.

Копья. В древнемарийских могильниках их немного—всего 14 экземпляров. Встречены в мужских погребениях, чаще всего вместе с топорами и наконечниками стрел. В «Черемисском кладбище» в трех случаях в погребениях с копьями были железные (2) и медные (1) голты.

Расположение копий в погребениях установить не всегда возможно. Лишь в двух случаях (погребение 5 Веселовского могильника и погребение 3 Кочергинского) копьа были в ногах, причем в Веселовском могильнике копье было воткнуто втулкой в засыпь ямы. Здесь же лежали боевой топор типа рис. 57—4 и проушной типа рис. 53—2. Копье лежало острием в сторону стопы.

В погребении 3 Кочергинского могильника копьа лежали у правой и левой стопы с внешней стороны, втулкой к голове.

Расположение копий из «Черемисского кладбища» раскопок 1908 г. установить невозможно, так как нет точной документации.

Копья в Дубовском и Юмском могильниках были найдены вне погребений.

Классификация и типология древнерусских копий IX—XIV вв. проделана А. Н. Кирпичниковым. Им при этом учтены и находки с территории, занятой до славян финноуграми. При описании наших копий мы воспользуемся классификацией А. Н. Кирпичникова и при определении ареала тех или иных типов будем ссылаться на его сводную работу. Разумеется, будут привлечены для аналогии и другие территории (в частности, Прикамье, имеющее много общих черт с древностями Среднего Поволжья).

По форме пера копья можно разделить на 3 типа.

Тип 1—6 экземпляров. Это копьа с относительно широким пером, удлиненно треугольной формы. Плечики выражены ясно, но переход плавный. Втулка массивна, по ширине всегда уступает ширине пера (рис. 65—1—4). Поперечное сечение пера ромбическое.

Копья этого типа распространены повсеместно, особенно в VIII—XI вв. Происхождение их установить трудно. А. Н. Кирпичников предполагает, что на Руси они связаны с общеславянским прототипом³⁵⁶.

³⁵⁵ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии, рис. 43—17.

³⁵⁶ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 13.

Таблица Н

Распределение типов копий и их размеры

Могильники	Погребения (или уч-ок)	Тип	Размеры в см.			Ширина втулки
			длина общая	длина пера	ширина пера	
Беселовский	5	IB	27,6	11,5	3,0	3,5
Дубовский	Б/5	I	25,5	14,0	3,8	3,5
—«— под матер.		I	?	15,5	4,2	?
«Черемисское кладбище	V	I	24,5	12,5	4,0	3,1
—«—	V	II	23,8	13,0	2,0	2,3
—«—	IX—X	II	?	13,5	1,8	?
—«—	I	I	21,5	11,0	3,9	3,2
—«—	XI	I	20,0	9,0	3,0	?
Юмский	аб/4	IA	25,5	12,5	3,7	3,2
—«—	в/5	I	18,3	10,0	3,5	2,7
—«—	в/5	IB	24,0	11,5	2,5	3,0
—«—	в/5	IA	26,0	15,0	3,2	3,0
Кочергинский	3	I	16,4	10,0	3,4	1,8
—«—	3	IB	26,6	16,6	2,6	2,0

Трудно сказать что-либо определенное о происхождении копий и у финноугорских народов, в том числе у марийцев. Однако следует отметить, что развитие железных копий со втулкой у финноугорских народов можно проследить, начиная с ананьинского времени.

Наши копия ближе к копиям типа IIIA по А. Н. Кирпичникову. Они близки к таким копиям из мерянских, муромских и мордовских районов³⁶⁷. Есть такие и в Прикамье (Поломский³⁶⁸, Деменковский³⁶⁹, Старо-Зянкинский³⁶⁰ и др. могильники).

Ранние формы наконечников копий этого типа есть в могильниках: Бурковском³⁶¹, Мыдлань-Шай³⁶², в Борковском и Кузьминском³⁶³, в могильнике у колхоза «Красный Восток»³⁶⁴; к ранним же формам относятся и копия из Лядинского могильника³⁶⁵, с Попадьянского селища³⁶⁶, из Старшего Кужендеев-

³⁶⁷ Алихова А. Е. Перемчалкинский могильник. Г. 203, табл. V—8; табл. VII—9 (п. 4). ГОМ 4028—25 (Перемчалкинский могильник). ГОМ 4055—6 (Волчинский могильник).

³⁶⁸ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии с. 99, рис. 43—2.

³⁶⁹ Генинг В. Ф. Деменковский могильник—памятник Ломоватовской культуры, табл. IX—8.

³⁶⁰ Кондратьева Г. Т. Археологические и этнографические работы на Чепце. АЭБ, т. II, Уфа, 1964, с. 234, рис. 1—6.

³⁶¹ Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья, рис. 39—10.

³⁶² Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, т. XII—1, 2.

³⁶³ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XII—10.

³⁶⁴ Алихова А. Е. Могильник у колхоза «Красный Восток», КСИИМК, вып. XXIX, 1949, с. 78, рис. 4—4.

³⁶⁵ Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. X—8.

³⁶⁶ Горюнова Е. И. Этническая история Волжского междуречья, рис. 33—23.

ского могильника³⁶⁷ и могильника у пос. Заря³⁶⁸.

Можно признать, что копия I типа зародилась в среде финноугорских племен и распространилась в дальнейшем на огромной территории. Об этом свидетельствует широкое распространение этого типа в IX—начале XI вв., в основном, в землях финноугорских племен и очень редко у славян. В X—XIII вв. такие копия у славян отличаются от своих предшественников, что отметил А. Н. Кирпичников³⁶⁹.

Тип IA—3 экземпляра. Копия этого типа примыкают по форме к типу I. Сечение пера также ромбическое. Отличие заключается в том, что плечи круче и ниже опущены, по краю втулки проложен валик (рис. 66—1, 2, 3).

Аналогии этим копиям встречаются в основном в тех же районах, что и для I типа. Но таких копий значительно меньше, и они, по-видимому, являются переходным типом к копиям с более узким пером и широкой втулкой и почти усеченным основанием треугольного пера.

Укажем на следующие памятники, где есть аналогии копиям этого типа: Борковский и Кузьминский могильники³⁷⁰, могильник Чем-Шай³⁷¹, Лядинский³⁷², Гнездовские курганы³⁷³, Попадьянское селище³⁷⁴, могильники Калининградской области³⁷⁵.

Тип IB—3 экземпляра. Отличается от копий типа I и IA тем, что втулка шире пера, переход от пера ко втулке почти одинаков с типом IA. Два экземпляра имеют утолщения-валики по краю втулки (рис. 66—4, 5), а копьё из погребения 3 Кочергинского могильника кроме того имеет еще 3 рельефных пояса в переходе от втулки к перу. Сечение пера ромбическое и в отличие от предыдущих типов ромб выражено более четко.

По-видимому, это более развитая форма, аналогии имеет в материале Крюковско-Куж-

³⁶⁷ Жиганов М. Ф. Старший Кужендеевский могильник на р. Теша, рис. 6—1.

³⁶⁸ Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря), рис. 7—1 (VII—VIII вв.).

³⁶⁹ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 13—14.

³⁷⁰ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XII—13.

³⁷¹ Матвеев С. Г. Могильник Чем-Шай, с. 19, табл. VIII—13.

³⁷² Ястребов В. Н. Указ. соч., табл. X—30.

³⁷³ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, с. 32, с. 64; рис. 122 (несколько пламевидное перо А. Н. Кирпичниковым объясняется неоднократной заточкой пера).

³⁷⁴ Горюнова Е. И. Указ. соч., рис. 57—18.

³⁷⁵ Гуревич Ф. Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (по материалам Калининградской области). МИА, № 76, М., 1960, рис. 53 (IX—XI вв.).

новского могильника³⁷⁶, Мыдлань-Шае³⁷⁷, Лядинском³⁷⁸, Подболотьевском³⁷⁹, Томниковском³⁸⁰ могильниках, могильнике Бигер-Шай Весья-Карский³⁸¹.

Тип II—2 экземпляра. Копья с ланцетовидным пером и круглой расширяющейся втулкой. Сечение пера ромбическое (рис. 66—6, 7). Найдены только в «Черемисском кладбище». Втулка одного копья сломана; втулка шире пера. По классификации А. Н. Кирпичникова, в этот тип (1) объединяются копья с различным соотношением длины пера и втулки. Наши же копья имеют почти одинаковую длину пера и втулки, несколько, правда, длинее перо. А. Н. Кирпичников отмечает, что чем севернее, тем ланцетовидных копий больше³⁸². Наши копья наибольшую близость имеют с копиями из курганов Юго-Восточного Приладжья³⁸³. Общая датировка этих копий А. Н. Кирпичниковым установлена 900—1050 гг³⁸⁴.

Ряд исследователей (см. ссылку у А. Н. Кирпичникова) считает, что эти копья франкского происхождения. Однако, следует отметить, что прототипы ланцетовидного копья—наконечники лавролистной формы,—были характерны и для финских племен. Исходя из этого, происхождение наших копий можно вести от более ранних лавролистных финских копий.

Такие копья есть в Новленском³⁸⁵, Люцинском³⁸⁶ могильниках.

Сабля. В 1891 г. во время поездки А. А. Спицына на осмотр места находок у д. Загребино (р. Юма) в Вятской губернии были получены от крестьян несколько вещей из могильника³⁸⁷. Среди них оказалась и сабля. Расположение вещей крестьянами не установлено, «лишь известно, что меч лежал концом к реке, вещи были в беспорядке, что их хватали и разрывали»³⁸⁸. Судя по тому, что часть погребений Юмского могильника при раскопках 1957 года

³⁷⁶ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XXXV—2 (п. 88), 5 (п. 164)

³⁷⁷ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. XII-7 (этот экземпляр несколько отличается наличием продольных бороздок на лезвии).

³⁷⁸ Ястребов В. Н. Указ. соч., таб. X—31.

³⁷⁹ ГИМ, 95/27а (п. 28). См. Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г., с. 83.

³⁸⁰ Гос. Эрмитаж, ОИПК, № 758—6, 7.

³⁸¹ УРКМ, колл. он. 196, № 1415, (п. 5).

³⁸² Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 9.

³⁸³ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладжье, табл. II—8, 9; табл. X—7.

³⁸⁴ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 9.

³⁸⁵ Макаренко Н. Новленский и Заколпский могильники. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 125, рис. 58—8.

³⁸⁶ МАР, № 10, табл. XIV—12.

³⁸⁷ ОАК, за 1891 г. СПб, 1893, с. 103—107.

³⁸⁸ Спицын А. А. Поездка летом 1891 г. на р. Юм. (Котельничский у. Вятской губ.). Рукопись. Архив

была расположена ногами к реке, а меч тоже лежал концом к реке, то можно предположить, что он был в погребении, разрушенном крестьянами. К сожалению, ни комплекса, ни способа захоронения установить невозможно, поэтому описание этой находки будет дано вне связи с обстоятельствами находок.

Впервые эта находка в виде фотографии опубликована в Отчете археологической комиссии за 1891 год³⁸⁹, где сопровождалась следующим текстом: «Найденный в одной из кучек меч имел ножны в серебряной оправе с изображением животных и каких-то скобок, и представляет одну из наиболее интересных юмских находок».

Эта находка не нашла интерпретации у А. А. Спицына. Позднее ее ввели в научную литературу³⁹⁰. Однако во всех воспроизводимых рисунках рукоятка изображена наклонно в сторону лезвия, тогда как в первой публикации она имеет прямой вид и полоса, судя по ножнам, была также прямая. Нам, к сожалению, не удалось посмотреть эту находку.

Н. Я. Мерперт в своей обстоятельной статье³⁹¹ очень подробно и убедительно рассмотрел появление сабель в Восточной Европе. Нашла отражение в этой статье и юмская находка под названием «Загребинской сабли» (как и до него). Присоединяясь к Г. Ф. Корзухиной в хронологическом членении сабель на 2 периода—VIII—IX вв. и X—XI вв., Н. Я. Мерперт, однако, в одном месте датирует юмскую саблю X—XI вв. по характеру рукоятки³⁹², в другом месте этой же статьи эту саблю относит к VIII—IX вв., наряду с воробьевской танкеевской саблей, из Крюковско-Кужновского и др. могильников (из Кавказа и Салтовского могильника³⁹³). Он указывает, что вместе с подобной саблей в погребении 205 Крюковско-Кужновского могильника была найдена аббасидская монета 756 г. Здесь мы обратим внимание на приводимые Н. Я. Мерпертом рисунки сабель, они все имеют прямую рукоять. Далее, характеризуя сабли X—XI вв. он пишет: «Форма сабли получает дальнейшее развитие. Увеличивается

³⁸⁹ ОАК за 1891 г., с. 104, рис. 87. См. также «Альбом рисунков, помещенных в Отчетах археологической комиссии за 1882—1898 гг. СПб, 1906, с. 283, № 1769.

³⁹⁰ Ленц Э. Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб, 1908, табл. XXXI. Arendt W. Türkische Säbel aus den VIII—IX Jahrhunderten. Archeologia Hungarica XVI. Budapest, 1934. Fettich Nandor. Die altungarische Kunst. Berlin, 1942, Taf. 38—4.

³⁹¹ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, М, 1955.

³⁹² Там же, с. 134 и первая сноска.

³⁹³ Там же, с. 162.

изгиб полосы, появляется дол, увеличивается и становится обязательным наклон стержня рукоятки. Концы перекрестия несколько опускаются вниз»³⁹⁴.

Мы уже отметили, что в первой публикации рукоятка дана без наклона и судя по ножнам, трудно проследить изгиб полосы, здесь отметим, что во всех публикациях юмской сабли перекрестье всегда дается горизонтальное, концы вниз не опускаются. По-видимому, в последующих публикациях рукоять изображалась неточно. Судя по рисункам, самый конец рукоятки (навершие), был отломан и при воспроизведении по аналогии нарисовали наклонно. Исходя из этого, по-видимому, наиболее правильной датой юмской сабли является вторая половина VIII—IX вв. и она представляет собой предмет определенного этапа перехода от меча к сабле.

Если оформление рукоятки сабли (навершие, перекрестье, наличие шипов) сближается с саблями салтовскими, то оформление ножны несколько отличается. Если для салтовских и более западных (венгерских) характерны растительные узоры на ножнах, то здесь мы имеем другой характер, приближающийся к оформлению ножен ножа и кинжала из могильников Междуречья. В нижней части ножны имеют серебряную пластинчатую оковку, выше три металлических узких пояска. Пластинчатая оковка имеет изображение каких-то животных и скобок (петель). Последнее особенно сближает эти ножны с ножнами ножей. Нам представляется, что эта деталь может свидетельствовать о местных традициях в оформлении ножен.

Стремена и удила. (Рис. 67—1, 4, 5). К снаряжению конского воина, вооруженного саблей, относятся стремяна и удила. Подобных находок в могильниках Междуречья единицы. В Дубовском могильнике погребение 17 было захоронением воина-конника. При нем, кроме двух стремян и удил, были наконечники стрел, копьа, нож, топор. Два стремяна лежали в ногах, а удила—в области живота.

Удила сделаны из одного железного прута, так называемые удила без перегиба. В неподвижные колечки вставлены подвижные, круглые в разрезе кольца.

Аналогии этим удилам есть на широкой территории: в Сибири, Западной Европе, в Приуралье, в Волжской Болгарии³⁹⁵ и датируются они X—XI вв.³⁹⁶

³⁹⁴ Там же, с. 163.

³⁹⁵ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в сжнорусских степях, с. 156. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966, с. 20.

³⁹⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч., с. 20.

По А. П. Смирнову подобные удила известны в финских и славянских древностях X—XII вв. Например, они известны из Загарья в комплексе X в.³⁹⁷

Удила без перегиба были найдены и в могильнике Чем-Шай в 1926 г.³⁹⁸

Стремена овальные с петлей для ремня, пробитой в специальном небольшом выступе. С. А. Плетнева считает, что предшественниками стремян с выделенной петлей являются стремяна из могильников VII—VIII вв. в Восточной Европе (в Салтово, на Северном Кавказе, муромо-мерянских могильниках). В IX—X вв. эти стремяна приобрели форму овалов³⁹⁹.

Удила двухсоставные с псалиями в виде стержня с утолщениями на концах и кольцами (рис. 67—5) были найдены в погребении 12 «Черемисского кладбища» вместе с серебряным колокольчиком (рис. 67—6). На концах имеются по два взаимоперпендикулярных круглых отверстия. В отверстия, расположенные ближе к концам, были продеты кольца средней величины для ремней; к двум другим крепились металлические псалии.

Здесь же отметим один медный колокольчик из Веселовского могильника вне погребений (рис. 67—7).

Близкая аналогия нашим удилам есть в Саркеле Белой-Вежи в слоях хазарского времени. По С. С. Сорокину подобные удила известны на востоке с конца VI в. и связаны с тюркским периодом истории Центральной и Средней Азии.

Датируются эти удила VII—X вв.⁴⁰⁰

Обломок железного стремени был в погребении VI «Черемисского кладбища», форма, к сожалению, не восстанавливается.

К предметам конской сбруи относятся железные пряжки круглой и продолговатой подпрямоугольной формы (рис. 67—2, 3).

Наконечники стрел (рис. 68, 69) в могильниках Междуречья являются одной из частых находок. Найдено 209 железных и 8 костяных наконечников, всего 217. Наконечники стрел, как правило, сопровождали мужские погребения. По-видимому, большинство стрел находилось в колчанах. Этот факт устанавливается с достоверностью для таких погребений, как 5, 11, 13, 14 Веселовского могильника, погребения 25 Дубовского по остаткам деталей колчана, в частности, железных обручей, служивших

³⁹⁷ Смирнов А. П. Донды-Карское городище, с. 42, см. также Спицын А. А. Древности Камской чуди., табл. XXV—18.

³⁹⁸ УРКМ, А—26—286.

³⁹⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 158—159.

⁴⁰⁰ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи, с. 150.

обтяжкой деревянного (?) колчана. В некоторых случаях вместе со стрелами обнаружены остатки ткани, которыми или завертывали наконечники стрел перед тем как положить в могилу или же ткань входила в конструкцию колчана. Расположение наконечников стрел в могильных ямах кучами или в ряд может также, по-видимому, свидетельствовать о наличии колчана.

Расположение стрел при костяках показывает таблица О.

Таблица О

Местоположение стрел	Могильники					
	Дубовский	Васеловский	Черемисский клд.	Юмский	Кочергинский	К-во случаев
У левого бедра	п. 3, п. 25	п. 2	—	—	п. 4	4
У правого бедра	п. 9, п. 26	п. 14	—	—	п. 4	4
У черепа справа	п. 4	п. 13	п. 3	—	—	3
В ногах	п. 17	п. 5, 11	—	п. 5	п. 3, 5	6
В области таза	—	—	п. 8	—	п. 1, 2	3

К сожалению, мы не имеем из могильников остатков лука, кроме двух случаев находок костяных накладок к ним в Кочергинском могильнике (погребения 3 и 4). Они относятся к типу 3 по классификации А. Ф. Медведева и являются парными боковыми от рукоятки⁴⁰¹.

Наконечники стрел по материалу, из которого они изготовлены, делятся на две группы: группа А—железные (209 экз.) и группа Б—костяные (8 экз.)

При описании железных наконечников стрел мы воспользуемся принципом классификации, разработанным А. Ф. Медведевым⁴⁰², и в связи с тем, что наконечники стрел нашей территории вошли в сводный труд А. Ф. Медведева, мы не будем ссылаться конкретно на каждый памятник при приведении аналогии, а укажем лишь тип по А. Ф. Медведеву.

Группа А. Отдел первый. Втульчатые железные наконечники стрел (15 экз.). Встречены в погребениях 2 Юмского (4 экз.), 4 Кочергинского (3 экз.), XII «Черемисского кладбища» (8 экз.) могильников. Размеры их: длина 80—90 мм, длина пера—40—45 мм, ширина пера—15—20 мм, диаметр втулки—10—13 мм.

I тип—(по А. Ф. Медведеву, тип 3)—ромбовидные (рис. 68—1, 2). 14 экз. Стрелы этого

⁴⁰¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII—XIV вв. САИ, Е1—36. М., 1966, с. 38, приложение 1, № 86, 87.

⁴⁰² Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 54.

типа распространены на территории, занятой финноугорскими народами, как в Прикамье, так и Поволжье.

II тип (тип 4 по А. Ф. Медведеву)—остролистный (рис. 68—3), 1 экз. Подобные стрелы бытовали у финских племен Северо-Востока и вдоль западной границы Руси.

Хронологически втульчатые стрелы встречаются в I тыс. до н. э. и вплоть до XIV вв. н. э., особенно много их в VIII—X вв.

На территории древних мари втульчатые стрелы встречены в Мари-Луговском (IV—V вв. н. э.) и Акозинском (VIII—VI вв. до н. э.)⁴⁰³ могильниках.

Отдел второй. Черешковые наконечники стрел. Они забивались в торец или вставлялись в расщеп древка и закреплялись обмоткой из проволоки. На многих черешках стрел сохранились остатки деревянного древка, обмотанных проволокой. Как считает А. Ф. Медведев, у северных народов России с I тысячелетия до н. э. и до средневековья такие стрелы были широко распространены и отличительным признаком является отсутствие в большинстве случаев упора для древка и плоский черешок.

По сечению пера их можно разделить на 3 группы: трехлопастные, плоские и граненые.

Трехлопастной наконечник представлен всего 1 экземпляром (п. 7 Юмского могильника)—рис. 68—4. Форма пера ромбическая. Размеры: длина около 60 мм, длина пера—30 мм, ширина пера—около 12 мм (тип 19 по А. Ф. Медведеву).

Подобные стрелы для севера европейской части СССР не характерны. Датируются они серединой I тыс. н. э. до IX в. включительно.

Преобладающее большинство составляют плоские черешковые наконечники стрел. Они в большом количестве встречены как в древней Руси, так и у других народов Восточной Европы. А. Ф. Медведев считает, что такие стрелы из железа появились впервые в Прикамье в конце I тыс. до н. э. Для севера европейской России характерен плоский черешок без упора. На юге же преобладает круглый или квадратный в сечении черешок.

Для могильников древних мари характерны как плоские, так и круглые черешки, как с упором, так и без упора. В этом отношении территория Среднего Поволжья явилась как бы местом сосуществования этих видов стрел.

Тип I—двушипные без упора (рис. 68—5—7)—5 экз. Можно наметить 3 разновидности: а) с коротким плоским пером и круглым в сечении черешком (1 экз. из Руткинского могиль-

⁴⁰³ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, табл. XXXVI—2, 3; табл. VI—4.

ника)—рис. 68—5 (тип 29 по Медведеву). Длина 95 мм, длина пера—20 мм, ширина пера—17 мм; б) с коротким плоским пером и плоским черешком (3 экз. из погребения 5 Юмского могильника)—рис. 68—6, 7. Длина 89 мм, длина пера 25 мм, ширина пера 9 мм; в) с длинным ромбовидным в сечении пером и круглым черешком с упором в виде вздутия (3 экз. из погребения 5 Юмского могильника)—рис. 68—8. Длина 95 мм, длина пера—55 мм, ширина пера—19 мм.

Наиболее близкая аналогия типу 16 есть в Урьинском могильнике и в Новгороде. Подобные стрелы были широко распространены исключительно в северной половине европейской части СССР с 1 в. н. э. до XIV вв. н. э.

Тип 1в является, по-видимому, редким и точной аналогии нам не удалось найти. Но впервые на нашей территории встречены в памятниках II—III вв. н. э. (Писеральские курганы). В этих памятниках есть и другие разновидности двушипных стрел⁴⁰⁴.

Тип II с ромбовидным и плоским в сечении пером без упора (64 экз.)—рис. 69—1—12. Наконечники стрел этого типа имеют очень плоское перо, с незначительным утолщением в середине, варьирует в форме от почти правильного ромба до почти усеченных в основании. Но часто наиболее широкая часть находится чуть ниже середины.

Разновидностью этого типа являются наконечники стрел с ромбическим сечением пера. Черешки в сечении дают круглую, плоскочетырехугольную и квадратную форму. По классификации А. Ф. Медведева они относятся к типу 46—ромбовидные новгородского типа.

Длина наконечников 50—105 мм, длина пера 28—75 мм, ширина пера—14—30 мм.

Тип III—ромбические с упором (10 экз.)—рис. 69—13—16. По А. Ф. Медведеву тип. 48. Форма пера не отличается от формы пера наконечников стрел типа II. Размеры: длина 50—98 мм, длина пера 20—25 мм, ширина пера 11—24 мм.

Были распространены в древней Руси и у других народов Восточной Европы с IX до XIV вв. н. э.

Тип IV—ромбовидный с прямыми сторонами и вогнутыми плечами с расширением в средней части длины пера (рис. 69—17) — 2 экз. из погребения IX—X «Черемисского кладбища». Длина 40 мм, длина пера 32 мм, ширина пера 13 мм. По А. Ф. Медведеву распространяются в IX—XI вв. С середины XI в., по-видимому, исчезают.

Тип V (типы 61, 63, 65 по А. Ф. Медведеву)—листовидные с наибольшей шириной пера в

нижней части (11 экз.). Встречены в могильниках как Вятского, так и Ветлужского бассейна. Длина их 50—120 мм, длина пера 55—75 мм, ширина пера 15—21 мм. В сечении перья дают плосковыпуклый и плоский ромб (рис. 68—9, 10). Преобладает первый вариант. Стрелы все без упора, что вообще характерно для северной полосы. Наибольшая ширина в нижней части пера также характерна для Севера Европейской части СССР VIII—XI вв.

Тип VI—фигурнолистный или пламевидный (1 экз.)—рис. 69—19. Длина 78 мм, длина пера 48 мм, ширина пера 19 мм. Такие наконечники фигурируют в классификации А. Ф. Медведева (тип 71), которые он датирует с конца VIII до начала XI вв.

Тип VII—граненый (бронбойный) наконечник (1 экз.)—рис. 68—12. Форма пера пятиугольная с ромбическим сечением пера. Длина 50 мм, длина пера 70 мм, ширина пера 10 мм.

Группа Б. Костяные (8 экземпляров): 6 из «Черемисского кладбища», по 1 из Юмского и Кочергинского могильников. Размеры их: длина 100, 115, 90, 80 мм, ширина пера 10—15 мм. По форме сечения пера треугольные и трапециевидные, черешок почти всегда плоский.

Костяные наконечники стрел для древностей Прикамья и Среднего Поволжья обычное явление, особенно долго бытуют в Прикамье и на Севере (Печерско-Вычегодский бассейн).

Один наконечник стрелы (рис. 68—15) с железным черешком и костяным конусом на конце. Аналогии этому наконечнику мы не знаем.

В Дубовском и Юмском могильниках в погребениях вместе с наконечниками стрел встречены железные кольца диаметром отверстия 7—8 мм (рис. 69—20). В отверстиях одного кольца (п. 17 Дубовского могильника) сохранились остатки дерева—древка.

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Огнива. В могильниках Междуречья встречены огнива с бронзовой рукоятью, отнесенные нами в отдел А, и целиком железные (отдел Б).

Л. А. Голубевой опубликована статья «Огнива с бронзовыми рукоятками»⁴⁰⁵, где она дала сводку находок подобных огнив, рассмотрела их в хронологической последовательности и по рисунку рукоятей выделила 4 группы. Группы делятся на типы.

Л. А. Голубева отмечает, что «в ранних образцах огнив реалистические черты зверя выступают отчетливо, в позднейших—превра-

⁴⁰⁴ Халиков А. Х. Указ. соч., табл. XXIV—1—5.

⁴⁰⁵ См. СА, 1964, № 3.

шаются в орнаментальную схему». В этой статье привлекались и огнива с памятников Междуречья. Поэтому мы сочли возможным и целесообразным воспользоваться установленной ею схемой развития рисунка огнив.

Согласно этой классификации наши огнива с бронзовыми рукоятями можно распределить следующим образом.

Огнива I группы. Рукоять передает схематически фигуру животного. Огниво из погребения 24 Дубовского могильника относится к I типу I группы. Это огниво близко к огниву из Загарья (X в.). Размеры его—9х3,5 см. Отличие в том, что здесь имеется продолжение рукояти огнива в виде гофрированной трубочки (рис. 70—12).

Л. А. Голубева отмечает 4 экземпляра таких огнив. Огнива этого типа встречены в Прикамье, на Чепце (Поломский I могильник) и в Среднем Поволжье.

К этой же группе относятся огнива из погребений 12 Веселовского и 4 Юмского могильников (рис. 70—10, 11). Л. А. Голубева отнесла их ко 2 типу I группы, считая, что на рукояти изображены крылатые кони. В подтверждение этому она, во-первых, приводит параллели с крылатыми конями на серебряной посуде и бляхах восточного происхождения, найденных в Прикамье и Сибири. И, во-вторых, указывая на солярный знак на изображении из погр. 12 Веселовского могильника, связывает их с культом коня—символом огня и солнца⁴⁰⁶.

Можно возразить такому объяснению автора. Изображение на рукояти огнива из сборов Зеликмана, очень близкое изображению из погр. 4 Юмского могильника, она считает изображением коня. Это не точно. На огниве из погребения 4 Юмского могильника фигура изображает хищника в позе перед прыжком. Полусогнутая передняя лапа оканчивается когтями, круглый глаз и маленькое овальное ухо больше похожи на звериные. На бедре не два круга с точкой, а S-образные завитки, восходящие еще к скифскому звериному стилю. Загнутый кверху хвост больше может относиться к изображению зверя из семейства кошачьих.

Изображение на втором огниве (п. 12 Веселовского могильника) более похоже на крылатого коня. Здесь есть и солярный знак. Смущает лишь загнутый кверху хвост. Траектория крыла близка к искусству Передней Азии.

Таким образом, лишь условно можно объединить эти два огнива в один тип. Дата их по комплексу вещей IX—X вв.

⁴⁰⁶ Голубева Л. А. Указ соч., с. 120, 122.

Территория распространения огнив этой группы ограничивается Прикамьем и Вятско-Ветлужским бассейном.

Огнива II группы. (Рис. 70—1—5). Рукояти этих огнив в различной степени стилизации изображают медведей. Огниво из погребения XII «Черемисского кладбища» (рис. 70—1) относится ко второму варианту 4 типа этой группы. Для огнив этого типа характерно изображение фигуры зверя (медведя) в орнаментальную рамку. Огнива 4 типа также локализуются в Прикамье и примыкающих к нему территориях. Дата их X в.

Три огнива: из погребения 6 Юмского могильника (рис. 70—2), погребения 4 Веселовского (рис. 70—3), погребения 5 Кочергинского (рис. 70—4) относятся к первому варианту 5 типа. Этот тип передает схематизированное изображение двух звериных (медвежьих) лап, соединенных раскрытыми пальцами.

К этому же варианту 5 типа относятся, помимо указанных Л. А. Голубевой, и огниво погребения 300 и 146 Танкеевского могильника, огниво из Омелинского могильника, находящееся в Чердынском музее и из Елизаветинского могильника⁴⁰⁷.

Ко второму варианту 5 типа относится одно из погребений 20 Веселовского могильника (рис. 70—5). Аналогии этому огниву встречаются в Финляндии⁴⁰⁸.

Огниво из погр. 14 Веселовского могильника Л. А. Голубева выделила в седьмой тип этой группы. На оковке огнива—две птицы, минующие гусей с распушенными крыльями по сторонам столбика (рис. 70—8). Датировано огниво монетами X в. (986—987 и 988—997 гг.).

Огнива III группы. Человек между двумя птицами (рис. 70—9). К этой группе относятся огниво из погребения VI «Черемисского кладбища», отнесенные Л. А. Голубевой ко второму варианту—человек изображен до пояса. Ареал этих огнив—Верхнее Прикамье и Вятско-Ветлужский бассейн («Черемисское кладбище»). Сюда же относится и обломок такого же огнива из Юмского могильника, не учтенное Л. А. Голубевой. Наше огниво из «Черемисского кладбища» ближе всего к огниву из Плеховского могильника⁴⁰⁹ и датируется XI в., как и комплекс погребения.

⁴⁰⁷ Материальная культура средне-финской культуры VII—XI вв., таб. 46, № 10.

⁴⁰⁸ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands, т. I, 116 и 944 (из Kokemäki—Leikkimäki) Голубева Л. А. Археологические памятники вост. Саяны, 1962, 3, рис. 10.

⁴⁰⁹ Оборин В. А. Плеховский могильник на территории Юмского могильника (IX—XI вв. н. э.) КСИИМК, вып. 36, М.—Л., 1951, 201.

Огнива IV группы. Два всадника (рис. 70—71). Л. А. Голубева делит на 2 варианта. Огниво из погребения 3 Веселовского могильника относится ко второму варианту. Изображения всадников на нашем огниве более схематизировано. Фигуры всадников и коней сливаются настолько, что трудно различить их.

Огнива второго варианта есть как на Западе, так и в Прикамье. Однако количественно преобладают на Западе.

Некоторое сомнение вызывает трактовка появления сюжета рукоятей огнив IV группы под влиянием мотива «всадники по сторонам древа жизни». В последнем случае звери и люди обращены в сторону этого «древа», а не спинами к нему.

Огнива этого типа датируются второй половиной X—началом XI в.

Одно огниво из погребения 16 Веселовского могильника на рукояти имеет изображение двух водоплавающих птиц, расположенных головами в разные стороны. Изогнутая шея, голова с маленьким глазом, контуры тулова напоминают гуся. Соединенные хвосты образуют петлю для подвешивания (рис. 70—6).

Аналогии этому огниву нам неизвестны.

Отдел Б. Железные огнива (рис. 70—13, 14, 15, 16) делятся на три типа.

I тип—калачевидные с язычком (рис. 70—13). Всего 19 экземпляров. Из них 11 были в Веселовском могильнике (пп. 2, 11, 13, 15, 22, 25 (2 экз) 26, 27, 28 и 30), 3 в Дубовском (пп. 18, 19, 30), 2 в «Черемисском кладбище» (п. XIII и участок Д 4) и по одному в Руткинском (п. 1) и Кочергинском (п. 2) могильниках, т. е. 18 экземпляров в могильниках Волги и Ветлуги. Такие кресала считаются характерными для славян, где они датируются X—началом XII вв.⁴¹⁰ Однако считается необходимым отметить их широкое распространение в Восточной Европе и большое количество их в Ветлужском бассейне.

II тип—овальные удлиненные (рис. 70—15). Всего 1 экземпляр (погребение 16 Дубовского могильника).

Подобные кресла есть в Новгородских древностях, где они появляются в самом начале XII в.⁴¹¹ Правда, они несколько отличаются наличием круглых расширений на концах прорези. Наше кресало было в комплексе с железным ножом с прямой спинкой и уступчиками при переходе ст лезвия и спинки к черешку, красной янтарной бочонковидной бусиной (рис. 21—20) и железным пластинча-

тым браслетом. Здесь же были 32 экземпляра стеклянного желтого бисера; 1 двойная золотая бусина; 1 стеклянная синяя и 2 стеклянные зеленовато-голубые. Отметим, что все эти типы бус характерны для могильника Мыдлань-Шай⁴¹². Желтый стеклянный бисер датируется и в Новгороде X—XI вв. В конце XI и начале XII вв. бисер являлся очень редкой находкой⁴¹³.

III тип—шестиугольные (рис. 70—14). Всего 3 экземпляра, два из Дубовского могильника (пп. 9 и 17) и один из Веселовского (п. 24). Точную аналогию этому типу мы нашли лишь из городища Пор-Кар близ деревни того же названия. Публикуя материалы с этого городища, А. А. Спицын отметил, что они не поддаются датировке⁴¹⁴. Не получило датировки это городище и у А. П. Смирнова⁴¹⁵. Комплексы, в которых найдены эти кресала, также не имеют твердо датированных вещей. В новгородских древностях кресала, близкие нашим, датируются не раньше XII в. (так называемые овальные). Однако, появление овальных удлиненных и шестиугольных кресал в финских древностях относится ко времени викингов (800—1050 гг. по Е. Кивикоски). И они вместе с калачевидными с язычком кресалами в Финляндии бытуют во времена викингов и крестовых походов⁴¹⁶. Несмотря на отсутствие твердо датированных вещей в наших комплексах, мы не можем этот тип кресала отнести к XIII в. Очевидно, он отличается от кресал овальных. Если мы учтем, что топоры проушные, лопастные с двумя парами круглых щековиц в других погребениях наших могильников датируются не позже XI в., а также так называемые без перегиба удила, по С. А. Плетневой и Г. А. Федорову-Давыдову датируются X—XII веками, то погребение 17 Дубовского могильника, где найдено одно такое кресало, можно датировать X—XI вв. и лишь учитывая неопределенность датировки подобных кресал, которые многие склонны отнести к более позднему времени, мы можем указать на начало XII в., как на возможную самую позднюю дату.

Кресала овальные более аморфные встречаются в памятниках XIII—XIV вв.⁴¹⁷

⁴¹² Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, с. 47—62.

⁴¹³ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 104.

⁴¹⁴ Спицын А. А. Приуральский край. табл. VIII—19: с. 76.

⁴¹⁵ Смирнов А. П. Финские феодальные города. Уч. зап. Научно-исследовательского института народов Сов. Востока при ЦИК СССР, Сб. На Удмуртские темы. М., 1931, с. 59.

⁴¹⁶ Kivikoski E. Указ. соч., II, Taf 154, №№ 1183, 1184, 1185

⁴¹⁷ Алихова А. Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино. В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, таб. 72—1—3.

⁴¹⁰ Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века. СЭ. 1946, 1, с. 89. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, рис. 4

⁴¹¹ Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 4.

Костяные гребни и расчески. Гребней в могильниках Междуречья всего 2 экземпляра: из погребения 6 Веселовского могильника из дерева (рис. 71—12) и костяной из случайных находок 1908 г. на «Черемисском кладбище» (рис. 71—13). Гребни небольшие, плоские, резные. Зубья длинные и частые. Особенностью гребней этого типа является оформление пластинок—ручки в виде двух голов коня, что вообще характерно для древностей Ветлужско-Вятского междуречья и Прикамья⁴¹⁸. Подобные гребни встречаются и во Владимирских курганах⁴¹⁹.

Пластина гребня из «Черемисского кладбища» настолько стилизована, что головки коней не заметны, сохранен лишь характерный изгиб шеи. Орнамент на одной стороне состоит из двух рядов волнистой линии в нижней части и перекрещивающихся неглубоких косых резких линий, расчлененных вертикальными полосками по бокам. С обратной стороны орнаментация состоит из острровершинных зигзаговых линий в нижней части и по бокам, а в верхней части в соответствии с формой пластины имеются две изогнутые волнистые линии⁴²⁰.

Деревянный гребень из погребения 6 Веселовского могильника имеет форму лопаточки, маленькая ручка украшена зигзаговым орнаментом и имеет маленькое отверстие с кольцом для подвешивания (рис. 71—12). Такое оформление верхней части не характерно для Волжско-Камского бассейна. Этот гребень отличается и материалом—он деревянный.

Следует отметить отсутствие в наших могильниках двухсторонних гребней, изредка встречающихся на Чепце и во Владимирских курганах⁴²¹; широко распространенных в славянских древностях X—XIII вв.⁴²².

В древнемарийских могильниках найдено около 5 односторонних гребней (расчесок)—рис. 71—14⁴²³.

Способы изготовления таких расчесок изу-

чены Д. Н. Эдинггом и О. И. Давидан⁴²⁴. Они описаны и М. В. Фехнер⁴²⁵. В марийских памятниках мы не имеем никаких дополнительных данных по этому поводу.

Расчески из погребения 13 Веселовского могильника и погребения 7 Юмского могильника орнаментированы. Орнамент на первом экземпляре представляет узоры из шести поперечных насечек на концах, ограничивающих двойные треугольники, обращенных основаниями к средней части. Футлярчик также имеет насечки на концах, усложненные еще пояском перекрещивающихся двойных линий, образуя ромбы. Между ними прочерчены два вытянутых ромба, имеющие в средней части поперечные резные линии, создавая впечатление наличия четырех попарно расположенных треугольников, обращенных основаниями друг другу⁴²⁶.

Орнамент второй расчески (на гребенке футлярчике) состоит из поперечных насечек на концах, двойных прочерченных линий в длинном краю с «глазковым» орнаментом, расположенным в ряд (рис. 71—14).

Точной аналогии орнаментам этих расчесок мы не нашли, но его элементы встречаются очень широко. В частности, «глазковый» орнамент есть на костяных изделиях (расчески и др.) в Ярославских⁴²⁷, Новгородских⁴²⁸ древностях, во Владимирских курганах⁴²⁹, Приладожье⁴³⁰ и др.

Если односторонние гребни имеют широкое распространение в Прикамье, то аналогичные расческам с футлярчиками мы находим в северо-западе в мерянских, славянских древностях и Приладожье. Обилие и разнообразие расчесок в северо-западных районах Восточной Европы свидетельствуют о наличии центра производства подобных вещей, что уже отмечалось в литературе⁴³¹. По-видимому, в сточное Юмского могильника расчески с футлярчиком не встречаются.

В Новгородских древностях расчески датируются X—первой половиной XI вв.⁴³². Эти

⁴¹⁸ Смирнов А. П. Донды-Карское городище, табл. 17; Генинг В. Ф. 1) Археологические памятники Удмуртии, рис. 50—5 (городище Идна-Кар). 2) Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай; табл. VIII—1—2. УРКМ, колл. ВГ—174 и 3600 и др. и городища «Весья-Кар», раскопки В. Семенова в 1958 г.

⁴¹⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 378.

⁴²⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 62—20.

⁴²¹ Спицын А. А. Указ. соч., рис. 375; УКРМ, колл. ЕГ—174.

⁴²² Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 101—102, рис. 6.

⁴²³ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 42—7.

⁴²⁴ Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, с. 38. Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi. Археологический сборник, вып. 4. Издание Г. Эрмитажа. Л., 1962, с. 103—108.

⁴²⁵ Фехнер М. В. Изделия костяного производства. Сб. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1962, с. 39.

⁴²⁶ См. Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., рис. 42—7.

⁴²⁷ Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», рис. 42—7.

⁴²⁸ Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 5.

⁴²⁹ Спицын А. А. Указ. соч., рис. 379.

⁴³⁰ Raudonikas W. I. Die Normannen..., fig. 1.

⁴³¹ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 39. Там же приводится подстрочная библиография по этому вопросу.

⁴³² Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 6.

же временем датирует их и М. В. Фехнер⁴³³. Эта же дата подтверждается и нашими материалами.

Копоушки—(рис. 62—4,5; 71—1—11). Всего найдено около 30 экземпляров, из них 2 медные (погребения 6 Юмского и 4 Кочергинского могильников).

В верхней части копоушки часто украшались парой голов коней, иногда сильно стилизованных. Сама пластина покрывалась различными узорами. Как правило, лицевая и обратная стороны имеют различный рисунок. Следует отметить, что абсолютно одинаковых узоров среди находок нет.

Копоушки широко распространены по всему северу европейской части СССР, однако просмотр публикации и некоторых коллекций в музеях не дал абсолютно одинаковых узоров ни в Прикамье, ни на северо-западе.

Е. И. Горюнова сделала попытку выделить характерные элементы и узоры для копоушек разных территорий. Вслед за С. В. Ивановым она считает, что среди населения Приуралья возник строго геометрический орнамент, состоящий из треугольников или соединенных углами ромбов, пространство между которыми заполнено штриховкой. Этот орнамент, по мнению Е. И. Горюновой, получил распространение среди Ярославских и Владимирских курганов. Этот вывод она подтверждает и наличием аналогичных узоров на пластинчатых браслетах⁴³⁴. М. Ф. Фехнер отмечает большое разнообразие в орнаментике ярославских копоушек: различные флажки, косая сетка треугольников и зигзагообразных линий на заштрихованном поле и ряд других⁴³⁵.

Если в Ярославских курганах, по подсчетам М. В. Фехнера, найдено 32 экземпляра копоушек (количество уменьшено, так как при трупосожжении они сгорали), то в Прикамье их на каждом памятнике по несколько десятков. Например, на Донды-Карском городище найдено 80 экземпляров различных форм. Среди них А. П. Смирновым выделено 6 типов⁴³⁶. Большое количество копоушек найдено на городище «Весья-Кар» при раскопках 1958 г. В. Семеновым⁴³⁷. Нет копоушек в мордовских и муромских древностях.

Возможно ли отметить какое-либо отличие древнемарийских копоушек от подобных с соседних территорий? По форме древнемарийские копоушки более однообразны; верхняя часть имеет в той или иной степени стилизо-

ванные головки коней, что сближает их с чепецкими. Копоушки из Сарского городища и ярославских курганов чаще имеют заостренную верхнюю часть. В сечении больше плоских, тогда как копоушки из Донды-Карского городища имеют 3-, 4-, 6-, 8-гранные и плоские сечения. Наконец, орнаментация сложнее ярославских.

Две медные копоушки имеют форму пластины с ложечкой на одном конце и сужением и отверстием на другом. Копоушка из погребения 6 Юмского могильника имеет кожаный шнурок, продетый в отверстие, на шнурке медная спиралька и бусина (рис. 71—11).

Медная копоушка из погребения 2 Кочергинского могильника⁴³⁸ более изящна и орнаментирована мелкими кружочками, сгруппированными треугольниками. Как отмечал М. В. Талицкий, копоушка находилась, по-видимому, в кармане верхней одежды или же в складках ее.

В Прикамье и на Чепце медных копоушек почти нет. Но они встречаются часто на северо-западе, что отметила М. В. Фехнер⁴³⁹.

Орнаментация, близкая узору на копоушках, имеется на костяных пластинах. Одна такая пластина найдена в погребении 2 Руткинского могильника (рис. 62—2). Подобные орнаментированные пластины встречаются на Чепце и на Вятке⁴⁴⁰.

Ножницы (рис. 62—10). Найдено всего 1 экз. в погребении 6 Веселовского могильника. Ножницы относятся к типу пружинных. Б. А. Колчин установил технику изготовления подобных ножниц и отмечает, что пружинные ножницы встречались чаще шарнирных⁴⁴¹. По мнению С. С. Сорокина в памятниках IX—XIII вв. пружинные ножницы обнаруживаются повсеместно от Приладожья до Причерноморья и от Волго-Окского междуречья до Дона и Кавказа⁴⁴².

В погребении I Веселовского могильника были найдены 1 целый рыболовный крючок и 2 обломка (рис. 64—1, 2). Оригинален целый крючок, представляющий собой железную пластинку с расширением в средней части, напоминающей современную блесну, и крюч-

⁴³⁸ Талицкий М. В. Кочергинский могильник, с. 164, табл. II—43.

⁴³⁹ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 40. См. также Raudoikas W. I. Die Normannen..., fig. 62, 64 (Из Алехновщины).

⁴⁴⁰ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии, рис. 48—17, (городище Идна-Кар). См. также Горюнова Е. И. Указ. соч., рис. 62—17—19.

⁴⁴¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). МИА, № 32, М., 1953, с. 82, 83, 86.

⁴⁴² Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи, с. 164. Здесь же даются ссылки на литературу.

⁴³³ Фехнер М. В. Указ. соч. с. 39.

⁴³⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 137, рис. 61, 63.

⁴³⁵ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 40, рис. 23.

⁴³⁶ Смирнов А. П. Указ. соч., с. 39—40.

⁴³⁷ УРКМ, колл. ВГ—174.

ком на одном конце (жало обломано) и кольцом, продетым в отверстие, на другом.

Обломки двух других имеют жало во внутренней стороне (рис. 64—2).

Рыболовные крючки распространены в это время как в финноугорском, так и в славянском мире⁴⁴³. Известны они еще с эпохи раннего железа в ананьинских⁴⁴⁴ и дьяковских памятниках⁴⁴⁵. У древних мари известны в I тысячелетии н. э.⁴⁴⁶

В погребении 10 Веселовского могильника был найден железный гвоздь со шляпкой (рис. 64—4), это единственная находка этого рода.

Котлы (рис. 72). В древнемарийских мо-

гильниках котлы нередкое явление. Нами зафиксировано 26 железных и медных котлов и котелков, сохранившихся целиком или же в обломках. Совершенно целых мало, но по сохранившимся верхним частям удалось установить диаметр, а у некоторых и высоту (см. таблицу П). Чаще всего их ставили в ногах.

Котлы склепаны из нескольких небольших листов железа. Дно склепано вместе с загнутыми во внутрь стенками котла. Дужка и петельки котла также железные. Дно уплощенное или округленное.

На некоторых экземплярах заметны заплатки, следы ремонта котлов.

Изготовление медных котлов имеет другой

Таблица П

№ п. п.	Могильник	№№ погреб.	Материал	Размеры, см		Способ изготовления	Место расположения
				диам. горла	высота		
1.	Веселовский	2	медь	15,6	12,3	штамп.	в ногах
2.	—»—	4	железо	20,6	12,0	кованный	в головах
3.	—»—	11	—»—	35,0	?	—»—	в ногах
4.	—»—	14	—»—	21,0	10,0	—»—	—»—
5.	—»—	23	—»—	32,0	19,0	—»—	трупосож.
6.	—»—	24	—»—	24,0	?	—»—	—»—
7.	—»—	25	медь	18,0	10,5	—»—	в ногах
8.	—»—	27	железо	21,0	?	—»—	—»—
9.	—»—	30	—»—	28,0	?	—»—	—»—
10.	—»—	А/3	—»—	22,5	13,5	—»—	—»—
11.	—»—	Б/1	—»—	26,0	11,4	—»—	—»—
12.	—»—	В/2	—»—	30,0	16,0	—»—	—»—
13.	«Черемисское кладбище»	I	—»—	обломки	?	штамп. и клепан.	
14.	—»—	V	медь	?	?		
15.	—»—	XI	железо	?	?		
16.	—»—	XII	—»—	?	?		
17.	—»—	XV—XVI	медь	?	?		
18.	—»—	12	железо	?	?	кованный	в ногах из выкида 1908 г.
19.	—»—	Б/5	—»—	?	?	—»—	трупосож.
20.	Юмский	2	—»—	27,0	?		в ногах
21.	—»—	5	—»—	26,0	?		
22.	—»—	б/А	—»—	23,0	12,5		
23.	—»—	б/А	—»—	25,5	16,0		
24.	—»—	б/А	—»—	26,0	15,0		
25.	Руткинский	1	медь	25,0	16,5	штамп. и клепан.	в ногах
26.	Выжумский	1	—»—	23,0	10,5	—»—	—»—

⁴⁴³ Смирнов А. П. Донды-Карское городище, с. 41. Стубавс А. Я. Раскопки городища Кентескалне в 1954—1956 гг., табл. III—9—13. Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, с. 69, рис. 144.

⁴⁴⁴ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье летом 1893 г. и 1894 г., табл. XIII—13.

⁴⁴⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 16—5,6.

⁴⁴⁶ Архипов Г. А. Ижевское городище. Тр. МарНИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962, рис. 8—13. Халиков А. Х. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа, табл. XXXI—2. Генинг В. Ф. Азелинская культура, табл. XVIII—1.

характер. Так, котел из погребения 2 Веселовского могильника сделан из одного куска толстой листовой меди. Края листа замкнуты друг в друга, образуя шов и закреплены заклепками дужек. Ушко котелька железное. Края котла замкнуты внутрь (рис. 72—2). Дно плоско закрепленное, по видимому, спайкой.

По другому изготовлены котелки из погребения 25 Веселовского могильника и погребения 1 Выжумского могильника. Они также приготовлены из листовой меди, края листа разрезались, образуя лопасти, которые зате-

чуть раздвигались и вставлялись в такие же разрезы другого края. Таким же способом закреплялось дно. А у котелка из погребения 25 Веселовского могильника верхний край закреплён таким же способом. Край котелка из погребения 1 Выжумского могильника загнут и внутри проложена еще медная пластинка. Железное ушко всегда закреплялось медными заклепками.

Несколько отличается по форме котелок из погребения 1 Руткинского могильника: горло шире дна (рис. 72—3). Изготовлен он из двух листов меди, соединенных заклепками. На дне края стенки загнуты вовнутрь, на которых лежит дно котелка. Ручка и ушко железные.

У погребения 3 Веселовского могильника найден обломок железного ушка от котла.

Необходимо отметить находки двух фрагментов медной чаши из Лопьяльского могильника. Чаша была небольшая, по форме близкая деревянным чашам.

Исключительными находками следует считать две металлические чаши из погребения 17 и 20 Веселовского могильника (рис. 73—1). Размеры их почти одинаковые: диаметры 14,5—15 см, высота около 6 см. Дно круглое. С внутренней стороны орнаментированы при помощи циркуля мелкими и крупными кружочками и волнистыми линиями.

Аналогии им мы не нашли. У марийцев они являлись, очевидно, привозными и дорогими вещами.

Металлическая посуда встречается и на других могильниках. Например, она есть в Лядинском могильнике, но там несколько другого типа и исследователи справедливо их называют ведрами⁴⁴⁷. Есть и в Крюковско-Кужновском могильнике⁴⁴⁸, в Прикамье много их в могильнике Мыдлань-Шай⁴⁴⁹. Есть они и в Приладожье⁴⁵⁰. Котел, аналогичный нашему котлу из погребений 25 Веселовского и 1 Выжумского могильника, есть из могильника Чем-Шай⁴⁵¹.

Железные котлы встречаются и в славянских памятниках, но там они отличаются техникой изготовления. С. С. Сорокин отметил, что для славян XI—XII вв. характерны котлы, откованные из цельного куска железа⁴⁵².

Деревянные сосуды (рис. 74). В погребениях с котлами были деревянные чаши, находящие-

ся всегда в котле. В чаше из погребения 1 Руткинского могильника были зерна проса.

К сожалению, не удалось восстановить форму всех чаш. Сосуды из погребения XV—XVI «Черемисского кладбища» и 1 Руткинского могильника по форме близки. Это открытые чаши с чуть отогнутыми краями и суживающимися ко дну стенками (рис. 74—3, 4). Поверхность их довольно гладкая, местами заполированная. Размеры: первой — диаметр горла 20 см, диаметр дна — 16 см, высота 5 см и толщина стенок 0,8 см; второй — диаметр горла 15 см, диаметр дна 11,2 см, высота 5 см. На дне этой чаши нарезная восьмиконечная звезда.

Чаша из погребения 2 Веселовского могильника имеет прикрытое горло и вогнутое дно. Сбоку одна ручка (рис. 74—2).

Уникальной является чаша из погребения 3 «Черемисского кладбища». Она выточена очень изящно, по краю укреплены медные пластинчатые зажимчики, ниже небольшие валики двумя зонами по четыре. Дно округленное. Ручка выточена, оканчивается она пирамидальной головкой, на которую насажен медный колпачок. На ручке с наружной стороны имеется фигурная медная пластинка (рис. 74—1). Размеры ее — диаметр 15,5 см, высота около 4 см.

В погребении 21 Веселовского могильника был деревянный бочонок. Сохранились лишь фрагменты дна и восстановить форму его невозможно. Стенки бочонка имели пазы, в которые вставлялись доски дна. Диаметр дна 25—26 см.

Этот бочонок был в кенотафе. Возможно, в него и были положены вещи.

Туески (рис. 63—5). Во многих погребениях древнемарийских могильников найдены остатки бересты. Они находились почти во всех котлах или же около них. По-видимому, это остатки туесков. В виду плохой сохранности восстановить их формы невозможно. Лишь туесок из погребения 3 «Черемисского кладбища» дает некоторое представление о них. Туесок был сшит из нескольких кусков бересты, имеющих декоративное оформление в виде зубчатых краев или же резных ломаных линий. Декоративность их увеличивалась путем наложения одного листа бересты на другой так, что оно давало объемное восприятие орнаментов на стенках. В погребении 8 Юмского могильника сохранился фрагмент дна берестяного туеска. По краю дна для укрепления налагалась полоска бересты.

Туески в могильниках использовались для хранения украшений: нередко вместе с обрывками бересты находили медные вещи. Кстати, это было характерно и для более ранних мо-

⁴⁴⁷ Ястребов В. Н. Указ соч., с. 45—46, погребение ХС.

⁴⁴⁸ Иванов П. П. Указ соч., табл. XX—1.

⁴⁴⁹ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник... табл. XIII—7, 8, 9.

⁴⁵⁰ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма... Табл. II—12; VII—7. Бранденбург Н. Е. Указ соч., табл. X—4.

⁴⁵¹ УРКМ, А—26—271.

⁴⁵² Сорокин С. С. Указ соч., с. 184.

гильников. В частности, в погребении 40 (женское) Мари-Луговского могильника был найден берестяной короб с женскими украшениями⁴⁵³.

Редкой находкой является *крючок* с тремя цепочками из двух удлиненных звеньев, оканчивающихся листовидными остриями (рис. 61—6). Таких крючков всего 3 экземпляра: из Веселовского могильника (участок Б-16) и 2 экземпляра из «Черемисского кладбища» раскопок 1908 г. Все 3 найдены вне погребений. Подобные крючки есть из курганов Южного Приладожья⁴⁵⁴, где они являлись приспособлением для подвешивания котлов. Однако подобное объяснение для наших крючков ставится под сомнение недостаточной загнутостью крючка. Другого объяснения мы пока не можем предложить.

Точила—бруски. В нескольких погребениях были точила из камня, плотного песчаника или сланца. Форма их плоская, подчетыреугольная в сечении. Кладлись, по-видимому, те точила, которым покойник пользовался при жизни; у некоторых поверхность сточена от длительного пользования. Целых точил очень мало, большинство в обломках. Редко встречаются с отверстиями.

Найдены точила в пп. 6, 13, 14, 16, 25, 30 Веселовского могильника, пп. 2, 6 Юмского и пп. VI, IX—X «Черемисского кладбища».

Керамика (рис. 75). Представлена 9 глиняными сосудами. Обычай ставить глиняную посуду не был характерным для древнемарийских племен. Однако, сосуд есть в каждом могильнике. Встречены они в могилах как с ингумацией, так и кремацией. Размеры сосудов даны в таблице Р.

Из 9 сосудов плоскодонных 7, круглодонных и с уплощенным дном по одному. Даем описание каждого сосуда в отдельности. Сосуд из погребения 7 Дубовского могильника плоскодонный, низкий, профилированный. Наибольшая ширина в верхней части. Стенки тонкие—3 мм. Дно несколько утолщено в средней части—5 мм. Внешняя поверхность светлоричневого цвета, заглажена, в изломе серый. Сосуд ручной лепки на подставке. Орнамент нет (рис. 75—6).

Второй сосуд из этого могильника найден на участке Б/8 на глубине 30—40 см. Сосуд горшковидный. Его небольшой венчик чуть отогнут наружу. Наибольшая ширина в верхней части. Толщина стенок 5 мм, днище в средней части 6 мм, толщина венчика 3 мм. В тесте примесей песка, поверхность заглажена, заметны беспрядочные мелкие штрихи (рис. 75—3). Внешняя поверхность закопчена, внутренняя имеет следы нагара. Орнамента нет.

Два сосуда из Веселовского могильника близки по формам и лишь немного отличаются орнаментацией. Сосуд из погребения 7 имеет форму приземистого горшка с отогнутой шейкой и ясно выраженными плечиками. Наибольшая ширина в средней части, толщина стенок 6—7 мм, венчика 6 мм. В тесте примесей песка, цвет желтовато-серый. По венчику и на плечиках нанесен орнамент: зубчатый штамп и три оттиска шнура. По венчику зубчатый штамп нанесен чуть косо, по плечу вертикально (рис. 75—2).

Сосуд из погребения 15 этого же могильника по форме близок к сосуду из погребения 7. Цвет желтоватый. По краю венчика, по шейке

Таблица Р

№№ п. п.	Могильники	№ погребен. (или уч-ов)	Размеры в см				Где располагался
			диаметр горла	диаметр дна	наиб. ширина	высота	
1.	Дубовский	7	16,0	9,0	17,0	8,0	в изгол.
2.	Дубовский	б/8	14,0	10,0	14,8	11,5	
3.	Веселовский	7	11,3	6,3	11,3	7,3	в ногах
4.	Веселовский	15	9,7	5,7	11,3	6,3	»
5.	Кочергинский	2	17,4	круглодон.	20,4	12,4	в изгол.
6.	Юмский	кострище № 2	16,5	уплощен.	17,2	11,0	
7.	«Черемисское кладбище»	VII	13,0	6,5	13,0	10,5	
8.	«Черемисское кладбище»	7	17,3	13,0	19,0	13,0	в изгол.
9.	Выжумский	Б/2	13,0	7,1	13,3	10,3	

⁴⁵³ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, с. 171—172, рис. 67.

⁴⁵⁴ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья, табл. X—4.

и под ней имеется орнамент, нанесенный зубчатым штампом (рис. 75—1).

Сосуды «Черемисского кладбища» плоскодонные, горшковидные (погребения VII 1908 г.

г. 7 1957 г.). Сосуд 1908 г.⁴⁵⁵ стройный, венчик погнут, хорошо выражены плечики. Наибольшая ширина по линии горла и плечиков. Толщина стенок 5 мм. По краю венчика полбса зубчатого штампа (рис. 75—4). В тесте примесь песка и мелкого шамота, цвет светлокоричневый.

Сосуд из погребения 7 приземистый, наибольшая ширина в верхней части. Толщина стенок 4 мм. Примесь песка и шамота. Цвет коричневатый. По срезу венчика проходит линия зубчатого штампа (рис. 75—7).

Сосуд из Выжумского могильника несколько выходит из общей характеристики наших сосудов. Он вылеплен на ручном круге, форма оршквидная, плечики резко обозначены, венчик сильно оттянут и утолщен, по внутренней части венчика проведена небольшая бороздка. Примесь — песок, цвет светлокоричневый, сосуд с одной стороны чуть прокален и цвет темнее. Четыре линии квадратно-зубчатого штампа занимают стенки сосуда (рис. 75—5).

Сосуд с погребением не связан, поэтому с полной уверенностью нельзя его причислить к комплексу наших могил.

Сосуд из погребения 2 Кочергинского могильника круглодонный. По описанию М. В. Салицкого, он сделан из плохо обожженной глины. Поверхность покрыта мелкими выщерблинами — следами какой-то органической примеси, разрушившейся при обжиге. Туловище изогнутое, наибольшая ширина в средней части. По плечикам проведена линия вертикальных рисок рамчатого штампа (рис. 75—10).

Близкий по форме и составу теста сосуд найден в кострище № 2 Юмского могильника. Дно плоское. По венчику нанесен орнамент из рядов насечек, по плечикам треугольные ямки пирамидкой, вершиной вниз (рис. 75—8).

Кроме сосудов целых или же полностью реставрируемых, мы имеем несколько фрагментов керамики как из погребения, так и территории могильников. Наибольшее количество найдено на «Черемисском кладбище» в 1908 г. и 1957 г. Один фрагмент большого сосуда горшковидной формы имеет сильно отогнутый венчик с зубчатым штампом по его краю (рис. 75—9). Цвет коричневатый, в изломе черный, в тесте заметна примесь песка⁴⁵⁶. По видимому, от этого сосуда есть обломок плоского дна и еще один фрагмент плечика рамчатым штампом (типа рис. 75—17, 18). Обломок венчика сосуда из погребения V с примесью песка и растительными остатками в тесте. Орнамент в виде насечки. Обломок вен-

чика сосуда из погребения XV—XVI имеет орнамент из треугольных ямок, расположенных вершиной вниз (рис. 75—14).

По своей орнаментации единственным является фрагмент венчика из погребения XIII «Черемисского кладбища». Край венчика имеет волнообразную поверхность (в виде зашипов). По шейке и на плечиках идут насечки в 5 рядов, в два ряда треугольные рамчатые штампы (рис. 75—12). Сосуд плоскодонный.

Из раскопок 1957 г. на «Черемисском кладбище» следует отметить 19 фрагментов сосуда из погребения 2 в зольном пятне, три из них имеют зубчатый штампованный орнамент. Фрагмент с близким, более мелким зубчатым узором, встречен в погребении 8.

В древнемарийских могильниках есть несколько единичных предметов, представляющих некоторый интерес.

В погребении 13 Веселовского могильника около остатков нижней челюсти лежал амулет из сплава бронзы и серебра в виде птицы с раскрытыми крыльями с изображением человеческого личины (рис. 73—2). Вещь эта единственная в марийских могильниках и не имеет точной аналогии. Она напоминает шаманские привески Приуралья и Западной Сибири. На крыльях имеются два отверстия для привешивания. Эта подвеска близка к изображениям птиц с человеческими личинами, найденными в Прикамье. По трактовке верхней части лица и крыльев волос ее можно сблизить с предметом из Гаинской волости⁴⁵⁷. Рот на личине трактован в виде дугообразно расположенных восьми выпуклин, по-видимому, зубов.

Вещь из Гаинской волости А. А. Спицыным датирована VIII—IX вв.⁴⁵⁸, а из с. Нижне-Мошево — IX—X вв.⁴⁵⁹. Датировка А. П. Смирновым последней вещи совпадает с датой А. А. Спицына, а первую вещь А. П. Смирнов датировал III—V вв. н. э.⁴⁶⁰. Наша находка датируется комплексом вещей (гривна глазовского типа, браслет из подобной гривны) X — началом XI вв.

Недавно А. П. Смирновым высказана интересная мысль о том, что в некоторых женских лицах на груди птиц нашел отражение античный образ медузы⁴⁶¹.

К единичным экземплярам относится серебряная арочная подвеска без привесок. Рамка во внутренней части имеет пирамидки шарообразных выступов, в центре перемычка

⁴⁵⁷ Спицын А. А. Шаманские изображения, рис. 272.

⁴⁵⁸ Там же, с. 66.

⁴⁵⁹ Там же, с. 39.

⁴⁶⁰ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории, табл. LXV—5; LXVI—9.

⁴⁶¹ Смирнов А. П. Античные элементы в культуре населения Севера Восточной Европы. Сб. Культура Античного мира. М., 1966, с. 238.

⁴⁵⁵ Хранится в МАЭ АН СССР. Отдел археологии. Оп. 1265—IV, № 118.

⁴⁵⁶ См. колл. 1265—IV, № 691, МАЭ.

с утолщениями на концах и в середине, соединяющая вершину арки с основанием (рис. 40—11).

В погребении 7 Юмского могильника была медная *пластинка* с вырезом в середине (рис. 62—6). Длина ее 5 см, ширина около 0,9 см, толщина менее миллиметра. Это музыкальный инструмент, широко распространенный по всему земному шару. Подобные инструменты известны под названием «варган» (от греч.— орудие, инструмент)⁴⁶². В словаре слово «варган» описывается следующим образом: он представляет собой «язычковый музыкальный инструмент (обычно металлический) в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней стальным язычком»⁴⁶³. Более примитивные варганы делались из камыша, дерева, костяной или роговой пластинки с вырезанным внутри нее узким язычком.

По свидетельству П. Н. Никифорова⁴⁶⁴, среди марийцев «варган» (марийское название «ковыж») распространен в некоторых северных и восточных районах республики: Сернурском, Мари-Турекском, Новоторъяльском, Казанском, отчасти Моркинском районах, а также у восточных марийцев («умша-ковыж»).

3. ДАТИРОВКА МОГИЛЬНИКОВ

Впервые указание на время вятских могильников мы находим в работах А. А. Спицына. Публикуя в 1895 году материалы так называемого Рябиновского клада, найденного в 1883 году в Глазовском уезде, он отметил, что «Рябиновская находка несколько приближает нас к определению времени юмских вещей (1891 г.)...»⁴⁶⁵.

В Рябиновском кладе, как и в Юмских вещах, были гривны глазовского типа⁴⁶⁶.

А. А. Спицын специально не занялся датировкой вещей вятских могильников. Однако во всех его публикациях и рукописных материалах эти вещи фигурируют среди древностей X—XI вв. Например, мы находим такое замечание в его архиве: «Юм = Загарье + серебряные вещи»⁴⁶⁷, т. е. относил юмские находки по времени к Загарскому типу (X в.), сближая последний и в культурном отношении. Дата

⁴⁶² См. о «варгане»: «Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. Раздел «Селькупы», «Алтайцы», М.-Л., 1956, с. 349, 680.

⁴⁶³ Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1959, с. 35.

⁴⁶⁴ Никифоров П. Н. Марийские народные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола, 1959.

⁴⁶⁵ Спицын А. А. Археологическая находка конца X в. в Глазовском уезде, Вятской губернии. Зап. Рус. Арх. об-ва, т. VII, вып. 3 и 4, СПб, 1895, с. 247—248.

⁴⁶⁶ Гривны из раскопок А. А. Спицына 1891 г. хранятся в ГИМе, отд. II, планшеты 59/8а и 59/8б.

⁴⁶⁷ Архив ЛОИА, ф. 5, д. 363, л. 54.

X в. стоит и перед перечислением вещей, найденных у д. Загребино.

В архиве А. А. Спицына есть указание и дату Лопьяльских находок — X в.⁴⁶⁸.

В 1929 году на р. Ветлуге был открыт Ветлужский могильник. Первые раскопки проводились в том же году М. П. Званцевым, который датировал вещи 13 погребений X—XIII вв.⁴⁶⁹. К этой датировке присоединились позднее и О. Н. Бадер⁴⁷⁰.

В 1929—30 годах в бассейне р. Вятки раскопывался и другой могильник — Кочергинский. Его исследователь М. В. Талицкий, указывая аналогии в памятниках X—XII вв. писал: «...та, как видим, охватывает довольно большой промежуток времени — от IX до XII вв. Более точной, но менее убедительной датой, определяемой Рябиновским кладом, можно считать конец X — начало XI вв.» В то же время он указывал, что «однотипность материала отдельных погребений не позволяет расчленить их во времени»⁴⁷¹.

К VIII—X вв. отнес О. Н. Бадер⁴⁷² могильник «Черемисское кладбище» на р. Ветлуге, раскопанный в 1908 году В. И. Каменским.

Более обоснованную датировку всех материалов из могильников Ветлужско-Вятского междуречья на основе изучения музейных коллекций дал А. П. Смирнов в двух своих работах, вышедших друг за другом⁴⁷⁴. Он определил следующие даты могильников: «Черемисское кладбище» — VIII—X вв. н. э.; Лопьяльский, Юмский и Борисковский — IX—X вв. н. э.; погребения Кочергинского могильника А. П. Смирнову удалось расчленить по векам: погребения 1, 2 и 4 он отнес к X в., погребение 3 к IX в. и погребение 5 — к XI вв. В целом могильник датирован IX—XI вв.

Как видно, нет расхождений между археологами в датировке указанных памятников (исключением Веселовского могильника (X—XIII вв.), который был датирован неточно).

Новые раскопки на могильниках Ветлужско-Вятского междуречья производились Мар

⁴⁶⁸ Архив ЛОИА, ф. 5, д. 363, л. 164. См. ОАК за 1904 г. СПб, 1907, с. 136—137.

⁴⁶⁹ Газета «Нижегородская коммуна», 23 марта 1929 г. № 115 (3160). Заметки: «Найден древний могильник» и «Могильник финского происхождения XII—XIII вв.»

⁴⁷⁰ Бадер О. Н. Древнее Поволжье в связи с проблемами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. М., 1959, с. 34.

⁴⁷¹ Талицкий М. В. Кочергинский могильник. М., 1929, с. 167, 168.

⁴⁷² Бадер О. Н. Указ. соч., с. 34.

⁴⁷³ ОАК за 1908 г. СПб, 1912.

⁴⁷⁴ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники на территории Марийской АССР..., с. 89—94. 2) Смирнов А. П. Древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, с. 164—166.

ской археологической экспедицией с перерывами в 1958—1965 гг. По данным раскопок этой экспедиции в 1956—1959 гг. эти могильники нами были датированы: «Черемисское кладбище», Юмский и Веселовский могильники — IX—XI вв., Руткинский—XI—XII вв. и Выжумский — XII—XIII вв.⁴⁷⁵. Более обоснованная датировка Веселовского могильника по материалам 15 погребений дана А. Х. Халиковым⁴⁷⁶. Вновь открытый могильник на Волге — Дубовский — в первой частичной публикации нами датирован X—XI вв.⁴⁷⁷.

Полученный раскопками последних лет материал и их анализ в настоящее время позволяет обосновать дату могильников по многочисленным датирующим вещам.

Для этого мы выберем комплексы с твердо датируемыми вещами, в том числе комплексы с монетами. Последних у нас немного, но комплексы эти довольно богаты, что позволяет нам сопоставлять их с другими комплексами. При датировке по монетам мы придерживались следующего принципа, указанного С. А. Яниной при консультации. Наиболее близкую к дате чеканки дают подвески из настоящих монет. Затем идут подвески из медных круглых пластинок, покрытые тонкой серебряной фольгой. Менее точную дату дают подвески из медных подражаний с покрытием неопределенного состава⁴⁷⁸.

Подвески из монет встречены следующие (определены С. А. Яниной).

№ п.	Монеты	Год чеканки	Место находки
1.	Саманиды, Нух ибн Наср, (дирхем, дважды пробит)	333 г. х. (-944/945)	Веселовский, п.24
2.	Саманиды, Наср ибн Ахмед, Самарканд (дирхем, пробит).	304 г. х. (-916/917)	«Черемисское кладбище», п.11
3.	Саманиды, Наср ибн Ахмед, Самарканд (дирхем, пробит)	329 г. х. (-940/941)	Дубовский, п.3
4.	Саманиды, Наср ибн Ахмед, Самарканд (дирхем)	325 г. х. (936/937)	Дубовский, п.4
5.	Зияриды, Кабус Джурджан, (дирхем, пробит)	3(9)2 г. х. (-1001/1002)	Веселовский, п.27

⁴⁷⁵ Архипов Г. А., Халиков А. Х. Материалы археологической карты Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960. Введение, с. 9—11, №№ 163, 189, 202, 206, 215. См. также отчеты Халикова А. Х. и Архипова Г. А. по МарАЭ за 1957, 1958, 1963—1965 гг. в Архиве ИА. АН. СССР.

⁴⁷⁶ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., с. 55—56.

⁴⁷⁷ Архипов Г. А. Дубовский могильник (раскопки 1963 г.), с. 187—189.

Попытаемся датировать каждый могильник в отдельности.

Оперируя только комплексами Дубовского могильника можно выделить в этом могильнике погребения с твердой датой. Это погребения 3 и 4 с монетами середины X в. В погребении 3 были круглопроволочная овальная серьга (рис. 17—3), пряжка (рис. 41—7 и типа рис. 41—20), поясные и концевые накладки (рис. 42—17; 43—3, 20 и типа рис. 43—4). Здесь же были топор с парой щековиц и с небольшой лопастью (рис. 57—3), наконечник стрелы (типа рис. 68—3) и обломок ножа с обмоткой из серебряной проволоки на рукоятке. Ни один из перечисленных вещей не противоречит дате, указанной монетой. В свою очередь, эти вещи могут быть датируемыми для других комплексов (в частности, пряжки, серьги и топоры).

Погребение 4 также твердо датируется серединой X в. не только по монете, но и по комплексу вещей. Здесь были гривна глазовского типа, всадница, восьмигранный браслет с несомкнутыми концами с кружковым орнаментом. Здесь же были пряжки (рис. 41—12, 23), очковидные накладки без привесок от обуви (рис. 51—14, 20); втульчатый (рис. 53—1) и проушной (рис. 58—7) топоры; наконечник стрелы (типа рис. 68—2); железный нож и железная втулка (типа рис. 68—20). Все эти вещи не противоречат времени середины X в.

Погребение 7 датируется X в., основанием для этого являются восьмигранные браслеты, браслет с овальным расширением и желобком (типа рис. 35—AIV2). Здесь же были накладки от пояса (рис. 42—20; 43—61), серебряное кольцо с заходящими друг за друга концами (типа рис. 17—9) и костяная орнаментированная привеска (типа рис. 26—13).

Погребение 14 датируется гривной глазовского типа X в. Здесь были нагрудные подвески с трапециевидной основой (рис. 22—1), перстни со щитком (типа рис. 37—1), височное кольцо с отогнутым концом без утолщения (типа рис. 16—5); многоцветные бусы с рельефными глазками (рис. 21—1—4). В этом же погребении встречены медные браслеты с разомкнутыми концами, дающие в сечении прямоугольник (рис. 36—3, 6).

Погребение 26 датируется восьмигранным браслетом X в. В комплексе были наконечники стрел подтреугольной формы и железный нож.

Погребение 27 также датируется X в. по восьмигранному браслету. Здесь были кольчатые серьги с тремя напускными бусами

⁴⁷⁸ Мы не придаем этим монетам определяющего значения при датировке, но многочисленные аналогии типам вещей из наших комплексов с монетами дают дату, соответствующую времени чеканки монет.

(рис. 17—13); привески к нагрудным украшениям в виде костяных коньков и бубенчиков.

Серединой X в. можно датировать и погребение 24 по огниву (рис. 70—12). Такие огнива Л. А. Голубева датировала концом IX — первой половиной X в. Наше огниво более стилизовано, поэтому его можно отнести к середине X в. и, возможно, к первой половине XI в. Здесь были, кроме того, серьги так называемого салтовского типа с гроздевидной привеской (рис. 17—23), пряжка типа рис. 41—5 и поясные накладки (рис. 43—24, 25, 26).

Погребение 20 по серьгам с напускными бусами типа рис. 17—13 (такая была в погребении 27 с восьмигранным браслетом) также датируется X в., хотя здесь есть браслет, скрученный из трех проволок (рис. 34—д), который принято считать более поздним.

По-видимому, этим же временем датируется погребение 23 по двухбусинным серьгам (рис. 17—12). Здесь же был медный щитковый перстень.

Погребение 2 по пряжке (рис. 41—21) и концевой накладке (рис. 42—19) датируется также X в. Подобные пряжки и близкие накладки были в погребении 3 (с монетой середины X в.).

Погребение 8 датируется височными кольцами с отогнутым концом без утолщения (рис. 16—5), браслетом с овальными расширенными концами и желобком, также X в. Здесь были накладки от пояса (рис. 43—14, 27 и типа рис. 43—22); обрывки медной цепочки и медное небольшое кольцо.

Погребение 25 датируем X в. по пряжкам типа рис. 41—22 и поясным накладкам (рис. 43—5).

Погребения 12—13 датируется примерно этим же временем по пряжкам (рис. 41—8), близкой пряжке из погребения 4 (рис. 41—12). Здесь были еще одна пряжка (рис. 41—9), поясные накладки (рис. 43—57, 73); медные браслеты с круглым сечением в средней части и подшестиугольными на концах, а также 3 наконечника стрел (типа рис. 68—2) и обломок ножа.

Есть группа погребений, датируемых концом X—XI вв. К ним относится погребение 30. Основанием для этого являются калачевидное кресало (рис. 70—13), относящееся по новгородским древностям к X—самое начало XII вв.⁴⁷⁹, лопастной топор с двумя парами круглых щековиц типа рис. 58—5, датируемому по аналогии с раннеболгарскими IX—XI вв.⁴⁸⁰ и браслет со вставкой (рис. 34—а), также относящийся к этому же време-

ни. Это подтверждается комплексом вещей погребения 6 Веселовского могильника⁴⁸¹, вместе с подобным браслетом были из датируемых вещей восьмигранные браслеты, щитовые перстни, нагрудные украшения с трапециевидной основой (рис. 23—3) и очковидные спиралевые обувные украшения. В этом комплексе были медная ложновитая гривна концами в виде петелек (рис. 19—1), желтый нож и медная пластинчатая круглая привеска с точечным орнаментом (рис. 20—4).

Погребение 18 датируется X—XI вв. по калачевидному кресалу, топору, аналогичному погребения 30, серьге с одной напускной бусиной (рис. 17—11). Эта серьга несколько позднее вышеописанных серег с напускными бусинами (рис. 17—12, 13), так как бусина действительно украшена двумя поясками шну. В этой могиле встречены прорезные бубенчики (типа рис. 29—37, 38), железные браслеты (рис. 36—11), встречаемые в это время (Куровско-Кужновский могильник, Донды-Куровское городище). Не раньше XI в. нужно датировать 3 браслета с завязанными концами (рис. 35—Бв), по аналогии с материалом юго-восточного приладожья и Владимирских курганов⁴⁸². В этом комплексе были два кольчатых перстня (рис. 37—7) и остатки ожерелья спиральных пронизок, пастовых бус сургучного цвета и раковины каури.

Погребение 24 датируется по втульчатому топору, позже XI в. не встречаемому⁴⁸³. Это не противоречит и деревянные ножи с желтыми обоями. Подобные встречаются в Прикамских древностях в еще более раннее время (Урьинский могильник).

X—XI вв. датируется погребение 19. Здесь было калачевидное кресало, височная подвеска с одной напускной бусиной типа рис. 17—13, бусина имеет гладкий валик в средней части, железная гривна с закрученными концами, четырехгранная в средней части. Железные гривны, по М. В. Фехнер, наибольшее распространение в Восточной Европе получили X—XI вв., заходя иногда и в XII в. XI—XII вв. датируется пряжка с трилистником

⁴⁸⁰ Топор с Мокро-Курналинского селища окрестности Алексеевское на левом берегу р. Камы, датируемый по комплексу с болгарской керамикой и многочисленным аналогичным материалом IX—XI вв.

⁴⁸¹ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ со стр. 38, 40, рис. 31.

⁴⁸² Станкевич Я. В. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-финской АССР, рис. 9. Сидоров А. А. Владимирские курганы, рис. 233, 314.

⁴⁸³ Смирнов А. П. 1) Очерки древней и средневековой истории..., с. 124. 2) Донды-Карское городище, с. 57.

⁴⁸⁴ Фехнер М. В. О происхождении и датировке железных гривен, с. 104.

⁴⁷⁹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, рис. 4.

на кольце (рис. 41—18) по многочисленным аналогиям. Здесь же были железные и медный браслеты с «головками» на концах. Для наших могильников датирующим можно считать и лопастной топор с двумя парами круглых щеков.

Особо следует разобрать погребения 9, 16 и 17. Комплекс погребения 9 состоит из медных височных колец (рис. 16—3, 4), остатков ожерелья, состоящего из медных спиральных прокизков и шаровидных медных бусин, аналогичных бусинам височного кольца (рис. 17—13), стеклянной желтой бусины и медного бубенчика; медного пластинчатого браслета с расширяющимися концами без орнамента (рис. 36—5), наконечника стрелы типа рис. 68—13, двух звеньев цепочек (рис. 30—8) и шестигранного кресала (рис. 70—14). Как видно, твердо датируемых вещей казалось бы нет. Но шестиугольное кресало найдено в комплексе с монетой середины X в. (см. дальше). Исходя из этого, мы это погребение датируем не позже XI в. Аналогичное кресало было и в погребении 17, инвентарь которого богаче и состоит из следующих вещей: серебряные височные кольца, аналогичные из погребения 9; железной лопастной топор с двумя парами круглых щеков (типа рис. 58—1); две железные круглые пряжки (рис. 67—3); 4 наконечника стрел (рис. 68—11 и типа рис. 68—3); железный нож обычных здесь форм; железная втулка типа рис. 68—20; стремена и удила без перегиба (рис. 67—1, 4); серебряная гривна с запором в виде петли и граненой головки из круглого дрота, средняя часть раскована и перекручена (рис. 19—2) и медный проволочный ложновитый браслет, концы, по-видимому, завязывались.

Установить дату этого погребения могут помочь, кроме кресала, топор, подобный встречающимся в погребениях X—XI вв. и стремена с удилами. По мнению С. А. Плетневой, подобные вещи характерны для I группы памятников кочевников южнорусских степей (X в.). Этим же временем датирует удила без перегиба Г. А. Федоров-Давыдов⁴⁸⁵.

Погребение 16 также можно, по-видимому, датировать временем не позже XI в., так как стеклянный желтый бисер, двойная золоченная бусина и другие бусы датируются IX—X вв.

Менее определенно можно датировать погребения 1, 10, 11, 15, 25, 28, 29. Однако топоры, ножи, наконечники стрел, браслеты и ожерелья не могут нарушить общую дату многих погребений X—XI вв.

Таким образом, Дубовский могильник относится к X—XI вв. Часть погребений (№№ 3, 4,

7, 12—13, 14, 20, 25, 26, 27, 28) датируется X в., часть (№№ 9, 16, 17, 18, 19, 24, 30) — X—XI вв. и часть погребений (№№ 1, 10, 11, 15, 25, 28, 29) может датироваться X и XI веками.

Датировка Веселовского могильника была обоснована А. Х. Халиковым по материалам раскопок 1957 г. Он отнес его к IX—XI вв.: пп. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 14 и 15—X—первая половина XI вв.; п. 7—X в.; п. 10—IX в.⁴⁸⁶. Эти даты не вызывают сомнений. Однако некоторые погребения можно датировать более точно. А. Х. Халиков отметил, что погребение 10 самое раннее, так как стратиграфически лежит ниже погребения 4. По комплексу вещей по аналогии с материалом могильника Мыдлань-Шай погребение 10 можно датировать концом IX в. Инвентарь этого погребения включает: пластинчатый браслет с отогнутыми концами (типа рис. 35—AIVa), височное кольцо с отогнутым чуть утолщающимся концом (типа рис. 16—4), набор нагрудных украшений, состоящий из щитков-планок с коническими привесками в виде конуса со щитками (рис. 23—19); медная проволочная пряжка; два перстня со вставкой из темной массы (рис. 37—10) и четыре медными полугоршинами (рис. 37—9); третий перстень тоже был со вставкой (рис. 37—12); одна коническая привеска (рис. 29—12), железный нож с прямой спинкой и уступчиком с обеих сторон при переходе к черешку. Датирующим здесь является перстень со вставкой, аналогичные из Мыдлань-Шая⁴⁸⁷, близкие типы есть в Деменковском могильнике⁴⁸⁸ и в ранних погребениях Танкеевского могильника⁴⁸⁹.

Вещи времени не позже IX в. есть из раскопок 1929 г. В Ветлужском музее хранится арочная основа—щиток нагрудного украшения с четырьмя спиральками (рис. 23—9). Подобные предметы датируются А. П. Смирновым не позже IX в.⁴⁹⁰. Правда, А. А. Спицын отнес их к X в.⁴⁹¹.

В погребении 20 была пластинчатая бляха—основа нагрудного украшения. По мнению А. П. Смирнова, подобные шумящие привески получили широкое распространение в IX в.⁴⁹². Преимущественно в IX в. встречаются подоб-

⁴⁸⁶ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., с. 55—56.

⁴⁸⁷ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. II—3, 4, 5, 6, 7.

⁴⁸⁸ Генинг В. Ф. Деменковский могильник, табл. VI—5, 8.

⁴⁸⁹ КИЯЛИ АН СССР. Кабинет археологии, колл. Танкеевского могильника (пп. 42, 53, 62, 72, 88, 136, 146, 149, 350, 351, 456, 504).

⁴⁹⁰ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 182, 184, табл. XLII—9.

⁴⁹¹ Спицын А. А. Древности Камской чуд., с. 31, табл. XXXII—1.

⁴⁹² Смирнов А. П. Указ. соч., с. 121.

⁴⁸⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч., с. 18.

ные украшения в могильнике у пос. Заря⁴⁹³, в Крюковско-Кужновском могильнике в комплексах IX—X вв.⁴⁹⁴. Следовательно, это погребение мы можем датировать IX—X вв. Этой дате не противоречат и другие вещи: два нагрудных украшения с трапецевидной основой-щитком, очковидные накладки от обуви, поясной набор и сьюльгама (рис. 24—6).

Стратиграфически и по вещам хорошо датируется погребение 4. Оно было выше погребения 10 (IX века). Инвентарь его состоит из следующих предметов: гривна глазовского типа (X в.), два нагрудных украшения с арочной прорезной основой (рис. 23—7, 8), огниво с медной рукояткой (рис. 70—3), по мнению Л. А. Голубевой датируемое также X в.⁴⁹⁵. Здесь же были два браслета — один пластинчатый, с точечным орнаментом на концах, другой круглый в сечении с расплюснутыми концами и точечным орнаментом. Есть и многогранный браслет, две рамчатые пряжки (рис. 41—19, 20), серьги с привесками из полых шариков и пирамидкой более мелких шариков внутри кольца (рис. 17—19), очковидная накладка от обуви (типа рис. 51—9), щитковый перстень (типа рис. 37—1), железный браслет, топор с двумя парами треугольных щековиц (рис. 54—4), железный нож с костяной рукояткой (рис. 59—2) и коническая привеска (типа рис. 29—7).

Комплекс вещей этого погребения датируется X в. по гривне глазовского типа, огнива с бронзовой рукояткой, очковидной привеске и арочным прорезным основам от нагрудных украшений.

X в. датируются погребения 17—18 калачевидной серьгой, коньковыми подвесками (рис. 28—2), аналогии которым встречаются в комплексах X в.⁴⁹⁶, восьмигранными бронзовыми браслетами с кружковым орнаментом, головной цепочкой, серебряными височными кольцами с четырехгранной головкой (типа рис. 16—2), железным ножом, очковидным украшением обуви, костяным и медным коньковыми привесками от нагрудного набора (рис. 26—2, 9).

К концу X в. относится захоронение 24, где была найдена монета середины X в. Инвентарь погребения состоит из шейного украшения (ожерелья) с двумя круглыми серебряными пластинами (типа рис. 20—3, 4), на одном диске нанесен пунктирный орнамент в виде двух concentрических кругов; железного про-

ушного топора типа рис. 58—1, 3, 5; железного шестиугольного кресала типа рис. 70—14; три железных наконечников стрел листовидной формы (рис. 69—13); железного ножа, кожного пояса с пряжкой типа рис. 41—18; медного котла.

Находка монеты в этом погребении позволяет уточнить дату некоторых вещей, считающихся в других памятниках более поздними. Это относится к шестиугольному кресалу с пряжкой с трилистником на кольце, датируемое обычно концом XI—XII вв. В древнемарийских могильниках эти вещи без сомнения являются вещами конца X—XI вв.

Погребение 16 в своем инвентаре имеет гривну глазовского типа, нагрудные украшения с трапецевидной основой типа рис. 22—1, 2), огниво с бронзовой рукояткой (рис. 70—6), железные нож, тесло, топор (рис. 57—1), поясной набор (рис. 42—19а, 41—16), бубенчики; височные кольца (рис. 16—2), серьги (рис. 17—18), сьюльгама (рис. 24—3), браслеты многогранные (рис. 31—д, п, с, у, ф), перстни (рис. 37—1, 8, 1), копоушку (рис. 71—8); набор привесок к украшениям (рис. 29—3, 9, 27, 30). Дата уславливается по гривне глазовского типа X в. — самое начало XI в.

А. Х. Халиков указал на погребение 1 как самое позднее в могильнике⁴⁹⁷ по застежке сьюльгаме (типа рис. 24—7) и нагрудному украшению с подтреугольной ажурной основой (рис. 23—13). В этом же погребении были височные кольца — одно перекрученное из двупроволок (рис. 16—8), другое из гладкой проволоки с завязанными концами. Тут же были рыболовные крючки (рис. 64—1, 2). Погребение это относится ко второй половине XI в.

К началу XI в. можно отнести погребение 26 по наличию пяти серебряных подражаний брактеату. Инвентарь состоит из головной медной цепочки, нагрудных украшений (рис. 22—7; 23—10), остатков ожерелья (рис. 20—5, 21—15, 16, 19), перстней (рис. 37—5, 6), поясного набора (рис. 40—2), копоушек (рис. 71—3, 4); калачевидных кресал, спиралевидных гронизок, бубенчиков.

XI веком датируется погребение 22. Его инвентарь: медная головная цепочка; медная крученая гривна с грибовидной головкой (рис. 18—7), ожерелье с двумя медными подражаниями дирхему, которые, по определению С. А. Яниной, можно отнести к XI в. застежка-сьюльгама (рис. 24—7), имеющие аналогии в костромских курганах XI—XII вв.

⁴⁹⁶ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья, с. 96—97.

⁴⁹⁷ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. с. 56.

⁴⁹³ Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э., рис. 3, № 39.

⁴⁹⁴ Иванов П. П. Указ, соч., табл. II—5; V—1 (пп. 257 и 119. Описание их см. с. 88 и 45).

⁴⁹⁵ Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятками, с. 126.

нагрудное украшение с треугольной основой (рис. 23—13; браслеты пластинчатые (рис. 32—а, ж, з), с «головками» (рис. 32—б, в, з). Браслеты с нечеткими формами в сечении (рис. 36—7, 8) и один витой из трех медных тонких проволок. Здесь же были обломок калачевидного кресала, железный нож, железное тесло типа рис. 61—10. Все перечисленные вещи уверенно позволяют датировать захоронение XI в.

Погребение 25 можно датировать X—началом XI в. по наличию фибулы с макровидными головками, датируемой в финских древностях 850—1000 гг. Остальной инвентарь следующий: заостренный топор с двумя парами круглых щеков, калачевидное кресало, медный и железный котлы, железный нож; браслеты с «головками» (рис. 32—е), пластинчатые (рис. 33—д и рис. 35—а IV—в); головная цепочка, гривна медная (рис. 18—б) и ожерелье, состоящее в нагрудной части из восьми мелких подражений дирхему.

Примерно последней четвертью XI в. датируется погребение 29 по браслетам с «головкой» (рис. 32—а), пластинчатым (рис. 33—б, в) и четырем браслетам, витым из трех и шести проволок (рис. 35—Бг). В этом же комплексе были медные литые птички с лапчатыми привесками (рис. 26—1).

Инвентарь остальных погребений малоинформативен в смысле датировки, но не противоречит дате IX—XI вв.

Таким образом, могильник в целом можно датировать IX—XI вв., выделяя погребения IX в. (№№ 10 и некоторые вещи раскопок 1929 г). IX—X вв. (№ 20), X в. (№№ 4, 7, 11, 24), X—XI вв. (№№ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 25)⁴⁹⁸ и XI в. (№№ 1, 14, 22, 26, 29).

Время захоронения на «Черемисском кладбище» по материалам раскопок 1908 г. и 1957 г. устанавливается периодом IX—XI вв., может быть и VIII в.

Самым ранним следует признать погребение I, имеющего в инвентаре нагрудное украшение (рис. 22—5), которое по аналогии с подобной бляхой из Плесинских находок⁴⁹⁹ можно датировать VIII—IX вв. (по А. А. Свещину). Крупные конические привески также следует считать более ранними, по аналогии с подобными из Деменковского могильника (погребение 12—вторая половина VIII—первая половина IX вв.)⁵⁰⁰ и Мыд-

лань-Шая.⁵⁰¹ В последнем есть и длинные трубчатые пронизки, аналогичные пронизкам нагрудника разбираемого погребения⁵⁰². Подобные пронизки появляются еще в V—VII вв. (Мл. Ахмыловский могильник). К ранним типам следует отнести и головной венчик, состоящий из спиралевидных пронизок и обоймочек. Такие головные украшения характерны для V—VII вв., в X в. у марийцев преобладает головная цепочка и венчики других форм. Здесь же были очковидные украшения от обуви (рис. 41—9); две умбоновидные подвески (рис. 51—1); остатки железной кольчуги.

В целом погребение датируется VIII—началом IX в.

Погребение 5 мы относим к IX—X вв. Основанием для этого является медная круглопроволочная гривна со шляпкой (рис. 18—8), медная пряжка (рис. 42—4), аналогичная пряжке из Мыдлань-Шая⁵⁰³ и обувные украшения (рис. 51—18), близкие которым есть в Мыдлань-Шая⁵⁰⁴. В этом комплексе были серпы с гроздевидными привесками (рис. 17—21), медный пластинчатый браслет с отогнутыми концами без орнамента, железный нож.

Следующая группа погребений относится к X веку (таких 12). Погребение VIII в инвентаре имеет 9 восьмигранных браслетов с кружковым орнаментом. Кроме них здесь есть щипковые перстни, медная цепочка, различные привески (конические и бутыльчатые) — (рис. 29—7, 24); очковидные украшения обуви (рис. 51—10), медные бусы (рис. 52—15, 16); спиральные привески (рис. 29—31); лялька (типа рис. 63—1), железный топор (рис. 58—1), железный нож в ножнах (рис. 59—5) и обломки формочки для литья (типа рис. 57—1).

Погребение XI датируется этим же временем по коньковой подвеске с личиной (рис. 28—2). В составе инвентаря были умбоновидные украшения обуви (рис. 51—3), очковидные подвески без лапчатых привесок (рис. 51—19), височные кольца с завернутыми концами (типа рис. 16—6), медный пластинчатый браслет без орнамента и четырехгранный с расширенными несомкнутыми концами, щипковые и спиральные (типа рис. 37—2) перстни; железный топор (типа рис. 55—2), наконечник копья (типа рис. 65—1), железный котел обычного типа.

⁴⁹⁸ Обоснование датировки пп. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 12, 13, 15 см. Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ соч.

⁴⁹⁹ Свещин А. А. Древности Камской чудии... т. 1, с. 116, табл. XXII—21.

⁵⁰⁰ Генинг В. Ф. Деменковский могильник..., табл. III—21.

⁵⁰¹ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. V—27.

⁵⁰² Там же, таб. V—7, 8.

⁵⁰³ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. III—16.

⁵⁰⁴ Там же, табл. VI—3, 4.

По комплексу вещей X веком датируется и погребение XII. Среди вещей огниво с бронзовой рукояткой (рис. 70—1), серьги (типа рис. 17—1), пряжка (рис. 41—24), поясные накладки (типа рис. 43—1, 15), втульчатый топор (типа рис. 53—2), наконечники стрел (рис. 69—1; 68—2); медный бубенчик (рис. 29—37), обломки спиралек и цепочек.

Погребение XIV датируется X в. по серьгам (рис. 17—2), пряжкам рамчатым (рис. 41—25) с сердцевидной пластинкой (рис. 57—13), концевой накладке (рис. 42—16). В инвентаре есть накладки от ремня (рис. 43—36, 53, 54, 55), дужки с перекладиной от обуви (типа рис. 51—16).

Погребения XV—XVI, давшие восьмигранные браслеты с кружковым орнаментом и калачевидные серьги, также датируются X в. В инвентаре кроме того были железные топоры (типа рис. 53—2 и рис. 56—5), тесло (рис. 61—10), формочки для отливки украшений (рис. 62—1), дьячка (рис. 63—1), многочисленный поясной набор (рис. 43—6, 11, 12, 46, 47, 50, 51, 60, 80 рис. 42—13); щитковый перстень; обломок костяной расчески, конические и бутыльчатые привески (типа рис. 29—8), рукоятка шила (рис. 62—7), железный наконечник копья (типа рис. 65—1), ромбовидные наконечники стрел.

Ориентировочно к X в. можно отнести и погребение XIII, где были нагрудные украшения с треугольной основой (рис. 23—12), калачевидное кресало, железный топор (типа рис. 55—3), медная пряжка (рис. 42—3), умбоновидная подвеска от обуви (типа рис. 52—2, только без зерни), щитковый серебряный перстень, обломки медного пятигранного браслета и фрагменты глиняного сосуда (рис. 75—12). Датирующим в этом комплексе может быть нагрудное украшение, имеющее аналогию в Мыдлань-Шае⁵⁰⁵.

Погребение 7 имеет в своем инвентаре медную гривну (типа рис. 18—8), датируемую X в. Здесь же был глиняный сосуд (рис. 75—7).

Погребение 8 датируется X в. наличием серебряной калачевидной серьги.

Погребение 10 по пряжке, аналогичной пряжке из погребения 2 Дубовского могильника (типа рис. 41—21), датируется также X в.

И, наконец, X веком датируется погребение 12 по железным двухсоставным удилам (рис. 67—5) с псаллиями, характерными для VII—X вв.⁵⁰⁶.

⁵⁰⁵ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. VI—12.

⁵⁰⁶ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела Белой-Вежи, с. 150.

К X—XI вв. относится погребение II (разрушенное), имеющее щитковые перстни и браслеты типа рис. 35—AIVг. По наличие топоров втульчатого и лопастного с двумя парами круглых щековиц в инвентаре, погребение I (тоже разрушенное) датируется X—XI вв. К этому времени относятся погребения IX—X, имеющие в своем инвентаре серебряный щитковый перстень, четырехгранный браслет без орнамента со следами позолоты, шестигранный браслет с кружковым орнаментом, височное кольцо (типа рис. 16—3), головную цепочку, железный топор (типа рис. 56—5), железный наконечник копья (типа рис. 66—7), наконечник стрелы (рис. 69—17), копоушку (рис. 71—7), поясной набор (рис. 43—28, 35; 42—30, 31); обувные украшения (рис. 51—7), рукоятку шила (рис. 62—8) и ожерелье из бус и спиралевидных пропозок (рис. 21—5—8, 17).

К XI веку относится погребение III, имеющее болгарское подражание саманидскому дирхему конца X в., серебряную серьгу (рис. 17—5), поясной набор (рис. 41—3 типа рис. 41—5; рис. 43—29, 65, 66, типа рис. 43—6), серебряный пластинчатый браслет (рис. 33-е), ожерелье с тройными стеклянными бусами с внутренней серебряной фольгой и многоцветной бусиной с рельефными белыми глазками и коричневыми ресничками с белыми разводами на черном фоне.

К этому же времени относится погребение IV (разрушенное) с застежкой-стольгамог (типа рис. 24—7) и поясным набором (рис. 43—49).

Погребение VI относится также к XI в. Здесь были нагрудные украшения (рис. 23—14), серьги (рис. 17—4), височные кольца (рис. 16—6, 8), щитковый перстень, браслет медный с затертыми гранями, дьячка (рис. 63—2), скобель (рис. 61—9), умбоновидная подвеска (рис. 52—3), костяная рукоятка шила, железный топор (рис. 56—3) и, наконец, огниво с медной рукояткой с человеческой фигурой между двумя птицами (рис. 70—9) и дирхем с обрезанными краями.

Таким образом, могильник «Черемисское кладбище» также датируется в основном IX—XI вв. К VIII—началу IX вв. относится одно погребение (№ 1), к IX—X вв.—тоже одно (№ 5); к X в.—12 (№№ VIII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, 3, 4, 8, 10, 12); к IX—XI вв.—4 (№№ 1, II IX, X) и к XI в.—4 (№№ III, IV, VI, VII). Из 29 погребений датировке поддается 21. Остальные 8 погребений или были сильно разрушены или же инвентарь их не выразительный и не поддается датировке.

Датировка Юмского могильника может

быть установлена по аналогии с Веселовским, Дубовским могильниками и «Черемисским кладбищем». Никаких новых типов вещей там нет. Установленное в свое время А. А. Спицыным⁵⁰⁷ время могильника IX—X вв. (может быть и начало XI в.) и подтвержденное А. П. Смирновым⁵⁰⁸, полностью подтверждается новым материалом. К датирующим вещам относятся гривны глазовского типа, многогранные браслеты, серьги калачевидные (рис. 17—17) и с привеской в виде толых шариков (рис. 17—20), подтреугольные провололочные (рис. 17—1), обувные украшения (рис. 50—1; 51—4, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 21, 52—5, 17); огнива с бронзовой рукоятью

⁵⁰⁷ ОАК за 1891 г., СПб, 1893, с. 103—106.

⁵⁰⁸ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 165.

(рис. 70—2), втульчатые наконечники стрел (рис. 68—1, 3), втульчатые и проушные (рис. 54—1, рис. 58—2, 3) топоры, поясной набор (рис. 41—1, 26; 42—2, 5, 6, 7, 14 и рис. 43—18, 21, 22, 30, 31, 32, 43, 63, 68, 76; рис. 42—2, 5, 6, 7, 14), наконечники с треугольной основой (рис. 25—6) и многое другое (рис. 20—2; 22—4; 25—1; 61—2, 7, 8; 68—6, 7, 8; рис. 70—1); не оставляющие сомнения в отнесении Юмского могильника к указанному времени.

Лопьяльский, Борисковский, Кочергинский могильники уже датированы предшествующими исследователями. Новых материалов за последнее время не получено. В целом следует согласиться с их датировкой. Однако необходимо отметить, что в Лопьяльском могильнике некоторые вещи могут быть отнесены и к VIII в.

Глава II

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МАРИЙЦЕВ IX—XI ВВ.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйство древних мари́йцев было комплексным и включало развитое земледелие, металлургию, ремесла, охоту и другие виды деятельности, связанные с переработкой сырья в домашних условиях.

О земледелии у мари́йцев археологических доказательств мало. Это объясняется тем, что земледельческий инвентарь, не являясь орудием личного пользования, не клался в могилу вместе с покойником. На поселениях же, в силу особенностей в расселении мари́йцев, нет большого культурного слоя и остатков хозяйственных построек. Известен ряд случайных находок частей земледельческих орудий. В их числе хранящиеся в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике два сошника XI—XIII вв., найденные на р. Янгоре в Ветлужском районе Горьковской области¹. Подобные сошники вместе с косой-горбушей были найдены в 1955 г. у д. Пекоза в Мари́йской АССР в устье р. Илети (рис. 76—6). Есть устные сведения о находке сошников в Яранском и Уржумском районах Кировской области². Несомненно, к земледелию имеют отношение лопастные топоры (рис. 54—56) и топоры-кельты (рис. 53).

Есть немногочисленные находки остатков зерна в некоторых погребениях. Например, в 1929 году в Веселовском могильнике в одном из мужских захоронений был найден мешочек с просом и полбой³. Зерна проса были в чаше из погребения I Руткинского могильника.

¹ Левашова В. П. Сельское хозяйство, с. 31. 35
² Очерки истории Мари́йской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1969, с. 41

Встречены орудия переработки продуктов земледелия. В 1908 г. на «Чортовом городище» В. И. Каменским найден жернов⁴. Половина жернова происходит с Кармановского городища⁵. Известны жернова с Пижемского городища на Вятке⁶.

Все находки немногочисленны, и, казалось бы, невозможно по ним сделать какой-либо вывод. Однако, реконструкция земледельческого занятия не является бесперспективной. Учитывая, что земледелие явление не кратковременное, а имеет свою предысторию и дальнейшее развитие, а также учитывая материалы с соседних территорий, можно сделать некоторые выводы относительно характера земледелия у древних мари́йцев.

Ближайшими соседями мари́йцев на северо-востоке были чепецкие племена (предки удмуртов). По данным исследований чепецких городищ, население бассейна Чепцы в X—XII вв. занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством и т. д. Из ремесленного производства у них было развито кузнечное дело и литье⁷. Пашенное земледелие существовало уже в X в., свидетель-

³ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья, с. 56.

⁴ Каменский В. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам, 1908 г., с. 7.

⁵ Спицын А. А. Приуральский край, с. 154—155

⁶ Збруева А. В. Пижемское городище, ИГАИМК, 1934, № 106, с. 282.

⁷ Смирнов А. П. 1) Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. нашей эры, 1928, с. 72—79. 2) Финские феодальные города, с. 38—39. Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, М., 1951, с. 42—59.

ством чего являются лемеха, серпы, жернова и др. На Донды-Карском городище были найдены пять сошников, на Идна-Карском—четыре. Много лемехов из случайных находок хранятся в музеях. А. П. Смирнов, сопоставляя типы лемехов из чепецких памятников и соседних земледельческих районов (в частности Волжской Болгарии), пришел к выводу, что пашенное земледелие в Верхнем Прикамье и на Чепце появилось на месте самостоятельно, а не было заимствовано⁸.

Развитое пашенное земледелие было и у южных соседей марийцев: мордвы и других племен.

Правда, П. Д. Степанов сначала считал, что население городища Ош-Пандо в VI—IX вв. знало только мотыжное земледелие с применением «подсеки»⁹. В последнее время он доказывает наличие пашенного земледелия¹⁰. Широко развитое земледелие в более раннее время у южных соседей марийцев племен именьковской культуры подтверждается многочисленными находками железных ральников, серпов, мотыжек, каменных жерновов¹¹. По находкам ральников можно говорить о существовании у них пашенного земледелия.

Марийцы IX—XI вв. знали подсечное земледелие, которое обеспечивало население земледельческими продуктами в той степени, в какой это было необходимо при комплексном хозяйстве.

Вопросу о характере подсечного земледелия еще в 30-х годах посвятил специальную работу П. Н. Третьяков. Он писал, что «подсечное земледелие, как правило, связано с особым видом хозяйствования, где большое значение имеют охота, рыбная ловля и лесные промыслы»¹². Как можно судить по этнографическим материалам, кроме указанных видов занятий большую роль играло скотоводство. В материалах по статистике Вятской губернии дается подробное описание подсечного земледелия у марийцев Уржумского уезда 80-х годов XIX в.¹³ Остановимся несколько подробнее на этом, поскольку оно дополняет описание этого вида земледелия, данное П. П.

⁸ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 190.

⁹ Степанов П. Д. К вопросу о земледелии у древней мордвы. СЭ, 1950, № 3, с. 167.

¹⁰ Степанов П. Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ. II, Уфа, 1964, с. 139.

¹¹ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. САИ, вып. Д 1—32. М., 1967, с. 26.

¹² Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе ИГАИМК, т. XIV, вып. I. Л., 1932, с. 4.

¹³ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. II. Уржумский уезд. Вятка, 1887, с. 60—64.

Третьяковым, и относится непосредственно к марийцам.

Процесс расчистки площади от леса начинался с подсечки коры дерева до древесины кругом ствола на расстоянии, примерно, одного аршина от поверхности земли (называется этот процесс «подчеркиванием»). Начиналась она весной и оканчивалась до Ивана Купалы (июль месяц). Вместе с подчеркиванием срубался одновременно весь мелкий лес, пни которого немедленно выкорчевывались. «Подчерченное» дерево в то же лето или через год засыхало; вся хвоя с него сваливалась на землю; здесь она гнивала и таким образом как бы унаваживала землю. Чтобы воспользоваться для этой цели хвоей вырубленного молодого леса, его сносили в груды и складывали так, чтобы вся хвоя с него могла свалиться и равномерно покрыть собою землю. Когда деревья окончательно высохнут, а сама хвоя свалится, приступали к рубке деревьев на «чертеже» (так называются подчеркнутые лесные пространства), что бывало через год или два от начала «чертежа». После вырубки на месте образовалась «подсека», которая превращалась в «сенокосную кулигу». Под сенокосом кулига оставалась от 4—5 до 15 лет (в зависимости от характера леса). Как только земледелец начинал замечать, что укос травы на сенокосной кулиге стал слабым, приступал к выкорчевке оставшихся пней. На следующий год после корчевки, ранней весной, пока еще земля не оттаяла, начинали «балы валить»: каждая груда пеньков и кореньев зажигалась и спаливалась дотла. Слой золы, заключающий калийные соли, являлся и удобрением.

Таким образом, здесь мы имеем факт сочетания подсечного земледелия со скотоводством («сенокосная кулига»). Разумеется, это описание нельзя полностью принять для характеристики земледелия марийцев в IX—XI вв., но характер подсечного земледелия в IX—XI вв. был, по-видимому, близок к описанному.

Подсечное земледелие в данных условиях предполагает мотыжную обработку расчищенного участка и она всегда сопровождается боронованием «суковаткой». Мотыги марийцами применялись и в XIX в. «Суковатка» по этнографическим материалам у марийцев не известна. В XIX в. у них применялась более усовершенствованная борона.

С XI в. появляется и в последующее время развивается наряду с подсечным и пашенное земледелие. Найденные сошники (у д. Пекоза в Марийской АССР и в Ветлужском районе Горьковской области) аналогичны сошникам, датированным В. П. Левашовой XI—XIII вв.

В. П. Левашова отметила, что сошники древних сох имеют более вытянутую форму, чем наральники, и длиннее последних. Длина сошников для многозубых сох, по данным В. П. Левашовой, 20—25 см, а для двузубых—около 30 см. Длина трубицы у первых—около 1/2, а у вторых—около 1/3 общей длины сошников. Сошник, найденный у д. Пекоза, имеет следующие размеры: общая длина—25 см, ширина рабочей части—8 см, длина трубицы 11,5 см (т. е. чуть меньше половины общей длины), ширина трубицы—7 см и длина рабочей части—13,5 см (рис. 76—6).

Сошник, найденный вместе с полицей в 1925 г. у д. Шамоки в Малмыжском лесничестве¹⁴ имеет длину 6,5 см (рис. 76—2). Она по форме близка к сошникам из с. Алметьево Татарской АССР и сошнику неизвестного происхождения, отмеченному В. П. Левашовой¹⁵. Полица имеет следующие размеры: общая длина 34,5 см, длина трубицы 5 см и ширина ее 4 см; ширина рабочей части 11,5 см (рис. 76—1). По форме эта полица аналогична полицам из коломенских находок: В. П. Левашова указала аналогию коломенской полице в комплексе XII—XIV вв. из случайных находок на Болгарском городище¹⁶.

Появление сохи с перекладной полицей, которые агрономы определяют как переходное орудие от рыхлящих к пашущим орудиям плужного типа, имело большое значение в развитии земледельческой техники лесной полосы¹⁷. В. П. Левашова считает, что двухлемешная с перекладной полицей соха у русских появляется не позднее XII—XIII вв. Судя по Малмыжским находкам, можно сделать вывод, что Вятка не отставала в развитии земледелия от лесных районов Руси. Об этом свидетельствуют находки в Ветлужском районе и у д. Пекоза. Исходя из этого, мы можем считать, что в Ветлужско-Вятском междуречье, как и в Прикамье, с XII в. пашенное земледелие становится значительным.

Появление же пашенного земледелия относится ко времени не позже XI в. Прав А. П. Смирнов, отметив, что «с X—XI вв. мы столкнемся здесь (т. е. в Вятском крае—Г. А.) и с пашенным земледелием...» (Разрядка А. П.)¹⁸.

¹⁴ Малмыжский краеведческий музей, инв. № 171.

¹⁵ Левашова В. П. Указ. соч., с. 28, рис. 5-а—23.

¹⁶ Левашова В. П. Указ. соч., с. 36, рис. 8-1, 4; с. 37.

¹⁷ Левашова В. П. Указ. соч., с. 36.

¹⁸ Смирнов А. П. Археологические памятники Марийской АССР..., с. 96. Следует отметить, что в полном смысле слова «пашущим орудием агрономы признают только плуг, а примитивные сохи считают рыхлящим орудием, сохи же более усовершенствованные называют орудиями «плужного типа».

Для уборки урожая применялись как серпы, так и косы-горбуши. У д. Пекоза вместе с описанным сошником найдена коса-горбуша (рис. 76—3) типа позднейших марийских ручных кос «кидса»¹⁹. Подобные косы-горбуши имелись и у коми-пермяков²⁰. Коса-горбуша была найдена и на Еманаевском городище²¹. Обломки железных серпов были найдены на Юльяльском и Сиухинском городищах XIII—XIV вв.

Мы мало имеем остатков продуктов земледелия. Находки проса и полбы на Веселовском и Руткинском могильниках являются пока единственными. Это объясняется опять-таки отсутствием культурного слоя и хозяйственных построек или же ям на поселениях. Но мы можем говорить о сортах злаков по данным соседних районов. Исследователи отмечают, что в лесной полосе Восточной Европы уже в раннем железном веке были известны почти все зерновые, бобовые и технические культуры, возделываемые здесь в настоящее время²². В Поволжье и Прикамье в нескольких местах зафиксированы находки голбы (Осинское городище, Ашна-Пандо и Ош-Пандо)²³. В Ош-Пандо были зерна ячменя, гороха и ржи²⁴. В Минском городище были зерна мягкой и карликовой пшеницы, просо—в Дьяковом городище²⁵. Ранее мы указывали на находки злаков на Донды-Карском городище. Специалисты считают, что в период распространения переложной и подсечной системы земледелия преобладало возделывание яровых хлебов²⁶.

О выращивании льна и конопли древними марийцами свидетельствуют многочисленные находки остатков льняной женской рубашки.

Мы уже отмечали, что подсечное земледелие сочетается со скотоводством. Во всех городищах при раскопках были найдены обломки костей домашних животных. Приручение животных восходит еще к древности, а в I тысячелетии домашнее скотоводство преобладает. Osteологический материал из верхних слоев Ветлужских городищ состоит в основном из костей домашних животных. Так, по данным в работе О. Н. Бадера в верхнем слое Одоевского городища костей домашних

¹⁹ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола, 1956, с. 16, рис. 3.

²⁰ Оборин В. А. К истории земледелия у древних коми-пермяков, с. 72.

²¹ Спицын А. А. Приуральский край, с. 150.

²² Краснов Ю. А. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР. СА, 1965, № 2, с. 61.

²³ Краснов Ю. А. Указ. соч., с. 67.

²⁴ Степанов П. Д. К вопросу о земледелии у древней мордвы, с. 162—163.

²⁵ Краснов Ю. А. Указ. соч., с. 62.

²⁶ БСЭ, т. 39, 2 изд., Ст. «Система земледелия».

животных было 54%, из них 77% свиньи, 10,2% лошади, 7,7% крупного и 5,1% мелкого рогатого скота²⁷. А. Н. Формозов, изучая остатки фауны Приветлужья, пришел к выводу, что «ко 2—3 векам до н. э. (или, может быть, несколько позднее н. э.) природа среднего Поветлужья (вероятно также в значительной части Заволжья вообще) уже имела облик, близкий к современному»²⁸.

Многочисленные кости лошади, свиньи и коровы были найдены на Еманаевском городище²⁹; меньше, чем на Еманаевском, было костей свиньи, лошади, кабана на Ижевском городище³⁰.

Примерно такая же картина и на Чепецких городищах. На городище Сабанчи-Кар кости домашних животных составили 58%, а на Донды-Каре—62%³¹.

Кроме остеологического материала о скотоводстве свидетельствуют и некоторые предметы из погребального инвентаря: удила, стремяча, колокольчики (рис. 67). О разведении коров и овец говорят находки одежды из телячьей и коровьей шкуры, многочисленные остатки шерстяной одежды (верхняя одежда, пояса и т. д.), пружинные ножницы для стрижки овец (рис. 62—10).

Природные условия Ветлужско-Вятского междуречья благоприятствовали развитию скотоводства не менее, чем леса для подсечно-огневого земледелия. На территории, занятой древними марийцами, протекали такие реки, как Вятка, Пижма, Немда, Ярань, Большая и Малая Кокшаги, Ветлуга и др. Все эти реки имели широкие поймы и заливные луга. По оценке лугов конца XIX в. по р. Пижме сенокосная площадь составляла свыше 6000 десятин. По р. Немде луга считались лучшими во всем районе. Прекрасные пойменные луга были по р. Ярани, Б. Кокшаге³². Все это служило хорошим пастбищем, а часть травы скашивалась на сено. Пойма Волги (луговая терраса) только в пределах современной Марийской АССР имеет в среднем ширину 3—5 км³³, являясь прекрасными лугами и пастбищами как в древности, так и в настоящее время. По-видимому, у марийцев в IX—XI вв. было стойловое содержание скота.

²⁷ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи, с. 154.

²⁸ Формозов А. Н. Материалы к истории фауны Приветлужья. МИА, № 22 М., 1951, с. 190.

²⁹ Спицын А. А. Приуральский край, с. 150.

³⁰ Там же, с. 150.

³¹ Смирнов А. П. Финские феодальные города, 46.

³² Материалы по статистике Вятской губернии, т. IX, Яранский уезд, ч. I. Вятка, с. 99—107.

³³ Природа Марийской АССР. Сб. статей. Йошкар-Ола, 1957, с. 63.

Мы уже говорили о находках косы-горбуши. Еще в XIX вв. в Кукарском (Кукарка—современный Советск в Кировской области), Троицком и Ильинском волостях на Вятке пользовались горбушей. Встречалась она в Бодозерской, Пижанской, Колянурской и других волостях, т. е. там, где в IX—XI вв. жили марийцы³⁴.

Земледелие и скотоводство были основными видами хозяйства древних марийцев. Однако трудоемкая работа по вырубке леса и обработке почвы, а также ограниченное поголовье скота не могли обеспечить всех потребностей населения в пище. Поэтому большим подспорьем в экономике марийцев были такие занятия, как охота, рыболовство, бортничество и собирательство.

О развитой охоте свидетельствуют находки костей диких животных. В тех же ветлужских городищах I тыс. н. э. (верхний слой Одоевского городища) из общего количества остатков костей 46% составляли кости диких животных. Характерно, что в Поветлужье сильно была развита охота на бобра и куниц. Кости бобра составляли 33% и куниц (или соболя)—25%. А в I тыс. до н. э. (в ананьинско-пьяноборское время) количество особей бобра составляло даже 55% к общему числу особей диких животных³⁵. В письменных источниках позднейших времен также часто упоминаются «бобровые гоны». Например, нижегородские князья и местные землевладельцы дали Благовещенскому монастырю (основан в 1367 г.) несколько ценных владений, преимущественно промыслового значения: бортные леса, рыбные ловли, бобровые гоны и т. п. В 1393 г. князь Борис Константинович нижегородский дал этому же монастырю рыбные ловли на нижнем течении р. Суры в озерах: Пашкове, Саларове, Плоском и др... с падучими и бобровыми гонами. Степан Сем. Рознежский дал большое владение—оз. Рознежское, с бортными лесами, рыбными ловлями и бобровыми гонами (это владение находилось на восток от Нижнего³⁶. Бобровые гоны в районе р. Какши (где расположен Веселовский могильник) упоминаются в работе С. Шумакова³⁷.

Разумеется, не все бобровые гоны, упоминаемые в поздних письменных источниках, принадлежали марийцам. Но в X в. Ветлуга,

³⁴ Материалы по статистике Вятской губернии, т. IX, Яранский уезд, ч. I, с. 114.

³⁵ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи, с. 153—154.

³⁶ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, ч. II. М.—Л., 1947, с. 375.

³⁷ Шумаков С. Обзор грамот Коллегии Экономии, вып. IV. М., 1917, с. 151.

нижняя Сура и территория близ современного Горького (Кантаурово) была занята марийцами.

Охота в IX—XI вв. у марийцев была промысловой, рассчитанной на добычу пушнины. Орудиями охоты были лук и стрелы, применялись различные капканы, силки и западни. В могильниках много наконечников стрел (рис. 68, 69), часть из них использовалась для охоты. В этом отношении интересен наконечник стрелы с костяной насадкой на конце (рис. 68—15), рассчитанный на оглушение зверька, чтоб сохранить шкурку в целости. На Ижевском и Еманаевском городищах были костяные стрелы, в том числе и с тупыми концами. С Ернурского городища известен лук³⁸.

Во многих погребениях были остатки меховой одежды, сшитой из лисьих, куньих и заячьих шкур. Символическое значение имели когти рыси, резцы бобра и клыки кабана: являясь амулетами, они, по-видимому, должны были способствовать удаче на охоте. Обилие пушных зверей в Ветлужско-Вятском междуречье и развитие охоты на них сделали, по-видимому, этот район одним из основных районов, поставляющих пушнину в соседние страны, в частности, в Волжскую Болгарию и Русь. Арабские источники X—XI вв. неоднократно подчеркивают важное значение пушнины в экспорте болгар. Абу-Хамид-ал-Гарнати, посетивший Волжскую Болгарию в 1135—36 гг., отмечает, что в области Арв «охотятся за бобром, горностаем и белкой... Оттуда вывозят очень хорошие и прекрасные шкурки бобра»³⁹.

По археологическим материалам лишь Погетлужье характеризуется как район развитой пушной охоты. Здесь наряду с земледелием и охотой, большую роль в занятии населения играла пушная охота. Это—особенность одного из районов, занятых марийцами в X в. В горных районах (правобережье Волги) пушной охоты не было и здесь земледелию и скотоводству придавалось большее значение.

Подсобными промыслами у марийцев были рыболовство и бортничество. При раскопках встречались рыболовные крючки (рис. 64—1,2), железные остроги (рис. 76—5), рассчитанные на ловлю крупной рыбы. Без сомнения, использовались и сети для рыбной ловли. На Бурьгинском городище были найдены 5 костяных игл, на Еманаевском 4 и 1 железная игла⁴⁰.

³⁸ Спицын А. А. Приуральский край, с. 154.

³⁹ Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150—1153. История СССР, 1959, № 1, с. 172.

⁴⁰ Спицын А. А. Приуральский край, с. 147, 150.

Бортное пчеловодство считается у марийцев традиционным, и они достигли в этом деле большого искусства. Несомненно, в IX—XI вв. марийцы занимались бортничеством—использование диких пчел, которые собирались в дуплах «бортных» деревьев. «Бортные ухажай» были своего рода естественной природной пасекой. Они имели нередко постоянный характер. На бортяных деревьях, по-видимому, уже в то время ставились знаки собственности—«бортные знаки» («тистэ»). Для устройства искусственной борти могли применяться долота и небольшие тесла типа рис. 62—9.

В документах позднейших времен часто упоминаются «бортные ухажай». Мы уже упоминали дарственные грамоты Благовещенскому монастырю, где, наряду с бобровыми гонами и рыбной ловлей, упоминаются и бортные леса. В писцовой и межевой книге г. Свияжска начала XVII в. также отмечено: «Бортные ухажай в лесах и бобровые гоны в реках, во всем Свияжском уезде черемисские, татарские и чувашские, а за русские крестьяны бортных ухажав и бобровых гонов не было»⁴¹.

IX—XI вв.—период, когда получают широкое распространение железные орудия труда: многочисленные наконечники стрел, копыя и другие вещи из цветного металла, различные украшения из меди, бронзы, серебра. Разумеется, все эти предметы не могли быть получены со стороны, даже если учесть, что часть украшений марийцы получали в обмен на меха. Это время, когда везде в Восточной Европе появляются металлургические центры, появляются и выделяются ремесленники. В X—XII вв. в Древней Руси, например, ремесло делится на деревенское и городское⁴². Е лесной полосе В. Европы, занятию финноуграми, не было городов и не могло быть городского ремесла. Но ремесло деревенское было также развито, хотя по технологии и технике несколько отставало от русского ремесла. Например, на Кушманском городище А. П. Смирновым были обнаружены остатки нескольких сырдутных горнов X в. Около развалов горнов найдены куски крицы «шлака» и уголь⁴³. Остатки таких сооружений найдены на городище Анюшкар в 1954 г. В. А. Обориным⁴⁴.

⁴¹ Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска уезда. Казань, 1909, с. 65.

⁴² Рыбаков Б. А. 1) Ремесло Древней Руси, М 1948; 2) Ремесло. В кн.: История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948.

⁴³ Смирнов А. П. Археологические памятники Марийской АССР, с. 98.

⁴⁴ Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958 г., с. 205, рис. 54.

Горны и сыродутные печи в марийских археологических памятниках IX—XI вв. пока не известны. Но почти во всех городищах обнаружены шлаки и крица. Б. А. Рыбаков считает, что «наличие шлаков на городище всегда является признаком местной выработки металла⁴⁵». Значительное количество шлака в Бурыйгинском, Еманаевском, Кубашевском (Шуйском) городищах было встречено в раскопках А. А. Спицына⁴⁶, в Пайгусовском городище найдены шлак и крица, ошлакованные куски глины. На этом городище, возможно, была домница или домница для варки железа⁴⁷. Во всех этих городищах были найдены льячки и тигли. А. А. Спицын проследил остатки железодельного производства на Кубашевском городище. По его наблюдениям, у вала, в правом его конце, на площадке городища были следы больших костров, в валу два котлообразных углубления, стенки которых были проникнуты золой и мелкими углями; на кострах поднято значительное количество обломков глиняных тиглей и форм. В средней части раскопанной площадки (у вала) найдено более всего шлаку⁴⁸.

При постановке вопроса о металлургии возникает проблема сырьевой базы. В этом отношении Ветлужско-Вятское междуречье находится в благоприятном условии. Здесь много болотной руды. По своим технологическим качествам болотная руда наиболее подходящее сырье для примитивной металлургии. Восстановление железа из руды начинается при температуре всего в 400°, а при температуре 700—800° получается уже тестообразное железо. Болотная руда распространена в В. Европе очень широко и везде сопутствует лесу. По карте, составленной Б. А. Рыбаковым, весь Ветлужско-Вятский бассейн входит в ареал болотных железных руд. В позднейших исторических документах мы находим упоминание о разработке болотных руд⁴⁹. Наиболее раннее письменное сведение о разработке этой руды имеется в документах XVI в. В сотной грамоте Коллегии Экономии указано, что за Железнодорожским монастырем в волости Железном Борку числились (по данной 1571 г) деревни Родивонцево и Левино «с кузницею и домницею» и (по данной 1576 г.) д. Терехово и Зайцево, «да в деревнях же 2 домницы да 2 кузницы»⁵⁰. Разработка болотной руды по

р. Ветлуге продолжалась в XVIII, XIX вв. В 40-х годах XIX в. появился проект добывания железной руды по р. Мортюгу (левому притоку р. Ветлуги) местного подлесничьего. Болотная руда добывалась в широкой долине р. Узолы близ с. Ковернино, Макарьевского уезда.

Обильные скопления руды были по р. Керженцу близ с. Успенского и по одному из притоков Керженца у д. Бобылевки⁵¹. При разведке, произведенной нами в 1959 г., выходы и обнажения болотной руды попадались также по Керженцу, Узоле и Ватоме, левых притоков р. Волги.

Болотная руда есть в быв. Ветлужском уезде: в 10 верстах от г. Ветлуги в «Казанском болоте» и в 20 верстах от г. Ветлуги на р. М. Какша, в бывшей даче Варшавских⁵² на р. М. Какше, (в быв. владении Варшавских расположен Веселовский могильник).

В 80-х годах XIX в. под руководством А. Тилло исследовались кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии. В частности, установлен способ добывания руды. Приводим его описание полностью: «Осенью, когда болото замерзнет так, что можно по нем ходить, отправляются по болоту с железным шупалом, прокалывают им лед и если оно уходит беспрепятственно в болото, то такое место имеет руду». В лесу присутствие руды определяется так: если встретятся ели с загнутыми или сухими верхинами—это руда. «Прорубив лед на аршин в диаметре, вычерпывают воду из проруби особо сделанным для того деревянным совком, затем берут деревянную лопату и копают руду,—выбрасывая ее большею частью на берег болота и накопанную увозят в кузницу. Чтобы обратить руду в железо, употребляют следующий способ: в кузнице устроен горн из кирпича железняка, под горном поддувало, сзади пара мехов. На дно горна кладут слой руды; таких слоев накладывается до 6 или 7. Когда уголь разгорится и руда закипит, ее сбивают в массу, так называемую «крицу», особыми молотами, потом вынимают из горна.. и расковывают»⁵³.

Качество руды в быв. Костромской губернии вполне приемлемо для обработки. Так, по определению, произведенному в 1899—1900 гг.

⁵¹ Смирнов В. а. Местоположения железных болотных руд в Костромской губернии. В кн.: Железные болотные руды Костромской губернии. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. II, Кострома, 1918, с. 44—46.

⁵² Смирнов В. а. Указ. соч., с. 51.

⁵³ Тилле А. Кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии. СПб. 1883, с. 63—65 (по статье В. а. Смирнова. Местонахождения железной болотной руды..., с. 48).

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 130.

⁴⁶ Спицын А. А. Приуральский край, с. 145, 150, 153.

⁴⁷ Архипов Г. А. Городища первой половины тыс. н. э. в Марийской АССР, с. 214.

⁴⁸ Спицын А. А. Приуральский край, с. 154.

⁴⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло, с. 79, 80, рис. 41.

⁵⁰ Шумаков С. Указ. соч., с. 233—234.

в Костромском техническом училище, железная руда с р. Андобы Костромского уезда показала следующие данные:

Состав руды	Проба № 1	Проба № 2
	в % ^{а, в}	в % ^{а, в}
Общая потеря при прокаливании	21,57	19,41
Нерастворяемая в сол. кислоте часть	10,5	27,46
Окись железа (F ₂ O ₃)	67,1	51,01
Чистое железо	46,97	35,71
Удельный вес при 17°	3,003	2,807
Вредных примесей серы и фосфорита содержится только следы.		

Железная руда из Хорошевской волости Ветлужского уезда содержала 43% окиси железа⁵⁴.

Болотная руда практически была неисчерпаема. Например, в Моложском уезде близ р. Волги и оз. Арининского, «длиною на 3, шириною на 1 версту и толщиною на поверхности земли находится небольшими глыбами от 4 до 6 вершков; когда она вся выберется, то на этом месте лет через 10 опять наплывает до такого же количества⁵⁵».

Приведенные факты свидетельствуют о значительных запасах болотной руды на территории, занятой марийцами в IX—XI вв. Нет никакого сомнения, что эти запасы использовались марийцами для получения железа, потребности которого были значительны.

Мы не имеем данных о способе получения железа из руды марийцами в X веке. Остатков сыродутных печей на марийских археологических памятниках не найдено. Наиболее древним способом получения железа из руды является варка железа в ямах, обмазанных глиной («Волчьи ямы»). Возможно, остатками таких ям и являются углубления в валу Кубашевского городища, описанные выше. Такого же характера яма, судя по описаниям условий находок шлака и обломков глиняной обмазки, была и на Ижевском городище. Подобная яма изучена близ д. Подмоклово Серпуховского района Московской области, датируемая IX—X вв. В яме было много небольших кусочков обожженной глины и угля, два куска шлака и несколько черепков керамики. Сопел не найдено. Дутье, очевидно, осуществлялось путем естественного притока воздуха⁵⁶. Примечательно, что ямы эти распола-

⁵⁴ Смирнов В. а. Указ. соч., с. 50, 51.

⁵⁵ Дюдюх Евг. Раменский чугуно-плавильный завод. В кн.: Железные болотные руды Костромской губернии. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. II, Кострома, 1918, с. 16.

⁵⁶ Успенская А. В. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. т. 2. Труды ГИМ, вып. 33, М., 1959, с. 110—111.

гались близ славянского селища, а не на селище, где жило население. В древнемарийских памятниках также остатки металлургического производства встречены на городищах, где культурный слой почти отсутствует.

По окончании варки железа получалась крица, которая проковывалась несколько раз для удаления частицы шлака и устранения пористости. Проковка крицы—последняя стадия сыродутного процесса—подводит к следующему этапу обработки металла—к кузнечному делу. Необходимость изготовления большого количества железных вещей требовала выделения кузнечного ремесла в особую специальность. Кузнец, совершающий чудо, считался кудесником и пользовался особым уважением и почитанием. У марийцев есть легенда о кузнеце Чембулате, записанная в Сернурском районе. По преданию Чембулат был кузнецом, он ковал орудия и раздавал марийцам, которые в благодарность за это давали ему разную скотину или шкурки зверей. Наконец, Чембулат состарился и умер. Марийцы стали приносить ему жертву как кудеснику. Еще в XIX в. «гора Чембулата», «камень Чембулата» существовали на р. Немде, у д. Чембулат. И в 30-х годах прошлого столетия поклонники Чембулата в большом числе сходились на старое мольбище и приносили здесь свои жертвы⁵⁷. Это место еще в 1957 году нам указали местные жители. В самом предании нашло отражение фактическое выделение кузнецов-ремесленников.

Изделия кузнечного ремесла в древнемарийских могильниках представлены очень широко. В Мл. Ахмыловском могильнике V—VII вв. была могила кузнеца (погребение 115) с набором кузнечных инструментов. Здесь были 2 зубила, молоток, наковаленка и изделия кузнечного ремесла—наконечники копья, скобель, топор-кельт, железное пластинчатое кресало, обломки четырехгранного шила. Погребение кузнеца было и в Азелинском могильнике (погребение 1), в котором найден почти полный набор кузнечных инструментов: клещи, молоток, напильник с насечкой крестнакрест, ножи для гравировки, наковаленка⁵⁸. К IX—XI вв. относятся находки молотка, льячки, тигля из Ижевского городища⁵⁹.

Из изделий кузнеца в древнемарийских могильниках есть вещи различной сложности и приемов изготовления⁶⁰. Наиболее простыми

⁵⁷ Спицын А. А. Приуральский край, с. 162.

⁵⁸ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв., с. 31.

⁵⁹ Спицын А. А. Приуральский край, табл. XII—13, 14; табл. XIV—7.

⁶⁰ Ссылки на рисунки см. в описании соответствующих категорий вещей в главе I.

по изготовлению, по Б. А. Рыбакову⁶¹, были ножи, дужки для котлов, гвозди, серпы, косы-горбуши, скобели, долота, шилья, кочедыки и др. Все эти предметы требовали лишь простой обработки куска металла при помощи молотка.

Вторая группа вещей изготовлялась при помощи сварки: цепи, железные кольца от поясов и сбруи, удила, кресала, остроги, пружинные ножницы; сварка требовала большой сноровки от кузнеца, а иногда и участия его помощника.

Следующий технический прием состоял в применении зубила при работе. Зубилом разрубали железо. Здесь кузнец один не мог обходиться и привлекал помощников. Зубило применялось при выработке ушков для котла, тесел, мотыг. При помощи пробойников пробивались отверстия на втулках копий, на пластинках для котлов.

Наиболее сложно было изготовление топоров, ножей, молотков. Топор выковывали из длинной уплощенной полосы, которую сгибали пополам, затем в сгиб просовывали железный вкладыш для формовки проуха для топорика, а соприкасающиеся концы полос сваривали вместе и получали лезвие топора.

Копья ковали из большого треугольного куска железа. Основание треугольника закручивали в трубку; в нее вставляли конический железный вкладыш и после этого сваривали втулку копья и выковывали острие. Один из сложных приемов для древних кузнецов была клепка железных котлов из отдельных листов (рис. 72).

В древнемарийских могильниках были многочисленные бронзовые, медные и серебряные украшения. Месторождения меди известны на Урале, что явилось базой развития местной металлургии. Серебро марийцы получали от булгар⁶². Несомненно, большая часть их изготовлялась на месте, о чем свидетельствуют формочки, льячки и тигли. Трудно сказать, выделилось ли ювелирное дело в отдельную специальность, скорее всего украшения делали те же кузнецы, за исключением некоторых типов их. Например, в Подболотьевском (муромском) могильнике в погребении кузнеца были и литейные инструменты⁶³.

⁶¹ Рыбаков Б. А. Ремесло, с. 88—89. Поскольку изделия древнемарийских кузнецов не подвергались специальному исследованию, описание способов их изготовления даем по Б. А. Рыбакову.

⁶² Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90. М., 1960, с. 7—22. Бадер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.

⁶³ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы, в 1910 г., с. 76 (погребение 2).

В IX—XI вв кузнецы-ювелиры знали литье, ковку и изготовление проволоки. Отливались вещи в односторонних и двусторонних каменных (известняк) и мягких формах, ковались браслеты, серебряные листы. По-видимому, в это время у марийцев было известно и волочение проволоки, что, по словам Б. А. Рыбакова, являлось «третьим важным разделом после литья иковки в истории ювелирной техники»⁶⁴. Широко практиковалась у марийцев и чеканка изделий. Отдельные изделия покрывались разными узорами (перстни, пластинчатые браслеты). Широко распространена была позолота серебряных и медных предметов. Из материалов, служивших для украшений, особенно почиталось серебро. Недаром в марийском фольклоре много эпитетов «серебряный», много сравнений с серебром («Серебряная Пампалче», Серебряная Роза, «сереброзубая»)⁶⁵.

Среди различных технических приемов марийских ювелиров на первом месте стояло литье, о чем можно судить по многочисленным находкам формочек, льячек (рис. 62—1 и 63—1) и тиглей. В могильниках, по сравнению с поселениями, их немного. На городищах же еще в XIX в. А. А. Спицыным собраны как целые, так и в обломках тигли и льячки. Например, свыше 80 обломков и целых льячек было на Ижевском городище⁶⁶. Нашими раскопками на этом городище также обнаружены льячки (около 50 обломков) и тигли⁶⁷. Несолько целых и 57 обломков льячек найдено на Еманаевском городище. Здесь же были рюмкообразные тигли и формочки. А. А. Спицын предполагал там наличие литейной мастерской⁶⁸. Льячки встречены на Бурьгинском и Кубашевском городищах⁶⁹.

В могильниках большинство льячек и формочек найдено в мужских погребениях и в двух случаях в женских. По-видимому, марийские женщины в некоторых случаях сами отливали личные украшения, как это было у мордвы и муромы⁷⁰.

⁶⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 138.

⁶⁵ Ким В. А. Страницы дружбы. Историко-литературные очерки. Йошкар-Ола, 1959, с. 58. Очерки истории марийской литературы, ч. I. Йошкар-Ола, 1963, с. 27.

⁶⁶ Спицын А. А. Приуральский край, с. 148—149.
⁶⁷ Архипов Г. А. Ижевское городище. Труды МарНИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962, с. 155, рис. 10—4, 5.

⁶⁸ Спицын А. А. Указ. соч., с. 150.

⁶⁹ Спицын А. А. Указ. соч., с. 153; Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э., с. 221, табл. XLIV—4, 7.

⁷⁰ Городцов В. А. Указ. соч., пп. 69, 95, 143. Отметим здесь же, что в Подболотьевском могильнике на 260 погребений — всего 8 имели тигли, из них одно погребение кузнеца (погр. 2). Иванов П. П. Указ. соч.

В древнемарийских могильниках много украшений, изготовленных способом ковки и чеканки цветных металлов. Ковкой изготавливались почти все виды шейных украшений (рис. 18), височные кольца (рис. 16—1—6), многогранные браслеты (рис. 31, 33). Послековки почти на всех украшениях наносились резцом орнаментальные узоры на браслетах — рис. 33, перстнях — рис. 37—13, на ножнах — рис. 59—5; нередко применялся пунсон (рис. 33—а, е; 35—в, е.; 31).

Способы и приемы ремесла древних марийцев не представляют чего-либо исключительного. То же было (X—XI вв.) у муромы; один из центров ремесла муромы находился на Тумовском селище⁷¹; у мери Дурасовское городище, по мнению Е. И. Горюновой, являлось «ремесленным» поселком, ремесленное производство было на Попадьянском селище (V—VII вв.)⁷². На таком же уровне находилось ремесло и в Прикамье⁷³.

Способом ковки изготавливались медные котлы (рис. 72). Из листа меди сначала делали стенки; соединенные концы зацеплялись друг за друга загнутыми краями и проковывались. Другой метод соединения листа состоит в том, что на концах делались поперечные разрезы и вставлялись друг в друга, а затем проковывались. Таким же способом был наставлен край другого медного котла. Он припаивался или же соединялся также загнутыми краями листа.

Кузнечное и ювелирное производство являлось основным видом ремесла у древних марийцев. Приобретение определенных навыков кузнечного и ювелирного дела выделяло людей этой специальности из общей массы. Может быть, кузнецы, они же и ювелиры, не всегда имели свою мастерскую, выходящую из комплекса жилых и производственных сооружений. Но вполне очевидно, что эти виды ремесла обособились от сельского хозяйства (земледелия и скотоводства). Ремесленники снабжали своими изделиями не только сородичей, но и выходили со своей продукцией за пределы своих поселков. Они не составляли какую-то особую группу людей, совершенно не связанных с остальными видами хозяйства. В это время нельзя было отделить кузнеца от ювелира, так же как земледельца от скотовода.

При натуральном хозяйстве большинство бытовых вещей, утвари производилось в каждом хозяйстве, являясь одним из видов до-

машнего производства. Последним занимались в свободное от земледелия и скотоводства время. К такому домашнему производству относится изготовление одежды, обуви, утвари некоторых видов сельскохозяйственного инвентаря. Сырье для домашнего производства давало земледелие (растительные волокна для тканей), скотоводство (шерсть для ткани и войлока, кожа, овчина), охота (меха). А отходы продукции от скотоводства и охоты — кость и рог — использовались как материал для различных мелких поделок.

На первом месте из отраслей домашнего производства стояли ткачество и кожевенное дело (обработка шкур и кож). В археологических памятниках встречаются пряслица (рис. 61—3, 4). Основным материалом для прядения и ткачества служили лен, конопля, а также овечья шерсть. Льняная ткань, по-видимому, делалась нескольких сортов. К сожалению, образцы тканей не подверглись специальному исследованию, но по приложенным образцам (рис. 77) можно представить характер переплетения: в одном случае простое переплетение, когда пряжа одинакова в основе и утке (рис. 77а), в другом — переплетение было сложное и узор совершенно другой.

Исследователи считают, что особый раздел домашнего производства составляло плетение и тканье всевозможных шерстяных тесьмок, шедших на пояса и украшения одежды⁷⁴. Пояса часто встречаются в древнемарийских погребениях (рис. 78). Марийские женщины и по настоящее время национальные костюмы нередко подпоясывают шерстяным поясом. Способ плетения и тканья поясов (тесмы) был, по-видимому, различный. Еще в XVIII—начале XIX вв. встречалась тесьма, плетеная более примитивным ручным способом без особых технических приемов. У марийцев, по этнографическим материалам, применялись, кроме того, приспособления — квадратные дощечки⁷⁵. Подобные дощечки были и у русских крестьян⁷⁶. М. Н. Левинсон-Нечаева пишет, что исследованные «образцы тесмы из финских могильников и из курганов Ленинградской и Костромской областей... представлены главным образом техникой тканья на дощечках. В большинстве случаев это безузорная тесьма, но часто со следами окраски»⁷⁷. К такому же типу относится и тесьма из Веселовского могильника.

⁷¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 171—178.

⁷² Горюнова Е. И. Указ. соч., с. 92.

⁷³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья, с. 197.

⁷⁴ Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., т. 2, Труды ГИМ, вып. 33, М., 1959, с. 32.

⁷⁵ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века, с. 56.

⁷⁶ Левинсон-Нечаева М. Н. Указ. соч., с. 32.

⁷⁷ Там же, с. 34.

Образцы некоторых шерстяных тканей имеют плотную набивку нитей холста. Из шерстяной нити вязали ткани, онучи, иногда и верхнюю одежду. Большинство тканей окрашено в красный и коричневый тона. В качестве красителей, как и позднее⁷⁸, применялись, очевидно, естественные красители.

Прядение и ткачество, очевидно, находились в руках женщин. В Веселовском могильнике пряслица были в женских захоронениях (пп. 27, 29).

В могильниках хорошо сохранились изделия из сыромятной и дубленой кожи. В отделку шли шкуры как домашних (телячья, овечья, лошадиная), так и диких (лосиная, кунья и т. п.) животных. Техника обработки шкур мало отличалась от позднейших: сначала размачивали, потом сдирали мездру скобелями и обрабатывали железными стругами и лощилами. Дубление производилось, по-видимому, растительными дубителями (кора дуба, ивы, ольхи, березы). Последние одновременно являлись красителями (кора ивы окрашивает в коричнево-красный цвет, ольховая — в желтый и коричневый, еловая и березовая — в темно-коричневый). Большинство найденных изделий сделано из сыромятной кожи. Такая кожа более прочная, но боится сырости. Сыромятная кожа чаще всего делается из шкур крупного рогатого скота.

Наиболее распространенным изделием из кожи в древнемарийских могильниках является обувь. Она изготовлялась из сыромятной кожи. Сначала выкраивался верх из двух частей, которые сшивались ниткой на носке и сзади. Затем пришивалась подошва (рис. 52—1; рис. 50). Иногда верх делался из одного куска кожи.

Большого искусства древнемарийские шорники достигли в изготовлении кожаных кошелев. Они делались различных форм и всегда украшались металлическими бляшками и зажимчиками. Сама кожа имеет тиснение различных узоров (рис. 44, 45, 47, 48).

Из сыромятной кожи изготовлялись и ремни. Основа ремня состоит из толстой кожаной ленты, часто обтянутой сверху более тонкой кожей. Последняя прошивалась тонкой ниткой (рис. 38).

У древних марийцев широко были распространены деревянные ножны меча и ножа, обтянутые кожей и укрепленные металлическими пластинками (рис. 59, 60).

Из кожи изготовлялись и основы головных венчиков, подвязываемых поверх меховой шапочки (рис. 15—9, 10).

Уникальными являются пятипалые перчатки

⁷⁸ Крюков А. А. Указ. соч., с. 64.

из хорошо обработанной кожи, найденные в погребении 13 Веселовского могильника (рис. 79). Каждая из них сшита из цельного куска кожи, сложенного по мизинцу пополам и стаченного по линии указательного пальца. Внутренняя часть большого пальца перчатки выкроена вместе с ладонью и четырьмя остальными пальцами, а наружная выкроена и вшита отдельно. В большой палец и между всеми остальными втачены небольшие клинья (подобные современным).

Сшиты перчатки очень прочным швом, который снаружи образует зигзаговидный рисунок. В нижней части перчаток была пришита на кожаном шнурочке маленькая пуговка, свернутая из полоски кожи, а в нескольких сантиметрах от нее была петелька из такого же шнурка, служившая, по-видимому, для застегивания перчаток⁷⁹.

Продукция скорняков представлена остатками меховых кафтанов, сшитых в основном из овчины. Отдельные части кафтана (борта, рукава, иногда подол) отделялись мехами диких зверей (лисиц, бобров, белок и др.).

Меховой кафтан из погребения 5 Веселовского могильника был сшит из полосок телячьей (или молодой лосиной) шкуры, мездрой наружу. Длина, по-видимому, доходила до голени. В талии был втачен боковой клин. Полоски кожи пришиты изнутри швом встык. По талии, подолу и бокам ниже пояса шли узоры, вышитые тонкой проволокой из низкопробного серебра⁸⁰. В погребении 15 того же могильника на погребенном была одежда из куньих шкурок мехом внутрь. Меховая рубаха имела прошивку (ширина 3 см) из таких же шкурок, шедшую вокруг талии мехом наружу. Сверху был одет кафтан из телячьей шкуры мездрой внутрь⁸¹.

Остатки меховой одежды были найдены во всех погребениях Кочергинского могильника⁸², в некоторых захоронениях Юмского и «Черемисского кладбища»⁸³. Остатки мехового кафтана открыты в могилах 4, 8, 9, 11, 12, 13 Веселовского могильника⁸⁴.

Во многих погребениях были остатки меховых шапочек.

В лесных районах население широко пользовалось различной деревянной утварью и ин-

⁷⁹ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья, с. 50.

⁸⁰ Там же, с. 33.

⁸¹ Там же, с. 53.

⁸² Талицкий М. В. Кочергинский могильник, с. 160 и след., погр. 1, 3, 5.

⁸³ См. Отчет Мар. АЭ за 1957 г. Архив ИА, Р-1, № 1470.

⁸⁴ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч.

струментами. Из деревообделочных инструментов сохранились железные топоры, тесла, ложки, ножи.

Древесина употреблялась и как строительный материал. Хотя мы не имеем остатков жилищ в виде срубов или других типов, но отсутствие землянок на поселениях может свидетельствовать о наличии наземных жилищ. Характерные для марийцев летние жилища (кудо) строились из дерева без пола и потолка. Строительство таких жилищ осуществлялось только с помощью топора.

К плотничьему делу относится и сооружение укреплений на городищах как в валу (Ижевское городище)⁸⁵, так и по склонам площадок (городище «Иванова гора»)⁸⁶. По-видимому, были и загоны из кольев и жердей, заготовка которых осуществлялась также топорами.

Древнемарийские плотники умели раскалывать бревна вдоль с помощью топора и деревянных клиньев, получать таким образом плахи и доски, которые применялись как при строительстве хозяйственных помещений, так и в могилах (подстилки из досок). Нередко на дне могильной ямы обнаруживались подстилки из луба. Снятие коры дерева осуществлялось, по-видимому, также при помощи топора.

Деревянные сохи, бороны, мотыги и т. п. могли изготавливаться при помощи топора и ножа любым взрослым мужчиной.

Деревянные части лука, капканов и других приспособлений для охоты и рыбной ловли также являются продукцией плотников. Из дерева делались различные мелкие поделки — рукоятки ножей, шильев, серпов и т. д. Были и деревянные гребни, веретена. Из дерева же делались различные приспособления для обработки конопли, льна и другие вещи. В быту применялись деревянные чаши (рис. 74). В одном из погребений были остатки бочонка (часть дна и стенки)

Из бересты и луба изготавливались туески. Береста использовалась и при изготовлении обуви (в подошве), по-видимому, и лаптей, некоторых типов головных уборов в качестве каркаса.

Изделия косторезов представлены гребнями, копоушками, рукоятками ножей, шильев, костяными тупиками и ложилами, подвесками в виде коньков и уточек (рис. 26—3—13; 64—3. 5; 66—1, 2, 4; 63—1—10, 13, 14; 61—2, 5). Многие из них покрыты сложным узором. Сюда относятся костяные наконечники стрел (рис. 68—12—14).

⁸⁵ Архипов Г. А. Ижевское городище, с. 147, рис. 7.

⁸⁶ Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э., с. 208, 217, рис. 81; рис. 82.

Костяные орудия и оружие, различные бытовые предметы были широко распространены еще в ананьинскую эпоху. Косторезное дело дьяковского времени и древней Руси подробно изучила С. А. Изюмова. Она установила, что косторезное дело у дьяковцев, унаследованное от неолита и бронзового века, долго сохраняло старые традиции⁸⁷. Не останавливаясь на описании технологии кости, отметим лишь технику художественной резьбы, применяемую марийцами при ornamentации изделий. К ним относятся гравировка при помощи резцов или ножей; гравировка с помощью орудия, напоминающего циркуль, и гравировка в виде параллельных линий. Встречается плоскорельефная резьба, для нее характерна большая углубленность линии. Объемная резьба чаще выполнялась от руки (коньки, уточки, фигурные спинки гребней, копоушек и т. д.).

Одним из видов занятий в каждом хозяйстве было изготовление глиняных изделий. Это в первую очередь посуда и различные мелкие вещи: грузила к рыболовным сетям, пряслица, льячки, тигли, глиняные формы для литья металлических изделий. Глина местная, в качестве примеси использовались в большинстве случаев шамот, изредка дресва и песок. Обработка внешней и внутренней поверхности сосудов производилась при помощи пучка травы. Обжиг костровой. Цвет чаще бурый, серовато-бурый. За редким исключением (на Вятке), сосуды плоскодонные, лепились на неподвижной подставке с подсыпкой крупнозернистого песка. Днища имеют закраины. Ornament встречается редко — это насечки по краю венчика и редко отпечатки зубчатого штампа по плечу (рис. 75).

Вышеописанные виды занятий древних марийцев появились не сразу. Некоторые виды ремесла и домашнего производства были известны еще в начале I тыс. н. э. Хозяйство племен правобережья Волги в I тыс. н. э. описано в работах А. П. Смирнова⁸⁸, О. Н. Бадера⁸⁹ хозяйство азелинцев охарактеризовано В. Ф. Генингом⁹⁰. Вырастая на базе культур азелинцев и городецких племен, древнемарийская культура переняла все их производственные навыки и развила дальше.

⁸⁷ Изюмова С. А. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, вып. XXV М., 1949, с. 15—25.

⁸⁸ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники Марийской АССР... 2) Очерки древней и средневековой истории...

⁸⁹ Бадер О. Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья с. 30—31.

⁹⁰ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. с. 22—38.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Уровню развития производительных сил соответствовали и производственные отношения. В лесной полосе Восточной Европы общественно-экономическое развитие шло несколько более замедленными темпами, чем в более южных областях.

Характеристика общественного строя марийцев IX—XI вв. будет более объективной и полной лишь с учетом предшествующего периода, с выяснением тех изменений, которые произошли в I тыс. н. э., приведшие к сложению общественных отношений IX—XI вв. В. И. Ленин писал, что в общественной науке самое важное «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило...»⁹¹.

В исторической науке принято при анализе тех или иных событий подходить именно с этих позиций, позиций учета развития исторического явления.

I тысячелетие н. э. у средневожских финно-угорских народов был периодом разложения родового строя и «к X—XI вв. все угрофинское население Среднего Поволжья стояло на пороге классового общества»⁹².

Разложение родового строя у марийцев совпало с «эпохой великого переселения народов», начавшейся в III в. н. э. Развитие экономики, военная обстановка середины I тыс. н. э. вызвали значительное усиление роли военных предводителей, придали организации общества военный характер. Общество этого времени (середины I тыс. н. э.) у марийцев можно характеризовать как общество, стоящее близко к военной демократии. Этот период нашел отражение в таких археологических памятниках как Писеральские курганы (II—III вв.), Азелинский, Суворовский (III—VI вв.), Мл. Ахмыловский (V—VII вв.), могильники. Все эти памятники отличаются от могильников IX—XI вв. обилием вооружения. Это период, когда финно-угорские народы переживают «свою героическую эпоху,— эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»⁹³.

Элементы военной демократии хорошо устанавливаются анализом погребального инвентаря могильников середины I тыс. н. э.

В Мл. Ахмыловском могильнике вскрыто всего 64 погребения, расположенных группа-

ми. В их расположении можно наметить семь групп⁹⁴. Распределение оружия по группам выглядит следующим образом (рис. 80). В I группе из пяти погребений три с копьями и топорами; во II — из девяти — четыре с мечами и одно с копьем; в III — из десяти — два с мечами и одно с копьем; в IV — из тринадцати — одно с мечом и семь с копьем и в V — из десяти погребений одно с мечом и одно с копьем; в VI — одно с мечом, два с копьем; в VII — одно с мечом, три с копьем. Кроме того, в пятнадцати погребениях имеются железные наконечники стрел. Интересно отметить, что шесть погребений с мечами из восьми имеют удила, следовательно, можно говорить о том, что мечи были на вооружении, в основном, у всадников, в то же время удила с копьем и топором были лишь в четырех погребениях. Это дает повод, с некоторым допущением, говорить о том, что топоры (пешня в данном случае) также могли служить оружием.

Исходя из распределения различного вида оружия, можно представить следующую военную организацию населения, оставившего Мл. Ахмыловский могильник.

Наиболее вооруженными были воины с мечом, представлявшие собой верховных военачальников, предводителей определенной единицы войска. Причем погребенные с мечом имели и другие виды оружия (копья, топоры и др.). Мечей больше всего найдено во II группе (4 меча). Нет меча в I группе. По-видимому, люди, хоронившие в I группе, по своему имущественному положению были беднее других. Возможно, что во время военных операций эту группу возглавлял военачальник из II и III групп (так как в них есть по несколько погребений с мечом). В I группе в трех погребениях из пяти были топоры, в то же время II и III группы имеют лишь по одному погребению с копьем и топором. Остальные погребения в первых трех группах представляют погребения либо рядовых воинов, либо лиц вне военной группы. Например, в I группе два других погребения принадлежали женщинам, причем в одном из них погребена не бедная: при ней много украшений. Во II группе из четырех погребений без оружия лишь одно можно считать мужским (с сюльгамой и ножом), а три — женские. Из последних в двух погребениях богатые члены рода, причем, интересно отметить у них головные украшения в виде жгута. Такая же картина и в III группе.

Все виды оружия дают погребения IV группы. Здесь было погребение с мечом, погребения с копьем и топором, а также погребения

⁹⁴ Погребения, составляющие шестую группу, не выразительны, и большая часть их разрушена. Поэтому эта группа не входит в анализ вещевого инвентаря.

⁹¹ Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

⁹² История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, М., 1966, с. 171.

⁹³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, с. 168.

рядовых воинов и богатых женщин. В V группе погребения беднее как по оружию, так и по украшениям. Однако, военачальник имеется, есть и воин с копьем. Остальные — рядовые воины и женщины. Погребение с мечом есть в VI группе и в седьмой. В VI группе исключительным обилием вооружения отличается погребение с мечом. Здесь, кроме меча, были кельт, кинжал, два копья, удила.

Каким образом можно объяснить групповое расположение погребений на могильнике и распределения оружия в них?

По-видимому, близко будет к истине, если мы предположим в каждой группе погребений представителей большой патриархальной семьи. В каждой такой семье уже могла быть тенденция к передаче своей власти, хотя бы роенной, по наследству. Организация общества имела военизированное направление, хотя трудно допустить, что война являлась единственным источником существования.

В Среднем Поволжье и на Вятке имеются и другие могильники, отражающие эту же ступень развития общества. Известный Армиевский могильник, впервые изученный П. С. Рыковым в 1926—1927 гг. и М. Р. Полесским в последнее время, дает подобную же картину. Мы будем пользоваться публикацией П. С. Рыкова (материалы раскопок М. Р. Полесских не опубликованы). Принимая в основном датировку погребений П. С. Рыковым, проанализируем с этой точки зрения топографию погребений с оружием (рис. 81) Во-первых, в погребениях IV—V вв. н. э., за очень редким исключением, нет вооружения. В погребениях V в. встречаются копья и стрелы, а в погребениях V—VI вв. уже есть мечи, а копья и стрелы встречаются в большем, чем в погребениях V в., количестве. Погребения в могильнике расположены рядами. Вооружение есть почти во всех рядах. По подсчетам А. Е. Алиховой, в Армиевском могильнике группа воинов, снабженных стрелами, копьями и мечом, составляют 40% от общего количества мужских захоронений. Погребения, в которых был встречен меч, составляют 12% и те, в которых были удила одновременно со стрелами или копьем — 7%. В последних были погребены конные воины. В целом же эти две группы составляют около 20%⁹⁵.

Интересны и данные по Серповскому могильнику (VI—VII вв.). Здесь конные воины вооружены саблями. Количество таких погребений составляет 30%⁹⁶.

Исследователь Армиевского могильника

⁹⁵ Алихова А. Е. Распад первобытнообщинных отношений и становление феодальных отношений у мордвы. В кн. Этногенез мордовского народа, с. 64

⁹⁶ Алихова А. Е. Указ. соч., с. 64.

П. С. Рыков писал, что «если та или другая социальная формация основывается на определенном способе производства, то древняя мордва, оставившая нам Армиевский могильник, должна была иметь племенные группы»⁹⁷. П. С. Рыков считал, что здесь можно говорить и о социальном расслоении⁹⁸. И далее: «также нельзя не отметить и погребения воинов, правда, изредка, но все же отмечаемых в среде других мужчин племени. Эти воины, разумеется, были вожди или старейшины в обществе людей, оставивших нам Армиевский могильник»⁹⁹.

Анализируя материал Армиевского могильника, А. П. Смирнов пришел к выводу, что в «эпоху V—VII вв. в Поволжье начался распад родового строя с обособлением экономически сильных семейств и военных дружин. Иными словами, материал могильников говорит о формировании классового общества»¹⁰⁰. Может быть, говорить о формировании классового общества в данном случае будет несколько преувеличенной оценкой обстоятельства, но то, что процессы, происшедшие у населения, оставившего Армиевский могильник, подводят «вплотную к классовому обществу»¹⁰¹, не вызывает сомнения.

Относящиеся ко II—III вв. н. э. Писеральские курганы¹⁰² тоже дают несколько богатых погребений с оружием. Например, под курганом № 2 (где было 10 погребений), в погребении 10, находящемся почти в центре кургана, находились меч, копье, наконечник стрелы. Другие погребения под этим же курганом беднее. Здесь же есть другое погребение с мечом, но без копья. В кургане 1 в погребении 1 лежали меч и кинжал. Кроме того, тут же был перевитый железный стержень, возможно, символ власти.

На значительную вооруженность населения Среднего Поволжья IV—V вв. указывает Мари-Луговской могильник, раскопанный Марийской археологической экспедиции¹⁰³, а еще раньше Е. И. Горюновой¹⁰⁴.

Совершенно аналогичную Мл. Ахмыловскому могильнику картину дают Азелинский и Суроровский могильники. По-моему, правильно будет говорить о групповом расположении по-

⁹⁷ Рык в П. С. Культура древних финнов в районе р. Уз. . Саратов, 1930, с. 44.

⁹⁸ Там же

⁹⁹ Там же, с. 44, 45.

¹⁰⁰ Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940, с. 68.

¹⁰¹ Смирнов А. П. Указ. соч., с. 70.

¹⁰² «Железный век марийского края», Тр. МарАЭ т. II, Йошкар-Ола, 1962.

¹⁰³ То же.

¹⁰⁴ Горюнова Е. И. Мари-Луговской могильник: ссл. ПИДО, № 9—10, 1934.

гребений на этих могильниках, а не рядовом, как это предполагал В. Ф. Генинг¹⁰⁵. Исследователь считает, что «если могильники в целом принадлежали одному роду, то в обособлении рядов или групп погребений скорее всего следует видеть обособление могил, содержащих захоронения членов одной патриархальной семьи». И далее, «в азелинское время внутри большой патриархальной семьи проявляется тенденция к специализации отдельных членов ее, занятия их каким-нибудь одним узким промыслом»¹⁰⁶. В Азелинском могильнике было захоронено 22—23 человека и среди них выделяются кузнец, воин и охотник. Остальные мужчины, кроме двух воинов, являлись рядовыми членами семейного хозяйства и ничем примечательным при погребении не отмечены¹⁰⁷.

Выделение воинов в особую категорию видно из следующего. В 51 исследованных погребениях Азелинского и Суворовского могильников было 3 боевых шлема, железные кольчуги, 5 мечей, 6 наконечников копий, 12 топоров; В. Ф. Генинг выделяет три категории воинов: I — военачальники; II — младшие военачальники и выделяющиеся воины и III — мужчины, которые занимались военным делом, вероятно, при крайней необходимости¹⁰⁸.

Во многом сходная военная организация имела и у кельтов¹⁰⁹, у венгров периода завоевания своей родины¹¹⁰.

Таковы фактические материалы. Возникает вопрос: как можно определить ту социальную структуру общества, которая нашла отражение (частичные и с некоторым, вероятно, опозданием) в финно-угорских могильниках I-й половины и середины I тыс. н. э. Среднего Поволжья.

По-моему, здесь можно говорить об обществе, близком к военной демократии. В свое время Л. Морган к военной демократии отнес общества ацтеков, греков гомеровского времени, римлян царского периода и древних германцев. Ф. Энгельс к ним причислил также норманов времен викингов. В последнее время И. И. Потехин довольно убедительно показал

существование военной демократии у африканских племен матабеле¹¹¹.

Поскольку военная демократия, как определенный этап в истории развития общества, характеризуется не только явлениями надстроечного характера, но и базисного, то нам необходимо рассмотреть и состояние производительных сил. Тот уровень производительных сил, который был при матриархате, не может привести к военной демократии. Последняя предполагает развитый патриархат, определенный уровень развития металлургии, скотоводства или земледелия, наличие ремесла. Исходя из этого, необходимо вкратце охарактеризовать уровень производительных сил населения, оставившего могильники типа Мл. Ахмыловского.

Начнем с металлургии. М. О. Косвен считает, что «мы не знаем таких других обществ, которым можно приписать черты военной демократии и которые совершенно не знали бы металлургии». Но тут же пишет, что чисто теоретически возникновение военной демократии возможно и без участия металлургии, поскольку решающим началом в истории является не действие отдельного фактора, а общее развитие всей суммы производительных сил¹¹².

Развитой металлургии у древних маришцев и мордвы в середине I тыс. н. э., возможно, и не было, но железо уже было известно и оно сыграло «революционную роль» (Ф. Энгельс). В первую очередь из железа стали делать оружие и вместе с тем орудия труда. По образному выражению С. К. Дикшита «...цивилизация железного века была на начальных стадиях введена не с помощью плуга, а с помощью меча, и первое, что мы видим,— это пепелища и руины городов, разрушенных новым металлом, а не новые выстроенные с его помощью города и возделанные железными орудиями поля»¹¹³.

В Среднем Поволжье было развито и скотоводство, было известно и земледелие, преимущественно подсечно-огневое.

Наличие торговых связей документируется вещами не местного производства. Для военной демократии не обязательна оживленная торговля.

В связи с этим возникает вопрос: где получали оружие народы Среднего Поволжья? По-видимому, часть делали сами, а часть получали в обмен или путем торговли. О выделении ремесленников в Среднем Поволжье мы мо-

¹¹¹ Потехин И. И. Военная демократия матабеле. В кн.: Родовое общество. Труды ИЭ, новая серия, т. XIV, М., 1951 г.

¹¹² Косвен М. О. К вопросу о военной демократии. В кн.: Проблемы истории первобытного общества. Труды ИЭ, Новая серия, т. LIV, М.-Л., 1960.

¹¹³ Дикшита С. К. Введение в археологию. М., 1960, с. 245

¹⁰⁵ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5, Свердловск, 1963, рис. 46 и 55 (планы раскопок).

¹⁰⁶ Там же, с. 63, 65.

¹⁰⁷ Там же, с. 65.

¹⁰⁸ Там же, с. 75—76.

¹⁰⁹ Ян Филипп. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 97—104.

¹¹⁰ Эрик Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1955, с. 118—137. Эрдей И. Венгры в Лабедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Автореферат. Л., 1959,

жем говорить по наличию погребения кузнеца в Мл. Ахмыловском и Азелинском могильниках.

О структуре общества говорить трудно. Однако, по расположению погребений в могильнике можно придти к выводу, что основной единицей общества, как уже отмечалось раньше, была большая семья, входящая вместе с другими подобными семьями в один род, свидетельством чего является могильник в целом. Однако большая семья уже находилась на стадии разложения, здесь нет единства и равноправия.

Без сомнения сохранялись и черты родового строя. Родовые отношения могут сохраняться очень долго. Но это не может свидетельствовать об отсталости общества. Ю. И. Семенов пишет, что «сохранение в том или ином обществе материнской филиации и даже материнского рода, взятое само по себе, еще ничего не говорит о том, на какой стадии развития оно находится. Оно может быть и родовым обществом, находящимся на любой стадии, и формирующимся классовым и даже раннеклассовым»¹¹⁴.

Мл. Ахмыловский могильник отражает начало формирования древнемарийской народности путем объединения нескольких племен (об этом в гл. III). В данном случае применима характеристика, данная Ф. Энгельсом, греческому обществу. Он писал: «В поэмах Гомера находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена все еще вполне сохраняют свою самостоятельность»¹¹⁵.

За неимением письменных свидетельств трудно говорить о системе управления у древних марийцев, мордвы. Однако в этом отношении они, по-видимому, были близки к тем народам, у которых была военная демократия.

Можно с уверенностью сказать, что родовые учреждения уже находились под большим влиянием военачальников, во всяком случае рядовые старейшины должны были внимательно прислушиваться к мнению военных предводителей. В столь бурную эпоху, как I-я половина I тыс. н. э., когда судьба рода зависела от личных качеств военачальников, от удачно отраженных нападений или же удачных ответных набегов, родовые старейшины были ограничены в своих действиях. При том авторитет военного предводителя и в мирное время мог сохраниться. О различных категориях воинов и военных предводителей говорит сопровождающее оружие в погребениях.

¹¹⁴ Семенов Ю. И. Мнение Моргана, марксизм и современная этнография СЭ, 1964, № 4, с. 184

¹¹⁵ Энгельс Ф. Указ соч., с. 106—107

В то же время нет еще основания говорить о военных дружинах, являющихся элементами раннеклассового общества. При всем своем военном авторитете военачальник чувствовал зависимость от родовых традиций и законов, и он еще не отделился от народа. Ф. Энгельс начало подрыва родовой организации видел в «восхвалении и почтении богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств»¹¹⁶, т. е. это тот период, который предшествовал «изобретению государства».

В целом социально-экономический строй в середине I тыс. н. э. в Среднем Поволжье можно считать находящимся на последней стадии разложения первобытнообщинного строя и в преддверии классового общества.

Делая вывод о социально-экономическом строе того времени у марийцев и мордвы, можно сказать, что мы наблюдаем разновидность военной демократии. Вспомним, что К. Маркс греческое общество гомеровской эпохи считал «разновидностью военной демократии»¹¹⁷ (Разрядка наша—А. Г.), пред полагая, по-видимому, что военная демократия не имеет стандарта в истории человечества. Надо иметь в виду, что военная демократия в своем развитии дает или же классовое рабовладельческое общество или же феодализм. Но не обязательно, чтобы военная демократия переросла в классовое общество. Она в силу определенных исторических условий не могла превратиться в развитое классовое общество, хотя элементы последнего могли и быть. К таким и относятся марийцы, народы европейской части севера. Ю. В. Готье писал: «Племена и были самыми крупными социальными образованиями, которые были известны доисторическим финнам. На фоне их то смутно, то более ясно выступают первые элементы феодализации»¹¹⁸.

Несмотря на наличие элементов военной демократии в середине I тыс. н. э. у марийцев, роль военной организации и военных предводителей нельзя преувеличивать. После собо-

¹¹⁶ Энгельс Ф. Указ соч., с. 110, 111

¹¹⁷ В настоящее время считается, что Греция гомеровской эпохи имела классовое общество. Это время позднеэлладского или микенского периода (XVI—XII вв. до н. э.). Исследователи отмечают, что Гомер стремится дать описание позднемикенской эпохи, накануне Троянской войны (см. Т. Д. Златковская. У истоков Европейской культуры М., 1961, с. 120, 132, 145, 150—157). Но в данном случае для нас важно, что и К. Маркс и Ф. Энгельс признавали наличие переходного периода—исхода военной демократии. Этого мнения придерживаются и советские исследователи. См. Ю. И. Семенов. Указ соч., с. 183

¹¹⁸ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе М.-Л., 1930, с. 147

тий, связанных с великим переселением народов, устанавливается более или менее стабильное положение. Южнее марийских земель возникают феодальные государства — Хазарский каганат и Волжская Болгария. В условиях мирного затишья устанавливаются торговые связи с соседями. Торговля сыграла значительную роль в выделении и усилении верхушки общества.

Торговля с соседними финно-угорскими племенами была традиционной. Устанавливаются торговые связи с феодальными государствами — Хазарским каганатом и Волжской Болгарией. Территория расселения марийцев граничила с северо-западными землями Волжской Болгарии. Болгарские торговцы становятся основными скупщиками пушнины в крае. По Волге шел торговый путь из Болгарии на Русь. По Вятке, на берегах которой жили марийцы, проходил торговый путь из Болгарии в северные земли, населенные удмуртами. В X—XI вв., очевидно, намечается торговый путь в страну Вису (веси)¹¹⁹ по Ветлуге и Унже. Такая широкая сеть торговых путей, проходящих по территории, частично занятой марийцами, способствовала приобщению верхушки марийской знати к торговым операциям. Близ г. Котельнича у д. Лелека найден клад куфических монет¹²⁰, что говорит о том, что торгов-

ля была не только меновая. Основная ценность Ветлужско-Вятского междуречья — пушнина, и она шла в обмен на драгоценные металлы, ювелирные изделия, некоторые виды оружия и арабские диргемы, идущие на украшения.

Таким образом, еще в период военной демократии выделились главари-вожди, которые получали большую долю захваченного добра в случае удачных набегов, а в случае поражения они страдали меньше всего. Этим уже закладывались основы последующего разделения общества на группы с различными интересами и различным положением. В результате возникающих конфликтов и раздоров от родовой коллектива откалывались отдельные части (чаще большая семья), они покидали родные места и поселялись на новых, девственных местах, а иногда переселялись к другим неродственным группам. Однако характер хозяйственной деятельности (подсечное земледелие и другие коллективные виды хозяйства) требовали объединенных усилий нескольких групп людей. В результате в один коллектив объединяются люди неродственных групп и образуют территориальную, или соседскую общину. А с появлением пашенного орудия из среды общины начинают выделяться отдельные хозяйства и малые семьи. На этой стадии мы и застаем марийцев в IX—XI вв. Однако последняя тенденция, выделение малых семей, в это время еще не получила развития.

С XII в. начинается новый этап в развитии марийцев как в хозяйственном, так и этническом отношении.

¹¹⁹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории, с. 225—230. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.-Л., 1965, с. 18—52.

¹²⁰ Марков А. Топография кладов восточных монет. СПб, 1910, с. 8.

Глава III

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МАРИЙЦЕВ

IX—XI вв.

Для IX—XI вв. можно отметить следующие черты, характерные для древнемарийских могильников: 1) Одинаковая топография могильников, характеризующаяся расположением у небольших речек, преимущественно на дюнах боровых террас. Площадка могильника несколько возвышается над окружающей местностью; 2) Погребения располагаются на территории могильника группами; 3) Наличие обрядов труположения и трупосожжения; процентное соотношение этих типов обряда в могильниках близкое (от 13,3% до 26,6%); 4) Наличие подстилки под костяками и покрытия иногда трупа сверху лубом, войлоком или тканью; 5) Преобладание ориентации костяков на Север с небольшими отклонениями на Запад и Восток (91,8% от общего числа погребений); 6) Довольно однообразный погребальный инвентарь, описанный нами в главе I.

Однако, можно указать и на некоторые своеобразия могильников Ветлужско-Вятского междуречья. Мы уже отметили, что ориентировка головой покойников имеет некоторые отличия в Вятском бассейне. Если в Дубовском могильнике и «Черемисском кладбище» на Ветлуге почти все погребения ориентированы головой на Северо-Запад, то в Кочергинском могильнике все погребения ориентированы на Северо-Восток. А в Юмском могильнике из трех погребений, ориентировка которых установлена, 2 лежали головой на Северо-Восток. В инвентаре здесь больше вещей прикамского типа, чем в других могильниках Ветлужского бассейна.

Дубовский и Веселовский могильники отличаются от остальных наличием дополнительного комплекса вещей (кладов) при погребен-

ных. Только в Дубовском могильнике встречены височные кольца с напускными бусами (рис. 17—11, 12, 13).

Можно выделить и нагрудные украшения, характерные для каждого из описываемых районов. Например, только в Ветлужском бассейне встречаются нагрудные украшения с основной группы А, Б и Ж (с трапециевидным, круглым, ажурным и горизонтальным щитком — основой); только в Вятском бассейне и в Борисовских находках, а также в Веселовском могильнике на Ветлуге встречаются украшения группы Г (с арочным щитком). Только в бассейне Ветлуги встречаются браслеты с «головкой» и со вставками (см. рис. 32 и 35). Из 11 браслетов с завязанными концами 10 были в бассейне Ветлуги и лишь 1 экземпляр в Юмском могильнике.

Интересно процентное соотношение общих типов вещей, встреченных на разных памятниках. Наиболее многочисленны в древнемарийских могильниках щитковые перстни (95 экз.). Но большинство их сосредоточено в могильниках Ветлужского бассейна (около 85,2%) и лишь 6 перстней было в Юмском могильнике, а в Кочергинском ни одного. Пластинчатые браслеты (типа АIII) преобладают в Ветлужском бассейне — 75% от общего количества (см. рис. 33).

Для более поздних времен этнографы также отмечают среди марийцев несколько этнографических групп. В основу деления марийцев на группы положены различия в женской одежде, главным образом, в головном уборе, от которого и получили эти группы свое название. Одна группа марийцев, у которых женщины носят «шымакш», называется «шымакшан мари», вторая — «сорокан мари» (от

«сороки») и третья — «шарпаннашмакан марий» (от «шарпан» и «нашмак»). Ареал того или иного типа определен еще И. Н. Смирновым, которого придерживаются и современные этнографы¹.

1. О ДВУХ КОМПОНЕНТАХ В ДРЕВНЕМАРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

При сопоставлении вещей из могильников Ветлужско-Вятского междуречья и других районов мы легко можем выделить типы вещей, в которых заметны традиции прикамских культур и культур Волго-Окских районов. Кроме того, есть вещи, которые считаются общеευропейскими (поясной набор и т. п.).

Это является результатом исторического развития и свидетельствует о сложных процессах, происходящих в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. Как писал П. С. Рыков «...всякая культура никогда не является самобытной, созданной в одно время, но, напротив, в ней отражаются разные черты и мотивы, являющиеся или новостью, или пережитком старых укладов, и только пропущенные сквозь призму привычных современных данному этапу развития особенностей в большей или меньшей степени стусеиваются, создавая как бы иной комплекс. Этот комплекс выглядит новой яркой, будто бы самобытной культурой»².

Выделим типы вещей, аналогии которым встречаются в разных районах.

Четко выделяются пермские (прикамские) древности в инвентаре древнемарийских могильников. Здесь больше всего аналогии находим в раннем (лаврятском) этапе родановской культуры. Одним из характернейших вещей для Верхнего Прикамья являются шумящие подвески с арочной основой. В. А. Обориным прослежена эволюция этого вида украшения. Самые ранние прототипы встречаются еще на чаринском этапе ломоватовской культуры и к IX в. их форма стабилизируется. В раннеродановское время они встречаются в могильниках Баяновском, Редикорском, Загарском и др.

Коньковые шумящие подвески также являются пермскими древностями³. Их прикамское происхождение и непрерывное бытование в Верхнем Прикамье в VII—XI вв. не вызывает

¹ Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889, с. 93—95. Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в., с. 134—135. Козлова К. И. Об этнических связях чувашей и марийцев. Вестник МГУ, ист.—филол. серия, № 4, с. 156.

² Рыков П. С. Очерк по истории мордвы. М., 1933, с. 87.

³ Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья, с. 97

сомнений. В древнемарийских могильниках коньковые подвески двух типов: 1) прикамские цельнолитые с шумящими привесками (рис. 28) и 2) марийские ажурные (рис. 22—1—4). Последние имеют трапецевидную основу из чередующихся волнистых и прямых поясков. Внизу припаяны колечки для привесок на цепочках. Этот тип является специфически марийским. Редкие экземпляры, близкие, но отличающиеся некоторыми деталями, встречаются во Владимирских курганах⁴ и также единично в Подболотьевском могильнике⁵. Подобные коньковые подвески есть в мордовских могильниках, но там они отличаются тем, что основа не трапецевидная, а прямоугольная⁶. Аналогичная есть и в Крюковско-Кужновском могильнике⁷, близкая Лядинском есть в Танкеевском могильнике⁸. С прямоугольной основой-щитком и бутыльчатыми привесками подвеска была в могильнике Бигер-шай⁹.

Для мари характерны коньковые подвески с трапецевидной основой, выполненные наборной техникой. Е. И. Горюнова установила ареал мерянских коньковых подвесок¹⁰.

Таким образом, можно наметить ареалы отдельных типов коньковых подвесок: для Владимирской мери X в. характерны коньки, выполненные наборной техникой; для Костромской мери (XI—XII вв.) — литые пластинчатые подвески и для мордвы — с прямоугольной ажурной основой.

Коньковые подвески в разных районах носились по-разному. Для марийцев твердо установлено, что коньковые подвески обоих типов носились попарно на груди¹¹. Во Владимирских курганах коньковые подвески находились «на правом или левом плече, иногда вместе с подвесками — треугольниками, или на одном плече конек, на другом треугольник. Изредка попадаются на поясе или в ногах»¹². В Лядинском¹³ и Подболотьевском¹⁴ могильниках на-

⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы, № 441

⁵ Городцов В. А. Археологические работы в окрестностях г. Муромы, в 1910 г., с. 140, рис. 65 (п. 253).

⁶ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники, табл. 1—1, 3, 4.

⁷ Иванов П. П. Крюковско-Кужновский могильник, табл. II—4, 6; III—2, V—2.

⁸ Танкеевский могильник, п.п. 267, 644 (последний экземпляр имеет основу ближе к трапецевидной, но оформление поля отличается от марийских). Материал хранится в кабинете археологии КИЯЛИ АН СССР.

⁹ Смирнов А. П. Могильник Бигер-Шай, СА, IV, М.-Л., 1937, рис. 5.

¹⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 41.

¹¹ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поволжья, рис. 30, 37, 41.

¹² Спицын А. А. Владимирские курганы, с. 103.

¹³ Ястребов В. Н. Указ. соч., с. 6, рис. 6.

¹⁴ Городцов В. А. Указ. соч., с. 140, рис. 65.

ходили по одной подвеске, причем в последнем в области пояса. В Крюковско-Кужновском могильнике подобные подвески встречались в области груди, иногда в составе ожерелья¹⁵, а в Пановском и Елизавет-Михайловском могильниках — только в составе ожерелья¹⁶.

Изображения конских головок в древнемарийском прикладном искусстве не ограничивается медными шумящими подвесками. К ним можно отнести и костяные двуголовые коньковые подвески и маленькие костяные одноголовые коньки в составе нагрудных украшений (или наконсника) и односторонние гребни с конскими головами. К этому же типу украшений относятся и поясные накладки с изображением двух стилизованных голов.

Огнива с бронзовой рукоятью в основном также являются предметом производства металлургов Прикамья. Лишь рукояти с изображением двух всадников следует связывать со Скандинавией. К Прикамскому кругу вещей относится и всадница на коне.

Имеется несколько шаманских изображений в древнемарийских могильниках. Это изображение птиц, по технике изготовления восходящее к раннегладеновским прототипам. Изображения птицы с распростертыми крыльями из случайных находок 1908 г. на «Черемисском кладбище» А. В. Шмидт считал предметами местного производства по пермским образцам. Амулет в виде птицы из сплава бронзы и серебра с человеческой личиной на груди, в трактовке изображения головы и волос, имеющий аналогии в прикамских древностях, также является продуктом импорта. Есть еще вещи, происхождение которых может быть и не связано с Прикамьем, но характерно для этого района.

В древнемарийских могильниках есть многочисленные вещи, типы которых встречаются и в Вычегодском бассейне, где в последние годы выделена вымская культура X—XV вв. Исследователи считают носителей этой культуры предками коми-зырян¹⁷. Наиболее выразительным памятником этой культуры является Кичиль-Коський могильник X—XI вв. В этом могильнике есть нагрудная бляха, аналогичная бляхе из Дубовского могильника (рис. 20—1). Аналогичен способ крепле-

ния ее¹⁸. В том и другом случаях она была в составе ожерелья. Только в Кичиль-Коськом могильнике есть аналогия древнемарийским пластинчатым перстням (рис. 37—6). Отметим еще медный котел из Кичиль-Коського могильника, по технике изготовления аналогичный нашему котлу из погребения 25 Веселовского и погребения 1 Выжумского могильников.

Этими примерами ограничиваются общие типы вещей древнемарийских могильников с римскими памятниками. Как видно, примеры единичны и нехарактерны. Совершенно очевидно, что древнемарийская и вымская культура формировались на разной основе.

Ближайшими соседями марийцев на востоке являлись чепецкие племена. Но несмотря на неплохую изученность чепецких древностей, мы можем отметить лишь очень небольшое количество типов вещей, общих как для древнемарийской, так и для чепецкой культур¹⁹. Отметим шумящую подвеску с треугольной основой в виде рамки типа рис. 24—10, 12, 13, 14. Эти подвески имеют широкое распространение, но можно выделить четыре района их бытования — Владимирский, Костромской, Чепецкий и Ветлужско-Вятское междуречье. Подвески Ветлужско-Вятского междуречья сносятся к типу чепецких.

На северо-западе соседями мари были меря и белозерская весь. За последнее время Е. И. Горюнова обобщила все материалы, касающиеся мери²⁰. Изучались и памятники белозерской веси²¹. Однако мы не можем в полной мере провести сопоставление древностей мари с древностями мери и веси. Известные мерянские могильники изучены недостаточно, причем мерянских могильников, синхронных нашим, нет. Известно лишь несколько поселений IX—XI вв. на территории мери.

В древнемарийских могильниках имеется несколько вещей мерянского типа. Это коньковые подвески, выполненные так называемой наборной техникой (рис. 23—18), составленная из спиралек треугольная шумящая подвеска (рис. 23—16, 17), височные кольца с одним завитым концом (рис. 16—6) и большинство пластинчатых браслетов (рис. 33), характерных для костромской мери. Возможно, некоторые типы керамики в древнемарийских мо-

¹⁵ Иванов П. П. Указ. соч., табл. III—2, V—2.

¹⁶ Материальная культура средне-финской мордвы, табл. 3, рис. 11; табл. 4, рис. 11; табл. 7, рис. 5; табл. 10, рис. 2; табл. 33, рис. 7; табл. 41, рис. 2.

¹⁷ Савельева Э. А. Пермь вычегодская по археологическим материалам. Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания. Сыктывкар, 1967, с. 70—74. См. также ее же. Пермь вычегодская по археологическим материалам (X—XIV вв.). Автореф. канд. диссер. М., 1969, с. 15.

¹⁸ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971, табл. 11.

¹⁹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории, с. 203.

²⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 38—152.

²¹ Голубева Л. А. 1) Могильник X—середины XI вв. на Белом озере. СА, 1961, № 1. 2) Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3.

гильниках являются близкими мерянским (рис. 75—17, 18). Интересно отметить, что все мерянские вещи встречаются только в могильниках Ветлуги—Веселовском и «Черемисском кладбище». Пластинчатые браслеты, кроме Веселовского, есть в Юмском могильнике (6 экз.)

Из вещей белозерской веси в древнемарийских могильниках мы можем отметить лишь два сосуда из Веселовского могильника (рис. 75—1, 2).

Орнамент на этих сосудах (рис. 75—1, 2) не характерен для древних марийцев. Он встречается на сосудах из Белозерска. Сходство наших сосудов по орнаменту и форме с сосудами из Белозерска отметила и Л. А. Голубева²². Здесь же имеется и крупный шнуровой отпечаток, характерный для одного из сосудов Веселовского могильника (рис. 75—2).

В комплексе второго слоя Одоевского городища встречается керамика, орнаментированная гребенчатым узором. По мнению М. В. Воеводского, новым элементом здесь является двойная гребенка. Такая орнаментация на Одоевском городище появляется сначала на круглодонной керамике с примесью раковины, встречается позднее и на плоскодонной с примесью шамота и дресвы²³. Рамчатый орнамент встречается на круглодонном сосуде из Кочергинского могильника (рис. 75—10).

Более многочисленные аналогии погребальному инвентарю древнемарийских могильников есть в памятниках правобережья Волги, в древностях мордвы. В главе I мы уже указывали на эти аналогии. Здесь кратко суммируем эти данные.

Украшения головного убора очень близки к мордовским: это венчики или налобные повязки. Подобные налобные повязки есть и у муромы. Наиболее близкими с мордвой у древних марийцев являются некоторые типы нагрудных украшений: вытянуто пластинчатая основа (рис. 23—1), подвески с круглым ажурным щитком (рис. 23—7,8) и с основой в виде горизонтального щитка (рис. 23—19—21). Эти типы можно считать специфически мордовскими, хотя ареал их шире территории расселения мордвы. В частности, основы в виде горизонтального щитка нередки у мери. Бляхи типа рис. 23—7,8 и подвески с вытянуто-пластинчатой основой представлены у муромы. Мордовскими и муромскими следует признать и спиральные перстни. В то же вре-

мя щитковые перстни, характерные для древних марийцев, есть и у мордвы и у муромы. Многочисленны у мордвы, также как и у марийцев, кошельки. В то же время в Прикамье и в области мери их немного. Наконец, принцип украшения обуви также близок у марийцев, мордвы и муромы. Кроме некоторых общих элементов есть, правда, у каждого народа свои специфические черты. Но обилие украшений обуви отличает поволжских финнов от мери и прикамских племен.

Специфическая марийская обувь имела вид поршня, изготовленной из целого куска сыромятной кожи. Высота ее до щиколотки, в середину подошвы вложена стелька из бересты. Обувь у щиколотки стягивалась ремешками; от пятки шли ремешки, обвившие ноги, обернутые, очевидно, портянками или одетые в шерстяной чулок.

Типично марийскими украшениями обуви являются очковидные и умбовидные привески (рис. 50—52). Картографирование их показывает, что они сосредоточены в Ветлужско-Вятском междуречье (рис. 82), где найдено 21 умбовидный и 50 очковидных подвесок, а с учетом дужек с перекладиной (рис. 51—15—18)—107 экз.

Но вообще очковидные и умбовидные подвески встречаются на огромной территории—от Приладожья до Прикамья. На карте, составленной Л. А. Голубевой, кроме Ветлужско-Вятского бассейна отмечено 11 пунктов находок подобных украшений, где они были по 1—2 экз²⁴, и лишь в Ветлужско-Вятских могильниках они являются исключительно украшениями обуви. В других же районах подобные украшения носились и в качестве высочных подвесок (Мыдлань-Шай), нагрудных украшений (Кудымкар, вымская культура), или украшений пояса (Приладожье).

Мотив спиралевых завитков очень древний, он известен еще в абашевское время. Абашевские очковидные подвески употреблялись как украшения кос и головных уборов²⁵. Спирально-выгнутые узоры характерны и для Кавказа (кобанские древности)²⁶. С Кавказом связывает А. В. Збруева спиралевые подвески из Полянского могильника²⁷. По-видимому,

²⁴ Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 5.

²⁵ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97. М., 1961, рис. 9—12; 13; рис. 10; рис. 12—7; рис. 15; рис. 66; Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, МИА, № 97, рис. 22, 28.

²⁶ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа М., 1960, рис. 48—24, 25; табл. XLVIII—6; с. 292.

²⁷ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, М., 1952, табл. XXX—3.

²² Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере, с. 66.

²³ Воеводский М. В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи. МИА, № 22. М., 1951, рис. 3—15.

дальнейшим развитием этого украшения в Среднем Поволжье являются крупные подвески без многовитковых спиралей из Чурачического могильника IV—III вв. до н. э.²⁸ К эпохе раннего железа относятся, очевидно, очковидные подвески с закрученными во внутрь спиральюми²⁹. Это наиболее ранний экземпляр очковидной подвески с внутренними спиральями.

Единственный район, где умбоновидные украшения есть в большом количестве—это муромская территория. В Подболотьевском могильнике представлено несколько вариантов обувных украшений³⁰. Встречены и умбоновидные подвески. Но в целом украшение обуви отличается от марийских: нет боковых очковидных подвесок, и умбон расположен не на пятке обуви, как у марийцев, а на носке в сочетании со спиральками, расположенными поперечными рядами и «елочкой», с планочными подвесками с петлей вверх и лапчатыми привесками вниз. Иногда на подъяме нашивалась медная пластинка—скоба.

Планочные подвески с лапчатыми привесками встречались и во владимирских памятниках³¹, но характер украшения обуви здесь не установлен. Для мери украшения обуви, по-видимому, не были характерны и встречаются там исключительно редко. К ним можно отнести опубликованные Е. И. Горюновой украшения из Киучерского могильника³² и опубликованные А. А. Спицыным ажурные украшения с треугольными привесками³³.

В костромских курганах в ногах погребенных находятся остатки кожи от обуви, по-видимому, без укреплений, и лишь с наружной стороны ноги одного из погребенных находилось бронзовое или железное кольцо³⁴.

Мордовские украшения обуви также в основном располагаются на подъеме. Это украшение состоит из четырех трубочек или спиралек, расположенных в ряд вдоль ноги.

²⁸ Каховский В. Ф. Чурачический могильник. Сб. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 гг. Уч. зап. ЧувНИИ, вып. XXV, Чебоксары, 1964, рис. 13—14.

²⁹ Трубникова Н. В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год. Уч. зап. ЧувНИИ, вып. XXX, Чебоксары, 1960, рис. 30—д.

³⁰ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы, рис. 32—34, 38—40, 42, 47, 50, 61, 63, 65, 66.

³¹ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 153, 155.

³² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.

³³ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 437.

³⁴ Нефедов Ф. Д. О культуре Костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах, с. 244, 248.

С обеих сторон от них было нашито по 3—4 двойных бляшки. Иногда одна такая же бляшка укреплялась и со стороны носка обуви. От этого украшения, охватывая ногу в области щиколотки, шли два узких ремешка с нанизанными на них бронзовыми спиральками³⁵.

Из сопоставления типов вещей древнемарийских могильников с вещами с соседних территорий можно отметить, что наибольшее количество аналогий имеются в двух районах—в Прикамье и Волго-Окском. Это позволяет говорить о двух основных центрах, с которыми марийцы имели не только культурные, но и этнические связи в предшествующее время.

Сопоставление типов вещей IX—XI вв. в Среднем Поволжье, Прикамье и в Волго-Окском бассейне дает нам картину лишь в статике. В этом случае трудно судить о характере взаимопроникновения вещей в соседние территории, тем более не всегда мы располагаем для проверки другими данными, в частности, по погребальному обряду. Если последний известен у муромы, мордвы, мари и прикамских племен, то погребальный обряд у мери и веси еще не изучен в достаточной степени. Решения же любого этногенетического вопроса невозможно без учета динамики исторического процесса. В данном случае лучше всего использовать ретроспективный метод, ограничиваясь, однако, I тыс. н. э. Именно в это время формируются современные народности Среднего Поволжья и Прикамья. Это положение является общепризнанным³⁶.

Выявление общих черт в погребальном обряде, в материальной культуре IX—XI вв. в Ветлужско-Вятском междуречье позволяет сделать вывод, что к этому времени марийцы уже оформились этнически, они получили свое имя, известное в письменных источниках X—XI вв. под именем «цармис» (черемис)³⁷. Наличие единой материальной культуры, по-видимому, и общего языка, а также общей территории свидетельствует о том, что к этому времени марийцы завершили определенный этап в своей этнической истории.

Процесс формирования любого народа, как этнической единицы, всегда сложный и много-

³⁵ Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I-го—начала II-го тысячелетия н. э., с. 20.

³⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 1, с. 468—472. Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л. 1966, с. 285—300. 2) К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен. В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 17.

³⁷ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке Л., 1932, с. 99; ПСРЛ, 1, СПб., 1927, ст. 10—11.

гранный, в котором, кроме общих закономерностей, отражается и окружающая политическая обстановка.

Древнемарийская материальная культура, как нам представляется по археологическим материалам, сформировалась не на одной основе. Можно считать, что основными компонентами в этногенезе мари явились племена—носители культур Прикамского района и Волго-Окского бассейна. Заметен и третий компонент, связываемый с южными степными племенами. Однако вещи третьего компонента относятся общеευропейскими и говорить об участии носителей этих типов вещей в этногенезе мари, да и некоторых других финно-угорских народов нет основания.

Наличие нескольких компонентов в материальной культуре марийцев и в их этногенезе находит некоторое объяснение в событиях начала и середины I тыс. н. э. когда, по нашему мнению, началось непосредственное формирование марийской народности. Этот момент отражен на таких археологических памятниках, как Младший Ахмыловский могильник близ Козьмодемьянска (левобережье Волги), полностью разрушенный Шор-Уинский могильник³⁸ в Моркинском районе (в бассейне р. Илети), Кубашевское городище³⁹ в верховьях р. Большая Кокшага у с. Санчурска, Мари-Луговской могильник⁴⁰ в Лениновском районе.

Из вышеперечисленных памятников наиболее важными для решения поставленных вопросов являются Младший Ахмыловский могильник и Кубашевское городище.

Материалы Мл. Ахмыловского могильника еще не опубликованы. Поэтому необходимо несколько остановиться на характеристике этого памятника. Могильник расположен на краю надлуговой террасы на берегу озера Ахмыловского, бывшего устья р. Ветлуги. Всего на могильнике вскрыто 64 погребения, датированных V—VII вв. н. э. Погребения расчленены, как и в древнемарийских могильниках, группами. Захоронения совершены рядом труположений и трупосожжения. Кремация составляла около 18% (в древнемарийских 13,3—26,6%). Остатки сожженного в стороне трупа погребались в ямах двух типов (рис. 83—б, в), близких ямам при трупосожжениях в древнемарийских могильниках: 1) яма, обычных для труположения размеров и форм, где вещи располагались,

приблизительно, в порядке, характерном для ингумации; 2) овальная яма с небольшой кучей пережженных костей и незначительным количеством вещей.

При труположении костяки ориентированы на Север с небольшим отклонением на Запад и Восток (см. диаграмму—рис. 84). Из 53 погребений, ориентация которых установлена, лишь 2 имеют южную и юго-восточную ориентировку. От древнемарийских могильников Мл. Ахмыловский отличается незначительной разницей в ориентировке погребений. В первых отклонения от Севера больше на Запад, в Ахмыловском—примерно одинаково.

Мл. Ахмыловский могильник сближается с древнемарийским и по таким деталям, как наличие подстилки под костяками, покрытие сверху, а также положение рук (обе вытянуты вдоль тела или одна из них согнута в локте).

Совершенно очевидно, что погребальный обряд, характерный для марийцев IX—XI вв., сложился еще в середине I тыс. н. э. у населения, оставившего Младший Ахмыловский могильник. Исходя из этого, мы можем говорить об этом памятнике, как об одном из ранних марийских памятников I тыс. н. э.

2. ГОРОДЕЦКИЙ КОМПОНЕНТ

Погребальный комплекс Мл. Ахмыловского могильника по типам делится на две группы. Эти вещи, аналогичные вещам могильников Муромского, рязанского течения Оки и бассейна рек Цны и Мокши (особенно Армиевского могильника). Вторая группа по аналогиям и по происхождению связана с памятниками типа Азелинского могильника.

Вещи первой группы представлены такими предметами украшения, как головные шпигуты (рис. 85, рис. 23—7), подвески к ним (рис. 86—1, 4, 5), украшения висков, гривны, нагрудные украшения, сюльгамы и др. (рис. 86—10, рис. 87—2,3). При определении этнической принадлежности археологических памятников всегда уделялось внимание женским украшениям головы и головному убору. В погребениях 91, 45 и 122 Мл. Ахмыловского могильника были головные уборы муромского типа, в погр. 91 нагрудное украшение азелинского типа, а в погребении 45 пояс азелинского типа с эполетообразной застежкой (рис. 88), что свидетельствует о синтезе двух культур. Головное украшение из погребения 91 Мл. Ахмыловского могильника тождественно головному убору из погребения 145 Подболотьевского могильника⁴¹.

⁴¹ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году, с. 113—114, рис. 47—49.

³⁸ Отчет Мар. АЭ за 1963 и 1964 гг. Архив ИА, Р—1, № 2684, 2901.

³⁹ Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР, с. 215—223.

⁴⁰ Железный век Марийского края. Труды Мар. АЭ, II, с. 159—180.

Височные кольца с трапециевидными привесками (рис. 89) также восходят к этому району—рязанскому течению Оки и ниже. Еще П. П. Ефименко отметил, что в «женских погребениях эпохи В₁—С₁ по бокам черепа нередко встречаются простейшие привески трапециевидные или свернутые из листка бронзы в виде конической трубочки...» Они закреплялись у головного убора с помощью небольших проволочных колечек. П. П. Ефименко заключает: «Несмотря на первоначально чисто служебную роль этих колечек, их можно рассматривать как прототипы настоящих височных колец»⁴². В нашем случае мы видим, что кольца стали основным элементом височных украшений, т. е. произошло то же, что с кольцами в рязанских могильниках, а в муромских древностях они стали уже постоянным височным украшением.

Височные кольца в конце I тыс. н. э. получают широкое распространение во всей Восточной Европе⁴³. Широко бытуют они и в Среднем Поволжье, появляясь еще в I тыс. до н. э. Височные кольца крупных размеров уже имеются в Ст. Ахмыловском могильнике (VIII—VI вв. до н. э.)⁴⁴. Встречены и в Чурачикском могильнике⁴⁵. Известны они в Писеральских курганах⁴⁶. Многовитковые кольца были в Аккозинском⁴⁷ и Ст. Ахмыловском могильниках⁴⁸.

В могильниках первой половины и середины I тыс. н. э. также нередки височные кольца (Борковский, Кузьминский, Кошибеевский могильники⁴⁹, а также во многих поселениях)⁵⁰.

Во второй половине I тыс. н. э. височные кольца у отдельных племен начинают приобретать специфические черты, превращаясь в этнический признак. Так, известны височные кольца муромы (кольцо с щитком и

отверстием на одном конце и крючком в другом, заходящим в отверстие щитка)⁵¹ мери (проволочные с конической втулкой—владимирская группа мери⁵² и с завитком на другом конце—костромская группа мери)⁵³.

В Ветлужско-Вятском междуречье выявлен еще один тип—«колбочкой» (рис. 16—1—3) характерный для марийцев IX—XI вв.

Картографирование височных колец дает компактную область распространения их районе Среднего и Верхнего Поволжья с отдельными локальными вариантами (рис. 90).

Другой характерной вещью можно считать гривны с напускными бусами, спиральками с петельками на концах (рис. 86—10) и «коробочками» (рис. 87—2). Подобные гривны, кроме рязанско-окских и пензенских могильников, нигде не встречаются.

Нагрудная бляха с крышкой (рис. 91) также находит ближайшие аналогии в рязанских могильниках со стадии В₂. Многочисленны они и в могильниках Армиевского типа.

Не будем останавливаться на описании сьюльгам, представленных на рис. 92. Здесь есть такие характерные для мордвы застежки, как сьюльгамы с усиками. Аналогичны перстни в виде спирального кольца в несколько оборотов (рис. 86—8).

Крестовидные фибулы и ажурные застежки с лопастями проникли к марийцам, вероятно всего, из бассейна Оки.

Приведенные аналогии не оставляют сомнения о значительной роли рязанско-окского компонента в сложении культуры Среднего Поволжья. Прототипы большинства из украшений середины и начала второй половины I тыс. н. э. мы найдем в более ранних погребениях Борковского, Кузьминского и других подобных могильников.

Рязанско-Окские могильники I тыс. н. раскопанные в дореволюционное время, и настоящего времени остаются основным источником для решения вопросов этнической истории Средней Оки, хотя этническая принадлежность этих могильников еще спорна. Исследователь Кузьминского и Борковского могильников А. И. Черепнин считал, что эти памятники оставлены разноэтничным населением. Он писал, что основным этни-

⁴² Ефименко П. П. Рязанские могильники. МЭ, т. III, вып. 1, Л., 1926, с. 72—73.

⁴³ Спицын А. А. Владимирские курганы, с. 100—102. Алихова А. Е. Из истории мордвы конца 1-го начала 2-го тысячелетия н. э.

⁴⁴ Халиков А. Х. Отчет о раскопках Ст. Ахмыловского могильника по Марийской археологической экспедиции за 1963 и 1965 гг. Архив ИА, Р-1, № 3032, табл. XXVa—1—12.

⁴⁵ Каховский В. Ф. Чурачикский могильник, рис. 13—2, 3.

⁴⁶ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, табл. XXV—4.

⁴⁷ Халиков А. Х. Указ. соч., рис. 6; табл. XII—7, 8.

⁴⁸ Халиков А. Х. Отчет о раскопках Ст. Ахмыловского могильника в 1963 и 1965 гг., табл. XIII—3, 5, XXVb—1—7.

⁴⁹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVII—4; XXI—4; XXIII—15.

⁵⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 19—3, 5, рис. 36—15; рис. 78—30.

⁵¹ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы в 1910 году, с. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, 145. Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника.

⁵² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, рис. 40—5; рис. 41.

⁵³ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губ., табл. 1—1.

ским элементом окского населения в эпоху развития могильников были восточнофинские племена. Наличие трупосожжения А. И. Черепнин объяснил славянскими захоронениями⁵⁴.

Последующие исследователи (А. А. Спицын, В. А. Городцов, Ю. В. Готье, А. М. Тальгрэн, П. С. Рыков и др.) рассматривали рязанскоокские могильники как исключительно восточнофинские⁵⁵. П. П. Ефименко в первой своей работе об этих могильниках отрицал их связь с местными финно-угорскими памятниками (городищами городецкой культуры), считая, что население, оставившее рязанско-окские могильники, пришло с Запада⁵⁶. Во второй же работе появление могильников объяснил развитием у местного населения пастушеского скотоводства⁵⁷.

В настоящее время можно считать доказанной связь рязанско-окских могильников с местным финно-угорским населением, оставившим городища с рогожной керамикой (городищские). В работах А. Л. Монгайта и А. П. Смирнова приведены многочисленные и убедительные доказательства генетической связи рязанско-окских могильников с племенами городецкой культуры⁵⁸. Мнение П. Н. Третьякова о том, что в Среднем Поволжье рязанско-окские могильники не имеют предшественников, не совсем верно. По мнению П. Н. Третьякова, появление рядовых могильников в Волго-Окском междуречье можно объяснить пропикновением в местную среду волго-камских элементов. Правда, он оговаривается, что «о коренной смене населения речь идти, конечно, не может»⁵⁹. Более решительно эта мысль П. Н. Третьяковым была высказана в статье «Волгоокская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья»⁶⁰.

Близкой точки зрения относительно пензенских могильников придерживается и М. Р. Полесских. Он считает, что ст. Селиксенский могильник (ранние погребения) оставлены племенами из Прикамья. Ассимиляция при-

шла племенами местных племен привела к созданию культуры, характеризующейся инвентарем могильников Пензенской области⁶¹.

Относительно Кошибеевского могильника эту мысль выдвигал еще П. П. Ефименко⁶². Большую роль прикамским племенам в истории Волго-Окского междуречья отводит и Е. И. Горюнова⁶³.

Один из аргументов сторонников теории пришлого населения в Волго-Очье состоит в утверждении, что могильники I тыс. н. э. на этой территории не имеют предшественников. О том, что грунтовые могильники I тыс. н. э. в Волго-Окском междуречье и, в частности, в Рязанском течении Оки имели предшественников, свидетельствует хотя бы Волосовский могильник, относящийся к поздняяковской культуре⁶⁴. В настоящее время известно семь могильников поздняяковской культуры, не считая Мл. Волосовского. В этих могильниках костяки лежали как в скорченном, так и в вытянутом положении⁶⁵. Последний тип захоронений, как отмечал А. П. Смирнов, восходит еще к местным неолитическим традициям⁶⁶. На связь Мл. Волосовского могильника с поздними указывал еще В. А. Городцов⁶⁷. К могильникам смешанной культуры (городищской и ананьинской) I тыс. до н. э. А. П. Смирнов и Н. В. Трубинова относят Чурачский и Акозинский могильники⁶⁸.

Отсутствие грунтовых могильников с трупоположением на Средней Оке, непосредственно предшествующих Рязанско-Окским, объясняется недостаточной изученностью района. Как ни странно, но после работ А. И. Черепнина, В. А. Городцова и других дореволюционных исследований здесь не про-

⁶¹ Полесских М. Р. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. В кн.: Этногенез мордовского народа, с. 148.

⁶² Ефименко П. П. Рязанские могильники, с. 83—84.

⁶³ Горюнова Е. И. 1) К вопросу о культурных и этнических связях населения Верхнего Поволжья и Западного Приволжья в I тысячелетии нашей эры. Уч. зап. МарНИИ, вып. VI, Йошкар-Ола, 1954. 2) Этническая история Волго-Окского междуречья.

⁶⁴ Попова Т. Б. Дагировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников Труды ГИМ, вып. 40, М., 1966, с. 42—48.

⁶⁵ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году, рис. 70—73. Попова Т. Б. Указ. соч., с. 47—48. Цветкова И. К. Погребения поздняяковской культуры на Черной горе. В кн.: Древности Восточной Европы. К семидесятилетию А. П. Смирнова. МИА, № 169, М., 1969.

⁶⁶ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 17, 49.

⁶⁷ Городцов В. А. Указ. соч., с. 51.

⁶⁸ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, М., 1961; с. 82—86. Смирнов А. П., Трубинова Н. В. Городецкая культура, с. 23.

⁵⁴ Черепнин А. И. О рязанско-окских могильниках. Тр. Х АС, М., 1899, с. 55—58.

⁵⁵ Седов В. В. Рязанско-окские могильники. СА, 1966, № 4, с. 86—104. В этой же статье приведена библиография по этим могильникам в подстрочных замечаниях.

⁵⁶ Ефименко П. П. Рязанские могильники, с. 81.

⁵⁷ Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья, с. 45—47.

⁵⁸ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 45—53, 143, 144. Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 72—76. Смирнов А. П. и Трубинова Н. В. Городецкая культура. САИ, вып. 1—14, М., 1965, с. 14—15.

⁵⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне, с. 293.

⁶⁰ См. в СЭ, 1958, № 4, с. 15.

водились систематические разведки и раскопки подобных памятников. Во всех последующих работах фигурируют лишь материалы, добытые еще до революции. Вполне возможно, что могильники рубежа нашей эры еще не открыты. Более или менее систематические работы проводились в Среднем Поволжье и в пределах Пензенской области, т. е. восточнее рязанско-окских могильников. И здесь открыты вновь и изучены ранее известные памятники (работы М. Р. Полесских, Н. В. Трубиновой, П. Д. Степанова).

М. Р. Полесских в последнее время изучил несколько могильников первой половины I тыс. н. э., являющихся, по его мнению, памятниками мордвы-мокши⁶⁹. Материалы могильников он разделил на 3 хронологических периода: 1) Старший (Селиксенский) период—II—IV вв.; 2) переходный—IV—V—вв.; 3) младший (Армиевский) период—V—VI, VII вв. К первому периоду отнес старшие (или ранние) погребения Селиксенского и Ражкинского могильников, погребения Шемышейского и Пензенского могильников. Ко второму периоду—погребения Старшего Селиксенского и Ражкинского могильников на втором этапе их существования и погребения Тезиковского могильника. К третьему периоду—погребения Армиевского и Младшего Селиксенского могильников. Последний этап переходит в группу ранних погребений типа Лядинского.

Определяя этническую принадлежность всех трёх периодов, М. Р. Полесских пишет: «Инвентарь последующих этапов, особенно керамика могильников армиевского типа, отражает слияние пришлого и местного населения. Корни происхождения селиксенского населения уходят, по-видимому, в область культур Прикамья»⁷⁰.

Думается, что с выводом о пришлое прикамском населении согласиться нельзя. Мы не имеем, к сожалению, полной публикации материалов Селиксенского могильника. В статье, посвященной могильникам раннего этапа⁷¹, М. Р. Полесских дает описание вещей и приводит аналогии им. Из этой статьи никак нельзя сделать вывод о приходе населения с Прикамья.

Описанные в статье М. Р. Полесских вещи и обряд захоронения, характерные погребениям I этапа пензенских могильников, все аналогии, приведенные самим М. Р. Полесских со ссылками на соответствующую литературу,

показывают, что чисто прикамских вещей нет, за исключением мелких бляшек. Все аналогии ведут к более южным районам и объясняются сарматским влиянием, что отмечает и сам исследователь. На основании этих аналогий и датируются погребения позднесарматским временем (II—IV вв. н. э.).

О сильном скифском, а затем сарматском влиянии на более северные районы (в том числе на Среднее Поволжье и Прикамье) уже неоднократно писалось исследователями⁷². Мы не считаем нужным повторяться. Отметим лишь, что Ст. Селиксенский могильник, как все погребения I этапа по М. Р. Полесских оставлен местными племенами, находящимися гораздо больше под влиянием южных племен, чем прикамских.

Характеристике второго этапа посвящена другая статья М. Р. Полесских⁷³. Не перелазя содержания этой статьи, отметим, что в материале могильников второго этапа (Ражкинский, Тезиковский и Селиксенский могильники) преобладают черты материальной культуры рязанских могильников местных племен. Аналогии имеются и с Ивановковским могильником в Чувашии. М. Р. Полесских отмечает, что «в погребениях пензенских могильников второго этапа выступают черты сходства в вещевых комплексах с погребениями рязанских могильников»⁷⁴.

В 1963 и 1964 гг. П. Д. Степанов раскопал интересный памятник—Андреевский курган Мордовской АССР⁷⁵. Еще раньше, в 1958 Марийская археологическая экспедиция раскопала Писеральский курганный могильник. Датируются эти памятники I—III вв. (Андреевский курган) и II—III вв. (Писеральские курганы). Исследователи этих памятников (П. Д. Степанов и А. Х. Халиков) отмечают наличие значительного компонента пьяноборской культуры. А. Х. Халиков, например, прямо пишет, что аналогии в погребальном обряде и вещах «не оставляют сомнения в принадлежности Писеральского могильника к пьяноборскому кругу памятников»⁷⁶. Появление пьяноборского населения в Среднем Поволжье А. Х. Халиков объясняет как проникновение «крупным массивом и этот вых

⁶⁹ Смирнов А. П. 1) Очерки древней и средневековой истории..., с. 53, 57, 60, 115, 138. 2) Железный в Чувашии Поволжья, с. 101.

⁷⁰ Полесских М. Р. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4, с. 179—188.

⁷¹ Там же, с. 188.

⁷² Степанов П. Д. 1) Андреевский курган (предварительное сообщение). Труды МордНИИ, вып. XXV. Саранск, 1964. 2) Андреевский курган. В кн.: Этногенез мордовского народа, с. 47—52.

⁷³ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, с. 116—138.

⁷⁴ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 135.

⁶⁹ Полесских М. Р. Указ. соч., с. 144.

⁷⁰ Там же, с. 146.

⁷¹ Полесских М. Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4, с. 202—211.

нельзя датировать раньше, чем конец II в. н. э.»⁷⁸ П. Д. Степанов более осторожно определяет характер Андреевского кургана. Вещи пьяноборского облика он называет лишь «культурным компонентом»⁷⁹.

Необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике памятников типа Писеральских курганов.

А. Х. Халиков для подтверждения вывода о пьяноборском происхождении Писеральских курганов сравнивает погребальный обряд и инвентарь курганов с пьяноборскими памятниками. Он отмечает, что как там, так и тут характерны вытянутые положения погребенных на спине с преимущественной ориентировкой головой на восток; положение умерших в гробовищах, неглубокие могильные ямы. Курганы, по А. Х. Халикову, насыпаны «при движении пьяноборцев на запад, когда они при непродолжительных остановках были вынуждены сооружать своеобразные памятники на своих могильниках»⁸⁰. В погребениях Писеральских курганов действительно много общего с пьяноборцами, хотя следует отметить отсутствие некоторых наиболее типичных пьяноборских вещей (височные подвески).

По нашему мнению, погребальный обряд курганов нельзя сравнивать с пьяноборскими. Прежде всего именно курганные насыпи уже выделяют памятники Писеральского типа из пьяноборского круга памятников. Объяснение А. Х. Халикова о причинах появления курганов неубедительно. Любой погребальный обряд является отражением какой-то идеологии и вряд ли пьяноборцы так легко могли перейти от грунтовых могил к курганным насыпям. Это по-первых. Во-вторых, ссылка на прямоугольные могильные ямы и глубины этих ям, как на общие элементы, также не может служить подтверждением выдвинутого тезиса. Такие могильные ямы можно найти во многих местах. Ориентация костяков в Писеральских курганах на Восток с небольшими отклонениями на Север или на Юг действительно имеет аналогии в Чегандинско-Ныргындинский группе пьяноборских могильников⁸¹. Однако, А. Х. Халиков склонен Писеральские курганы связывать с Бельской группой пьяноборских памятников⁸², где, по В. Ф. Генингу, характерна смешанная ориентация, кроме восточной, встречаются

⁷⁸ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 137.

⁷⁹ Степанов П. Д. Андреевский курган. В кн.: Этногенез мордовского народа, с. 50.

⁸⁰ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 134.

⁸¹ Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, вып. 4, Свердловск, 1962, с. 10.

⁸² Халиков А. Х. Указ. соч., с. 136.

южная и западная⁸³. В-третьих, мы не знаем исторического события в начале нашей эры, заставившего пьяноборцев большой волной переместиться на Запад — в Среднее Поволжье.

Можно говорить об инфильтрации прикамских племен, наблюдаемую с ананьинских времен и продолжающуюся в первые века нашей эры. Но в это время уже более заметны местные черты, восходящие к городецкой культуре. Однако, судя по материалам пензенских могильников и городищ Чувашского Поволжья⁸⁴, в это время сильно чувствуется и сарматское влияние. Это заметно и по инвентарю Андреевского кургана, где П. Д. Степанов выделил сарматский культурный компонент⁸⁵. Мы уже отметили, что в ранних погребениях Ст. Селиксенского могильника сарматские аналогии преобладают над прикамскими. По-видимому, сарматским же влиянием следует объяснять и появление курганных насыпей (Писеральские и Андреевские курганы).

Общим для всех рассматриваемых могильников является наличие глиняных горшков городецкого типа в погребениях, что объясняется местными традициями. Горшки для пьяноборских погребений не характерны.

Таким образом, мы считаем, что пьяноборские племена не могли быть основателями культуры типа Ст. Селиксенского могильника, как это предполагает М. Р. Полесских.

К выводу о местном происхождении памятников типа Ст. Селиксенского и Кошибеевского могильников, Андреевского и Писеральских курганов пришел и В. Ф. Генинг в своей недавно опубликованной работе⁸⁶.

В правобережье Волги есть еще группа памятников, локализующихся в северной Чувашии. Материалы раскопок этих памятников опубликованы и получили соответствующую интерпретацию в работах А. П. Смирнова и Н. В. Трубниковой⁸⁷.

⁸³ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 10.

⁸⁴ Трубникова Н. В. 1) Раскопки городища Пичке-Сорче в Чувашии. Сб. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Уч. зап. ЧувНИИ, вып. XXV, Чебоксары, 1964. 2) Раскопки на городище Ножа-вар, близ д. Сареево в 1958—1959 гг. 3) О работах второго отряда Чувашской археологической экспедиции 1955 г.

⁸⁵ Степанов П. Д. Андреевский курган. В кн.: Этногенез мордовского народа, с. 51.

⁸⁶ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н. э.—IV в. н. э.) ВАУ, вып. 10, Свердловск—Ижевск, 1970, с. 188—195.

⁸⁷ Смирнов А. П. 1) Очерки древней и средневековой истории..., с. 135. 2) Железный век Чувашского Поволжья, с. 96—126. 3) Этногенез мордовского народа по данным археологии I—XV вв. н. э. В кн.: Этногенез мордовского народа, с. 13—28. Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура.

Исследователи пришли к выводу, что «преемниками городецкой культуры стала мешера, которой принадлежат городища и могильники рязанского течения Оки, мурома—по нижнему течению Оки, финно-угорское население чувашского течения Волги и мордва»⁸⁸. Говоря о памятниках Чувашского Поволжья, исследователи отметили, что «на территории Чувашии памятники городецкого типа имеют своеобразные черты, сильно отличающие их от соседних областей»⁸⁹. Эти памятники выделены в отдельную северо-восточную группу городецкой культуры⁹⁰. По общему облику культуры, типам жилых строений и керамике городища Чувашии раннего периода городецкой культуры напоминают городища рязанской группы. К раннему периоду городецкой культуры относят Чурачикский и Акозинский могильники, имеющие городецкоананьинский облик. Смешанными чертами, по мнению исследователей, характеризуются и все городецкие памятники Чувашского Поволжья.

Не менее сложным была этническая картина и во второй период городецкой культуры (рубеж нашей эры — начало V в. н. э.) в Чувашском Поволжье. Этот период делится на 2 этапа по характеру вещевого материала. Первый этап (I—III вв. н. э.) наиболее хорошо характеризуется Кошибеевским могильником (ранняя группа погребений) и городищем Пичке-Сорче. Эти памятники имеют значительное количество вещей, свидетельствующие о связях с племенами Прикамья и сарматскими племенами Заволжья и юга. К этому этапу относятся несколько городищ (Пичке-Сорче, Адобай, нижние слон Ножа-вар и Тиханское городище Арату у д. Юваново).

Конец городецкой культуры северо-восточной группы (III—V вв.) характеризуется многими памятниками. Особенностью этого этапа является преобладание в памятниках вещей западного происхождения (рязанско-окских могильников).

В среде этих своеобразных памятников северо-восточной группы городецкой культуры имеются памятники несколько иного облика. Это Ивановский могильник и Таутовское одиночное погребение. Они характеризуются наличием височных подвесок с грузиком (типичным мордовским украшением) и отсутствием вещей пьянборского типа. Исследова-

тели считают, что эти памятники оставлены племенами, пришедшими с юга, с территории мордвы, но тоже относятся к памятникам городецкой культуры.

Делая вывод из краткого обзора памятников городецкой культуры, можно отметить, что все правобережье от Оки до Куйбышевского и Саратовского течения Волги в I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. было занято племенами городецкой культуры. На этой территории в настоящее время изучены и поселения и могильники.

В археологической литературе уже не раз отмечалось, что городецкие племена проникли и в левобережье Волги, в пределы Ветлужско-Вятской междуречья. Так, А. И. Смирнов, характеризуя керамику верхнего слоя Одоевского городища писал: «Эта керамика ничем генетически не связана с левобережными городищами Марийской АССР» и что «весь материал позволяет сделать заключение о проникновении племен правобережья в лесную зону левого берега Волги и ассимиляции с местным населением...»⁹¹.

Изучая Ветлужские городища, О. Н. Бадер по типам керамики выделил три хронологических и культурных периода. К третьему периоду отнес верхний слой Одоевского, верхний слой Богородского и оба слоя Чортова городища. Отмечая резкое отличие керамики третьего периода с керамикой предшествующего второго (позднеананьинско-пьянборского) периода, О. Н. Бадер приводит их отличительные черты: 1) сосуды плоскодонные леплены от руки на невращающейся гончарной подставке, горшковидной и баночной форм; 2) примесь к глине толченой дресвы (21—42%) и шмота (48—68%); 3) полное отсутствие орнамента на подавляющем большинстве сосудов.

Указывая на позднедьяковскую керамику как на аналогию вышеописанной, О. Н. Бадер пишет: «Это обстоятельство приводит нас к выводу о проникновении в область волжского левобережья западного, вероятно, правобережного населения, приведшее здесь и, в частности, в Поветлужье к смене культурных форм»⁹². Время смены культурных форм он устанавливает III в. н. э.

В другом месте этой же работы О. Н. Бадер указывает на близость данной керамики с керамикой городищ северо-западной Чувашии, считая эти городища дьяковскими (Копани,

⁸⁸ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура, с. 7.

⁸⁹ Там же, с. 8.

⁹⁰ Характеристика этой группы памятников дана в указ. раб. Смирнова А. П. и Трубниковой Н. В., с. 21—25.

⁹¹ Смирнов А. П. 1) Археологические памятники на территории Марийской АССР, с. 79. 2) Очерки древней и средневековой истории..., с. 110

⁹² Бадер О. Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья, с. 31.

«Малахай» на Волге и Грохань в устье Вятки)⁹³.

О характере городищ северной Чувашии мы уже писали несколько раньше и указывали, что они относятся к городищам культуры. А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова справедливо указывают, что керамика дьяковской культуры не имеет шамота в примеси к тесту⁹⁴, а в памятниках Поволжья керамика с примесью шамота в тесте по подсчетам самого О. Н. Бадера составляет 48—68%. Шамот же характерен для городищ культуры. Встречается керамика и с примесью дресвы, как на дьяковских памятниках, что свидетельствует о некоторой смешанности населения.

Материалами раскопок Марийской археологической экспедиции тезис о переходе городищ племен в левобережье Волги получил новое подтверждение. Плоскодонная керамика городищ культуры встречается на всех изученных городищах Поволжья-Вятского междуречья. Относительно городищ Поволжья это уже отмечалось раньше. В бассейне Большой и Малой Кокшаги, Илети, Пижмы Марийской археологической экспедиции зафиксировано несколько памятников (селищ, городищ и местонахождений) с плоскодонной керамикой с примесью шамота и реже дресвы в тесте.

Дополнительному обследованию подверглись в Поволжье Богородское, Русенихинское, Шилихинское⁹⁵ и Чортово⁹⁶ городища. Вновь открыто и исследовано Васильсурское II городище в правобережье Волги в пределах Ворытинского района Горьковской области⁹⁷. Эти памятники в основном многослойные, заселенные в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. К I тыс. н. э. относятся городища «Иванова Гора», Снухинское I, Красногорское, Пайгузовское, Емангашское II, Аненское, Красносельское и селище Березовское в пределах Горномарийского района Марийской АССР и Васильсурское IV городище в Ворытинском районе Горьковской области⁹⁸. К этому же времени относится Кубашевское городище в

бассейне р. Б. Кокшага у г. Санчурска⁹⁹. (см. карту, рис. 2).

Результаты раскопок, произведенных на некоторых из указанных городищ, опубликованы, поэтому мы не будем останавливаться на подробном описании керамики, а сошлемся на нашу публикацию, где в разделе, посвященном городищу «Иванова Гора», дано подробное описание керамики как по фактуре, так и по формам¹⁰⁰. Выделены 3 типа, находящие полные аналогии в типах глиняных сосудов ветлужских городищ. Указаны аналогии и с памятников северной Чувашии. Здесь отметим лишь керамику с селища «Иванова Гора», где были фрагменты с включением известки в тесте. Подобная керамика известна также с городища Пичке-Сорче и Ножа-вар в Чувашской АССР. Возможно, это объясняется характером глины в горных районах Поволжья, имеющей известняк в качестве подстилающего слоя.

Дополнительные раскопки на ветлужских городищах подтвердили выводы А. П. Смирнова и О. Н. Бадера о смене круглодонной керамики плоскодонной. Это можно видеть на примере Васильсурского II городища. Оно многослойное: 2 нижних слоя — эпохи бронзы (IV—III), II слой — раннего железа и I слой — I тыс. н. э.¹⁰¹. Слой раннего железа (II) представлен тремя группами керамики: 1 — сосуды с заглаженной поверхностью из глины с примесью толченой раковины в тесте, по форме и орнаментации сходные с ананьинскими сосудами; 2 — сосуды из глины с примесью песка в тесте и покрытые по внешней поверхности «текстильными» отпечатками, близкие по форме и орнаментации к раннегородищным сосудам; 3 — сосуды; сочетающие в себе черты двух первых групп. Здесь же, т. е. во II слое, встречены костяной наконечник стрелы с удлиненным и уплощенным четырехгранным черешком и одним острым боковым жалом, другой ромбической формы с уплощенным черешком, характерные для городищ культуры дьяковских памятников. К городищам культуры относятся и обломки толстостенных плоскодонных тиглей. К ананьинскому кругу вещей относятся поясной крючок из подвздошной кости крупного животного и мотыжка, или палка-копалка из трубчатой кости.

Слой поселения I тыс. н. э. содержит многочисленные обломки грубых плоскодонных лепных сосудов серовато-бурого цвета с примесью в тесте крупно-зернистого шамота и реже дресвы. 59% общего числа сосудов — горшкovidные с выпуклым туловом, есть сосуды ба-

⁹³ Бадер О. Н. Указ соч., с. 25.

⁹⁴ Смирнов А. П. и Трубникова Н. В. Городищная культура, с. 9.

⁹⁵ Стянов В. Е. Отчет об исследованиях Богородского, Русенихинского и Шилихинского городищ на р. Ветлуге в 1958 г. Отчет Мар. АЭ за 1958 г. Архив ИА, Р-1, № 1874.

⁹⁶ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поволжья, с. 7—17.

⁹⁷ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, с. 138—152.

⁹⁸ Архипов Г. А., Халиков А. Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР, №№ 229, 245, 258, 262, 269, 272, 275, 277, 278.

⁹⁹ Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР, с. 215—224.

¹⁰⁰ Архипов Г. А. Указ соч., с. 206—211.

¹⁰¹ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края..., с. 138—158.

ночной формы и в виде приземистых чаш. Иногда на шейках имеются сквозные отверстия. Аналогии этим сосудам имеются и в городищах Поветлужья (Чортово) и Марийско-Чувашского Поволжья (Кубашевское, «Иванова Гора», Пайгусовское, Ножа-вар, Адобайское и Пичке-Сорче).

На Чортовом городище, судя по раскопкам 1957 года, круглодонная керамика также заменяется плоскодонной. Сосуды верхнего слоя Чортова городища аналогичны второму слою (по данным В. И. Каменского)¹⁰² этого городища и верхнему слою (по данным О. Н. Бадера)¹⁰³ Одоевского городища. По стратиграфии О. Н. Бадера Одоевское городище имеет 3 слоя—ранний (III)—IV—V вв. до н. э., средний (II)—IV—III вв. до н. э. и поздний (I)—конец I тыс. до н. э. и начало I тыс. н. э. Для верхнего слоя (I, или позднего) Одоевского городища О. Н. Бадер считает характерным наличие сосудов с круглым дном и примесью толченой раковины (30%) и плоскодонных с шамотом и дресвой (70%). Почти такое же процентное соотношение круглодонных и плоскодонных сосудов и на Чортовом городище¹⁰⁴. Разница лишь в том, что на последнем дресва не встречается.

В верхнем слое Чортова городища есть несколько датирующих вещей. Это — бронзовая умбоновидная бляшка со жгутовой каймой по внешнему краю окружности с поперечной планкой с обратной стороны. Аналогия ей есть в Кошибеевском могильнике¹⁰⁵, в Писеральских курганах¹⁰⁶, в Мари-Луговском могильнике¹⁰⁷ и в могильниках азелинского типа на Вятке¹⁰⁸. Бляшки датируются III—V вв. н. э. Сердоликовая таблетковидная бусина с инкрустацией из белой пасты, аналогична прикамским Харинского времени¹⁰⁹; пластинчатый медный наконечник ремня близок харинским (IV—V вв.)¹¹⁰. Дата Чортова городища по А. Х. Халикову, III—V вв. н. э.¹¹¹

Есть еще одна общая черта, характерная

¹⁰² Каменский В. И. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1928 г.

¹⁰³ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Уужи, с. 137—138.

¹⁰⁴ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ. соч., с. 15.

¹⁰⁵ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 61, табл. XX—14.

¹⁰⁶ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края..., с. 120.

¹⁰⁷ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 162.

¹⁰⁸ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв., табл. X—13.

¹⁰⁹ Спицын А. Древности камской чуди, табл. XXIV, рис. 41, 43, 44, 46, 47, 49.

¹¹⁰ Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, вып. 57, 1955.

¹¹¹ Халиков А. Х., Безухова Е. А. Указ. соч., с. 17.

для городищ Поветлужья и северо-запада Чувашии (северо-восточная группа городищ культуры): это близкие по обряду захоронения на площадках городищ. В настоящее время известны захоронения на Васильсурском II¹¹², Чортовом городище и городище Ножа-вар¹¹³. Вещей при погребениях почти не обнаружено.

На городище Ножа-вар в области грудной клетки погребенных было много обломков глиняной посуды, мелкие угольки и мелкие пережженные кости животных. Вблизи костяка (подростковый) был маленький кусок спирали и бронзовая кольцевая застежка. Около третьего костяка была маленькая красная пастовая бусина, обломок костяного гребня и обломок железного ножа.

На Чортовом городище В. И. Каменский в 1908 г. отметил остатки трех костяков¹¹⁴. На этом же месте в 1957 г. А. Х. Халиковым были обнаружены еще три погребения¹¹⁵. В погребении I А. Х. Халиковым был найден головной венчик, аналогичный украшениям из Борковского и Кузьминского могильников¹¹⁶. Такие венчики есть и в Младшем Ахмыловском могильнике¹¹⁷. Здесь же были две латунные конусовидные подвески с ободками по концам. Подобные известны в материале Борковского и Кузьминского могильников. Они близки подвескам из Прикамья позднихаринского времени (Георгиевский клад, Поле Беклемешево, Зобачево)¹¹⁸. Остатки ожерелья представлены 19 бусинами цилиндрической формы из белого рога. 52 экземпляра таких бус есть и в коллекции из раскопок В. И. Каменского¹¹⁹ и в Младшем Ахмыловском могильнике¹²⁰. Кроме бус в ожерелье, были две лунницы из серебряных пластинок с медными приклепанными ушками. Близкие известны в Борковском и Кузьминском¹²¹ и древнемарийских могильниках IX—XI вв.¹²² Височные кольца из круглой про-

¹¹² Халиков А. Х. Указ. соч., с. 153—154.

¹¹³ Трубникова Н. В. 1) Раскопки на городище Ножа-вар близ д. Сареево в 1958—1959 гг., с. 134—135; 2) Городище Ножа-вар в Чувашии, СА, 1965, № 4, с. 148.

¹¹⁴ Каменский В. И. Указ. соч., с. 6—7.

¹¹⁵ Халиков А. Х., Безухова Е. А. Указ. соч., с. 17—21.

¹¹⁶ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 33.

¹¹⁷ Архипов Г. А. Отчет о раскопках Младшего Ахмыловского могильника. Архив ИА АН СССР, Р—I №№ 2466, 2484.

¹¹⁸ Спицын А. Древности камской чуди..., с. 26.

¹¹⁹ Каменский В. И. Указ. соч., табл. III—3 табл. IV—12, 13.

¹²⁰ Архипов Г. А. Отчет..., Архив ИА, Р—I №№ 2466, 2484.

¹²¹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 34.

¹²² ОАК за 1897 г., с. 61. ГИМ, II отдел, планш. 97/146.

голоки, найденные здесь, сохранились в быту до IX—XI вв.¹²³.

В 1908 г. В. И. Каменским были найдены проволочные сюльгамы с усиками и насечками по кольцу. Обломок железной сюльгамы с короткими усиками был найден и в 1957 г. Сюльгамы этого типа характерны для правобережных племен (мордва)¹²⁴. Формочки для отливки украшений, найденные на «Чортовом городище», имеют аналогии в Старшем Кужендеевском могильнике конца VI—VII вв. н. э.¹²⁵; есть они и в более позднем Крюковско-Кужновском могильнике VIII—XI вв.¹²⁶. Керамика, встречающаяся на могильнике, плоскодонная с примесью шамота в тесте, аналогична городецкой.

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что вещи погребального инвентаря в основном правобережного происхождения; вещи камского типа восходят к раннему времени и известны в материале Кошибеевского могильника. В дальнейшем они получают свое развитие и широко распространяются в древнемарийских могильниках IX—XI вв.¹²⁷.

Многочисленные аналогии в погребальном инвентаре могильника на «Чортовом городище», общие черты в погребальном обряде захоронений на городищах Поветлужья и северо-запада Чувашии, одинаковая керамика на этих памятниках позволяют говорить, что в начале I тысячелетия н. э. как Поветлужье, так и северо-западная Чувашия были заселены одними и теми же или близко родственными племенами. Этими племенами являлись городецкие.

Возникает вопрос: что случилось с местным ветлужским населением I тыс. до н. э., какова его судьба? Ветлужские городища А. П. Смирнов и О. Н. Бадер включали в ареал ананьинской культуры. Они также установили, что Западнее Поветлужья находятся памятники дьяковской культуры¹²⁸.

Ананьинское население, по мнению О. Н. Бадера, в Поветлужье жило до первых ве-

¹²³ Архипов Г. А. Дубовский могильник (раскопки 1963 г.), рис. 4.

¹²⁴ Иваньковский могильник. Раскопки П. П. Ефименко, 1928, Чебоксарский краеведческий музей. Инв. № 5477. Жиганов М. Ф. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша СА, 1959, № 1, с. 221, рис. 3—1, 2, 4.

¹²⁵ Жиганов М. Ф. Указ. соч., с. 8.

¹²⁶ Иванов П. П. Указ. соч., табл. XLII—7.

¹²⁷ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Указ соч., Архипов Г. А. 1) Дубовский могильник; 2) Отчет о раскопках Черемисского кладбища. Отчет Мар. АЭ за 1957 г. Архив ИА, Р—1, № 1470. 3) Отчет о раскопках Веселовского могильника в 1958 г. Там же, Р—1, № 1874.

¹²⁸ Бадер О. Н. 1) Городища Ветлуги и Уйки, с. 149. 2) Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья.

ков н. э., когда, по-видимому, происходит переход от позднеананьинского к раннепьяноборскому времени. К этому мнению присоединились М. В. Воеводский и А. В. Збруева¹²⁹. Этот период представлен II слоем Одоевского городища. Керамика этого слоя очень близка к керамике более древнего, III слоя городища, представляя собой, однако, дальнейшее развитие предыдущей керамики. Изменения, происшедшие в характере керамики Одоевского городища, шло примерно в направлении изменения прикамской ананьинской керамики к пьяноборской. Однако, как и в ананьинское время, керамика II слоя Одоевского городища отличается от керамики одновременных городищ Прикамья некоторыми чертами, что позволило исследователю прийти к выводу, что «эти особенности заставляют рассматривать материальную культуру ветлужских городищ этого времени как особую племенную культуру, близко родственную культуре племени, обитавших в Прикамье»¹³⁰. Следовательно, в начале н. э. племена правобережья Волги застали в Поветлужье местное население. Как сложились взаимоотношения местных и пришлых племен? По-видимому, нет основания говорить о вытеснении местных племен пришлыми. Скорее всего немногочисленные потомки ананьинского населения были ассимилированы пришлыми племенами.

Но история Поветлужья в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. не была так проста. Раскопки в 1958 году на Богородском, Русенихинском и Шилихинском городищах дали, наряду с ананьинской, небольшое количество круглодонной керамики с «сетчатым» орнаментом, что особенно заметно на материале Богородского городища. «Сетчатый» узор выполнен наколам, гребенкой и резе тканью. Эта черта больше всего характерна комплексу керамики I слоя (нижнего), датированного рубежом II и I тыс. до н. э.—VIII в. до н. э. Керамика этого комплекса Богородского городища имеет в тесте примесь песка и мелкой дресвы (78,6%), толченой раковины (21,4%). «Сетчатый узор» покрывает 38,3% всей посуды. Причем сосуды с «сетчатым» узором почти все с примесью песка или мелкой дресвы и лишь несколько фрагментов с толченой раковинной¹³¹. Руководитель раскопок на Богородском городище В. Е. Стоянов писал, что «сетчатая» керамика имеет аналогии с керамикой селища «Быки» у

¹²⁹ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Уйки, с. 152.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Стоянов В. Е. Отчет о раскопках на Богородском городище. См. Сводный Отчет Мар. АЭ за 1958. Архив ИА, Р—1, № 1874.

Галичского озера. М. Е. Фосс установила, что «сетчатая» керамика селища «Быки» дает основание к установлению генетической связи этого памятника с более ранней стоянкой «Умиление»¹³².

Керамика, близкая к комплексу I слоя Богородского городища, была встречена и на Пановской стоянке, которую О. Н. Бадер справедливо связывал с керамикой из соседних с Западом районов Поволжья близ Костромы и на Нижней Оке¹³³. Однако, подобная керамика О. Н. Бадером не была обнаружена на Богородском, Одоевском и других городищах Ветлуги и он пришел к ошибочному выводу, что древнейшая керамика на этих городищах — ананьинская.

В настоящее время мы можем говорить о том, что в Поветлужье, в том числе и на месте указанных городищ, было население, близкое (или родственное) населению Костромского Поволжья¹³⁴ и стоянок Галичского озера (типа «Умиленис», «Быки»).

По-видимому, дальнейшая история Поветлужья пошла бы тем же путем, что и в Костромском Поволжье,— здесь со временем возникли бы памятники дьяковского типа. Однако, в отличие от Костромского Поволжья и района оз. Галич события здесь развернулись несколько иначе. Еще на Пановской стоянке конца II — начала I тыс. до н. э. были плоскодонные сосуды баночной и горшковидной форм с примесью шамота к глине, со сглаженной поверхностью, с орнаментом на шейках и частью на плечах в виде ямочных, зубчатых и линейных вдавлений. О. Н. Бадер указал, что эта керамика ближе всего к керамике степных срубно-хвалыньских племен конца бронзовой эпохи. Такая керамика часто встречается на поселениях поздняяковского типа. Возможно, в Поветлужье эта керамика попала не непосредственно от срубных племен, а от поздняяковских. Проникновение керамики свидетельствует и о проникновении носителей этой керамики¹³⁵. Однако эта волна была незначительной и в результате более интенсивного проникновения ананьинских племен около VIII—VII вв. до н. э. господствующим становится ананьинское население, ассимилировавшее предшествующее местное, о чем свидетельствует, в частности, наличие на Богородском городище керамики с примесью в тесте толченой рако-

вины и «сетчатым» узором. Позднее «сетчатый» узор исчезает¹³⁶ и вплоть до начала нашей эры история Поветлужья развивается как территория племен ананьинской культуры с тенденцией перехода на рубеже нашей эры к культуре пьяноборского облика. Этот процесс эволюционного развития был прерван вторжением городецких племен с плоскодонной керамикой, давшим свое направление в дальнейшем развитии исторических событий на Ветлуге и в Поветлужье.

Все эти события нашли отражение в последующей истории. Например, некоторые исследователи считают, что Поветлужье в I тыс. до н. э. было ближе к Костромскому Поволжью и что позднейшая история также развивается в направлении, характерном для Костромских районов. Однако, это справедливо лишь для периода рубежа II и I тыс. до н. э.

Городецкие племена занимали не только Поветлужье, но продвигались и восточнее Ветлуги, они переходили Волгу не только у устья Ветлуги, но и восточнее, т. е. ниже по течению Волги. Однако эта территория не была свободной, здесь были азелинские племена.

3. АЗЕЛИНСКИЙ КОМПОНЕНТ

В Мл. Ахмыловском могильнике есть группа вещей азелинского типа. Количественно по сравнению с вещами городецкого типа их меньше. Это, возможно, объясняется тем, что Мл. Ахмыловский могильник расположен в ареале городецкой культуры. Интересно отметить, что нет ни одного погребения только с инвентарем азелинского типа. В погребении 41 было височное кольцо с несомкнутыми, чуть заостренными концами. К кольцу привешивались на двух шнурках бутылочные привески с бусинками (рис. 93—3). В азелинских памятниках кольца такого типа не встречаются, они больше характерны для городецких племен. Но привеска к кольцу очень близка к височным привескам азелинских племен. Подобные привески, были, например, в Азелинском и Суворовском могильниках¹³⁷, обломки от подобной подвески были и в Мари-Луговском могильнике¹³⁸.

¹³² О том, что сетчатая керамика в Поволжье предшествовала ананьинской, пишет и П. Н. Третьяков. «Судя по характеру керамики, Малахай, как и ветлужское селище с текстильной керамикой «Папово городище», относится к раннему времени, предшествующему сплошному расселению на этом участке берегов р. Волги камских ананьинских племен» (см. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... с. 149).

¹³⁷ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв., табл. 1—2—6; с. 48, рис. 23. (реконструкция).

¹³⁸ Халиков А. Х. Очерки истории Марийского края в эпоху железа, с. 162, таб. XXXIV—8.

¹³² Фосс М. Е. Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, М., 1947, с. 69

¹³³ Бадер О. Н. Древнее Поветлужье... с. 19

¹³⁴ Гурина Н. И. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, М.-Л., 1963, с. 195—203

¹³⁵ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья, с. 13 и след.

К височным же украшениям относятся специфически азелинские кольца с небольшой петелькой и тремя насаженными бусинами или утолщениями, подражающими бусам. Подобные кольца характерны только для азелинцев и служат этническим признаком.

Характерным для азелинцев являются нагрудные украшения с изображением коней на медной пластинке или на ажурной арочной подвеске с привесками¹³⁹. Оригинальной является нагрудная ажурная подвеска, известная по Пимскому (Безводнинскому) кладу¹⁴⁰, Айпинским¹⁴¹ и Уржумским¹⁴² находкам. Такая подвеска есть и в Мл. Ахмыловском могильнике (погр. 91).

Полное тождество расположения таких украшений в нижней части груди в женских азелинских погребениях и в погребениях Мл. Ахмыловского могильника еще раз подтверждает о генетической связи культур этих памятников. В Мл. Ахмыловском могильнике (погр. 52) есть и небольшого размера подвески — коньки. Мы уже писали, что подвески-коньки характерны для прикамских племен с ананьинских времен. В азелинских памятниках подвески-коньки встречены в Воробьевском, Вичмарском¹⁴³ и др. могильниках.

В погребении 91 в области головы были две медные пластинки со спиралевидным узором, соединенных четырьмя параллельными шнурами, нанизанных медными колечками и спиральками (рис. 87—1). Пластины эти также восходят к ананьинским традициям, которые характерны и для азелинских племен. В частности, близкие по оформлению пластины в большом количестве встречены в Азелинском и Суворовском могильниках¹⁴⁴.

Азелинского типа пояса были найдены в пп. 19, 45, 91 Мл. Ахмыловского могильника. Это пояса с эполетообразной застежкой, с узкими накладками и привесками к ремню в нижней части. Реконструкция такого пояса из погребения 45 представлена на рис. 88.

Есть еще второй тип поясов, близкий также к Азелинским поясам. Мы имеем в виду пояс из погребения 10 Мл. Ахмыловского могильника. Ремень здесь уже, привесок снизу нет.

¹³⁹ Генинг В. Ф. Указ. соч., рис. 18, 19, 23; табл. XV.

¹⁴⁰ Aspell n. I R. Указ. соч., II, №№ 788—801. Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 532 № 1.

¹⁴¹ Collection Zaoussailov, II, Helsinki, 1918, с. 13

¹⁴² Арбузова Н. Н., Старостин П. Н. Остатки древних погребений в г. Уржуме. — Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ, вып. XXIII. Йошкар-Ола, 1971, табл. 1—3.

¹⁴³ Худяков М. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАИЭ, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929, табл. III—4; табл. VI—6, 7.

¹⁴⁴ Генинг В. Ф. Азелинская культура, табл. X—1—4.

Но по всей длине ремня были медные накладки с полушарными выпуклинами на концах. Полной аналогии этому поясу в азелинских памятниках нет, но он близок к поясам из Мари-Луговского¹⁴⁵, Суворовского и Азелинского¹⁴⁶ могильников. Обрывки пояса, близкого к тому, были и в Вичмарском могильнике¹⁴⁷. В погребении 126 Мл. Ахмыловского могильника был ремень с фигурными накладками, близкими к азелинским.

В азелинских могильниках встречаются перстни в виде кольца из проволоки с двойными и тройными S-образными завитками и шариками зерни по краям¹⁴⁸. В Мл. Ахмыловском могильнике нет подобных перстней, но позднее очень близкий перстень был встречен в погребении 10 Веселовского могильника (рис. 37—9). Поскольку подобные перстни в других местах нам неизвестны, то можно считать, что древнемарийские перстни IX—XI вв. исходной формой имели азелинские перстни.

Отметим еще ряд моментов, имеющих параллели в азелинских и древнемарийских могильниках. Это орнамент в виде треугольников, расположенных основаниями друг к другу. Орнамент на сьюльгаме из Вичмарского могильника¹⁴⁹ схож с широко распространенным орнаментом на костяных предметах древних марийцев, мери и удмуртов.

Укажем на одну деталь в погребальном обряде Мл. Ахмыловского могильника, в целом отличающегося от Азелинского. В погребении 128 Мл. Ахмыловского могильника под некоторыми вещами были остатки плетеного лыка и ткани. Такие плетенки были и у пояса. Возможно, это остатки плетеного кошелька (сумочки) или остатки подстилки. Остатки такой же плетенки были и в погребении 7 Вичмарского могильника¹⁵⁰.

Приведенные параллели свидетельствуют о бесспорной преемственности азелинских могильников и некоторых погребений Мл. Ахмыловского могильника. Роль азелинцев в формировании материальной культуры населения, оставивших Мл. Ахмыловский могильник, очевидна¹⁵¹.

В вопросе о памятниках азелинского типа нет единого мнения. В 1956 г. В. Ф. Генинг выделил эти памятники в особую, азелинскую,

¹⁴⁵ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 175, рис. 69.

¹⁴⁶ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 44, 45; рис. 21, 22

¹⁴⁷ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 625, № 35.

¹⁴⁸ Генинг В. Ф. Азелинская культура, табл. II—6—9.

¹⁴⁹ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 625, № 82.

¹⁵⁰ Гос. Эрмитаж, колл. 625, № 41.

¹⁵¹ Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с 1 тыс. н. э.). В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 36—52.

культуру¹⁵². В последующие годы В. Ф. Генингом был опубликован ряд работ, где подтверждался этот вывод¹⁵³. Против выделения отдельной азелинской культуры выступил А. П. Смирнов¹⁵⁴. Однако, при всех обстоятельствах, население, оставившее памятники азелинского типа, является прямым наследником предшествующей пьяноборской культуры и культура азелинцев представляет собой органическое продолжение этой культуры в ее средневатском варианте

4. ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНИХ МАРИЙЦЕВ

V—VII вв. являются тем периодом, когда возникает древнемарийская культура из сплава городецкой и азелинской культур, это тот период, когда начинает вырастать своеобразная культура IX—XI вв., явившаяся завершением первого этапа формирования марийского народа. Культура марийцев IX—XI вв. на всей территории Ветлужско-Вятского междуречья едина.

По карте, составленной В. Ф. Генингом¹⁵⁵, памятники азелинского типа занимает правобережье Средней Вятки (лишь Вичмарский могильник на р. Кильмези), Казанское течение Волги и правобережье устья Камы (рис. 2). Самым западным памятником является Уржумкинский могильник, открыты в 1968 г., самыми северными — памятники в правобережье р. Пижмы (Ижевское городище и Безводнинский клад).

Инвентарь азелинских могильников в разных районах имеет свои отличия. Так, если на Вятке не чувствуется влияния западных культур, в частности, городецкой, то в Мари-Луговском могильнике, расположенном на Волге выше Казани, немало вещей городецкого типа.

Мари-Луговской могильник раскапывался дважды: в 1929 г. Е. И. Горюновой¹⁵⁶ и в 1956 г. Марийской археологической экспедицией¹⁵⁷. Памятник двухслойный — погребения относятся к IV—VI вв. и XIV—XVI вв. Речь будет

¹⁵² Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа

¹⁵³ Генинг В. Ф. 1) Археологические памятники Удмуртин, с 83—92 2) Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры, с 37—50. 3) Азелинская культура III—V вв.

¹⁵⁴ Смирнов А. П. Рец. на книгу В. Ф. Генинга «Азелинская культура III—V вв.», СА, 1964, № 4

¹⁵⁵ Генинг В. Ф. Азелинская культура, с 15 рис. 3

¹⁵⁶ Горюнова Е. И. Мари-Луговской могильник и селище ПИДО, М., 1934, № 9—10

¹⁵⁷ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края, с 158—180

идти о I группе. Погребений этой группы (IV—VI вв.) вскрыто 45 (8—в 1929 г. и 36—в 1956 г.). Погребальный обряд в основном сходен с обрядом могильников азелинского типа: расположен могильник у реки, погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями головой на север или на юг, но всегда ногами к реке, встречены коллективные захоронения¹⁵⁸. Отличительными чертами являются сравнительно небольшая глубина могильных ям, следы кострищ в некоторых погребениях, наличие скорченных костяков. В трех погребениях были части лошадиных туш, что встречалось, кроме Мари-Луговского могильника, только в могильнике «Атамановы Кости» (I случай)—это объясняется, по-видимому, позднесарматским влиянием¹⁵⁹.

В погребальном инвентаре Мари-Луговского могильника азелинскими являются все основные типы украшений и металлических деталей одежды: поздние варианты эполетообразных застежек, нагрудные подвески с напускными металлическими шариками, обувные застежки с лапчатыми подвесками, железные пряжки с приплюснутым овальным кольцом и пластинчатой скобой, поясные наборы, височные подвески в виде знака вопроса из перевитой медной проволоки, умбоновидные бляшки с кольцевой окантовкой и др.

Ряд черт сближает Мари-Луговской могильник с могильниками Кошибеевского типа. Общими являются различные бляшки и накладки, обычно с ажурным щитком, бронзовые и медные сьюльгамы с завернутыми в трубочку концами и округлым пластинчатым кольцом, украшенным насечкой и точечным орнаментом, железные гривны с напускными медными или стеклянными бусами, крупные сьюльгамы со шнуровой окантовкой и биспиральными выступами по краям. Есть и группа вещей, встречающаяся как в памятниках кошибеевского, так и азелинского типа¹⁶⁰.

Вышеописанная характеристика погребального обряда и инвентаря Мари-Луговского могильника говорит о смешанности комплекса, о том, что этот памятник является свидетельством контакта азелинских и городецких племен, но преобладающим являлись азелинцы

Яркую картину взаимоассимиляции дает Кубашевское городище, исследованное в основном Марийской археологической экспедицией в 1957 и 1958 гг.¹⁶¹. По материалам пос-

¹⁵⁸ Халиков А. Х. Указ соч., с 176—180

¹⁵⁹ Синицын И. В. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. Уч. зап. СВУ, т. XXXIX, 1964, с 226—227

¹⁶⁰ Халиков А. Х. Указ соч., с 177—179

¹⁶¹ Архипов Г. А. Городища первой половины I тысячелетия н. э., с 215—224

ледных раскопок керамика городища по составу теста делится на две группы: I—круглодонные чаши без выраженного горла из плотной глины с примесью растительных остатков в тесте. Края венчиков плоско обрезанные или слегка закругленные, в профиле прямые или слегка вытянутые. Орнамента нет (рис. 94—1) и лишь несколько сосудов имеют сквозные отверстия по краю. Количественно эта группа керамики составляет 25% из общего числа сосудов. Аналогии этой группе мы находим в керамике из Буйского городища¹⁶². Один сосуд этого типа происходит из Мари-Луговского могильника¹⁶³.

II группа — плоскодонные (очень редко круглодонные) крупные сосуды с примесью мелкой дресвы и шамота в тесте и с загляненой поверхностью (рис. 94—2), вытянутой горшковидной формы с выпуклым туловом, прямым или слегка отогнутым венчиком, плоско обрезанным по краю, круглодонные сосуды этой группы, с таким же венчиком имеют обычно котловидную форму. С орнаментом известно всего 6 сосудов. В трех случаях край украшен нарезками (рис. 94—3), в одном случае по краю расположен один ряд углублений, сделанных вдавливанием пальца (рис. 94—3). Два сосуда имели ямочные вдавления, расположенных бессистемно (рис. 94—3), напоминая бахмутинские сосуды. Эта группа сосудов приближается к керамике ветлужских городищ (Чортово¹⁶⁴ и др.).

Для городецких памятников характерны и глиняные напярсла дисковидные (рис. 94—8) и биконические (рис. 94—6). Кроме того, были напярсла с плоским основанием и ребристо скошенной верхней поверхностью (рис. 94—7), по которому расположены три концентрические окружности из мелких точечных наколов. Разновидностью этого типа является напярсло со скошенными верхними и нижними поверхностями с такими же мелкими точечными наколами.

Из металлических вещей укажем обломки бронзового браслета с резным орнаментом (рис. 94—4) и коленчатый нож (рис. 94—5), характерные для азелинских памятников¹⁶⁵.

Таким образом, материальная культура Ку-

башевского городища является смешанной. Очевидно, в бассейне Большой Кокшаги, верховьями связывающаяся через р. Пижму с р. Вяткой и через р. Усту с р. Ветлугой, проходил стык между вятскими и ветлужскими районами, соответственно между азелинскими и городецкими племенами. О проникновении азелинского населения на Б. Кокшагу свидетельствует и находка позднего варианта эполеобразной застежки у г. Санчурска в 7 км от Кубашевского городища¹⁶⁶.

Из изложенного можно сделать некоторые выводы. Неоднократно отмечалось, что наибольшее количество аналогии в погребальном инвентаре и керамике с городищ Ветлужско-Вятского междуречья находится в правобережье Средней Волги — в бассейнах рек Средней и Нижней Оки, Цны, Мокши, Суры. Эти аналогии ведут нас от IX—XI вв. вглубь к середине I тыс. н. э., когда начинают формироваться этнические группы финно-угорских народов Поволжья¹⁶⁷.

Готский историк Иордан еще в VI в. перечислил в своей «Гетике» названия племен, предков современных поволжских финно-угорских народов. Среди них весь, меря, мордва. Некоторые историки считают, что здесь упоминаются и предки марийцев под именем «имнискары»¹⁶⁸. К этому мнению присоединились и мы в публикации материалов Марийской археологической экспедиции¹⁶⁹. Однако еще И. Миккола высказал другое мнение: имнискары — это мещера¹⁷⁰. К нему присоединился А. Л. Монгайт¹⁷¹. В настоящее время, по-видимому, нельзя считать решенным этот вопрос. Если допустить, что имнискары это марийцы, то надо полагать, что марийцы, кроме названия «черемисы» и «цармис», имели еще и другое имя. Исследователи же нигде не отождествляют имнискаров с черемисами позднейших источников.

В X—XI вв. русские летописи также упоминают средне-волжские финно-угорские народы. В «Повести временных лет» мы читаем: «На Белоозере селять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клешице озере Меря же. А по Оце реце, где погече в Волгу же Муромы язык свой, и Черемиси свой язык, Морьдва

¹⁶² Генинг В. Ф. Азелинская культура, с. 20, рис. 5, 38. Следует отметить, что В. Ф. Генинг, описывая керамику с Буйского городища, характеризует ее как чашевидную, но судя по рисункам и фотографиям, среди них есть и горшковидные, близкие к сосудам из Кубашевского городища (см. Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии, с. 93, рис. 3—8).

¹⁶³ Халиков А. Х. Указ соч., с. 17, рис. 65.

¹⁶⁴ Халиков А. Х. Безухова Е. А. Указ. соч., с. 10—11.

¹⁶⁵ Генинг В. Ф. Азелинская культура, с. 33, рис. 13—3.

¹⁶⁶ Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР..., с. 63.

¹⁶⁷ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 173.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ См. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II, Железный век Марийского края, Йошкар-Ола, 1962, Предисловие.

¹⁷⁰ Mikkola I. I. Die Name der Völker Hermanaricks. Finnisch-Ugrischen Forschungen, Bol. XV. Helsingfors, 1915, с. 62.

¹⁷¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 88.

свой язык...»¹⁷². Если учесть, что перечисление племен идет с севера от веси к югу, то соседство и последовательность одного племени за другим соответствует размещению археологических памятников, приписываемых упомянутым племенам, за исключением марийских (черемисских) — никто еще ни один памятник на Оке не связывал с летописной черемисой.

Последовательность перечисления племен Среднего Поволжья в другом письменном источнике, письме хазарского царя Иосифа, также соответствует порядку, установленному «Повестью временных лет», а именно: «...Бурт-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн...»¹⁷³, где соответственно имеются ввиду: Буртассы, болгары, сувары, эрзя, марийцы, вятичи и т. д.¹⁷⁴.

Б. А. Куфтин допускал, что некогда на нижней Оке были черемисы и это нашло отражение в ранних летописях (в «Повести временных лет»). Он указал, что в поздних летописях, в том месте, где были черемисы, появляются мещера и что слово «мещера» из топографического имени было переделано поздним летописцем в название народа..., который он поместил, желая исправить древнего летописца, на место черемиса»¹⁷⁵.

А. Г. Кузьмин, например, считает, что летописные «черемисы» не обязательно должны соответствовать современным черемисам—марийцам»¹⁷⁶.

Таким образом, исследователями и комментаторами русских летописей этот вопрос не решен. Не дала окончательного ответа на него и археология.

По нашим археологическим материалам можно заключить, что современные марийцы и их предки IX—XI вв. были близко родственны народам, некогда жившим на Средней и Нижней Оке — муроме¹⁷⁷, мещере, мордве. Это можно считать доказанным для V—VII вв., времени Младшего Ахмыловского могильника. Об этом свидетельствуют не только ряд вещей типа рязанско-окских могильников, но и погребальный обряд. Как в рязанско-окских, так

и в Мл. Ахмыловском могильниках встречается обряд труположения и трупосожжения. Последний обряд совпадает и в деталях: труп сжигался на стороне, сожженные кости располагались в яме в небольшом количестве, вместе с ними иногда были зола и уголь. Большинство вещей не имеет следов огня; вещи лежат чаще вместе, иногда на подстилке из дерева или из ткани. Так же, как и в Мл. Ахмыловском и марийских могильниках IX—XI вв., кремации подвергались как мужчины, так и женщины. Трупосожжение на рязанско-окских могильниках составляет 10% от общего числа погребений¹⁷⁸, в Мл. Ахмыловском — 17%.

Но V—VII вв.—это период, когда уже население с чертами материальной культуры, близким окским, смешалось с населением более восточных районов — азелинским. Следовательно, городецкий компонент в устье Ветлуги появился раньше, не позднее III—IV вв. И с первых веков нашей эры мы можем говорить о начале формирования марийского народа.

Выше мы уже писали, что, судя по материалам городищ Поволжья (в частности, по керамике), на рубеже н. э. начинается переход правобережных племен на левый берег Волги. По-видимому, перешла и часть населения Чувашского Поволжья. Исследователи отмечают близость керамики городищ этого района с рогожной керамикой Оки. Отмечается также, что ранний период городецкой культуры в Чувашском Поволжье представлен менее четко, чем поздний, и памятников раннего периода известно немного¹⁷⁹. Возможно, это объясняется тем, что вообще население раннего периода было немногочисленным и лишь с первых веков н. э. здесь появляются многочисленные племена с рогожной керамикой из бассейна Оки. Причина такого переселения пока не совсем ясна.

О перемещении более южных мордовских племен на север указывают такие памятники, как Таутовское погребение и Ивановский могильник в Чувашии¹⁸⁰. Этническая карта Среднего Поволжья в это время не оставалась стабильной. К этому надо добавить и передвижения племен в связи с «эпохой переселения народов». И это не оставалось без следа, хотя основная волна кочевников прошла южнее. Все это говорит о значительных передвижениях финно-угорских народов в первой половине и середине I тыс. н. э.

¹⁷⁸ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы, с. 26, 27.

¹⁷⁹ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура, с. 21.

¹⁸⁰ Смирнов А. П. 1) Железный век Чувашского Поволжья, с. 117. 2) Этногенез мордовского народа по данным археологии I—XV вв. н. э., с. 22.

¹⁷² ПСРЛ, т. I, стб. 10—11.

¹⁷³ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 98.

¹⁷⁴ Коковцев П. К. Указ. соч., с. 96, подстрочное примечание 4.

¹⁷⁵ Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры. Ч. I. М., 1926, с. 17.

¹⁷⁶ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965, с. 58.

¹⁷⁷ Степанов П. Д. отождествляет мурому с мордвой—эрзей. См. его работы: 1) К вопросу о происхождении мордовских племен мокши и эрзи. Уч. зап. СГПИ и СГУ, вып. XXII. Саратов, 1956. 2) Древняя история мордвы—эрзи. В кн.: Исследования по археологии Мордовской АССР Труды МордНИИ, вып. 39. Саранск, 1970, с. 26—66.

Могильники типа Борковского и Кузьминского А. П. Смирнов считает мещерскими¹⁸¹. Не все согласны с этим положением¹⁸². Нет единого мнения и относительно этнической принадлежности Кошибеевского могильника. А. П. Смирнов считает его близким к северной группе городецких памятников и связывает с жизнью предков чувашского народа¹⁸³. А. Е. Алихова считает его мордовским¹⁸⁴, Н. В. Трубникова предполагает, что Кошибеевский памятник является смешанным в этническом отношении, но группа памятников кошибеевского типа вместе с поселениями в Чувашии (азелинско-сурская группа) связывается с исторически известными в более позднее время и существующими до нашего времени народами Поволжья — мордовским народом¹⁸⁵.

Нет единого мнения и относительно этнической принадлежности городищ типа Ножа-вар. В. Ф. Каховский полагает, что они принадлежали остаткам балановцев и абашевцев¹⁸⁶. К этому мнению присоединился и П. Н. Третьяков¹⁸⁷. О том, что потомки абашевцев жили в правобережье Волги в первых веках н. э., говорит и А. П. Смирнов (Писеральские курганы)¹⁸⁸.

Перечисление мнений относительно памятников городецкой культуры уже свидетельствует о том, что этническая история Среднего Поволжья и среднего и нижнего течения Оки далека до полного выяснения и что эта история была очень сложной.

Мы не берем на себя труд разобраться в этом вопросе, это не входит в тему нашей работы, да и невозможно его решить мимоходом, надо заняться им специально. Однако, по-видимому, в связи с Мл. Ахмыловским могильником и некоторыми вопросами происхождения марийцев необходимо хотя бы в предвари-

тельном плане высказаться относительно некоторых памятников правобережья Волги.

По нашему мнению, «цармис» письменных источников соответствует памятникам Чувашского Поволжья. Применительно к современным этническим понятиям название «цармис» распространяется на предков горных марийцев и финской основы чуваш. И вплоть до прихода тюркских племен Чувашское Поволжье оставалось финно-угорским, с приходом же тюркских племен часть финно-угорских племен ассимилирована ими и здесь формировались северные чуваша — вирьялы. Об этом же пишет В. Ф. Каховский: «В процессе ассимиляции местных древнемарийских и древнемордовских племен булгарами — переселенцами в западных и северо-западных районах современной Чувашии сложилась группа верховых или северных чувашей — вирьялов (Вирс-Север)»¹⁸⁹.

Сопоставляя границы расселения городецких племен с расселением современных горных марийцев и распространением горного диалекта, не трудно заметить, что эти территории совпадают. По-видимому, можно признать, что городецкая культура явилась основой формирования горных марийцев.

Формирование же луговых марийцев в таком виде, в каком мы имеем в настоящее время, произошло в результате взаимоассимиляции городецких и азелинских племен. Последние и вызвали появление некоторых черт отличия луговых от горных марийцев. Если бы городецкие племена не столкнулись с азелинскими, то на Вятке сложился бы народ, близкий современному удмуртам, предками которых являются частично и азелинцы. О роли азелинцев в формировании удмуртов писал и В. Ф. Генинг¹⁹⁰. Еще раньше о роли ананьинско-пьяноборского населения в этногенезе удмуртов писали А. П. Смирнов¹⁹¹, В. А. Оборин¹⁹².

О взаимоотношениях марийцев и удмуртов писалось неоднократно. Об этом в одной из публикаций писали и мы¹⁹³. Еще А. А. Спицын привел ряд легенд и преданий о том, что марийцы оттеснили с Вятки удмуртов. По А. А. Спицыну, удмурты жили по течению р. Вятки,

¹⁸¹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 143—144.

¹⁸² Степанов П. Д. 1) Древнейший период истории мордовского народа. Зап. МордНИИ, вып. 15, Саратов, 1952, с. 180; 2) К вопросу о происхождении мордовских племен-мокси и эрзи. Уч. зап. кафедры истории СССР Саратовского Гос. Университета, вып. XXII, Саратов, 1956, с. 143—170. Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тыс. н. э. СА, XVIII, 1953, с. 176.

¹⁸³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 138.

¹⁸⁴ Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э., с. 14.

¹⁸⁵ Трубникова Н. В. Древние мордовские племена в начале I тыс. н. э. в кн.: Этногенез мордовского народа, с. 60—61.

¹⁸⁶ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, с. 114—119.

¹⁸⁷ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., с. 156.

¹⁸⁸ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья, с. 121.

¹⁸⁹ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа, с. 381—382.

¹⁹⁰ Генинг В. Ф. 1) Азелинская культура, с. 94—95. 2) История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. I. Чегандинская культура (III в. до н. э.—II в. н. э.), с. 195 и след.

¹⁹¹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 169.

¹⁹² Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья, с. 177—185.

¹⁹³ Архипов Г. А. Ижевское городище, с. 156—159

по р. Пижме и в б. Яранском и Уржумском уездах. Однако, теснимые марийцами, удмурты перешли на левый берег р. Вятки на берега р. Кильмези и ее притока Валы, до этого времени незаселенные и покрытые дремучими лесами¹⁹⁴. А. А. Спицын правильно определил путь движения марийцев на восток, на Вятку. Этот путь лежал через территорию, где позднее проходила Галицкая дорога. Легенды и предания о столкновении марийцев и удмуртов приводит и А. П. Смирнов¹⁹⁵. Для подтверждения этой мысли он приводит и археологический материал — он считает марийским могильник Бигер-Шай на Чепце¹⁹⁶. Однако, теперь, когда мы располагаем большим количеством археологических памятников древних марийцев, мы имеем возможность несколько по-другому объяснить этнос Бигер-Шайского могильника. Большинство аналогий вещам из этого могильника встречаются в мордовских древностях, что отметил и А. П. Смирнов¹⁹⁷. В то же время этот могильник как по погребальному обряду, так и по инвентарю отличается от марийских. По нашему мнению, этот могильник является памятником, оставленным населением, близким финно-угорскому населению Танкеевского могильника¹⁹⁸. Вряд ли правы исследователи Танкеевского могильника¹⁹⁹, утверждая, что финно-угорское население этого могильника пришло с Камы. Они ссылаются на тот факт, что Деменковский и Мыдлань-Шайский могильники прекращают существование с началом функционирования Танкеевского могильника. Но ведь доказано, что могильники Деменковский и Мыдлань-Шай имеют продолжение в самом Прикамье — это родановская и чепецкая культуры, по своему облику отличающиеся от поволжских²⁰⁰. Финно-угорские захоронения Танкеевского могильника ближе к мордовскому, чем к чепецким и марийским (особенно по инвентарю).

Предложенная схема формирования марийской материальной культуры и этноса, построенная на археологическом материале, под-

¹⁹⁴ Спицын А. А. Приуральский край, с. 96.

¹⁹⁵ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории..., с. 169—171.

¹⁹⁶ Смирнов А. П. Указ. соч., с. 170.

¹⁹⁷ Смирнов А. П. 1) Могильник Бигер-Шай, с. 248. 2) Очерки древней и средневековой истории..., с. 17.

¹⁹⁸ Генинг В. Ф. Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге, с. 76.

¹⁹⁹ Халиков Е. А. Халиков А. Х. Казаков Е. П. Танкеевский могильник и его место среди археологических памятников Прикамья. V Уральское археологическое совещание. (Тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар 1967, с. 77.

²⁰⁰ Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Приуралья в эпоху железа Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья, с. 185—188.

тверждается и выводами исследователей других специальностей (языковедов, антропологов).

Б. А. Серебренников отметил промежуточный характер марийского языка. По его образу выражению «марийский язык — это своеобразный мост между восточным и западным финно-угорским языковым миром»²⁰¹. Рассмотрение языковых особенностей марийского языка, сближающих их с пермскими языками, привел Б. А. Серебренникова к выводу, что «все эти сходства являются скорее сходствами типологического порядка, но не такими сходствами, которые обычно определяют органическую близость двух языковых систем»²⁰². «Совершенно иной характер, — говорит далее, — имеют особенности, связывающие марийский язык с мордовскими и прибалтийско-финскими языками. Это не черты типологического сходства, а явление, свидетельствующее о материальной общности грамматических структур двух языков. Это явления, которые не могут быть заимствованы одним языком у другого языка»²⁰³. В древности марийский язык был более близок к мордовским и ядро марийского языка сформировалось в прибрежной зоне Волги. Контакты с племенами пермской языковой группы марийцы имели позже, когда они переселились на северо-восток²⁰⁴. По данным топонимики Б. А. Серебренников установил следующую территорию, населенную марийцами: значительная часть Кировской области, северная часть Татарской республики древняя территория Чувашии, главным образом ее северная и средняя часть²⁰⁵. Еще раньше тот же исследователь писал: «К моменту вторжения тюркских племен на территорию древней Чувашии значительная часть этой территории была занята древнемарийскими племенами и язык тюркских пришельцев наслаивался на марийский языковой субстрат»²⁰⁶.

Аналогичные выводы делает и И. С. Галкин рассматривая топонимику с учетом данных других наук. Он пишет: «древние марийцы (или предки марийцев) до прихода тюркского язычного населения на Среднюю Волгу зани-

²⁰¹ Серебренников Б. А. Происхождение марийского народа по данным языка. В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 165.

²⁰² Там же, с. 174.

²⁰³ Там же, с. 175.

²⁰⁴ Серебренников Б. А. Происхождение марийского народа по данным языка. Научная сессия и этногенезу марийского народа (тезисы докладов и сообщений). Йошкар-Ола, 1965, с. 11.

²⁰⁵ Там же, с. 10.

²⁰⁶ Серебренников Б. А. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 40.

мали территорию несколько южнее и западнее, нежели сейчас...»²⁰⁷.

Такие заключения современных лингвистов не являются чем-то исключительным. Еще в XIX в. к близкому выводу пришел И. Н. Смирнов. Опираясь на многочисленные этнографические, топонимические и фольклорные материалы, он установил, что западная граница марицев шла по Оке²⁰⁸.

Антропологически современные марицы входят в состав одного из типов или вариантов уральской языковой расы. Например, В. В. Бунак марицев считал типичными представителями субуральского типа, не отрицая, однако значительной примеси собственно европеоидных элементов.

По В. П. Алексееву, марицы отличаются от классических вариантов уральского типа значительно более четкой выраженностью европеоидных черт²⁰⁹.

Палеоантропологический материал с территории марицев очень мал. К X—XI вв. относятся черепа из Дубовского могильника. По определению М. С. Акимовой, они дают показатели, близкие к показателям измерений черепов современных луговых марицев. Небольшая серия черепов из Мари-Луговского могильника IV—V вв. н. э. исследована В. П. Алексеевым. «Население, оставившее этот могильник, характеризуясь в общем тем же соотношением европеоидных и многолоидных особенностей что и современные марицы, отличалось в то же время резко выраженной долихокранией, то есть удлинненной формой черепной коробки»²¹⁰. Последний признак полностью не укладывается в классическую комбинацию признаков субуральского типа. Длинноголовые черепа преобладают из марицких могильников XVI—XVIII вв. (Пайгусовского, Микряковского, Большепольского).

Таким образом, и антропологический материал свидетельствует о большей близости марицев к поволжским финнам, чем к уральским.

5. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАРИЦЕВ IX—XI и XVI—XIX вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Могильники IX—XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья имеют много параллелей в марицких кладбищах XVI—XVIII вв. В способе ношения некоторых типов украшений, их орнаментации есть много общего в типах украшений марицкого женского костюма, известному по этнографическим данным. Этому вопросу нами была посвящена специальная статья²¹¹. Не пересказывая содержания этой статьи, мы отметим в дальнейшем лишь дополнительные наблюдения по этому вопросу.

Прежде всего кратко охарактеризуем марицкие могильники XVI—XVIII вв., раскопанные как в дореволюционное, так и в советское время. Изучены они и Марийской археологической экспедицией.

В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранятся коллекции из могильников у с. Тоншаево²¹² и близ с. Большие Ошкары²¹³, собранные П. П. Ефименко в 1908 году в бывшем Ветлужском уезде (в настоящее время эти кладбища находятся в Кировской области).

Тоншаевский могильник языческий, датируется XVII в. по монетам Алексея Михайловича, в нем больше сопровождающих вещей, чем в Б. Ошкарском. В последнем часто встречались медные кресты. В/Б. Ошкарском могильнике были монеты Екатерины II и Павла I и монеты Анны Иоанновны чеканки 30-х годов XVIII в. В целом могильник датируется XVIII в.

К сожалению, мы не имеем описания погребального обряда. В Эрмитаже есть только коллекционная эпись с перечислением вещей в каждом погребении.

Погребальный инвентарь состоит из стеклянных бус от ожерелья, многочисленных простых, пластинчатых сольгам с несомкнутыми концами, из наконечников и назадников. Из других вещей были многочисленные железные ножи, железные кресала, топоры, скобы для топоров, редко наконечники стрел. В Б. Ошкарском могильнике сбоку при погребениях были кожаные кошельки, в которых лежали медные

²⁰⁷ Галкин И. С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. Научная сессия по этногенезу..., с. 8.

²⁰⁸ Смирнов И. Н. Черемисы, с. 6—10

²⁰⁹ Алексеев В. П. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа. Труды МарНИИ, вып. XIX, Йошкар-Ола, 1964, с. 239, 241.

²¹⁰ Там же, с. 254

²¹¹ Архипов Г. А. Древнемарицкий женский костюм IX—XI вв. (Опыт реконструкции по материалам Веселовского могильника). Труды МарНИИ, вып. XVI, Йошкар-Ола, 1961, с. 127—138. См. также «Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)», с. 49, рис. 5.

²¹² Гос. Эрмитаж. ОИПК, колл. 2344 (№№ 1—181).

²¹³ Гос. Эрмитаж. ОИПК, колл. 2345 (№№ 1—69).

монеты. Здесь же были найдены остатки шерстяного пояса буро-красного цвета, к нему были привешены на трех шерстяных шнурах полусферовидные полые медные подвески, на шнуры насаживались трубочки из свернутых медных пластин. В нескольких случаях были медные котлы.

Интересно наличие железного ножа в деревянных ножнах, обтянутых медными провололочными кольцами. Ножны висели на цепочке из тонких медных колечек. Цепочка была прикреплена, по-видимому, к медной бляхе на поясе (погребение № 25 Тоншаевского могильника). Этот нож очень близок к ножам из древнемарийских могильников. В погребении I Тоншаевского могильника у ступни левой ноги погребенного лежало 10 железных наконечников стрел.

В 1926 г. Средневожская экспедиция раскопала 18 могил у с. Токари близ д. Кукшелида на р. Сундырке Горномарийского района²¹⁴. Могилы ориентированы на Север, Северо-Запад и Юго-Восток. Инвентарь состоит из серег в виде знака вопроса, сьюльгам, браслетов, ушине (накосники), топоров, ножей, огнив, наконечников стрел. В погребении 18 был найден медный клепанный котел. Могильник датируется монетами XVI—XVII вв.

Подобный же инвентарь был и в Кадышевском кладбище XIV—XVI вв. Здесь в 1932—33 гг. вскрыто 4 могилы. Костяки ориентированы головой на север.

В 1930 г. Е. И. Горюнова произвела раскопки на Шойбулакском и Аксаркинском кладбищах XVII—XVIII вв.²¹⁵

В последнее время Марийская археологическая экспедиция также произвела раскопки на марийских кладбищах XVI—XIII вв.²¹⁶ Это Русско-Луговской могильник XVIII в., Биляморский — середины XVII в., Тюм-Тюмский — середины XVIII в. Костяки во всех могилах ориентированы на Северо-запад. Захоронения произведены в колодах, гробах или же ямах с подстилкой из веток на дне.

При рассмотрении и сопоставлении этнографического и археологического материалов мы должны всегда иметь ввиду диалектику развития форм украшения и стиля одежды. Как справедливо указала Н. И. Гаген-Торн, «возникновение стиля одежды и украшений — это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл. В историческом процессе на него нарастают

дальнейшие напластования, часто затушевывающие первоначальный смысл или хрупкие рудименты его в силу бессознательной культурной традиции»²¹⁷. По ее мнению, украшения имеют два корня, из которых, разветвляясь и сплетаясь между собой, создаются разнообразные моды оформления одежды.

Первый корень, из которого возникли девичье-женские украшения у народов Поволжья, — это предметы непосредственно с одеждой не связанные: раковины-ужовки, бусы из стекла и камня, металл, позднее замененный монетами. Второй корень вырастает из связи с самим покроем одежды и имеет в основе утилитарное значение для оформления данного типа одежды: пряжки-фибулы, нагрудник и др.²¹⁸

В процессе исторического развития украшения первого типа (или первого корня) перерастают в декоративную вышивку, причем последние часто перенимают и смысл того или иного металлического украшения (например, изображение коней, птиц и др.).

Украшения второго типа (или второго корня) сохраняются с некоторыми изменениями очень долго.

Перейдем к сопоставлению инвентаря марийских кладбищ XIV—XVIII вв. и могильников IX—XI вв.

В Выжумском кладбище в погребении 4 были остатки шапочки из ткани, украшенной лентами из шерстяных ниток. Шапочки часто встречались в древнемарийских могильниках и украшались они налобниками, которые в данном случае заменялись лентами. Этнографические параллели в головном уборе нами рассмотрены в вышеуказанной статье («Древнемарийский женский костюм»). Здесь несколько остановимся на вышивках головных уборов марийских женщин. Т. А. Крюкова отмечает, что в наиболее ранних образцах сорок орнамент налобника в основном узоре был животным, в более поздних образцах животный орнамент переходит в геометрический²¹⁹.

В другом типе головного убора — нашмаке — преобладающим типом был сюжет «предстоящих у древа», при этом «предстоящими» являются кони, птицы, иногда даже собаки, встречаются изображения человека. Это отразилось и в терминологии орнаментации: «Имне нашмак тюр» (конский узор нашмака); «пий нашмак тюр» (в узоре нашмака — собака) и т. п. В более поздних образцах нашмака, как и в «сороках», получили распростра-

²¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 2. $\frac{1926}{242}$

²¹⁵ Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильники, с. 167—176.

²¹⁶ Отчет Марийской археологической экспедиции за 1956 г. Архив ИА, Р—1, № 1266.

²¹⁷ Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, с. 76.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Крюкова Т. А. Марийская вышивка. Л., 1951, с. 46.

нение геометрические узоры—звезды, квадраты, зигзагообразные линии, ромбы и прочее²²⁰.

По археологическим и этнографическим материалам культ коня, оленя и других животных был развит у марийцев как в X в. (различные коньковые подвески), так и в XVII—XVIII вв.²²¹.

Интересно отметить, что в украшениях женского костюма мордвы нет столь яркого изображения коней. Это же относится и к археологическим материалам X—XI вв. В отличие от марийцев, в мордовских могильниках коньковые шумящие подвески очень редки. Но головной убор марийцев XVII—XIX вв. в целом имеет много общего с головным убором мордвы, особенно эрзи.

Наиболее часто в поздних могилах встречаются застежки сюльгамы из меди и серебра. Сюльгамы овальные, пластинчатые или круглые в сечении, с орнаментом по кольцу в виде зигзагов. Концы не сомкнуты и завернуты. Игла свободно передвигается по кольцу (рис. 95). Как видно из описания, сюльгама у марийцев сохранилась в наиболее архаичной форме, в то время как у мордвы (и эрзя и мокша) они сильно усложнены. Причем развитие их у эрзи и мокши шло двумя разными путями: эрзянская сюльгама пристегивается к рубашке всегда так, что сходящиеся концы располагаются вверх, а к нижней стороне кольца прикрепляются ромбические привески; мокшанская же сюльгама пристегивается концами вниз. Сами концы имеют вид лопастей, к которым дополнительно прикрепляются украшения²²². Как отмечает Н. И. Гаген-Торн, рудимент мокшанской сюльгамы бытует у горных марийцев и у чуваш на нагрудном украшении замужних женщин²²³.

Большинство же марийских сюльгам близко к эрзянским и нередко в марийских могильниках они также застегивались концами кверху. Здесь же отметим, что у эрзя и в этнографическом материале известны простые сюльгамы²²⁴.

Кроме простых застежек-сюльгам в марийском этнографическом материале встречаются и более сложные застежки, получившие название «ширкама», «почкама». «Ширкама» встречалась при раскопках Аксаркинского кладбища²²⁵. У марийцев Свердловской области и Башкирии сохранились наиболее древние ти-

пы застежек — ажурные сюльгамы с лопастями, типа застежек, найденных в Младшем Ахмыловском могильнике (V—VII вв.) — рис. 96.

Нагрудное украшение типа марийского «ширкама» встречается и у чуваш под названием «шулкема» (сравн. «ширкама» марийское и «сюльгам» мордовское). Оно характерно для чуваш вирьял и анат-енчи Ядринского и Чебоксарского уездов²²⁶.

Марийские «ширкама» наблюдал и описал Г. Ф. Миллер.²²⁷

Как уже было отмечено, многие металлические украшения древнемарийского костюма не встречаются в позднем этнографическом материале, большинство их заменено вышивкой. Это особенно касается нагрудных украшений. Т. А. Крюкова пишет: «Элементы животного орнамента чаще всего встречаются в виде повторяющихся, расположенных в ряд, в одну сторону конских голов, нередко сильно стилизованных, которые идут по краю вышивки (на груди, спине, подоле и на рукаве)... Те же головы, но расположенные по бокам дерева, встречаются часто. Иногда их заменяют фигуры животных, отдаленно напоминающие вздыбленных коней перед деревом. Довольно частыми сюжетами являются какие-то фантастические птицы с распростертыми крыльями и не менее фантастические многорукие фигуры и пр.»²²⁸.

Об изображении коней на начельше мы уже говорили. Отметим поразительное сходство в изображении коней головами в одну сторону на позднейших вышивках и на нагрудных украшениях из Младшего Ахмыловского²²⁹, Азелинского²³⁰ могильников и находок на Айше²³¹, в так называемом Пимском кладе (у с. Безводное)²³² и в г. Уржуме²³³ Кировской области. На этих литых бронзовых подвесках также изображены кони, идущие друг за дру-

²²⁰ Гаген-Торн Н. Указ. соч., с. 97. Здесь мы не будем подробно и во всех случаях приводить аналогии с чувашским этнографическим материалом, так как этому вопросу посвящена статья К. И. Козловой «Об этнических связях чувашей и марийцев» (Вестник МГУ, истор.-фил. л. серия, 1958, № 4).

²²¹ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, с. 18.

²²² Крюкова Т. А. Марийская вышивка, с. 22—23.

²²³ Отчет Марийской АЭ за 1962 г. (погр. 91) Архив ИА, Р—1, № 2466.

²²⁴ Геннинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв., табл. XII, XV; рис. 19, 23.

²²⁵ Kollektion Zaoussailov, II, Helsinki, 1918, с. 13.

²²⁶ Гос. Эрмитаж, колл. 532/1-44. Antiquites du Nord Finno-Ougren, вып. II Helsinki, 1877.

²²⁷ Арбузова Н. Н., Стростич Н. Н. Указ. соч., табл. 1—3.

²²⁰ Крюкова Т. А. Указ. соч., с. 52.

²²¹ Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье, с. 251—279.

²²² Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья, с. 83.

²²³ Там же, с. 83.

²²⁴ Там же, с. 30, рис. 30.

²²⁵ Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильники, рис. 11.

гом. Эти вещи характерны для памятников азелинского типа (середины I тыс. н. э.).

Как в археологических комплексах IX—XI вв., в этнографическом материале марийцев, удмуртов и коми довольно часто встречаются изображения коней. Например, В. Н. Белицер пишет:

«Изображение коня получило широкое распространение в искусстве удмуртов. Стилизованное изображение конских головок встречается на старинных женских нагрудниках кабаки...»²³⁴ Она же отмечает подобные орнаменты и у народа коми²³⁵.

В поздних марийских кладбищах нередко находки пластинчатых браслетов с орнаментом. В I главе мы отметили, что браслеты были широко распространены у марийцев в IX—XI вв. Однако, из многих типов браслетов сохранились лишь пластинчатые. Это объясняется тем, что пластинчатые браслеты были хронологически и территориально распространены широко, в то время как многогранные браслеты, наиболее характерные для древних марийцев, бытовали лишь в IX—XI вв., позднее они повсюду исчезли. Типы орнаментов пластинчатых браслетов из поздних могильников представлены на рис. 97.

Характерные для древних марийцев шитковые перстни бытовали и в XVI—XVIII вв. Перстни у марийцев сохранились вплоть до XX в.

Укажем на украшения пояса, как на один из характернейших видов украшения костюма древних марийцев и мордвы. Причем и в этом случае марийские поясные украшения сближаются с эрзянским «пулаем». На прикрепленные к поясу кисти из шерсти одеваются медные трубочки. Скрепленные вместе ряды кистей с трубочками образуют назадник («пулай»)

Обычай привешивать к поясу различные предметы также восходит к IX—XI вв., и даже к середине I тыс. н. э.

Неотъемлемой частью древнемарийского костюма является кафтан. Он был меховой. Повсеместное распространение кафтана («шовыр») у марийцев в XIX в. отмечают и этнографы, причем кафтаны в разных районах были различные. Богатую орнаментировку сохранили кафтаны ветлужских марийцев. И здесь значительное место отведено мотивам зооморфным²³⁶.

²³⁴ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. Труды ИЭ, новая серия, т. X, 1951, с. 124.

²³⁵ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX начала XX в. Труды ИЭ, новая серия, т. XLV, М., 1958, с. 338.

²³⁶ Крюкова Т. А. Марийская вышивка, с. 40—41.

Некоторые древние мотивы украшений перешли в декоративное искусство марийцев. По данным этнографической экспедиции МарНИИ, проводимых в последние годы под руководством Г. А. Сепеева²³⁷, в оформлении оконных наличников, ворот, крыш домов встречаются изображения коней и птиц. Например, кони изображены на наличнике в д. Ташнур Звениговского района Марийской АССР. Причем они очень похожи на двуголовые коньковые шумящие подвески X в. из древнемарийских могильников (рис. 28). В д. Кузнецы Новоторъяльского района Марийской АССР на крыше дома также есть изображение коня. Наконец, очень выразительны изображения коней на воротах дома в д. Полянка Горномарийского района. Здесь они расположены группами по два и смотрят в разные стороны. Ворота поставлены в 60-х гг. XX в. В д. Ташнур Звениговского района на воротах поставлено скульптурное изображение гуся.

В оформлении современных наличников окон и ворот марийцев много солярных мотивов, различных геометрических фигур и веревочных узоров, восходящих по форме и характеру к древним традициям. Изображения птиц, коней часто встречаются и на бытовых вещах (ковши, черпаки, ложки и т. д.)²³⁸.

Многие древние формы у марийцев сохранились и в бытовых вещах. Так, кресала овальные, скобели, ложкари, кочедыки древних форм известны как в археологических памятниках XIV—XV вв. (Снухинское, Мало Сундырьское городища)²³⁹, так и в этнографическом материале XIX в.²⁴⁰

Приводимые археологические и этнографические параллели свидетельствуют о преемственности материальной культуры марийцев IX—XI вв. и XVI—XVIII вв. вплоть до XX в.

²³⁷ Все материалы из этнографической экспедиции МарНИИ 1966 г. хранятся в виде фотографии у исследователя, научного сотрудника МарНИИ, руководителя экспедиции Сепеева Г. А. Приношу ему благодарность за ознакомление и разрешение сослаться на эти материалы.

²³⁸ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в., с. 61, 62, рис. 38, 39; с. 115, рис. 7. Много подобных вещей в собраниях Марийского республиканского и Козьмодемьянского районного краеведческого музеев.

²³⁹ См. Отчет Мар. АЭ за 1958 г. Архив ИА, Р—1 № 1874, 1874 а.

²⁴⁰ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в., с. 60, рис. 37; с. 66, рис. 40.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ставя основной задачей своей работы выявление некоторых сторон этногенеза марийцев, необходимо было в первую очередь прояснить типологию погребального инвентаря с привлечением аналогии с широкой территории с целью установления типов вещей, характерных для могильников Ветлужско-Вятского междуречья. Эта источниковедческая работа была необходима для выявления комплекса вещей, характерного для могильников Междуречья. Без этой работы трудно было бы прийти к какому-либо выводу относительно этнической принадлежности могильников Междуречья и их значения в изучении этногенеза мари. Привлечение этнографического материала и данных раскопок марийских кладбищ XVI—XVIII вв. дало возможность установить этническую принадлежность могильников IX—XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. При этом в основу сопоставления были положены женские украшения в их развитии. В результате они были определены нами как марийские. Выявлены особенности топографии этих памятников, погребального обряда марийцев рассматриваемого времени и выделены восемь типов украшений, характерных в основном (или только) для марийцев. К ним относятся головные уборы, височные, ушные, шейные, нагрудные украшения, украшения рук и обуви. Картографирование некоторых категорий украшений позволило выделить их ареалы.

Хозяйство марийцев IX—XI вв. реконструируется как комплексное, предполагавшее занятие земледелием, металлургией, ремеслом, охотой и другими видами производства.

Несколько сложнее восстановить характер общественных отношений. Однако можно предположить, что IX—XI вв.—это период, когда марийцы, как и другие финно-угорские народы Поволжья, стояли на пороге классового общества. Это был период появления и развития территориальных общин, состоящих из больших патриархальных семей. Основное население жило на открытых поселках, городища же являлись центром производства и временным убежищем.

Анализируя материалы могильников V—VII вв., мы пришли к выводу, что возникновению и развитию территориальных общин у марийцев в IX—XI вв. предшествовал период, когда общество марийцев стояло близко к военной демократии. Однако конкретную форму организации общества как в V—VII, так и в IX—XI вв. нам не удалось определить, так как мы не располагаем для этого достаточным материалом. Это одна из проблем в раннесредневековой истории марийцев, требующих дальнейшего специального изучения. Наши же выводы, высказанные лишь в предположительном плане по этому вопросу, не могут считаться окончательными. Попутно отметим, что методика реконструкции общественного строя по археологическим материалам еще недостаточно разработана как теоретически, так и в плане анализа археологического материала.

Изучение конкретного материала с привлечением широкого круга аналогии позволило нам прийти к выводу о двух основных центрах, с которыми марийцы в IX—XI вв. имели не только культурные, но и этнические связи в предшествующее время.

Древнемарийская культура, как нам представляется по археологическим материалам, сформировалась не на одной основе: основными компонентами явились племена-носители культур Прикамья и Волго-Окского районов.

Единая древнемарийская культура IX—XI вв. сложилась в I тыс. н. э. и особенно важным периодом в этом процессе была середина тысячелетия. Такие памятники, как Мл. Ахмыловский и Шор-Унжинский (V—VII вв.), Мари-Луговский (IV—V вв.) могильники, погребения V—VI вв. на «Чортовом городище» и Кубашевское городище (IV—VI вв.) свидетельствуют, что погребальный обряд и основные черты материальной культуры марийцев IX—XI вв. сложились в середине I тыс. н. э.

Комплекс наиболее изученного Мл. Ахмыловского могильника совершенно определенно делится на две группы: 1) вещи, аналогичные вещам могильников среднего и нижнего течения р. Оки и бассейна рек Цны и Мокши; 2) вещи, находящие ближайшие аналогии в

могильниках азелинского типа. К первой группе относятся головной жгут и подвески к ним, височные и нагрудные украшения, гривны, сюльгамы и др.

В первой половине и середине I тыс. н. э. в правобережье Волги жили племена городецкой культуры, однако ряд памятников дает смешанный городецко-пьяноборский комплекс, объясняемый инфильтрацией прикамских племен.

В настоящее время можно считать доказанной связь рязанско-окских могильников с местным финно-угорским населением, выросшим на местной основе (А. Л. Монгайт, А. П. Смирнов).

Исследователями установлено, что городецкие племена в начале I тыс. н. э. проникли в левобережье Волги (А. П. Смирнов, А. Х. Халиков).

Городецкие племена в левобережье Волги встретились с азелинскими племенами и вошли в контакт с ними. Часть племен городецкой культуры явилась одним из компонентов в формировании древних марийцев.

В Мл. Ахмыловском могильнике есть группа вещей азелинского типа. Количественно по сравнению с вещами городецкого типа их меньше, но они очень выразительны. На этом основании мы пришли к выводу, что азелинские племена, явились вторым компонентом в формировании древнемарийской народности.

Таким образом, V—VII вв. являются тем периодом, когда возникла древнемарийская культура из сплава городецкой и азелинской культур, это тот период, когда начинает вырастать своеобразная культура IX—XI вв., являющаяся завершением определенного этапа формирования марийского народа. И культура марийцев IX—XI вв. на всей территории Ветлужско-Вятского междуречья, несмотря на некоторые различия в отдельных районах, — единая.

Картографирование памятников городецкого и азелинского типов показывает, что в бассейне Б. и М. Кокшаги находится территория контакта этих племен. Ареал древнемарийских памятников перекрывает ареалы городецких и азелинских памятников левобережья Волги.

Территория расселения городецких племен в левобережье Волги совпадает с территорией расселения современных горных марийцев и распространения горного диалекта. Можно признать, что городецкая культура явилась основой формирования горных марийцев и во времени они начали формироваться в правобережье Волги несколько раньше, в первые века н. э., чем луговые в левобережье. Первоначальное название «цармис» письменных источников, по-видимому, относилось только к горным марийцам. Формирование же луговых марийцев произошло в результате взаимоассимиляции городецких и азелинских племен. Последние и вызвали появление некоторых черт отличия луговых от горных марийцев. В связи с этим, название «цармис» («черемис») распространилось и на луговых марийцев.

Предложенная схема формирования марийской материальной культуры и этноса подтверждается и выводами исследователей других специальностей (языковедов, антропологов). Б. А. Серебренников отметил промежуточный характер марийского языка. В древности марийский язык был более близок к мордовскому и ядро марийского языка сформировалось в прибрежной зоне Волги. Контакты с племенами пермской языковой группы марийцы имели позже, когда они расселились на северо-восток. Этому же мнению и другой языковед — И. С. Галкин, проанализировавший топонимику Марийской АССР.

По В. П. Алексею, марийцы отличаются от классических вариантов уральского типа значительно более четкой выраженностью европеоидных черт.

В нашей работе не могли найти отражение все стороны сложной этнической истории марийцев, тем более не мог быть отражен этногенетический процесс во всех его аспектах. Задачей нашей работы явилась попытка проследить процесс этногенеза в сравнительно небольшой отрезок времени, попытка выявить основу формирования марийцев. Анализ конкретного материала привел нас к выводу, что основную роль в происхождении марийцев сыграли интеграция и ассимиляция в основном двух племенных групп. В теоретическом плане такая постановка вопроса считалась до недавнего времени антинаучной. Как отметил П. Н. Третьяков, «мысль, что из двух или нескольких культур может развиваться единая культура, воспринимается как проявление «марризма»²⁴¹. И далее он отмечает, что «процессы интеграции и ассимиляции (неполной и полной), особенно характерные для времени распада первобытного строя и образования классового общества, остаются почти не исследованными на основании археологических материалов»²⁴². Свою работу, основанную на анализе археологического материала, мы считаем попыткой решения вопроса этногенеза марийского народа именно в этом плане.

²⁴¹ Третьяков П. Н. Этногенетический процесс и археология, СА, 1962, № 4, с. 13.

²⁴² Там же, с. 13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВИ — Вопросы истории. Журнал.
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ГМТР — Государственный музей Татарской республики. Казань.
ГОМ — Горьковский областной музей. Горький.
Древности — Древности. Труды императорского Московского археологического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Сборник. СПб.
ИАК — Известия Государственной Российской Археологической комиссии.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете им. В. И. Ульянова-Ленина.
КИЯЛИ АН СССР — Казанский институт языка, литературы и истории Академии наук СССР.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.-Л.
КСИИМК АН СССР — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.-Л.
КФ АН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР.
ЛО ИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
ЛО ИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАНР — Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные императорским Московским Археологическим обществом.
МАР — Материалы по археологии России, изданные Археологической комиссией.
МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР. Ленинград.
МарАЭ — Марийская археологическая экспедиция.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МордНИИ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.
МЭ — Материалы по этнографии, издаваемые Музеем антропологии и этнографии Академии наук СССР.
ОАК — Отчет императорской Археологической комиссии.
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Ленинград.
ПГУ — Пермский Государственный университет им. М. Горького. Пермь.
ГИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Журнал.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданное Археологической комиссией.
СА — Советская археология. Сборник. С 1957 г., журнал.
САИ — Свод археологических источников, издаваемый Институтом археологии Академии наук СССР.
СГПИ — Саратовский Государственный педагогический институт.
СГУ — Саратовский Государственный университет.
СЭ — Советская этнография. Журнал.
УРКМ — Удмуртский республиканский краеведческий музей. Ижевск.
Уч. зап — Ученые записки.
ЧувНИИ — Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Рис. 1. Схема физико-географических районов Ветлужско-Вятского междуречья.

Рис. 2. Карта археологических памятников. 1 — Сергачский I; 2 — Сергачский II; 3 — Мало-Яушское; 4 — Костюмерское; 5 — Усра; 6 — Хула Сирми; 7 — Досаево; 8 — Яндашевский; 9 — Таутовский; 10 — Тури-Выла; 11 — Тиханкинское I; 12 — Русские Атаи; 13 — Тиханкинское II; 14 — Таганашское II; 15 — Таганашское I; 16 — Калугинское; 17 — Сареевское; 18 — Адобайское; 19 — Пичке-Сорче; 20 — Засурье; 21 — Ножа-вар; 22 — Ивановское; 23 — Ивановский; 24 — Арату; 25 — Чебаковское; 26 — Хула-вар; 27 — Мурса-касы; 28 — Красноселищенское; 29 — Аненское; 30 — Васильсурское I; 31 — Васильсурское II; 32 — Хмелевское; 33 — Барковское; 34 — Березовское; 35 — Емангашское; 36 — Пайгусовское; 37 — Красногорское; 38 — Снухинское; 39 — Удельно-Шумское; 40 — Юринское; 41 — Сутырское; 42 — Мл Ахмыловский; 43 — Ахмыловское I; 44 — Ахмыловское II; 45 — Отарское II; 46 — Дубовский; 47 — Уржумкинское; 48 — Иванова Гора; 49 — Иванова Гора; 50 — Акозинский; 51 — Писеральские; 52 — Юльясское; 53 — Юльясские; 54 — Малахай; 55 — Каршлык; 56 — Чебоксарское; 57 — Уржумский; 58 — Шоркинское; 59 — Чурачинский; 60 — Вурмары; 61 — Яндашевское; 62 — Новинское; 63 — Мар. Посад; 64 — Чортово; 65 — Криушинское; 66 — Мари-Луговское; 67 — Нур-шари; 68 — Выжумский; 69 — Кангаурово; 70 — Богородское; 71 — Осетровское; 72 — Шилихинское; 73 — Чортово городище; 74 — Чортово городище; 75 — Ефанихинский; 76 — Спасское; 77 — Веселовский; 78 — Черемисское кл.; 79 — Юмский; 80 — Сарапульское; 81 — Цекеевское; 82 — Устинские; 83 — Квбашевское; 84 — Рейчваж; 85 — Юшкское; 86 — Старосельское; 87 — Ернурское; 88 — Чумбари; 89 — Шор-Унжинский; 90 — Кузнецовское; 91 — Режежское; 92 — Кичминские; 93 — Безводнинское; 94 — Еманаевское; 95 — Ижевское; 96 — Кочергинский; 97 — Бурыгинское; 98 — Буйское; 99 — Суворовский; 100 — Чапаевское; 101 — Лялькинские; 102 — Шевнинское; 103 — Берсенихинское; 104 — Лопьяльский; 105 — Сабвьяльское; 106 — Красный ключ; 107 — Шурминские; 108 — Тюм-Тюмский; 109 — Сущевский; 110 — Хлюпинский; 111 — Воробьевский; 112 — Куп-Бияморское; 113 — Азелинский; 114 — Атамановы Кости; 115 — Атамановы кости; 116 — Малмыжские; 117 — Кяржуклинское; 118 — Ново-Бурешское; 119 — Ковчли; 120 — Колхозовские; 121 — Кибачи; 122 — Тарасова пристань; 123 — Черепашье; 124 — Урахча; 125 — Масловский; 126 — Шуран; 127 — Именьковское; 128 — Ташкирменские; 129 — Сюкеевский; 130 — Казанский (Ст завод); 131 — Борисковский; 132 — Казанское; 133 — Соловцовское; 134 — Айшинский; 135 — Верх. Верески; 136 — Алиязское

Примечание. Карта археологических памятников составлена по плану Архипова Г. А. Уотиков А. Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР Ишжар-Ош 1960 (Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Гордечная культура САИ, Д.—1—14 1955 Ленинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. в ВАУ вып 5 Свердловск—Ижевск, 1963)

Рис. 3. Общий вид Веселовского могильника.

Рис. 4. План раскопа на Веселовском могильнике

Рис. 5. План раскопов на Дубовском могильнике

Рис. 6. План расположения погребений в I раскопе Дубовского могильника

Рис. 7. План расположения погребений во II раскопе Дубовского могильника

Рис. 8. План раскопов на «Черемисском кладбище»

Рис. 9. Планы погребений 1 — п.25В; 2 — п.3Д; 3 — п.30Д; 4 — п.1Р

¹ В пояснениях к иллюстрациям приняты следующие сокращения: В — Веселовский могильник; Выж — Выжумский могильник; Д — Дубовский могильник; К — Кочергинский могильник; Р — Руткинский могильник; Ч.кл. — «Черемисское кладбище»; Юм — Юмский могильник; Римскими цифрами обозначены погребения «Черемисского кладбища» раскопок 1908 г.

- Рис. 10.* Планы погребений: 1 — п.12В; 2 — п.6В; 3 — п.12—13Д.
- Рис. 11.* Диаграмма ориентировок на могильниках: 1 — Дубовский; 2 — Веселовский; 3 — «Черемисское кладбище»; 4 — Юмский; 5 — Кочергинский.
- Рис. 12.* Планы погребений: 1 — п.23В; 2 — п.24В; 3 — п.6Юм.
- Рис. 13.* Планы погребений: 1 — п.VII и I по В. И. Каменскому. 2 — п.30В; 3 — п.27Д; 4 — кремационная яма (Юм).
- Рис. 14.* Кенотаф. П.20В.
- Рис. 15.* Украшения головы. 1,2—цепочки; 3—7—привески к цепочке; 8—пронизка; 9 — основа венчика; 10 — реконструкция.
- Рис. 16.* Височные кольца. 1 — п.8В; 2 — п.16В; 3 — п.12В; 4 — п.5В; 5 — п.8Д; 6 — п.VI, 7—8—п.1В; 9—п.3 Ч.кл.
- Рис. 17.* Серьги. 1 — п.2Юм; 2 — п.XIV; 3 — п.3Д; 4 — п.VI; 5 — п.III; 6,8—п.9Д; 7 — п.15Д; 9 — п.7Д; 10 — п.19Д; 11 — п. 18Д; 12 — п.23Д; 13 — п.27Д; 14 — п.XV—XVI; 15 — п.8В; 16 — п.7В; 17 — п.5Юм; 18 — п.16В; 19 — п.4В; 20 — п.7Юм; 21 — п.5 Ч. кл. 22—Юм, 1891; 23—п.24Д.
- Рис. 18.* Гривны. 1 — п.14Д; 2 — п.7Юм; 3, 4 — знаки на головках серебряных гривен из разных погребений; 5 — п. 15В; 6 — п.25В; 7 — п.22В; 8 — п.5 Ч. кл.
- Рис. 19.* Гривны. 1 — п.30Д; 2 — п.17Д; 3 — п.2Р; 4 — 1929В.
- Рис. 20.* Элементы ожерелья. 1 — п.10Д; 2 — Юм. ГИМ 97/146; № 207; 3 — п.23В; 4 — п.30В; 5, 6 — п.26В; 7 — п.VI; 8 — Ч. кл., случ. нах.; 9 — п.27В; 10 — п.4Д.
- Рис. 21.* Бусы. 1—4 — п.14Д; 5 — п.8,17 — п. IX—X Ч. кл.; 9—11 — п.1Р; 12—14 — п.2Р; 15, 16, 19—п.26В; 17—п.8В; 18—п.10В; 20—п.16Д; 21—Лопъял; 22, 23 — п.VI; 24 — п.9Д.
- Рис. 22.* Нагрудные украшения. 1—п.12В; 2—п.13В; 3—п.6В; 4—Юм 1891; 5—п.1 Ч. кл.; 6—п.29В; 7—п.26В; 8—Вес. 1929; 9—Лопъял.
- Рис. 23.* Нагрудные украшения. 1 — п.20В; 2 — п.17В; 3, 4 — п.5В; 5 — п.14—15В; 6—Борисково; 7, 8—п.4В; 9—Вес. 1929; 10—п.26В; 11, 17 — п.8Юм; 12—п.XIII; 13 — п.1В; 14, 20 — п.VI; 15 — Юм, ГИМ; 16 — п.3В; 18 — п.29В; 19 — п.10В.
- Рис. 24.* Фибулы. 1—п.5В; 2—Вес. 1929; 3—п.16В; 4—п.13В; 5—п.25В; 6—п.20В.
- Рис. 25.* Украшения нагрудного набора. 1 — скоба на поясе, п.5Юм; 2 — Вес., случ. нах.; 3 — Ч. кл., 1908, случ. нах.; 4—Вес., уч-к Б/6; 5—п.7Юм; 6, 7—6Юм.
- Рис. 26.* Уточки и коньки. 1, 13 — п.29В; 2, 9 — п.17В; 3, 4 — п.10В; 5 — п.11Д; 6, 7 — п.7 Ч. кл.; 8 — п.6В; 10, 11, — п.13 Ч. кл.; 12 — п.3 Ч. кл.; 14 — Вес. 1929.
- Рис. 27.* Украшения нагрудника. Юмский могильник.
- Рис. 28.* Коньковые подвески. 1 — п.XI Ч. кл.; 2 — п.18В; 3 — п.3В; 4 — Вес, 1929 г; 5, 6—б Каз. губ.
- Рис. 29.* Привески к шумящим украшениям. 1) Конические: 1—п.I Ч. кл.; 2, 11, 13 — Юм, 1891; 3, 9 — п.16В; 4 — 11Д; 5 — 16 Ч. кл.; 6 — 17В; 7 — VIII; 8—3 Ч. кл.; 10 — п.12 Ч. кл.; 12 — п.10В; 14 — п.4В; 15 — п.1В; 2) Бутылчатые: 16, 19 — п.11Д; 17, 18, 23, 25—п.7 Ч. кл.; 20—Юм, 1891; п.21 — п.17В; п.22 — Борисково; 24, 31 — п.VIII; 26 — п.18Д; 27, 30 — п.16В; 28 — п.14Д; 29 — п.18В; 32 — п.15В; 3) Бубенчики: 33 — Лопъял; 34 — п.4 Ч. кл.; 35 — п.7 Ч. кл.; 36 — п.3В; 37 — п.XII; 38—Вес., уч-к Я-6; 39, 40—п.4В; 41—п.IX—X Ч. кл.; 42—п.26В; 43—п.XII, Ч. кл.; 44—п.5К.
- Рис. 30.* Ромбические привески и цепочки (звенья).
- Рис. 31.* Браслеты, орнаменты концов.
- Рис. 32.* Браслеты.
- Рис. 33.* Браслеты.
- Рис. 34.* Браслеты.
- Рис. 35.* Браслеты.
- Рис. 36.* Браслеты. 1 — Лопъял, 1897; 2 — Лопъял, 1904; 3, 6 — п.14Д; 4 — п.10Д; 5 — п.9Д; 7, 8 — п.22В; 9 — Вес., 1929; 10 — п.11Д; 11 — п.18Д; 7, 8 — серебро; 11 — жел.; остальные — бронза.
- Рис. 37.* Перстни. I, II — п.16В; 2 — п.3 Ч. кл.; 3 — п.11Д; 4, 5, 6 — п.26В; 7 — п.18Д; 8 — п.16В; 9, 10, 12 — п.10В; 13 — разные погребения.
- Рис. 38.* Пояс (ремень). Юмский мог.

Рис. 39 Реконструкция пояса. Юмский мог.

Рис. 40 Поясные наборы. 1 — п.24В; 2 — п.26В; 3 — п.5Юм; 4 — Юм, 1891; 5, 6, 7 — п.14В; 8 — п.8В; 9, 10 — п.5В; 11 — Ч. кл.; 12 — п.2Р.

Рис. 41. Поясные пряжки. 1 — п.2Юм; 2 — п.12В; 3 — п.111; 4 — п.7Юм; 5, 6 — п.5В; 7 — п.3Д; 8, 9 — п.12Д; 10 — п.13В; 11 — п.9В; 12, 23 — п.4Д; 13, 25 — п.ХIV; 14 — Д, случ. нах.; 15 — п.4Юм; 16 — п.16В; 17 — п.2В; 18 — п.23В; 19, 20 — п.4В; 21 — п.2Д; 22 — п.10 Ч. кл.; 24 — п.ХIII; 26 — п.6Юм; 37 — п.1 Ч. кл.

Рис. 42. Пряжки и накладки. 1 — п.3В; 2, 5 — Юм, ГИМ; 3 — п.ХII; 4 — п.5 Ч. кл.; 6, 7, 21, 22 — п.7Юм; 8, 12, 27 — п.12В; 9 — п.5В; 10, 13 — п.ХV—ХVI; 11 — п.11В; 14 — п.2Юм; 15 — п.9В; 16 — п.ХIV; 17 — п.3Д; 18, 32 — п.4Юм; 19 — п.2Д; 19а, 25 — п.16В; 20 — п.7Д; 23 — Вес., 1929; 24 — у п.2В; 26 — п.24В; 28 — Ч. кл. 1908; 29 — п. 13В; 30, 31 — п.1Х—Х.

Рис. 43. Поясные накладки. 1, 67, 79 — п.11В; 2, 19 — п.4Д; 3, 4, 20 — п.3Д; 5 — п.25Д; 6, 11, 12, 46, 47, 50, 51, 80 — п.ХV—ХVI; 7, 18, 38, 39, 70, 71 — Вес. 1929; 8, 10, 28, 35 — п.1Х—Х; 9 — п.ХII; 13 — п.10В; 14, 27 — п.8Д; 15 — Ч. кл. уч-к Б/5; 16, 17 — п.6В; 21 — п.21В; 22 — п.20В; 23 — п.1Д; 24, 25, 26 — п.24Д; 29, 65, 66 — п.111; 30, 32 — Юм, ГИМ; 33, 45 — Ч. кл., случ. нах.; 34, 36, 53—55 — п.ХIV; 40 — п.24В; 41 — п.16В; 42, 56, 64, 74, 77 — п.12В; 43, 48 — п.7Юм; 44 — п.9В; 49 — п.1V; 52, 58 — п.3Ч. кл.; 57, 73 — п.12Д; 59, 62 — у п. 2В; 60 — п.16Д; 61 — п.7Д; 63, 78 — п.4Юм; 68, 76 — п.2Юм; 69 — п.1Р; 72, 75 — п.13В.

Рис. 44. Кошельки (п.2Юм; п.4 Юм.)

Рис. 45. Кошельки (п. 14В; п.13В).

Рис. 46. Кошелек (п.15В).

Рис. 47. Кошелек (п.5В).

Рис. 48. Кошелек (п.5В).

Рис. 49. Серебряная бляха на крышке кошелька (п.19В).

Рис. 50. Обувь, реконструкция. 1 — п.4Юм; 2 — п.20В;

Рис. 51. Обувные украшения. 1, 9 — п.1 Ч. кл.; 2, 6 — п.12В; 3, 9 — п.ХI Ч. кл.; 4, 12 — п.4Юм; 5 — п.13 Ч. кл.; 7 — п.1Х—Х; 8 — Юм; 1891; 10 — п.ХIII; 11 — п.5Юм.; 13 — Юм; 1957, случ. нах.; 14, 20 — п.4Д; 15, 16 — п.7Юм; 17 — п.3 Ч. кл.; 18 — п.5 Ч. кл.; 21 — п.7Юм; 22 — Лопьял, ГИМ, 97/13а, № 16, 17.

Рис. 52. Обувные украшения. 1 — п.4В; 2, 3 — п.4В; 4, 11 — п.27В; 5 — Юм, ГИМ; 6, 7, 13, 14 — п.13 Ч. кл.; 8 — п.22В; 9 — п.21В; 10 — п.17В; 12 — п.9В; 15 — п. 1 Ч. кл.; 16 — п.ХIII; 17 — п.4Юм.

Рис. 53. Втульчатые топоры. 1 — п.4Д; 2 — п.30В; 3 — п.1 Выж.; 4 — Д, под. мат.

Рис. 54. Проушные топоры. 1 — п.7Юм; 2 — п.25Д; 3 — п.1 Выж.; 4 — Д, под. мат.

Рис. 55. Проушные топоры. 1 — Выж.; уч-к Б/2; 2 — п.15Д; 3 — п.12В.

Рис. 56. Топоры. 1 — п.30В; 2 — Р, случ. нах.; 3 — п.VI; 4 — Ч. кл., 1908, случ. нах.; 5 — п.2В; 6 — п.13В.

Рис. 57. Топоры. 1 — п.16В; 2 — п.15В; 3 — п.3Д; 4 — п.5В.

Рис. 58. Топоры. 1 — п.ХIII; 2 — п.4Юм; 3 — п.5Юм; 4 — Вес., 1929; 5 — п.18Д; 6 — п.ХII; 7 — п.4Д.

Рис. 59. Ножи. 1 — п.2Юм; 2 — п.4В; 3 — п.6 Ч. кл.; 4 — п.12В; 5 — п.ХIII; 6 — п.11В; 7 — п.3 Ч. кл.

Рис. 60. Ножны. 1 — п.5В; 2 — п.2Юм.

Рис. 61. Орудия труда и бытовые предметы. 1 — п.2Юм; 2, 7 — п.5Юм; 3, 4 — п.21В; 5 — п.30В; 6 — Вес., уч-к Б/6; 8 — п.7Юм; 9 — п. ХV—ХVI; 3 — камень, 4 — глина.

Рис. 62. Формы для литья и бытовые предметы. 1 — п.ХV—ХVI; 2 — п.2Р; 3 — п.6В; 4 — п.16В; 5 — п.VI; 6 — п.7Юм; 7 — п.ХV—ХVI; 8 — п.1Х—Х; 9, 10 — п.6В.

Рис. 63. Льячки и тусок. 1 — п.ХV—ХVI; 2 — п.VI; 3, 4 — п.9Юм; 5 — п.20В.

Рис. 64. Рыболовные крючки, шилья. 1, 2 — п.1В; 3 — п.11В; 4 — п.10В; 5 — п.13В.

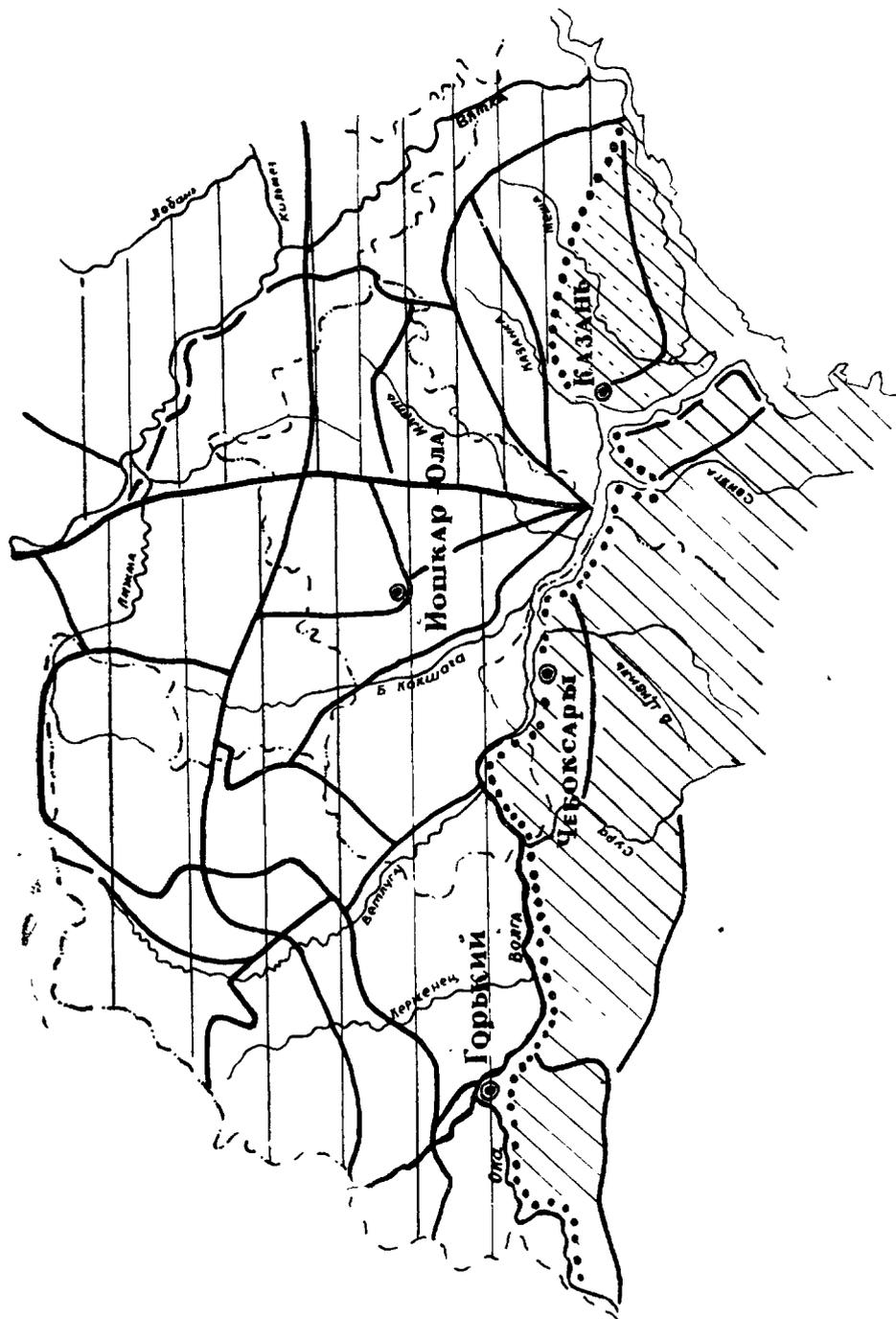
Рис. 65. Наконечники копий. 1 — п.V; 2 — Юм. уч-к в/5; 3 — Д, под. мат; 4 — п.1.

Рис. 66. Наконечники копий. 1 — V; 2 — Юм. уч-к аб/4; 3, 4 — Юм, уч-к в/5; 5 — п.5В; 6, 7 — п.1Х—Х.

Рис. 67. Стремена, удила, пряжки. 1, 3, 4 — п.17Д; 2, 5, 6 — п.12 Ч. кл.; 7 — п.3В.

Рис. 68. Наконечники стрел. 1, 3 — п.2Юм; 2 — п.ХII; 4, 9, 12 — п.7Юм; 5 — п.2Р; 6, 7, 8, 20 — п.5Юм; 10, 19 — п.13В; 11 — п.17Д; 13, 14 — п.1Х—Х; 15 — п.4Юм.

- Рис. 69.* Наконечники стрел. 1, 2 — п. XII; 3, 6, 10, 11, 12, 16 — п. 2В; 4 — п. 13В; 5, 7 — п. 5В; 8, 9 — п. 26Д; 13 — п. 24В; 14, 15 — п. 8 Ч. кл.; 17 — п. IX—X; 18 — п. 5Юм.
- Рис. 70.* Огнива. 1 — п. XII; 2 — п. 6Юм; 3 — п. 4В; 4 — п. 5К; 5 — п. 20В; 6 — п. 16В; 7 — п. 3В; 8 — п. 14В; 9 — п. VI; 10 — п. 12В; 11 — п. 4Юм; 12 — п. 24Д; 13 — п. 30Д; 14 — п. 9Д; 15 — п. 16Д; 16 — п. 2Р.
- Рис. 71.* Копушки, расчески. 1 — п. 3В; 2 — п. 20В; 3, 4 — п. 26В; 5 — п. 27В; 6 — п. 12В; 7 — п. IX—X; 8 — п. 16В; 9 — п. 29В; 10 — п. 17В; 11 — п. 6Юм; 12 — п. 6В; 13 — Ч. кл. случ. нах.; 14 — Вес. м.
- Рис. 72.* Котлы. 1 — п. 24В; 2 — п. 2В; 3 — п. 1Р; 4 — Ч. кл.; 5 — уч-к Б/1 Вес. м.; 6 — п. 4В; 7 — уч-к В-2. Вес. м.; 8 — п. 2Юм.
- Рис. 73.* Металлические чаши и амулет. 1 — п. 17В; 2 — п. 13В.
- Рис. 74.* Деревянные чаши. 1 — п. 3 Ч. кл.; 2 — п. 2В; 3 — п. XV—XVI; 4 — п. 1Р.
- Рис. 75.* Керамика. 1 — п. 15В; 2 — п. 7В; 3 — Д, уч-к 6'8; 4 — п. VII; 5 — Выж., Б/2; 6 — п. 7Д; 7 — п. 7 Ч. кл.; 8 — п. 2Юм; 9 — Ч. кл., 1908, случ. нах.; 10 — п. 2К; 11 — п. 2Ч. кл.; 12, 15 — п. XIII; 13 — Юм, ав/4; 14 — п. XV—XVI; 16 — п. V; 17, 18 — п. XI.
- Рис. 76.* Орудия труда. 1, 2 — д. Шамока; 3, 6 — д. Пекэза; 4 — г. Уржум; 5 — Вес., 1929.
- Рис. 77.* Образцы ткани.
- Рис. 78.* Образец шерстяного пояса.
- Рис. 79.* Кожаные перчатки (п. 13В).
- Рис. 80.* Распределение оружия в погребениях Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 81.* Распределение оружия в погребениях Армиевского могильника.
- Рис. 82.* Карта распространения умбоновидных и очковидных украшений обуви. I — Юмский могильник; II — Ижевское городище; III — Кочервинский могильник; IV — Лопьял; V — Веселовский могильник; VI — «Черемисское кладбище»; VII — Кантаурово; VIII — Дубовский могильник; IX — Борисково; 1 — Ст. Минькино; 2 — Яровщина; 3 — Винница; 4 — Ильино; 5 — Аксеново; 6 — Михайлово; 7 — Костромские курганы; 8 — Владимирские курганы; 9 — Муром; 10 — Максимово; 11 — Подболотьево; 12 — Малышево; 13 — Мыдлань-Шай; 14 — Полом; 15 — Кудымкар; 16 — Рождествено; 17 — Федорово; 18 — Загарье; 19 — Харино; 20 — Михалево; 21 — Пятигорск; 22 — Редикор.
- Рис. 83.* Планы погребений Мл. Ахмыловского могильника: а — п. 6; б — п. 90; в — п. 51.
- Рис. 84.* Диаграмма ориентировок.
- Рис. 85.* Реконструкция головного убора из п. 91 Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 86.* Вещи из Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 87.* Вещи из Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 88.* Пояс азелинского типа.
- Рис. 89.* Височные украшения из Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 90.* Карта распространения височных колец. I — Ростовские: 1 — Сарский могильник и городище; 2 — Киучерский могильник; 3 — Мало-Давыдовское городище; 4 — Курганы у д. Васильки; 5 — Попадьянское селище; 6 — Курганы у Владимирских хуторов. II — Муромские: 1 — Сарское городище; 2 — Березняковское городище; 8 — Новленский могильник; 9 — Малышевский могильник; 10 — Тумовское селище; 11 — Муромский могильник; 12 — Подболотьевский могильник; 13 — Максимовский могильник; 14 — Урванский могильник; 23 — Больше-Тарханский могильник. III — Костромские: 15 — Бывш. Нерехтинский у., Ногинск. волость (не менее 8 пунктов); 16 — Бывш. Костромской у., Семеновск. волость (не менее 20 пунктов); 17 — Бывш. Кинешминский у., р. Колдома. (не менее 14 пунктов); 18 — Курганы Владимирской земли; 21 — Веселовский могильник. IV Юмские: 19 — Юмский могильник; 20 — Лопьяльский могильник; 21 — Веселовский могильник; 22 — «Черемисское кладбище».
- Рис. 91.* Нагрудная бляха с крышкой.
- Рис. 92.* Сьюлгамы с усиками.
- Рис. 93.* Головные и височные украшения из Мл. Ахмыловского могильника.
- Рис. 94.* Глиняные сосуды и некоторые вещи из Кубашевского городища.
- Рис. 95.* Сьюлгамы из марийских кладбищ.
- Рис. 96.* Сьюлгамы из Мл. Ахмыловского могильника и марийских кладбищ.
- Рис. 97.* Орнаменты на браслетах из марийских кладбищ.

- Лесная провинция Вятско-камской возвышенности.
- Лесная провинция Низменного Заволжья.
- Лесостепная провинция Приволжской возвышенности.
- Лесостепная провинция Высокого Заволжья.

Рис. 1

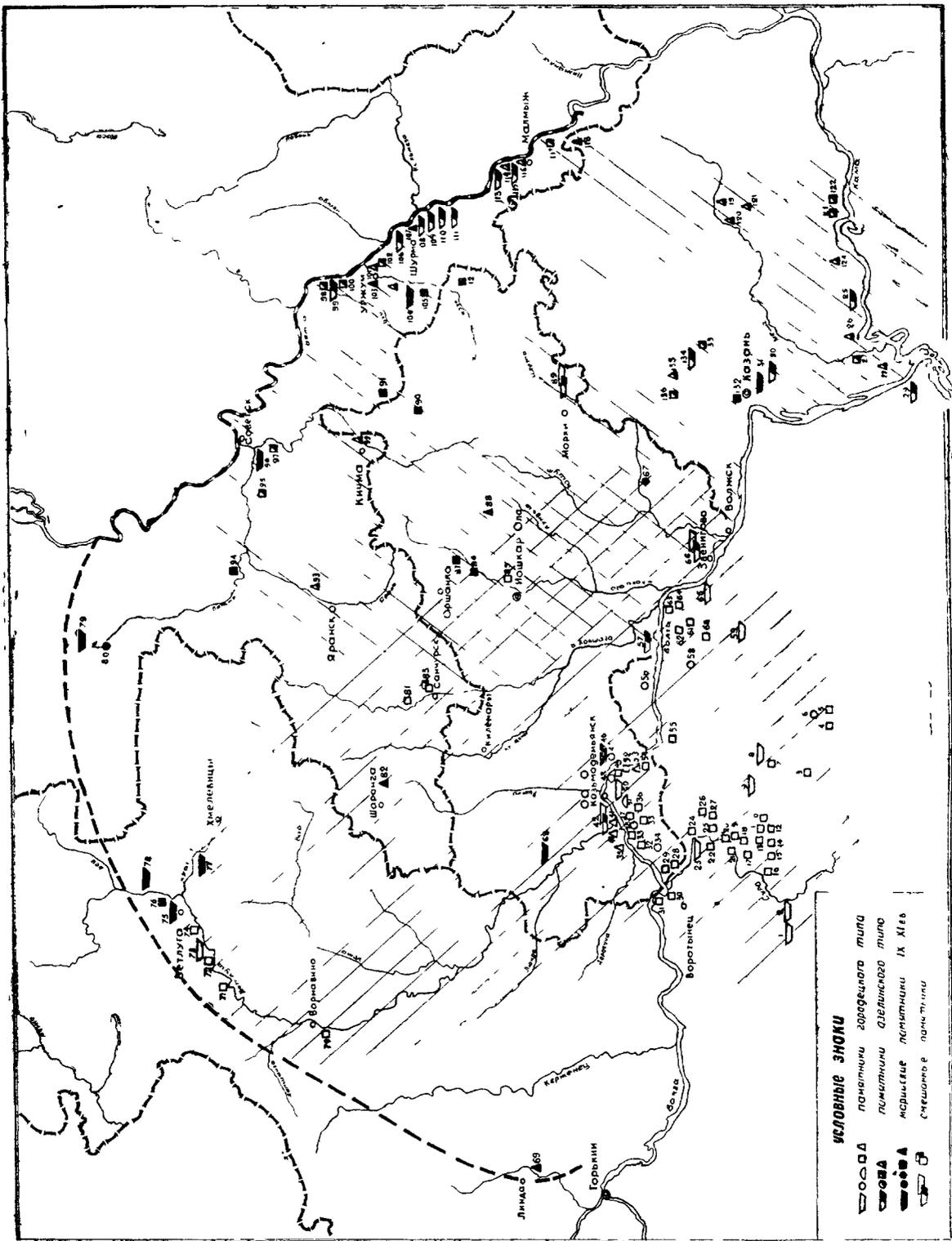
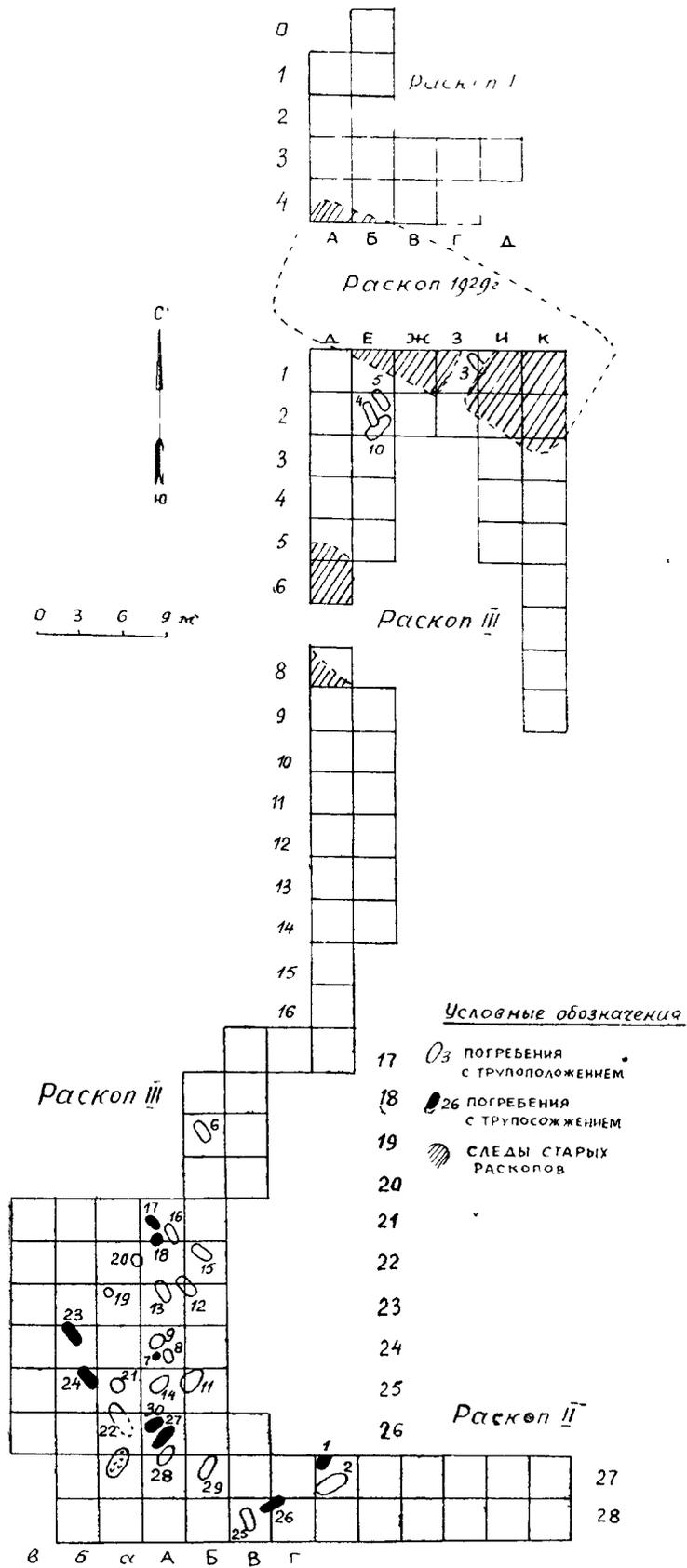

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

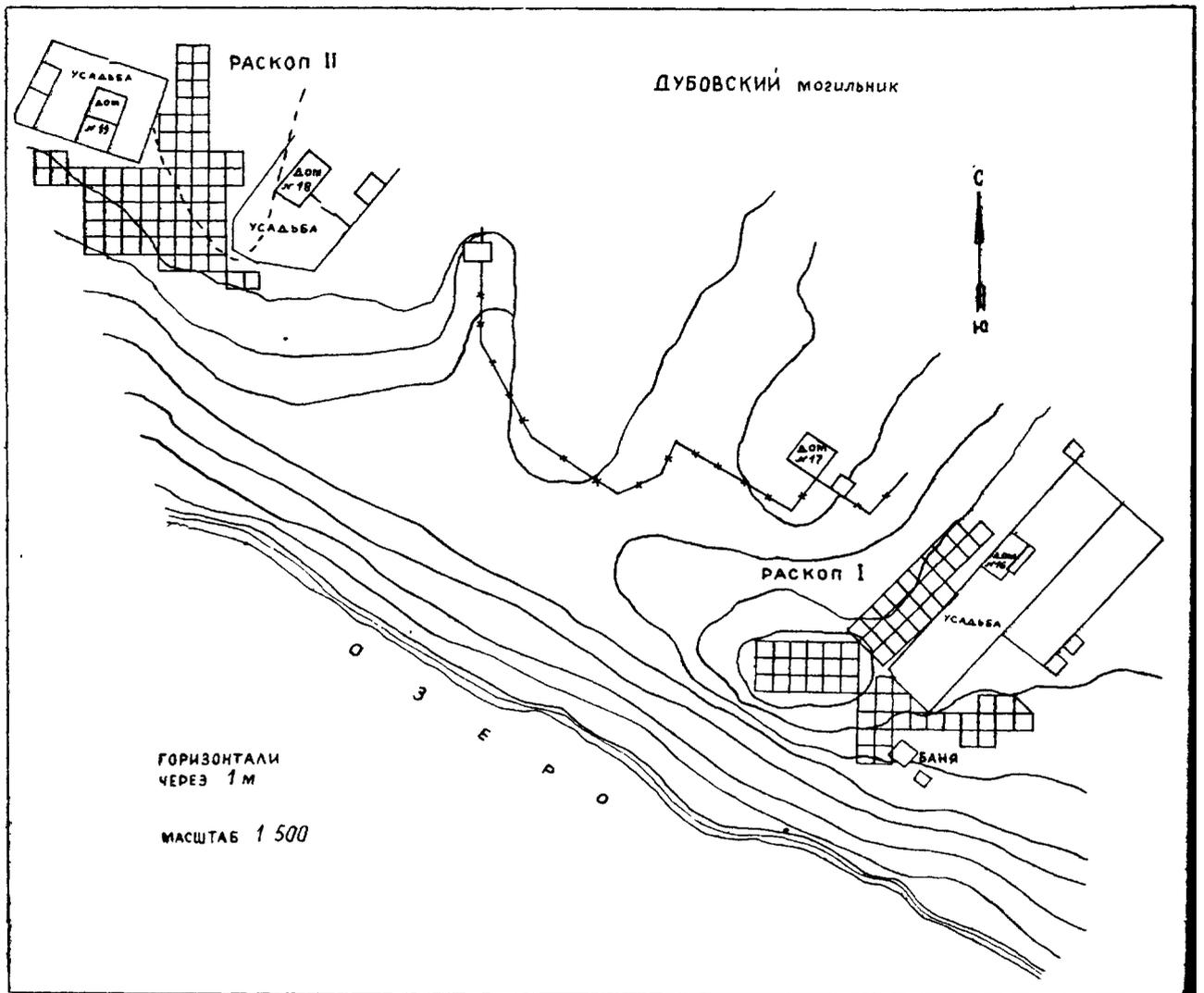

Рис. 5

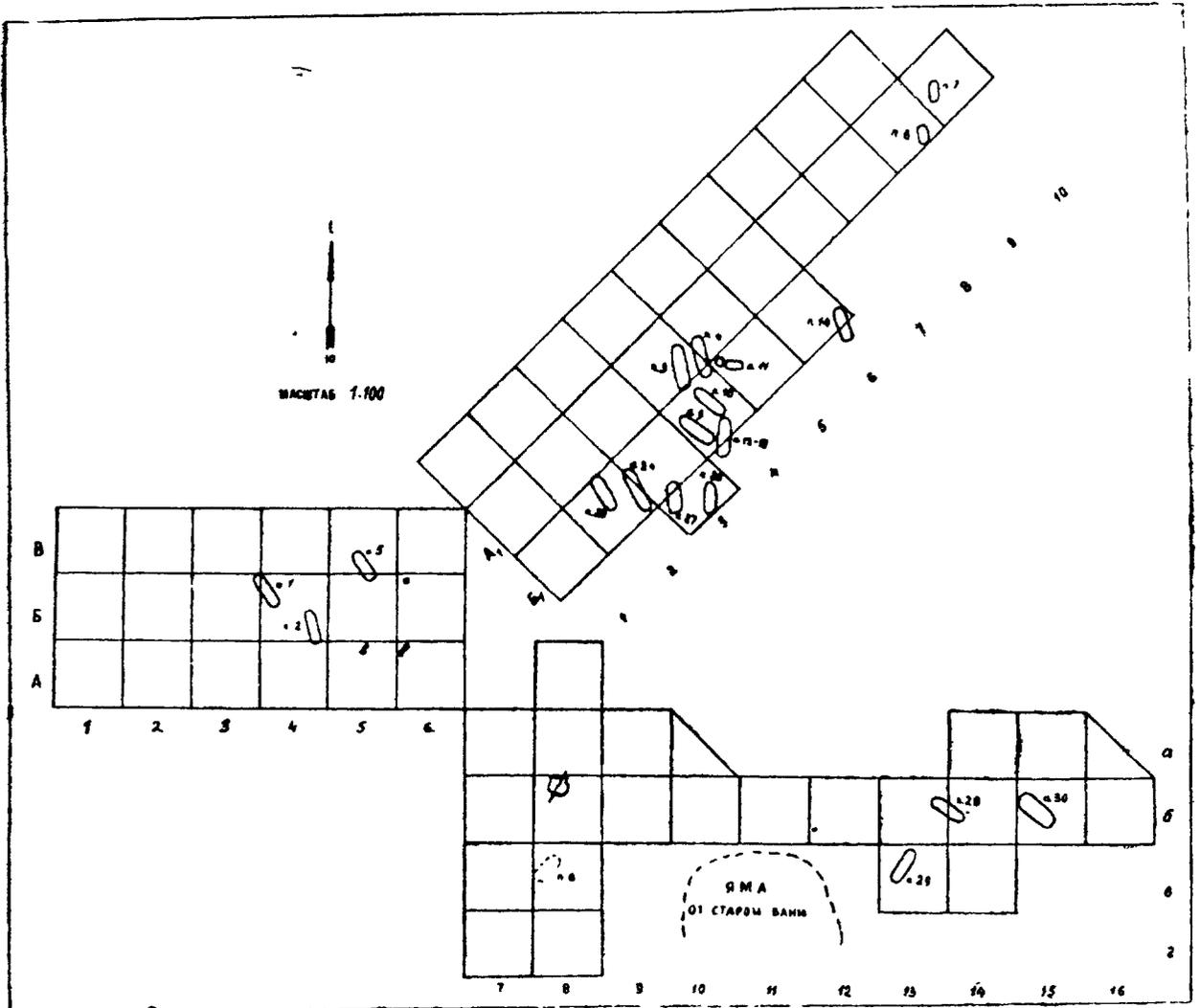

Рис. 6

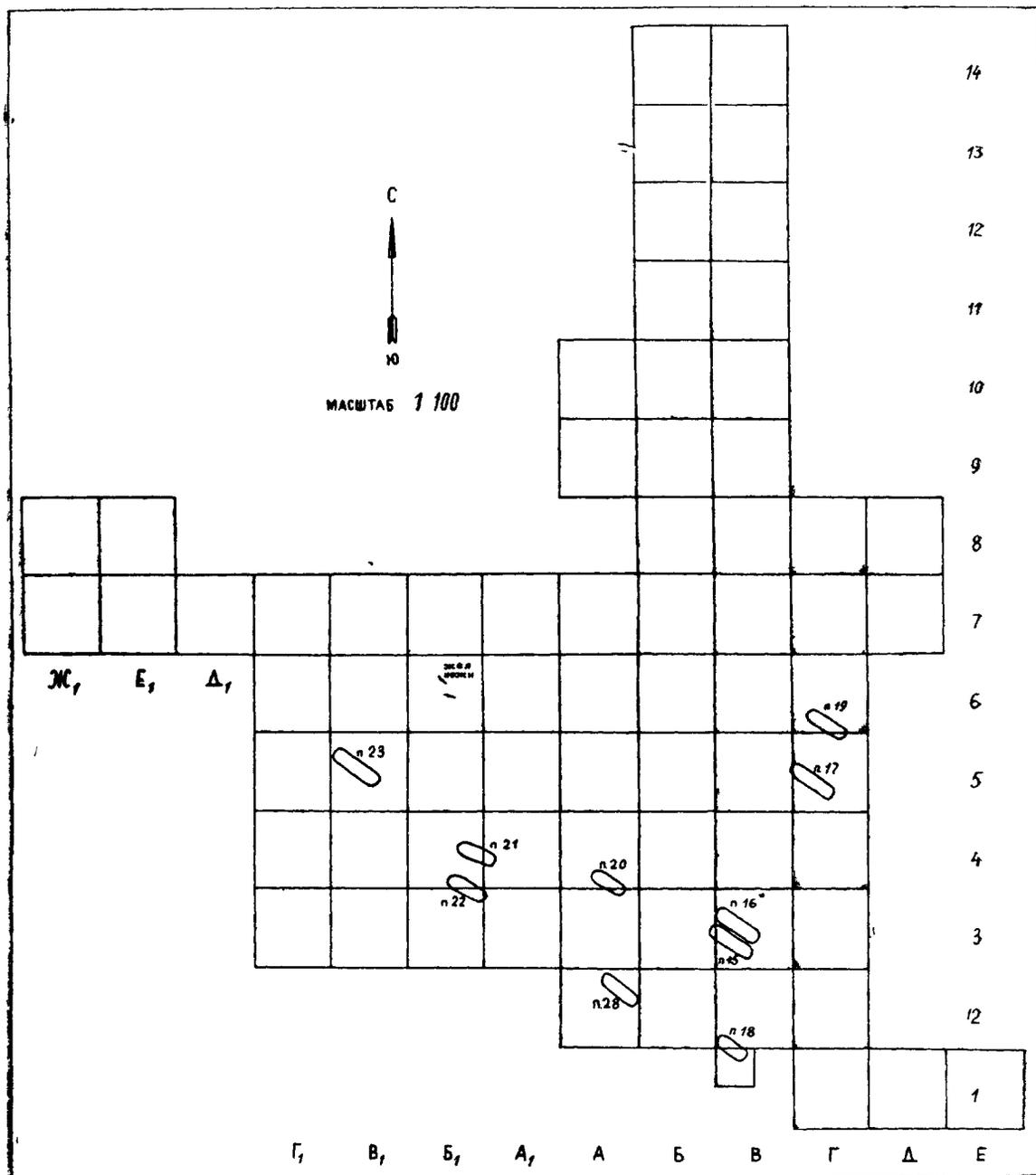

Рис. 7

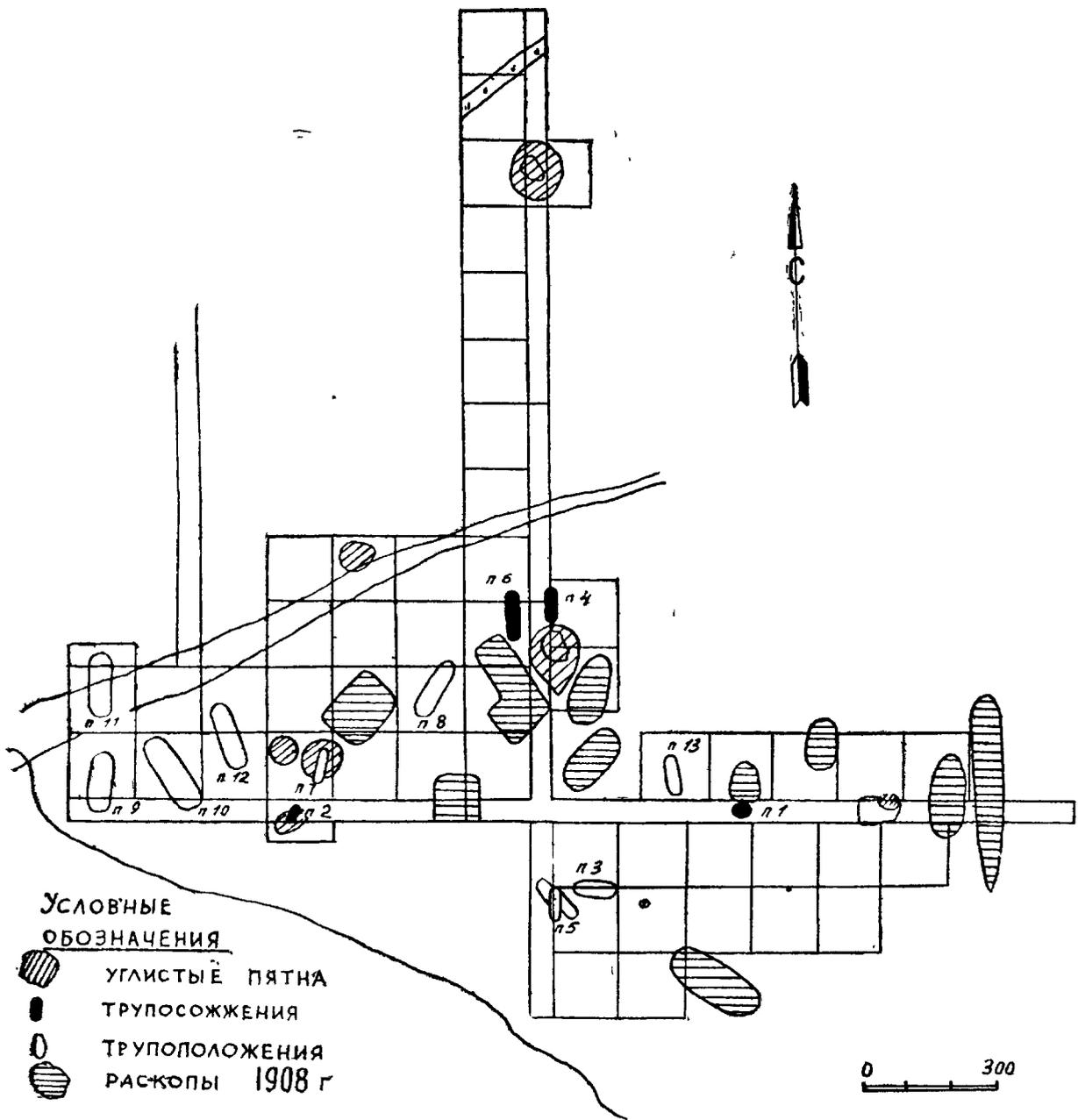

Рис. 8

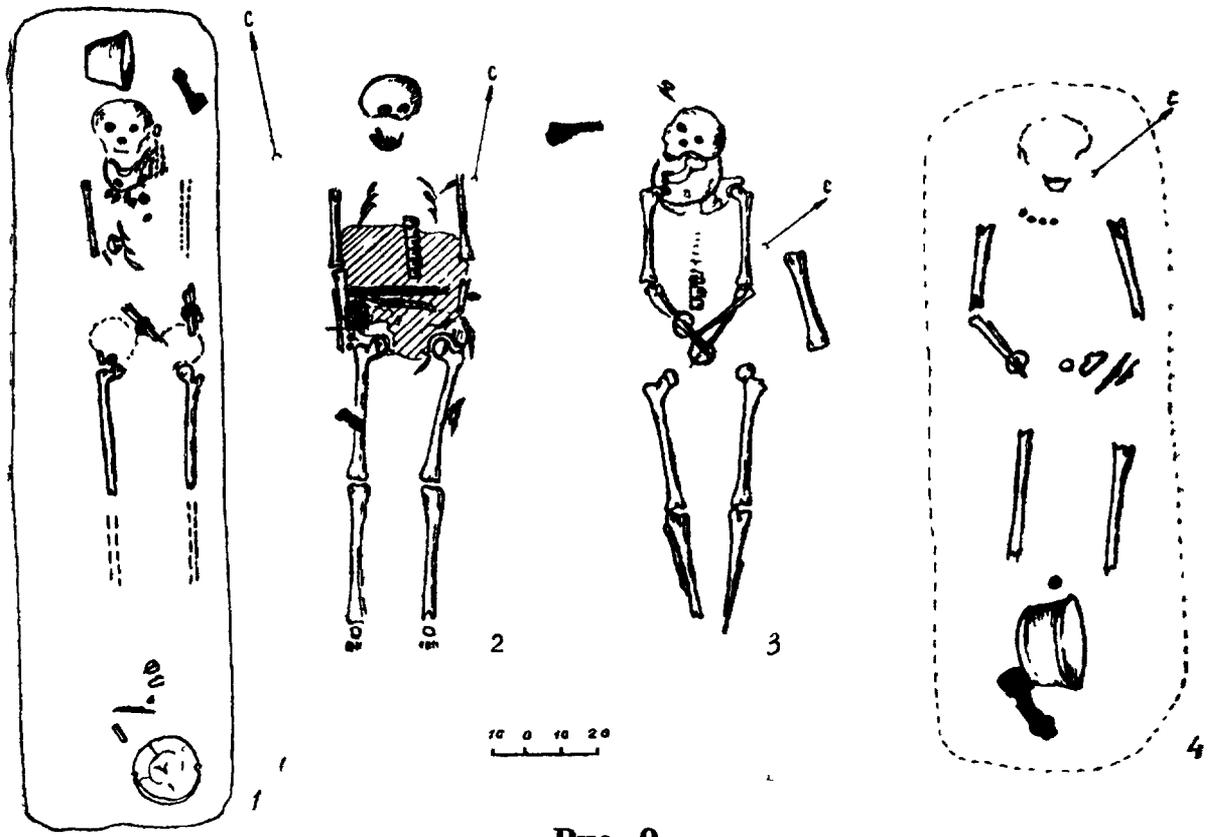

Рис. 9

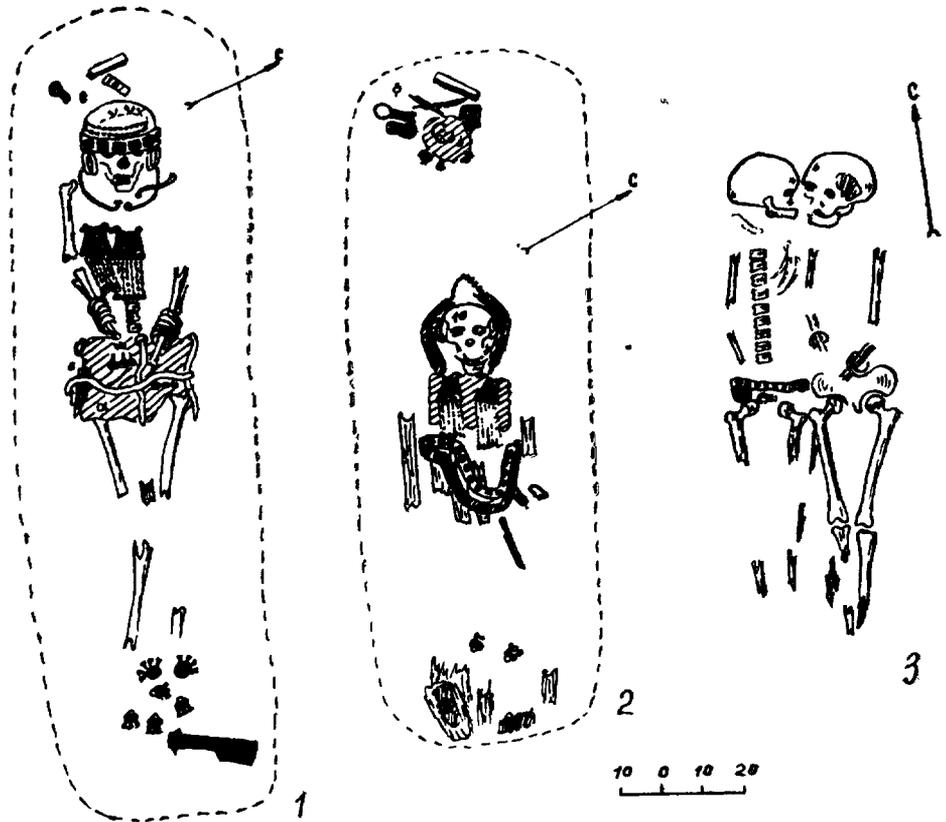

Рис. 10

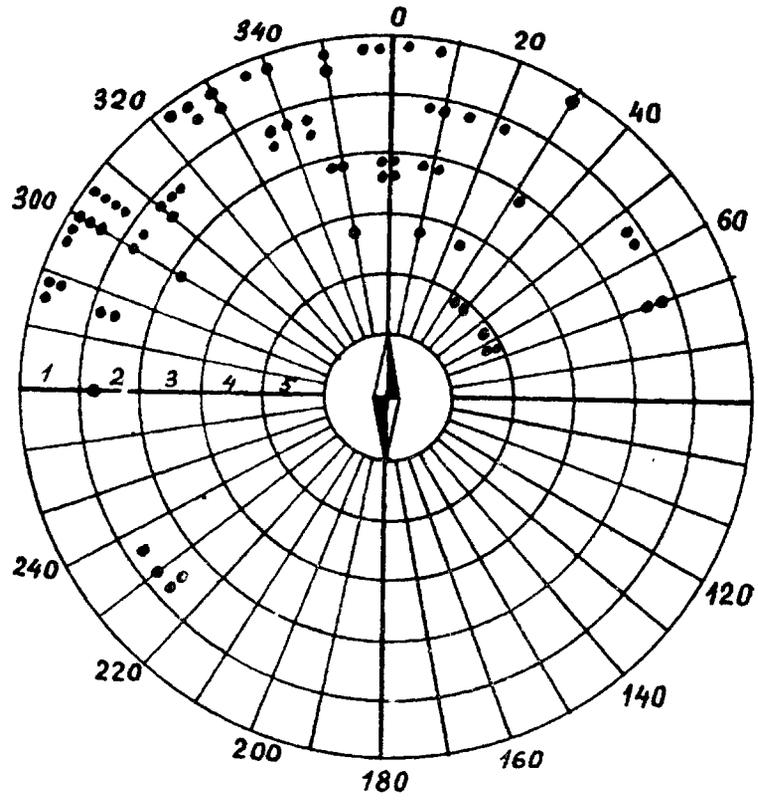

Рис. 11

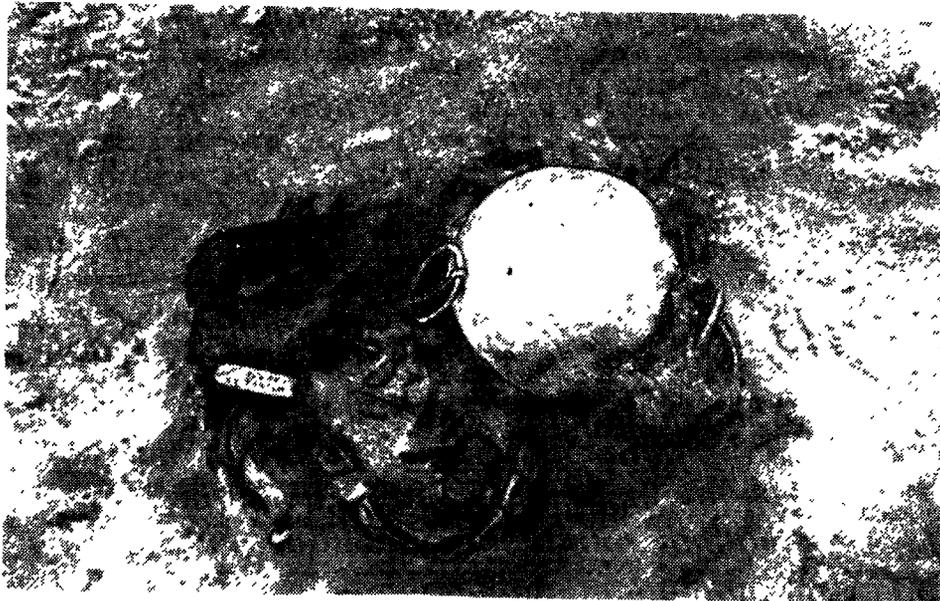

Рис. 14

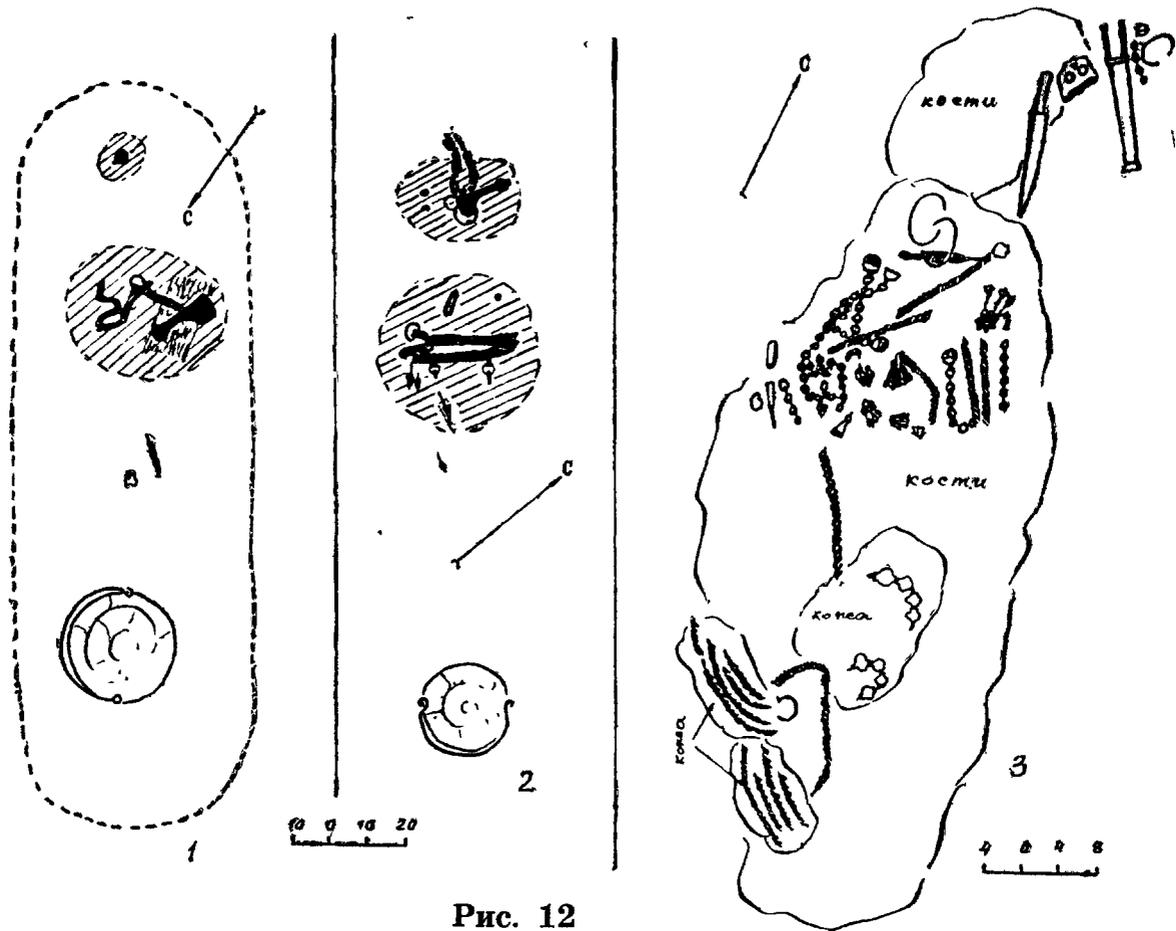

Рис. 12

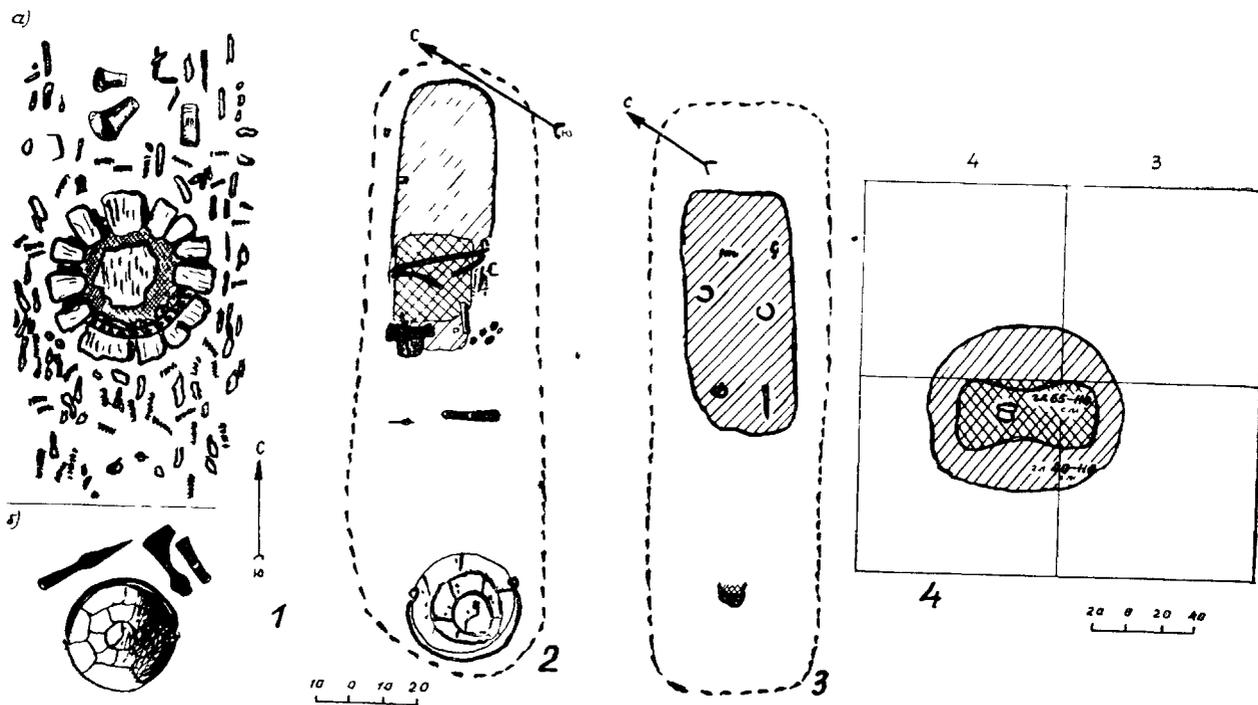
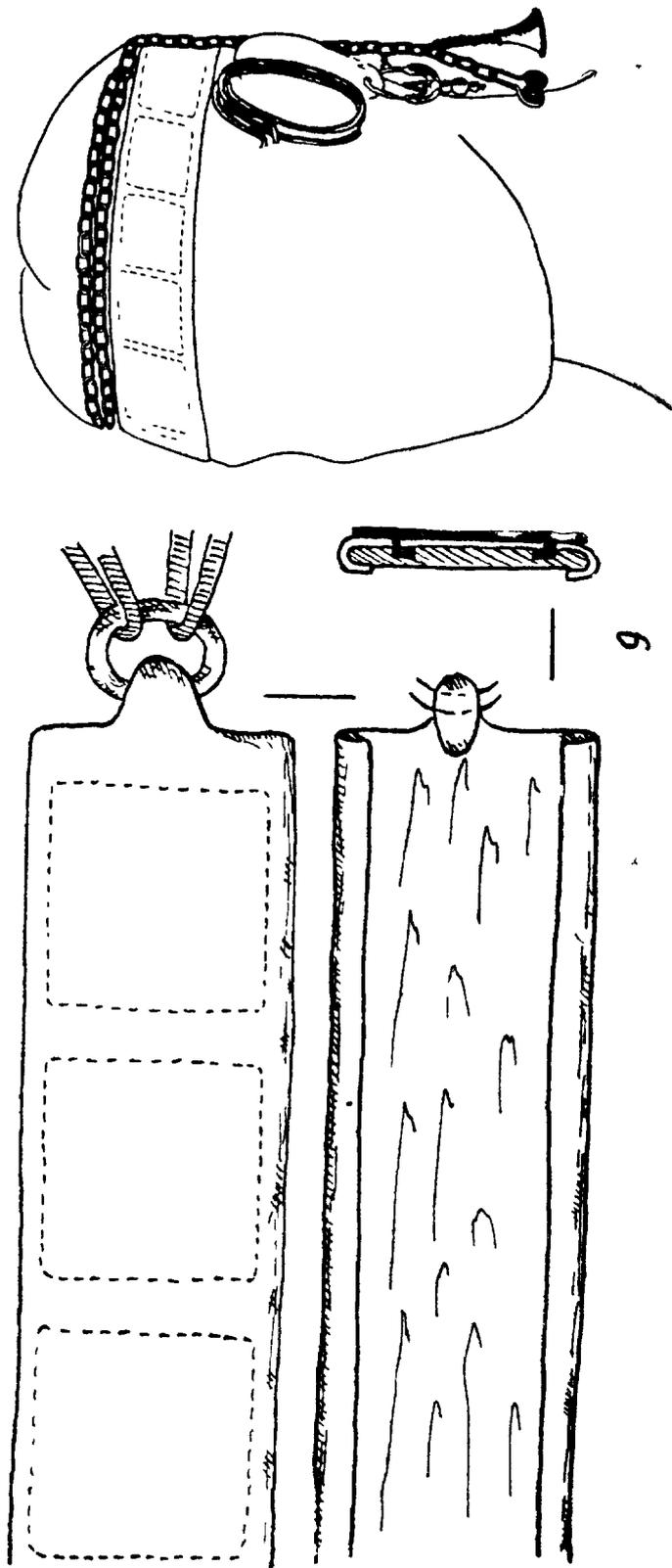
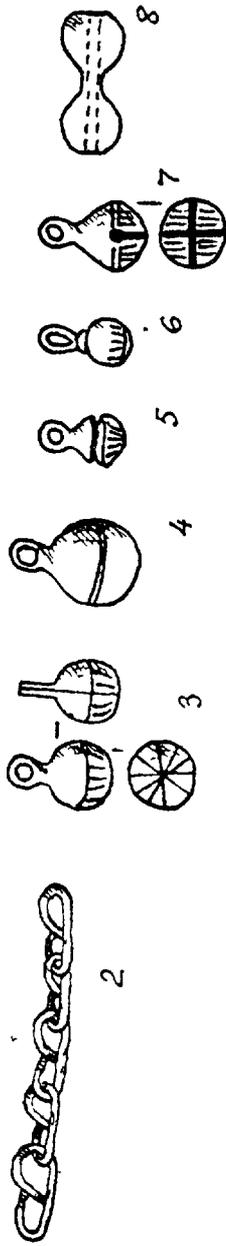
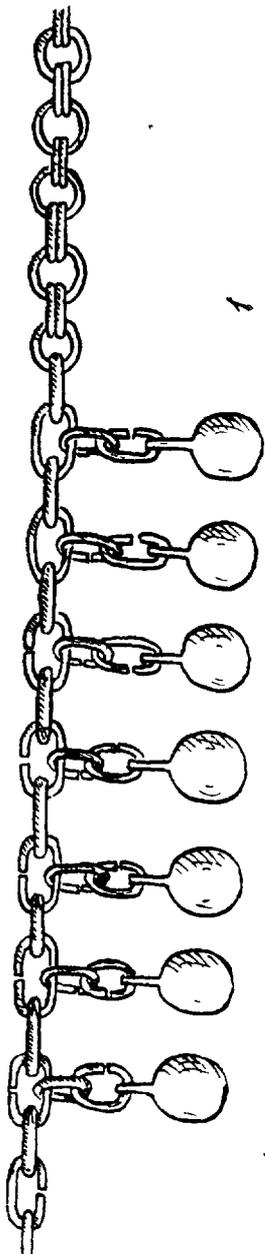

Рис. 13

Марицы, X—XI вв.

Рис. 15

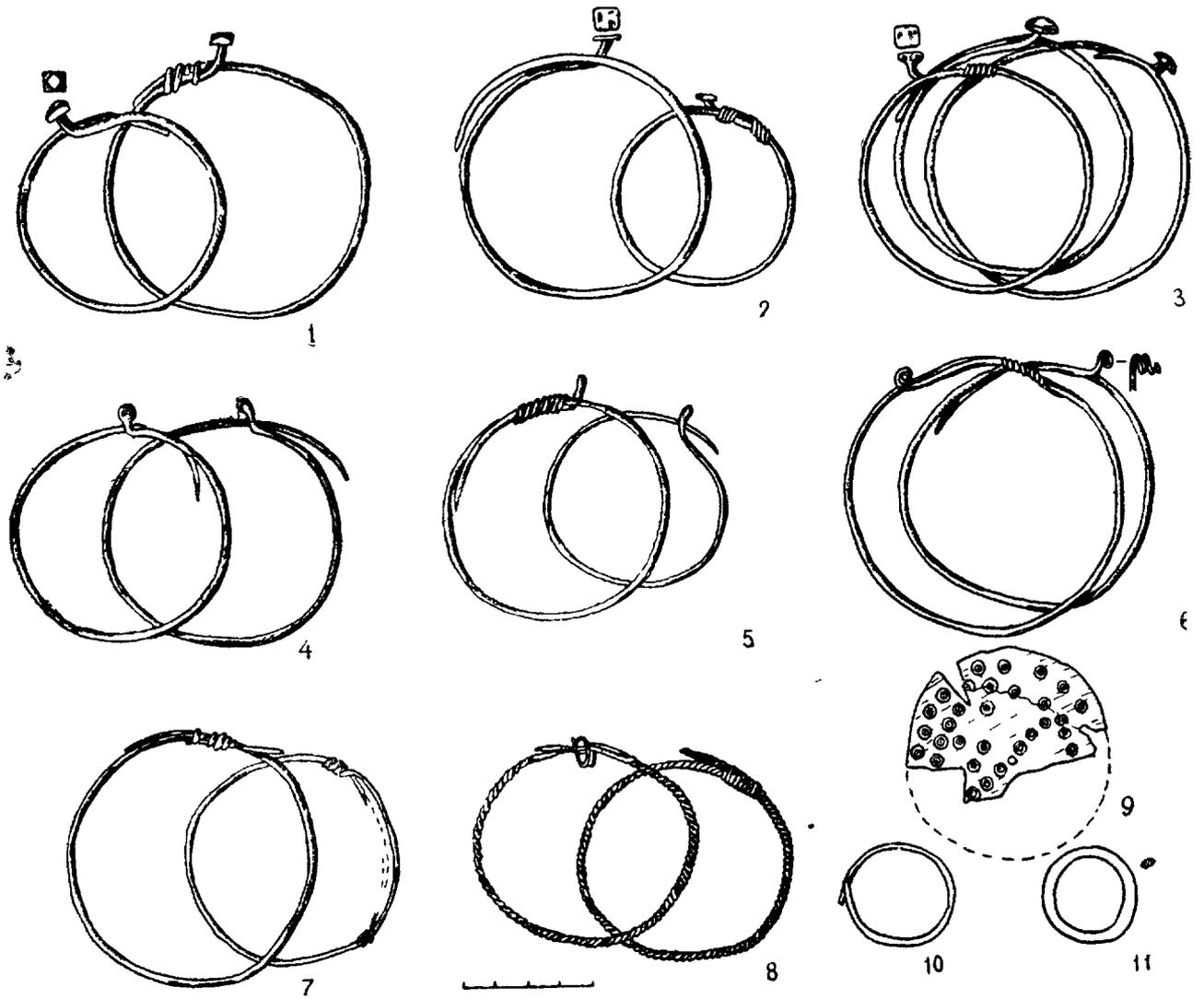

Рис. 16

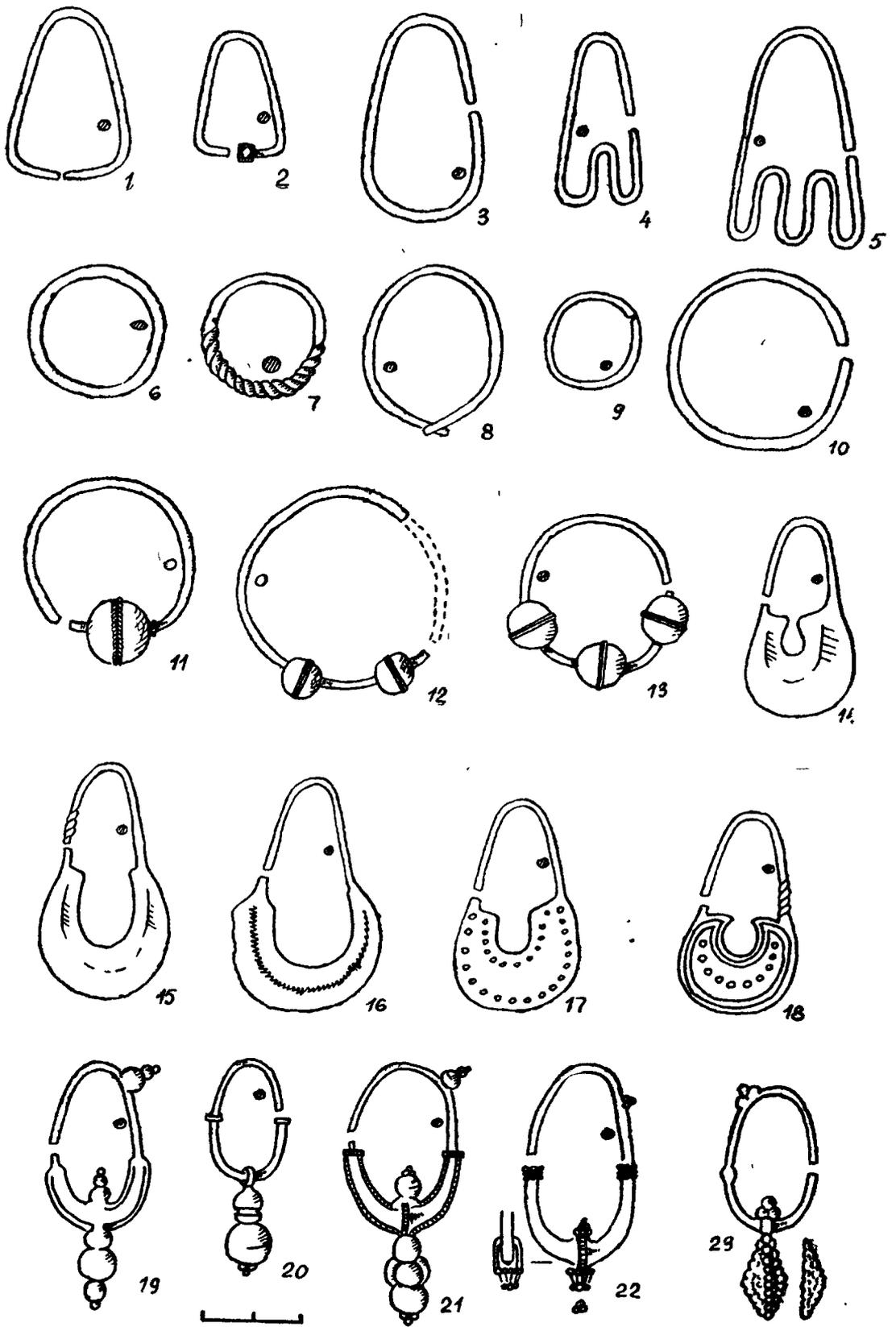

Рис. 17

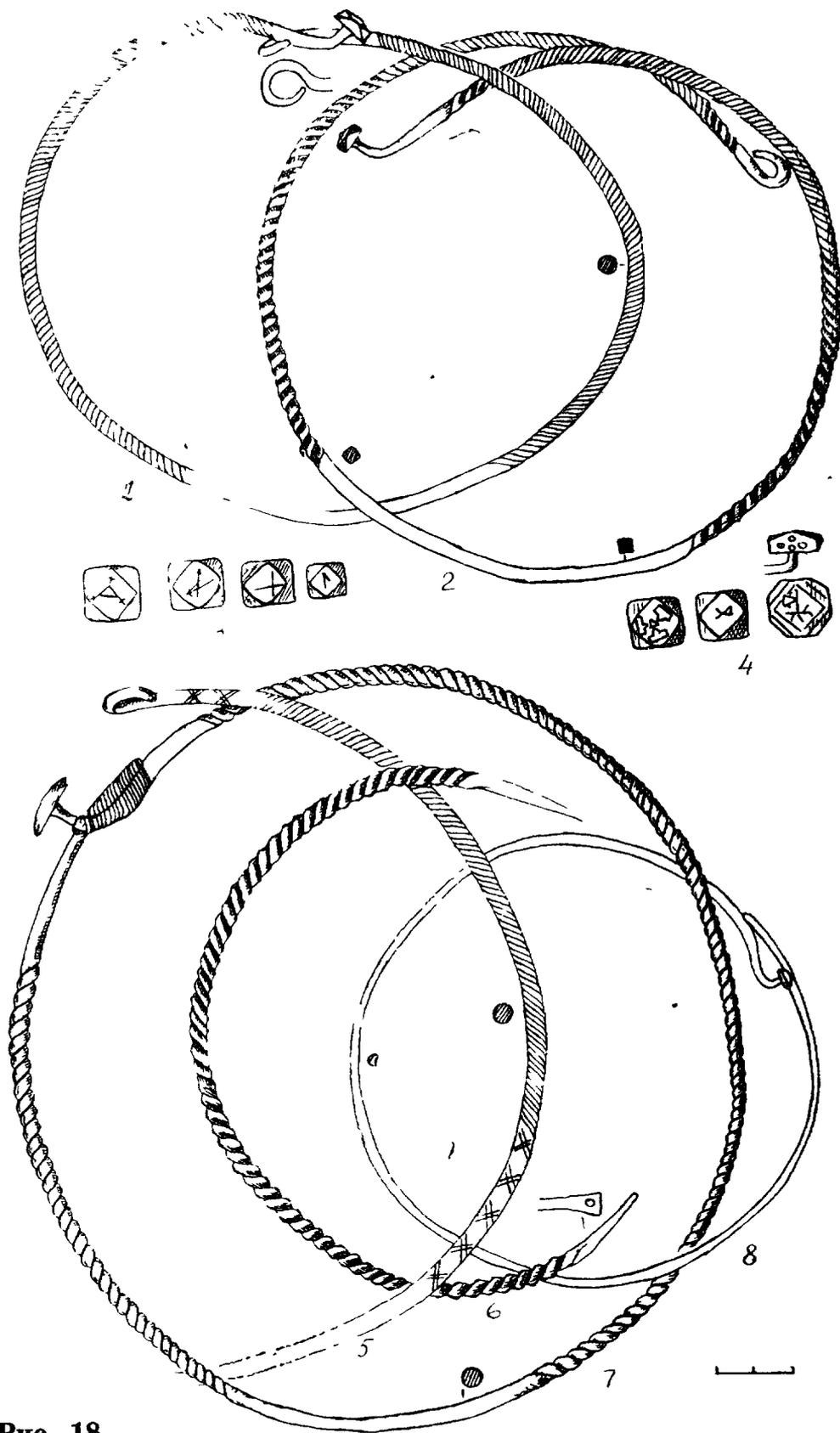

Рис. 18

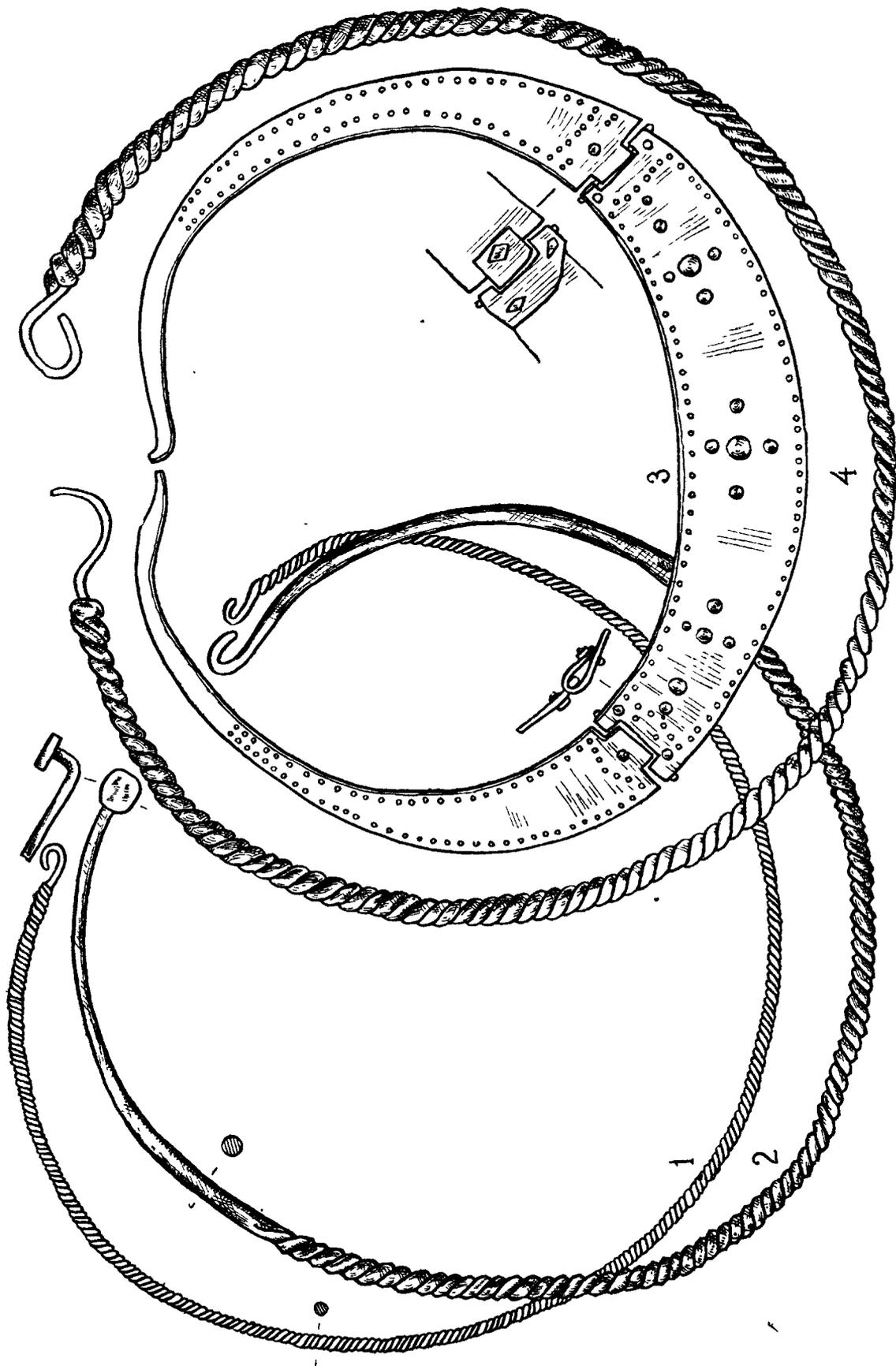

Рис. 19

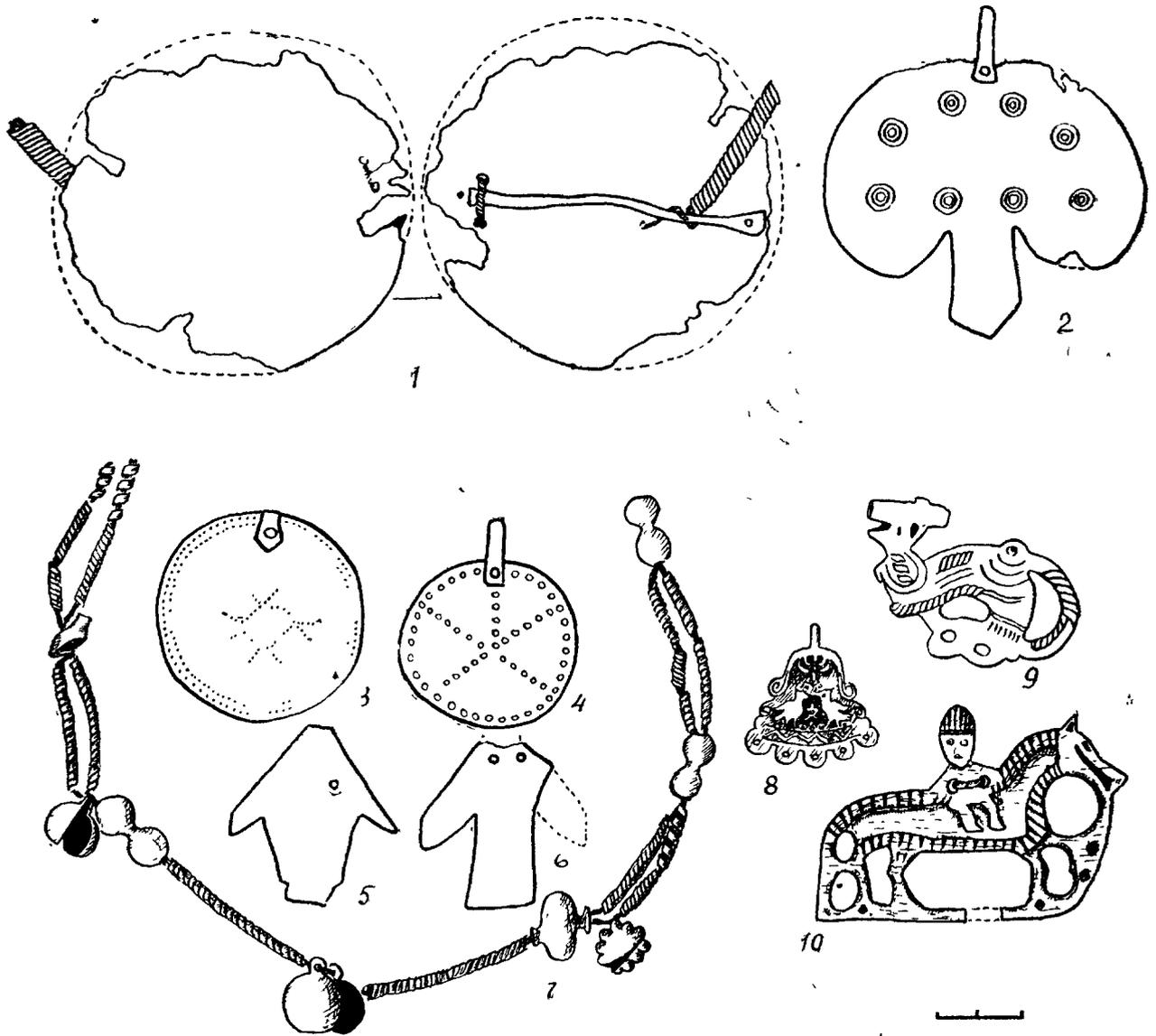

Рис. 20

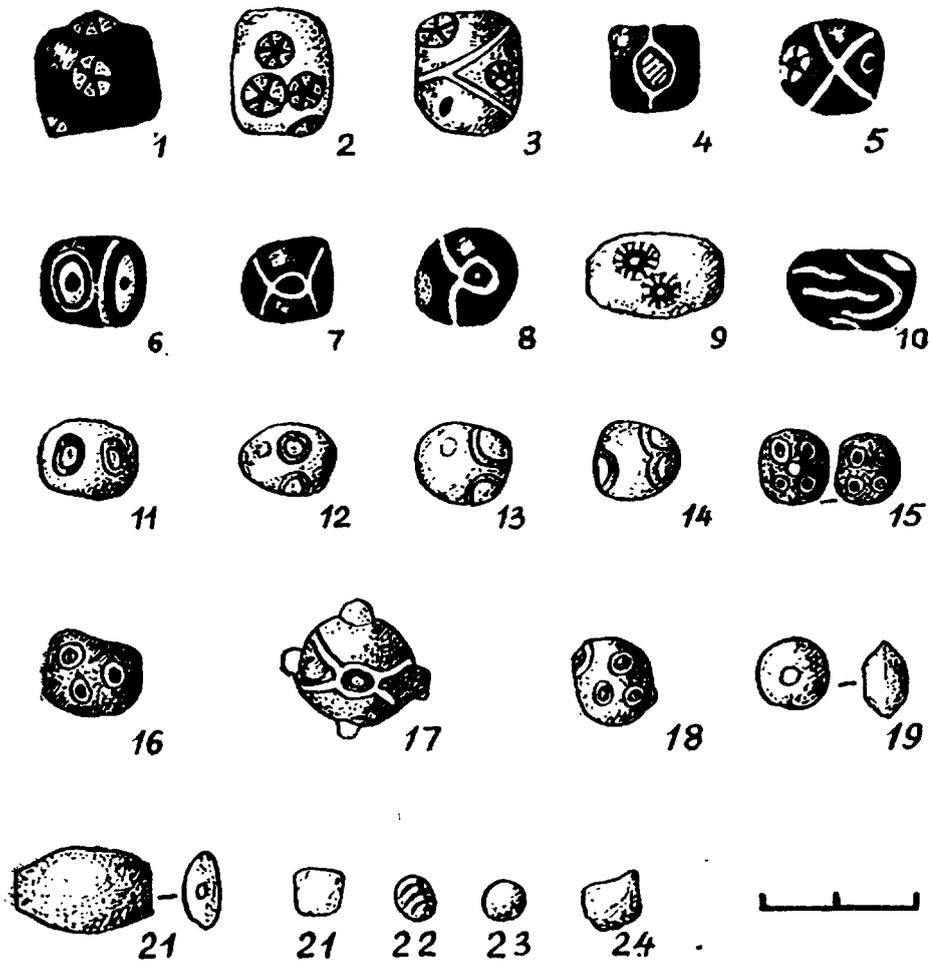

Рис. 21

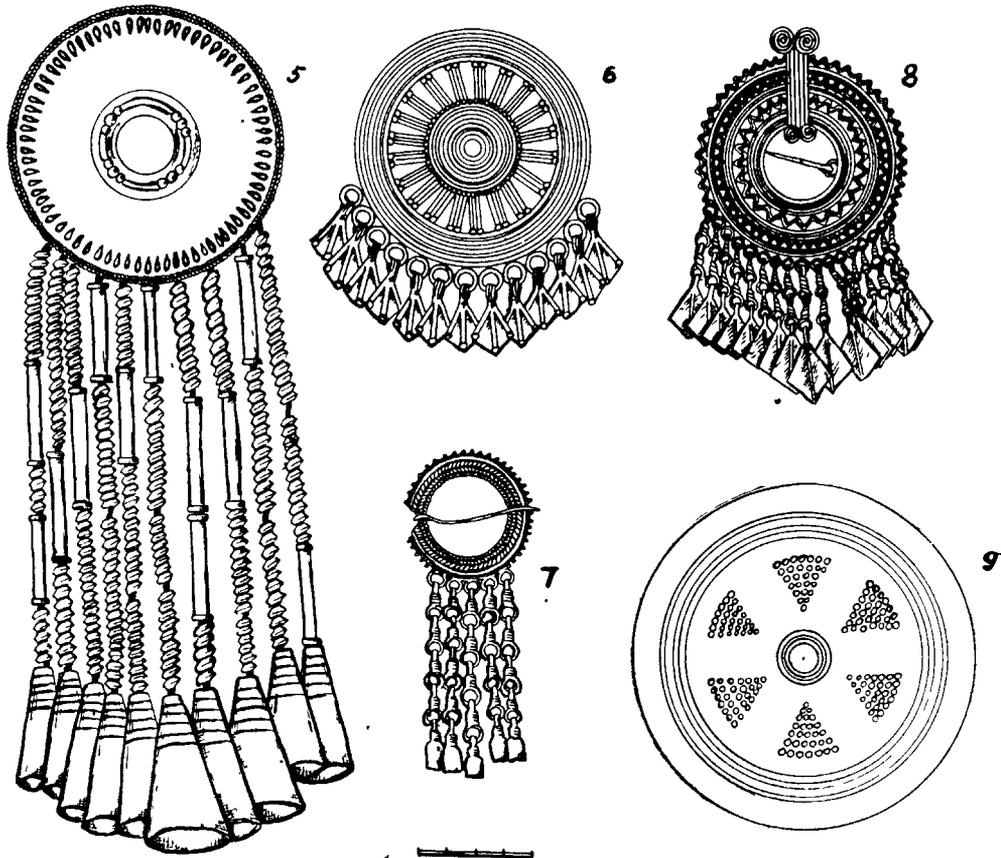
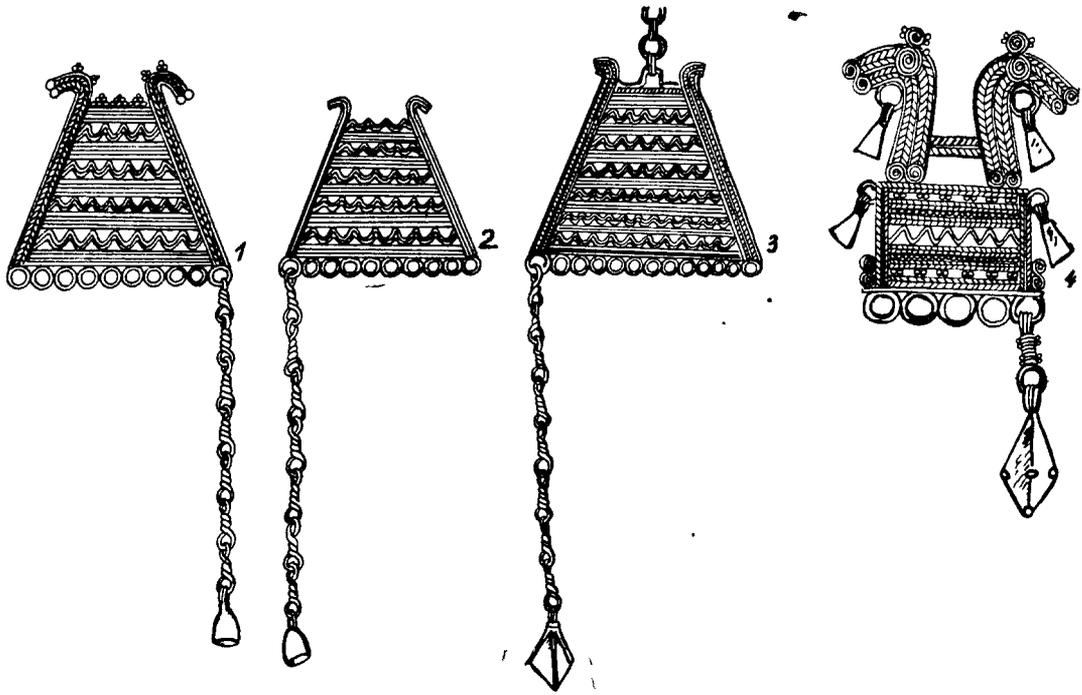

Рис. 22

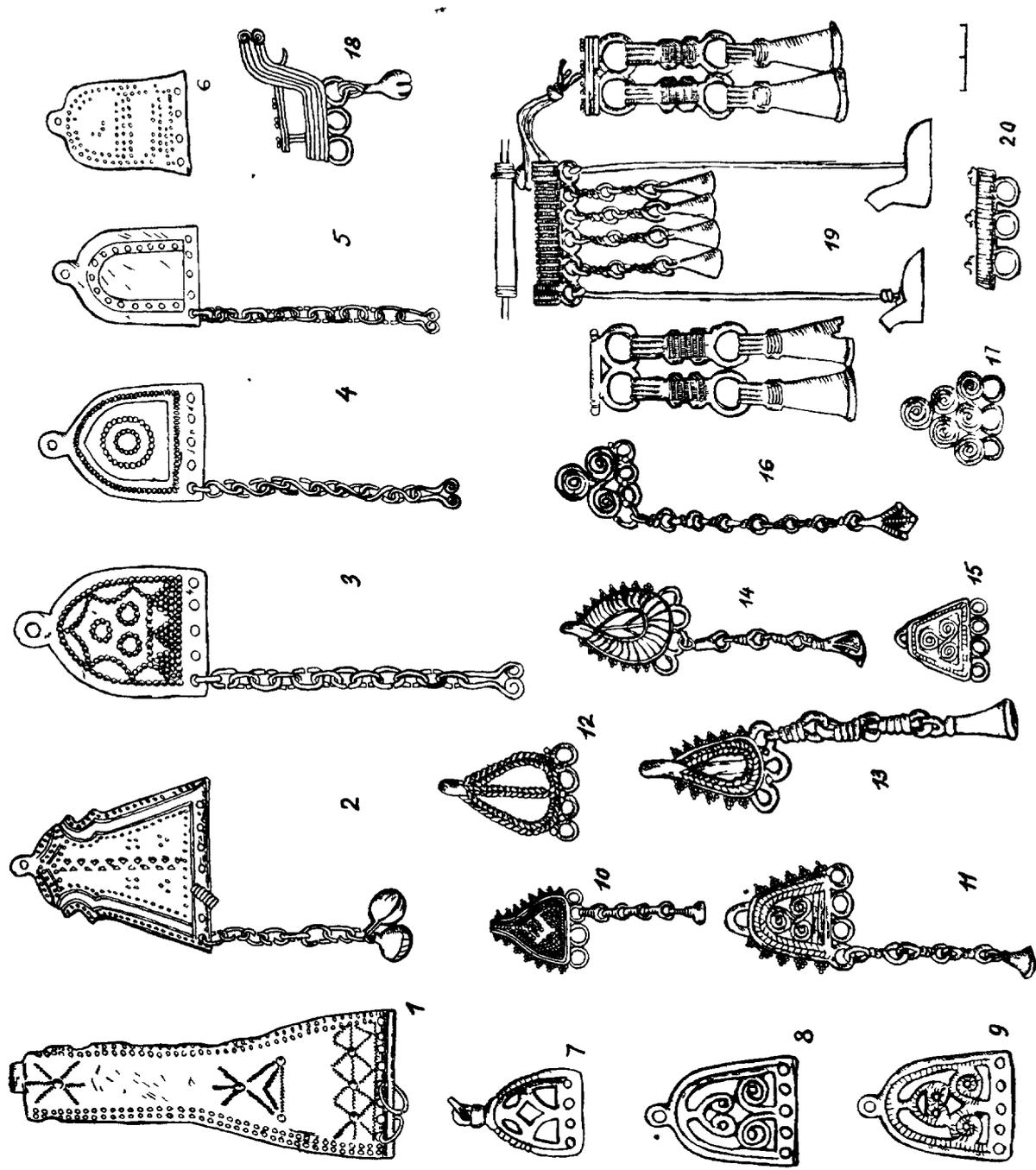
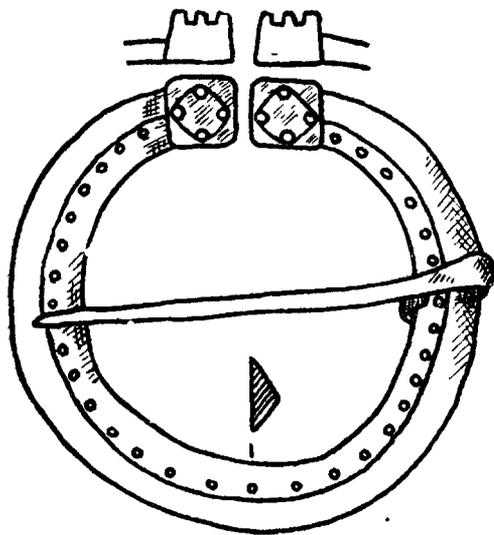
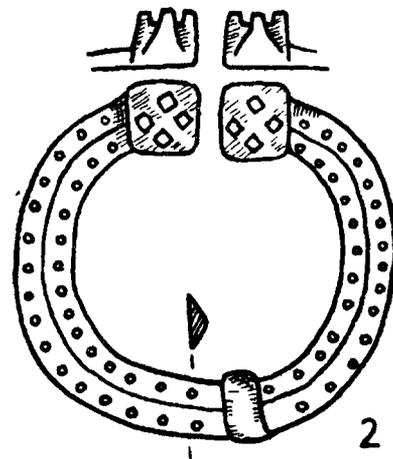

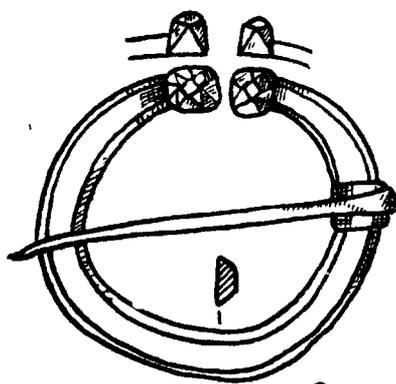
Рис. 23

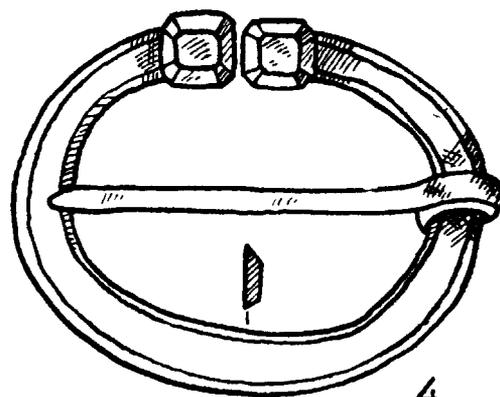
1

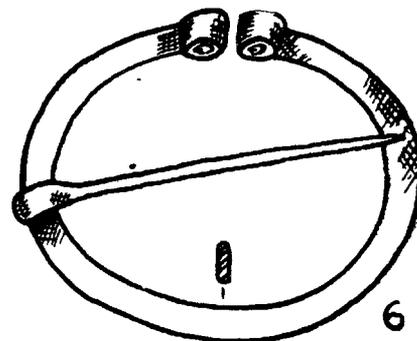
2

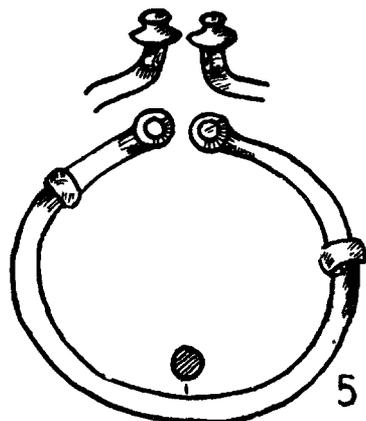
3

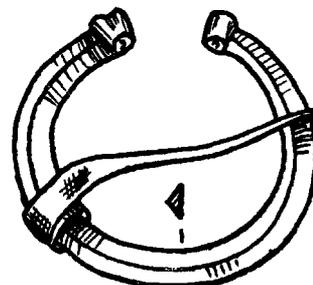
4

6

5

7

Рис. 24

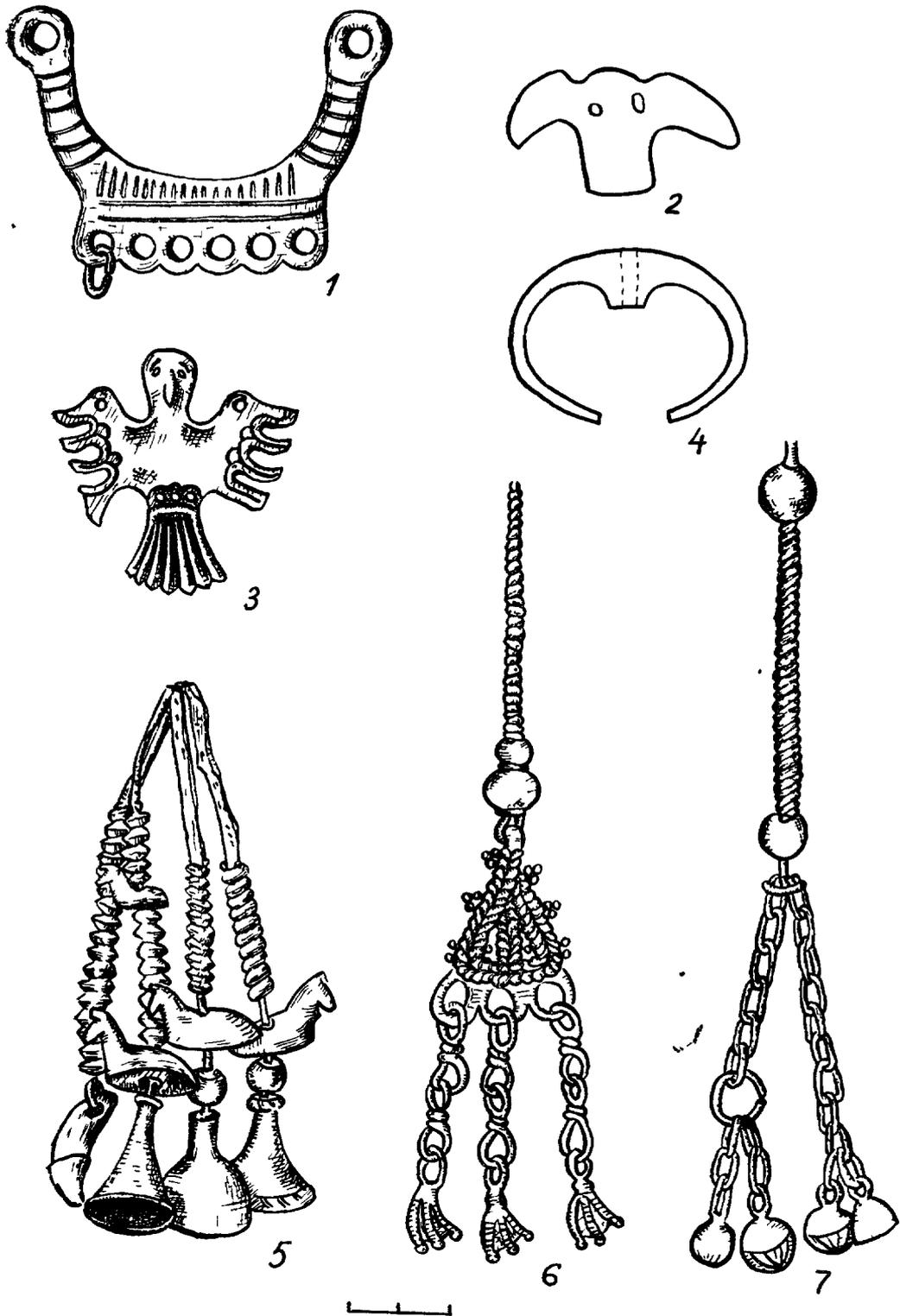

Рис. 25

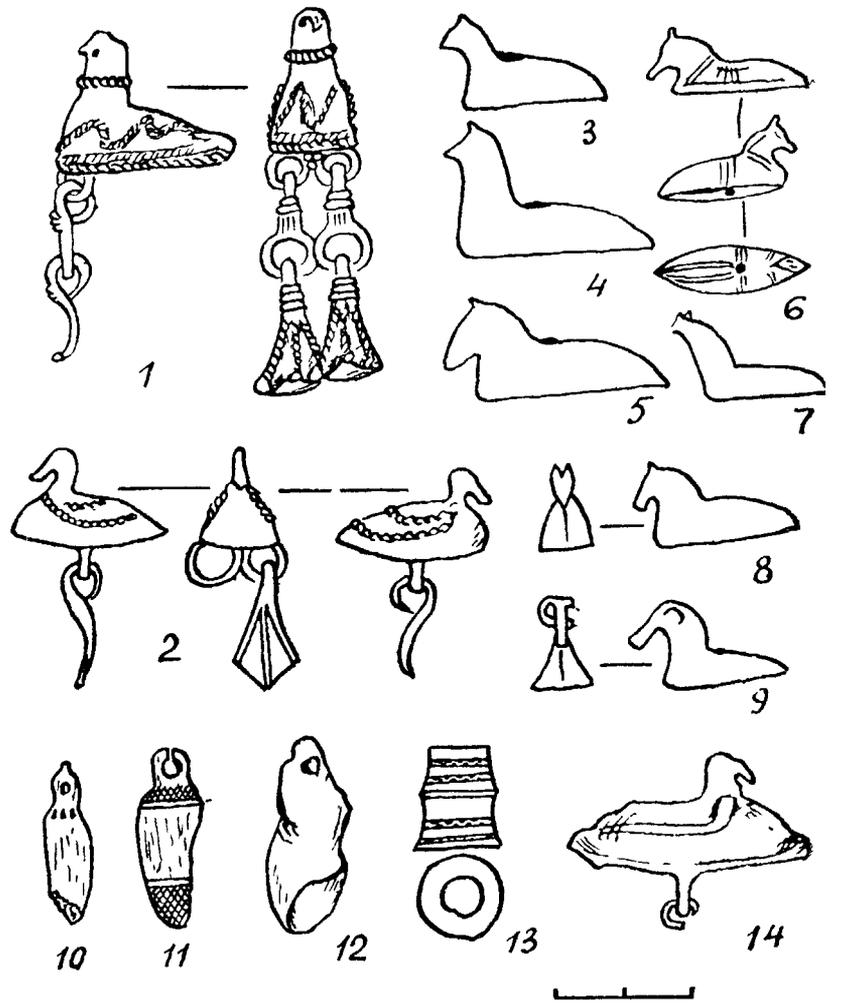

Рис. 26

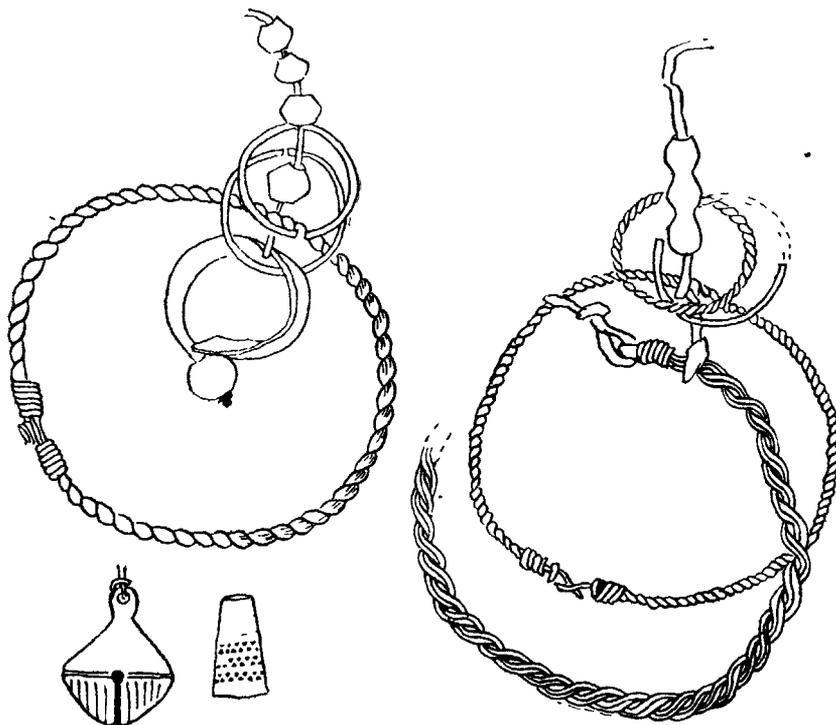

Рис. 27

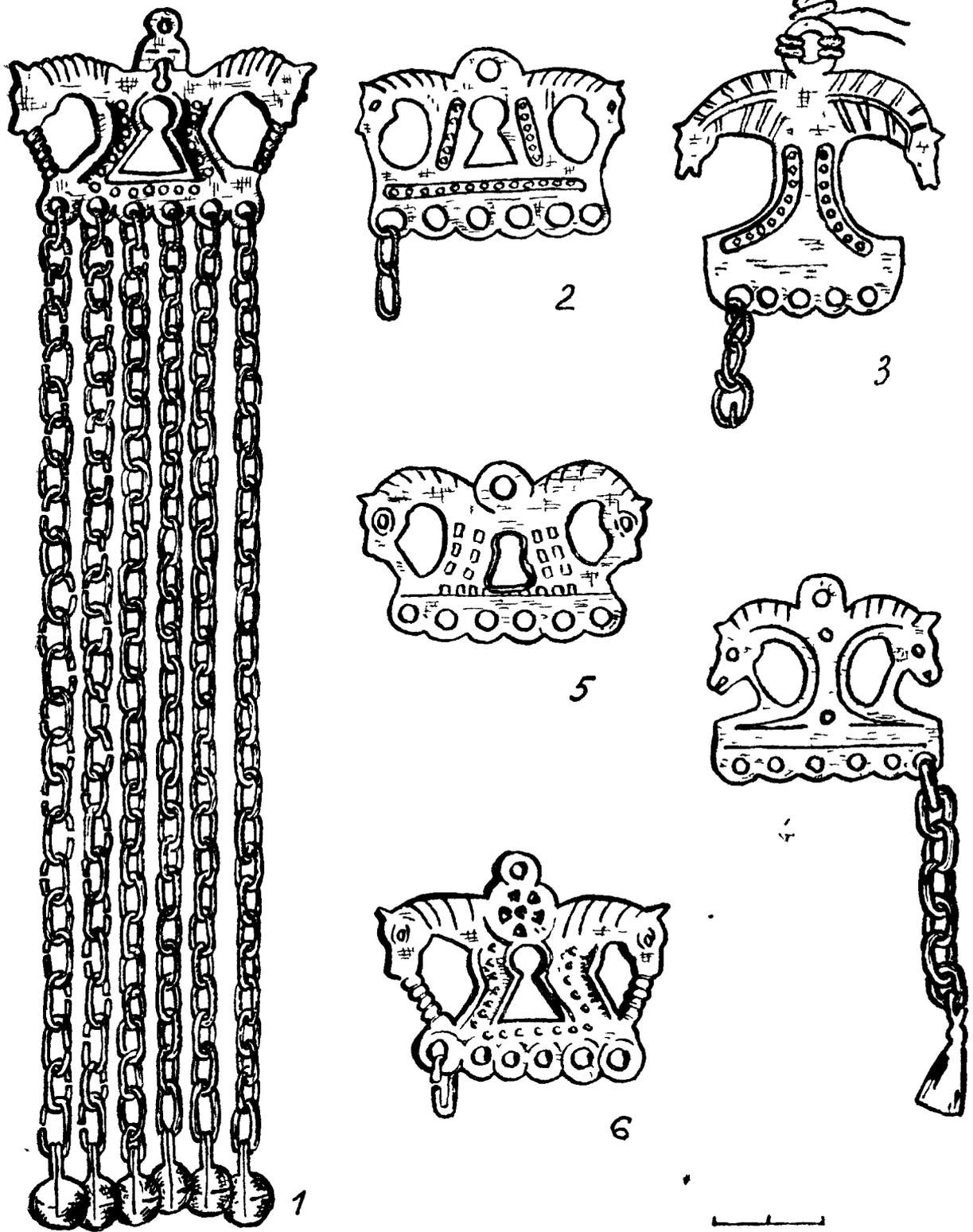

Рис. 28

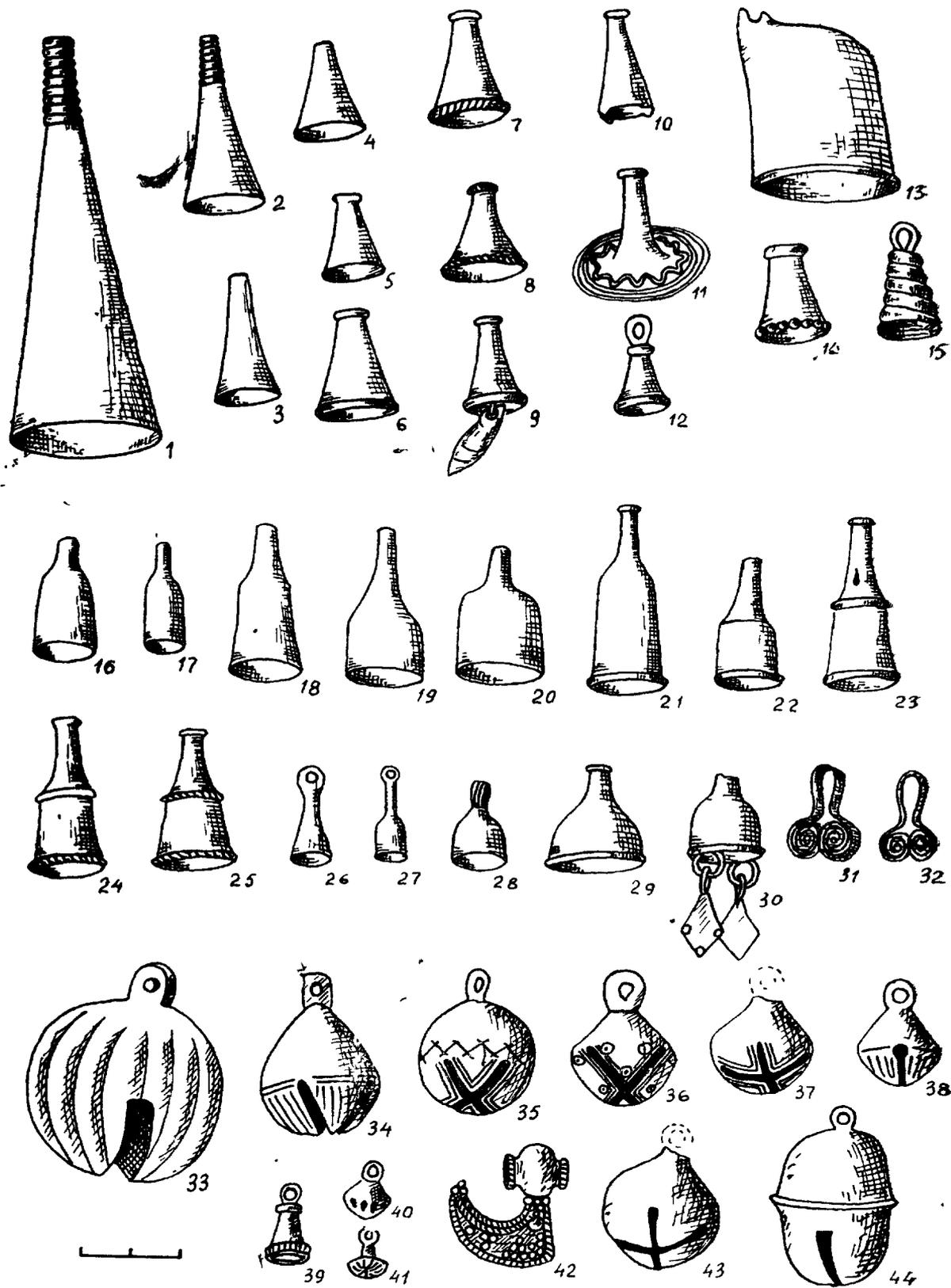

Рис. 29

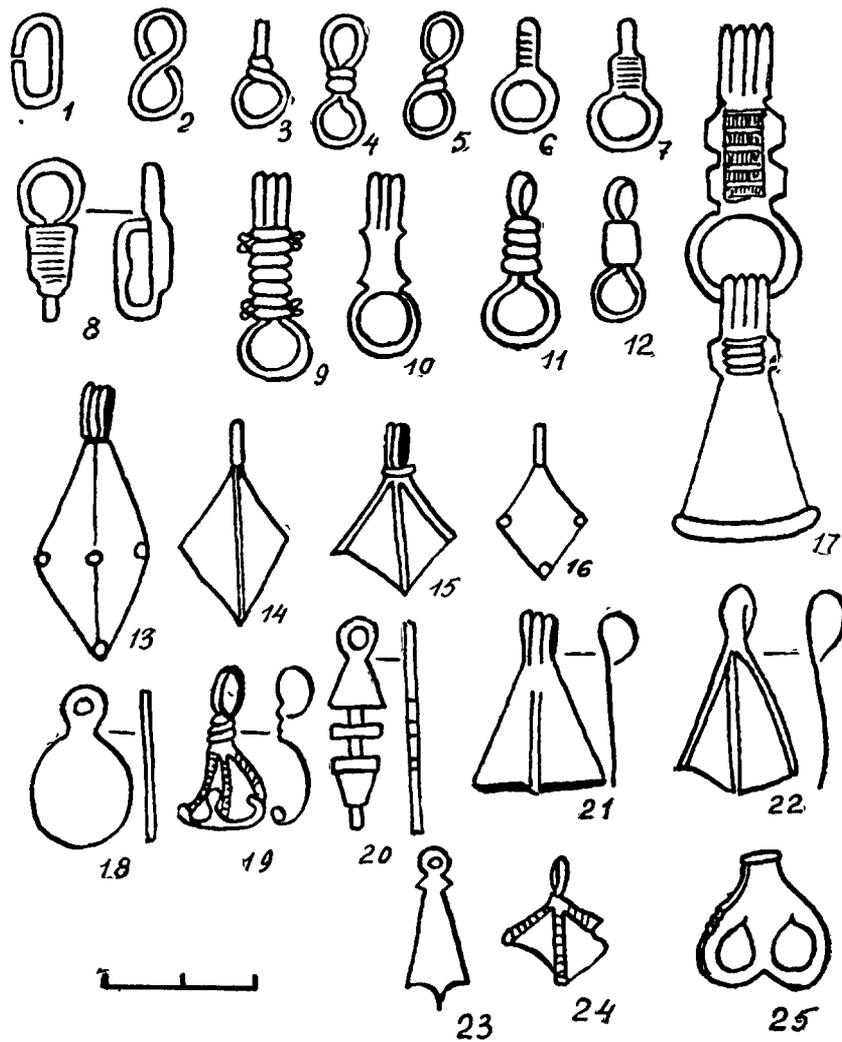

Рис. 30

А С НЕСОМКНУТЫМИ КОНЦАМИ

ТИПЫ	I Многогранные (АГ)																					
	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
БАСЕЙНЫ ПЕК																						
НАЗВАНИЕ																						
МОГИЛНИКОВ																						
ВОГА																						
ДЕТАКА																						
ДАТКА																						
КОЧЕРГИНСКИЙ																						
ЛОПЬЯДСКИЙ																						
ВЕСЕЛОВСКИЙ	2	4	1	16	7	7	1	1	2	3 ¹⁾	2	3	4	4	1	1	5	3	7	5	2	60
ЧЕРЕМСКОЕ КА													8	1	1			1				22
ДУБОВСКИЙ													1				1					4
ДУТКИНСКИЙ																						
ЮМСКИЙ	2	4				2			1	7 ²⁾	1				1							20
КОЧЕРГИНСКИЙ									1				4	3	1							9
ЛОПЬЯДСКИЙ	2	2	8	2	16	9	1	1	1	13	1	2	14	16	4	1	6	5	8	5	2	133

ПРИМЕЧАНИЕ ОРНАМЕНТ, ТОЛЬКО НА КОНЦАХ

¹⁾ БЕЗ НАКЛЕЧКИ

²⁾ БЕЗ ОРНАМЕНТА

Рис. 31

АС НЕСОМКНУТЫМИ КОНЦАМИ

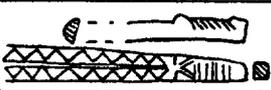
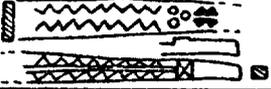
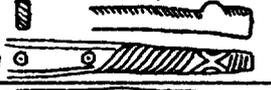
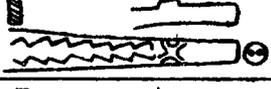
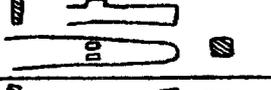
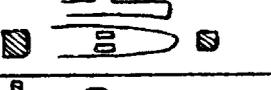
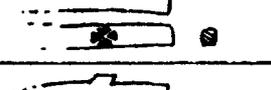
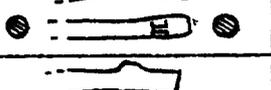
ТИПЫ		II С «ГОЛОВКАМИ» (AII)													
		а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л			
БАССЕЙНЫ \ РЕК BASSAINY \ PEK	НАЗВАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ														
	ВЕСЕЛОВСКИЙ	1	1	2	1	2	3	3	1	1		1	1	16	
	ЧЕРЕМИССКОЕ КЛ.														
	ДУБОВСКИЙ											1			1
	ЮМСКИЙ														
ВЯТКА VYATKA	КОЧЕРГИНСКИЙ														
	ЛОПЬЯВСКИЙ														
		1	1	2	1	2	3	3	1	1	1	1	1	17	

Рис. 32

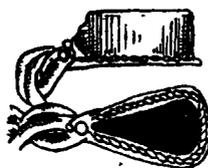
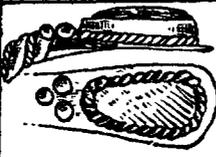
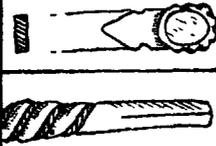
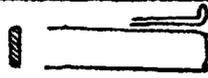
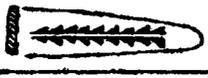
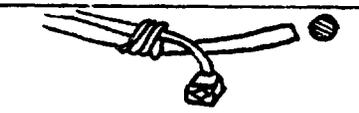
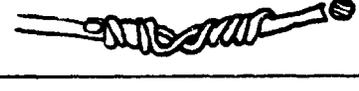
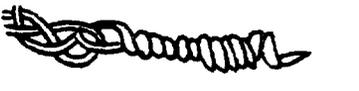
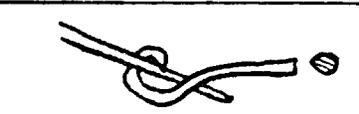
ТИПЫ		А.И.В. РАЗНЫЕ												
		а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	
БАСЕЙНЫ ПЕК	НАЗВАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ													
	ВЕСЕЛОВСКИЙ	1					1	5	2	2		1	12	
	ЧЕРЕМИССКОЕ КЛ						1					1	3	
	ДУБОВСКИЙ	2			2	1					2		7	
	РУТКИНСКИЙ													
	БОРИСКОВСКИЙ							11					11	
	КАНТАУРОВО			1									1	
	ЮМСКИЙ													1
	КОЧЕРГИНСКИЙ													1
	ЛОПЯЛЬСКИЙ													
		2	1	1	2	1	14	5	2	5	1	1	36	

Рис. 34

Б. С ЗАВЯЗАННЫМИ КОНЦАМИ

Типы	a b в г д е					
						
БАСЕЙНЫ ПЕК						
НАЗВАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ						
ВЕСЕЛОВСКИЙ				5		1 6
ЧЕРЕМИССКОЕ КЛ.	1					1
ДУБОВСКИЙ			3			3
РУТКИНСКИЙ					1	1
ЮМСКИЙ	1					1
КОЧЕРГИНСКИЙ						
ЛОПЬЯЛЬСКИЙ						
ВЯТКА	1	1	3	5	1.	1 12

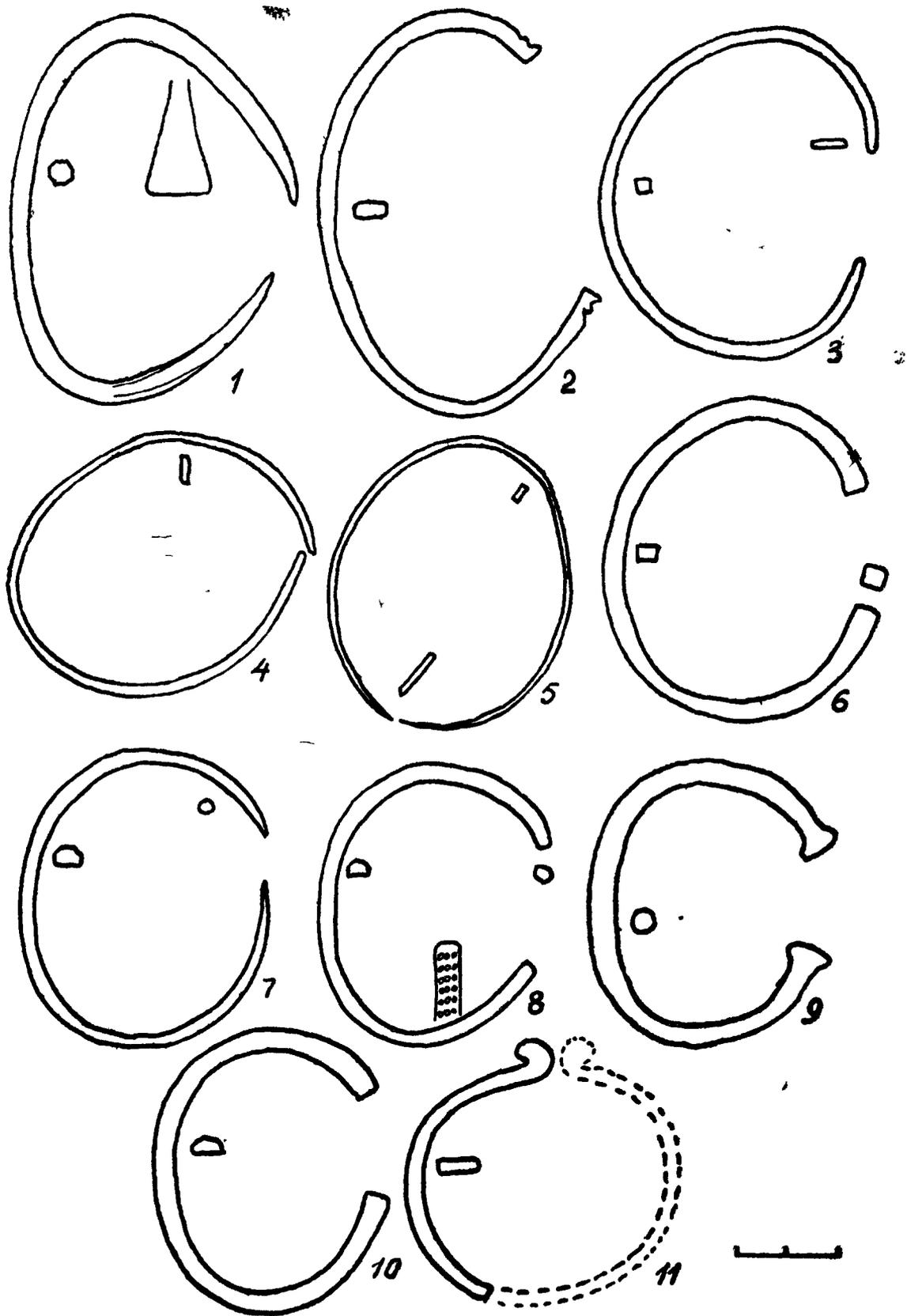

Рис. 36

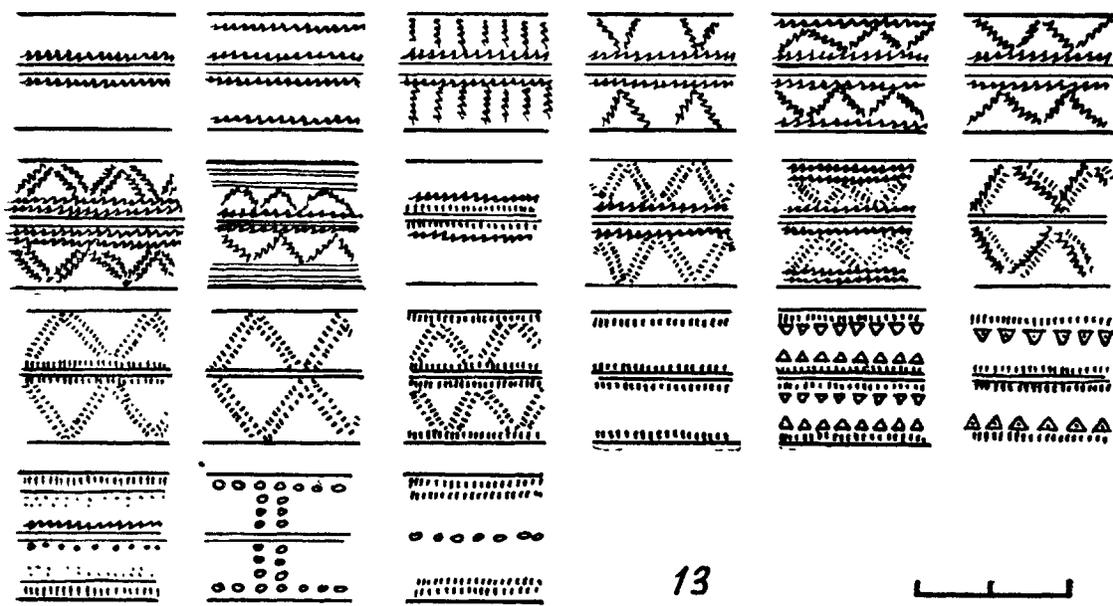
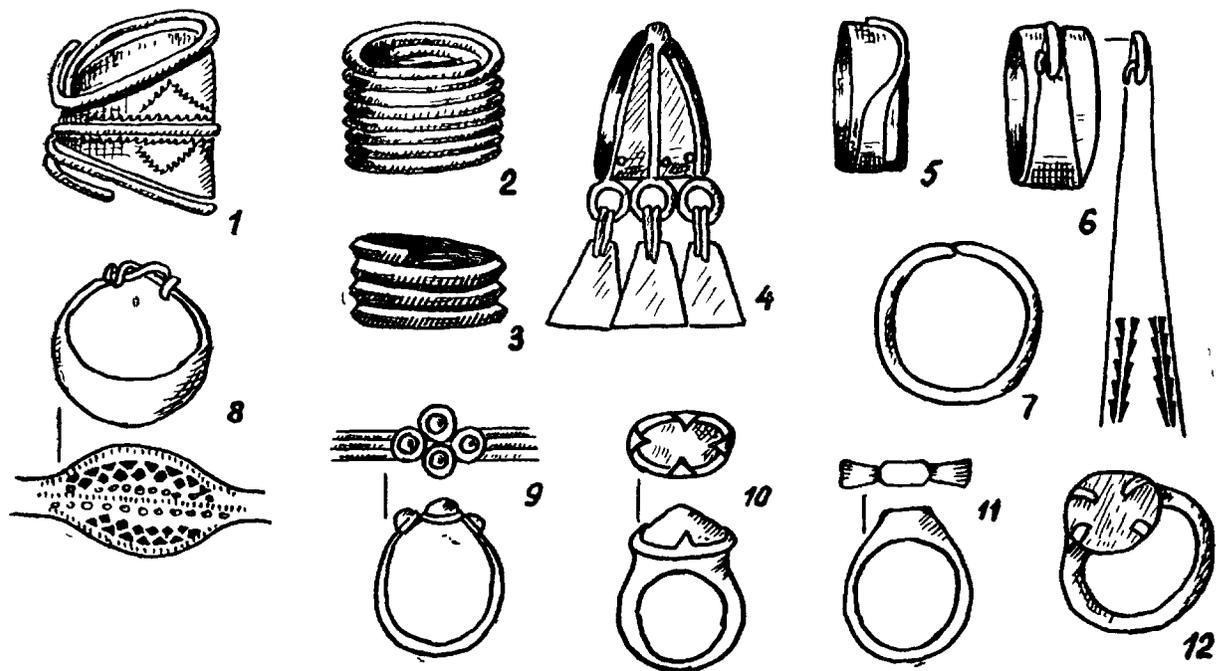

Рис. 37

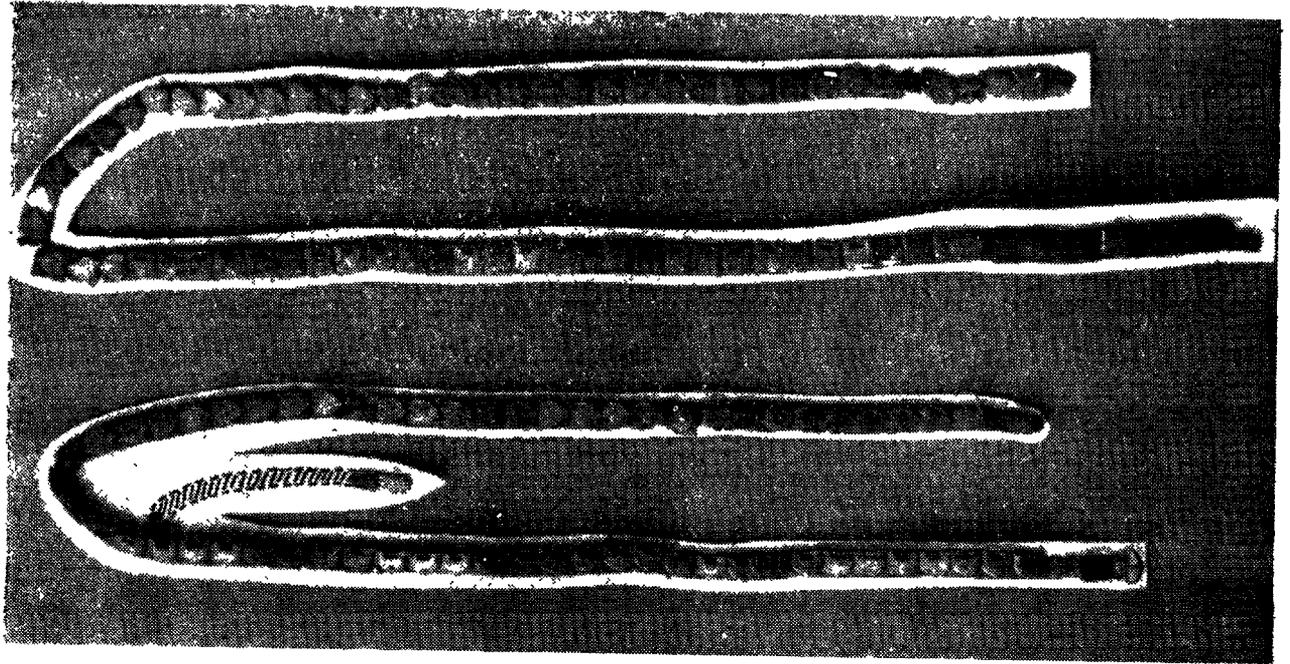

Рис. 38

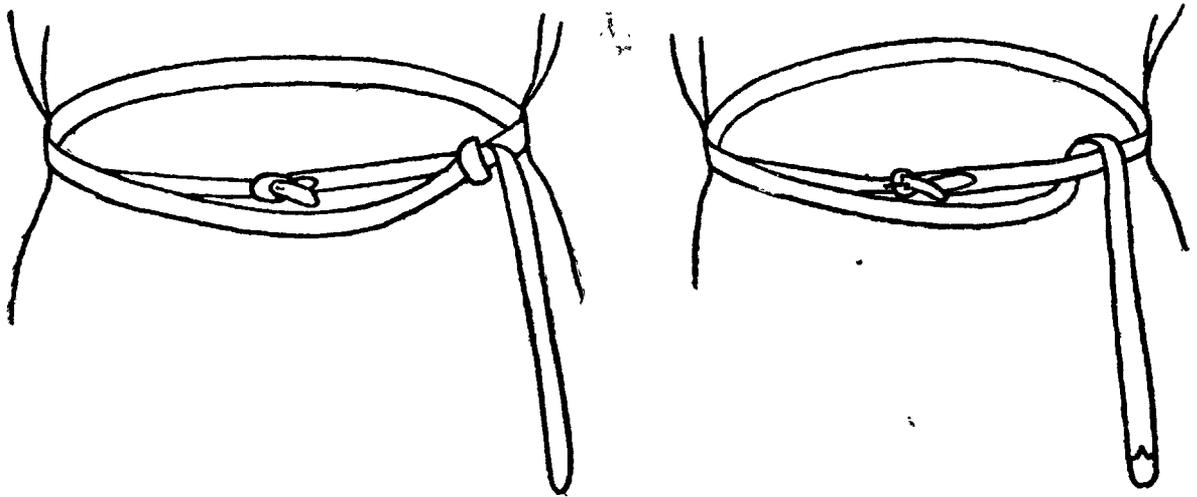

Рис. 39

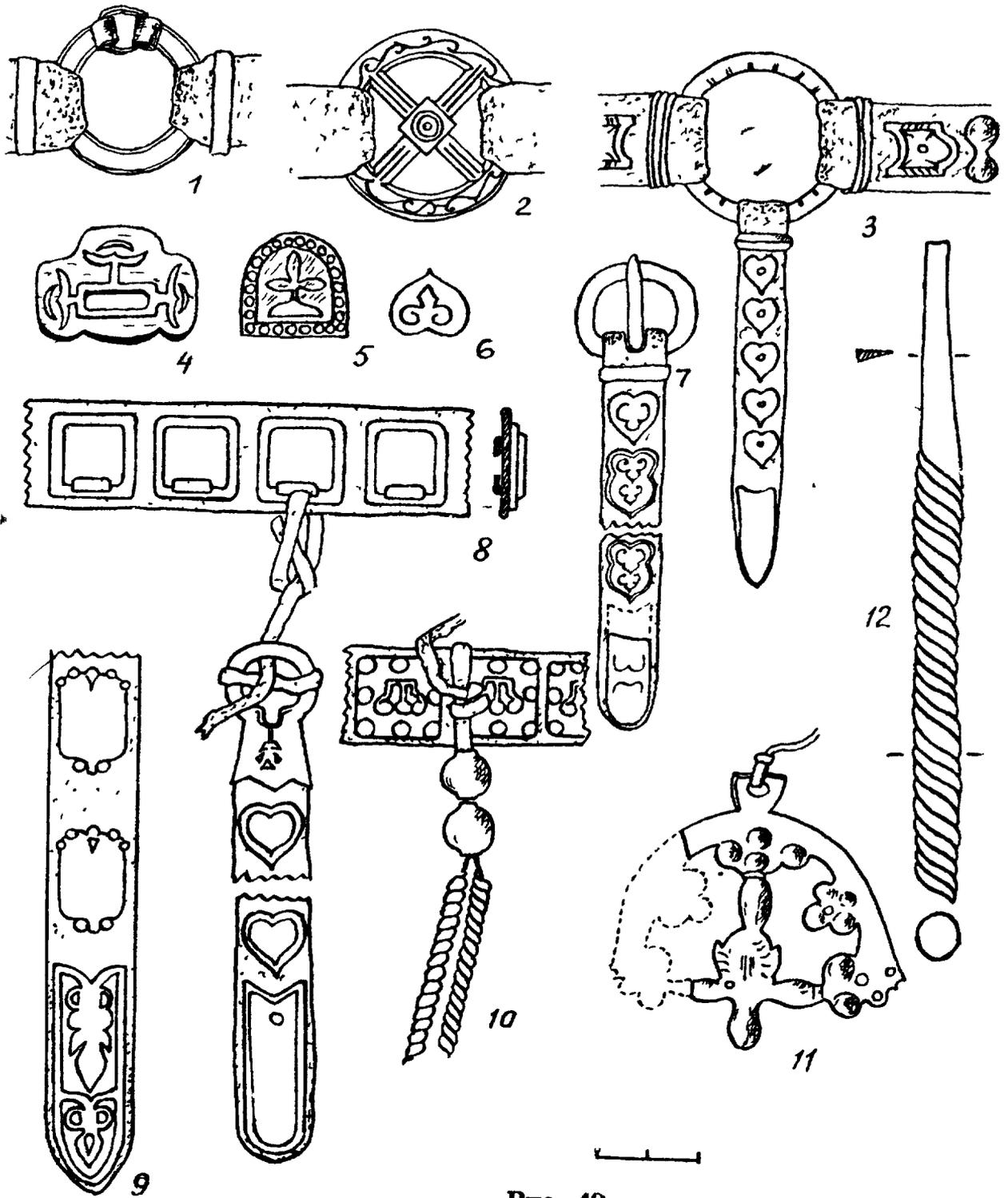

Рис. 40

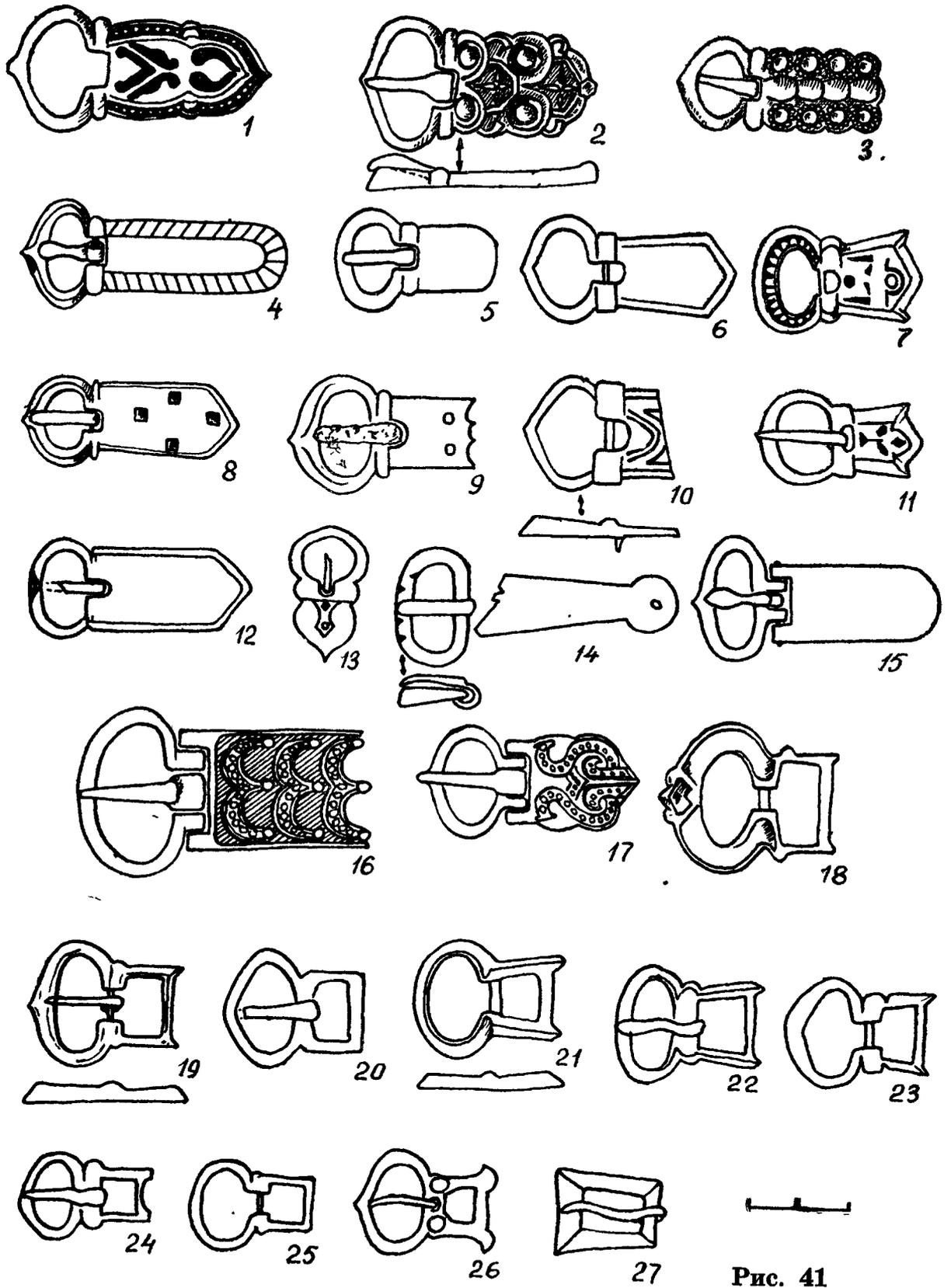

Рис. 41

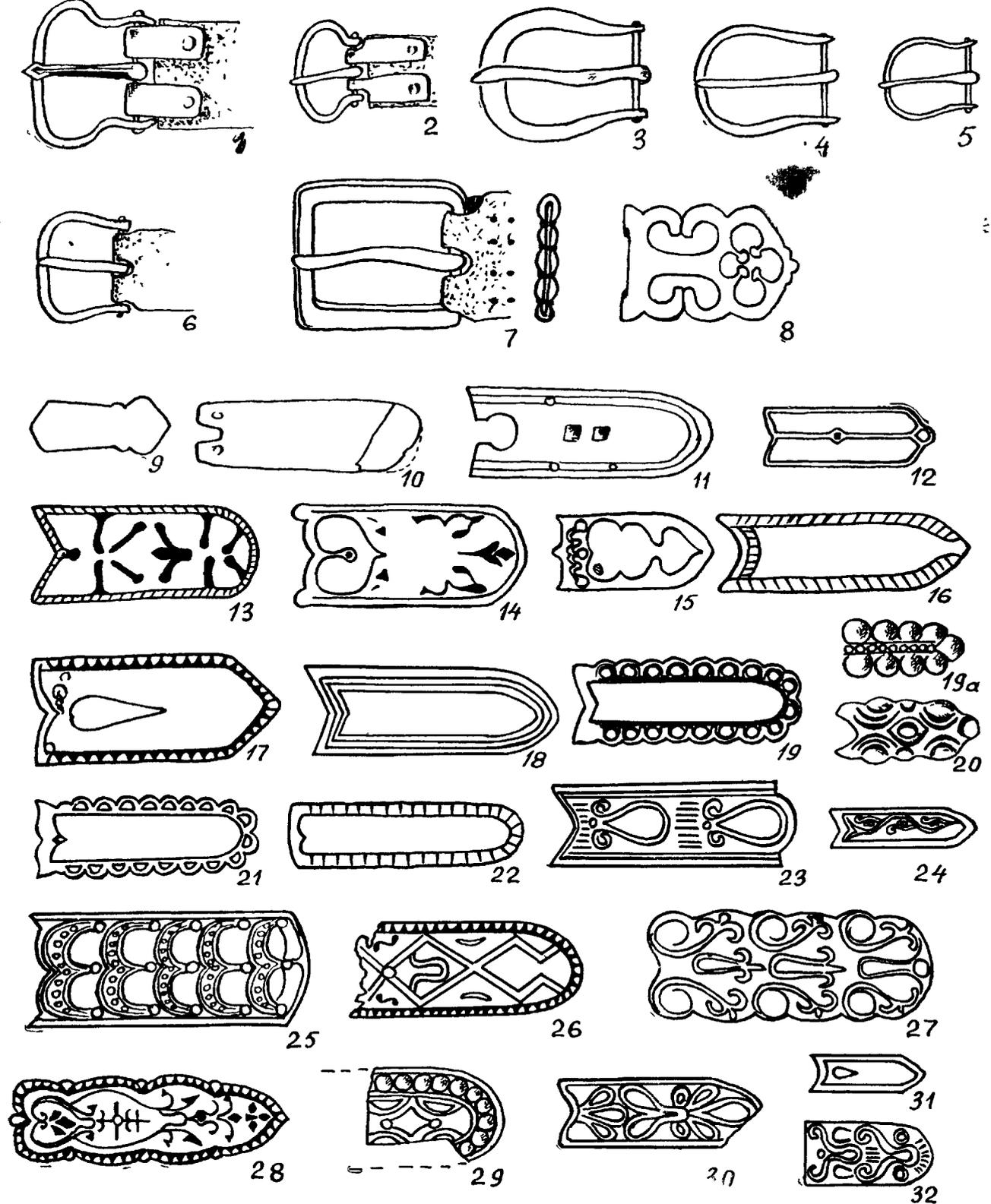

Рис. 42

Рис. 43

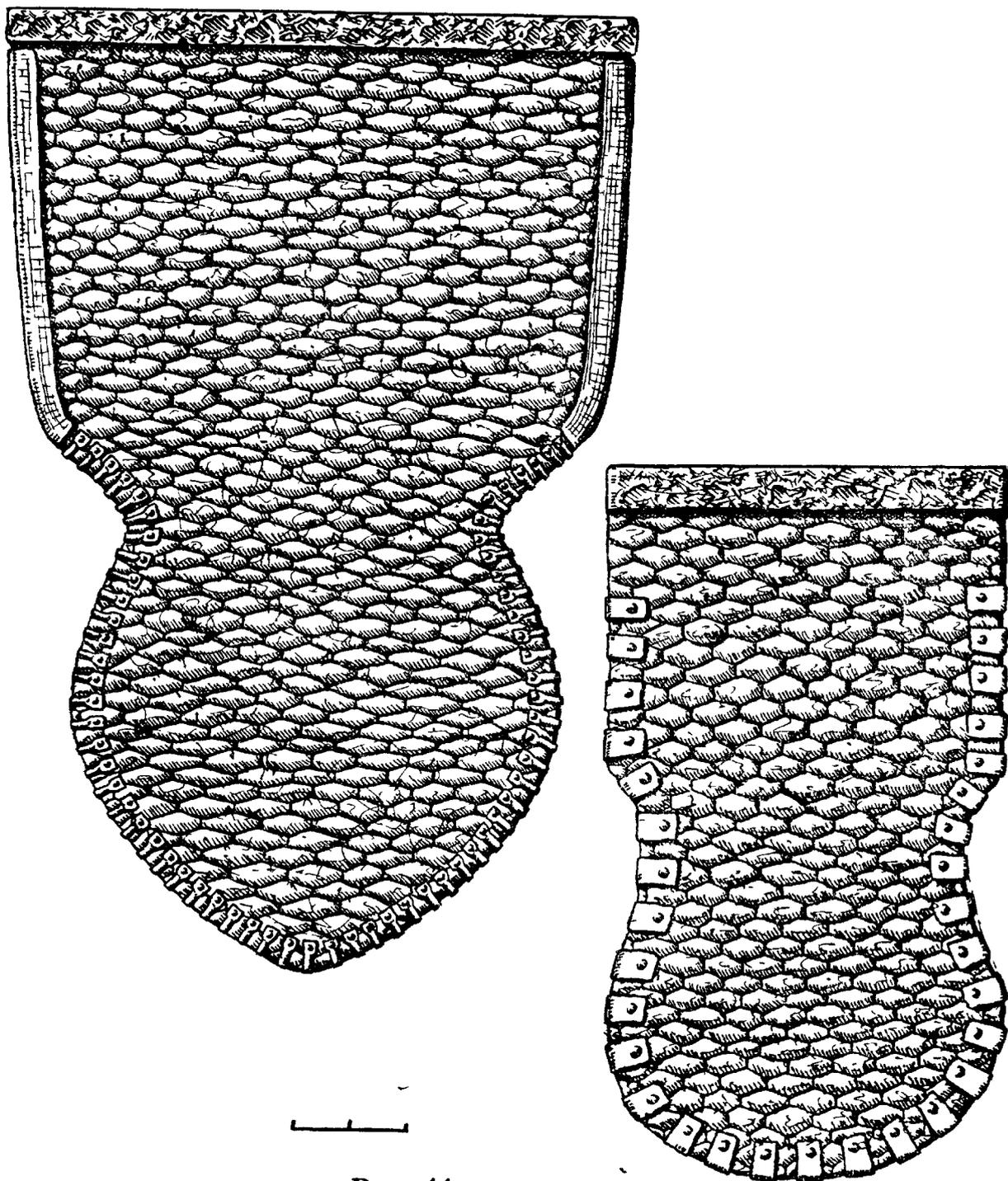

Рис. 44

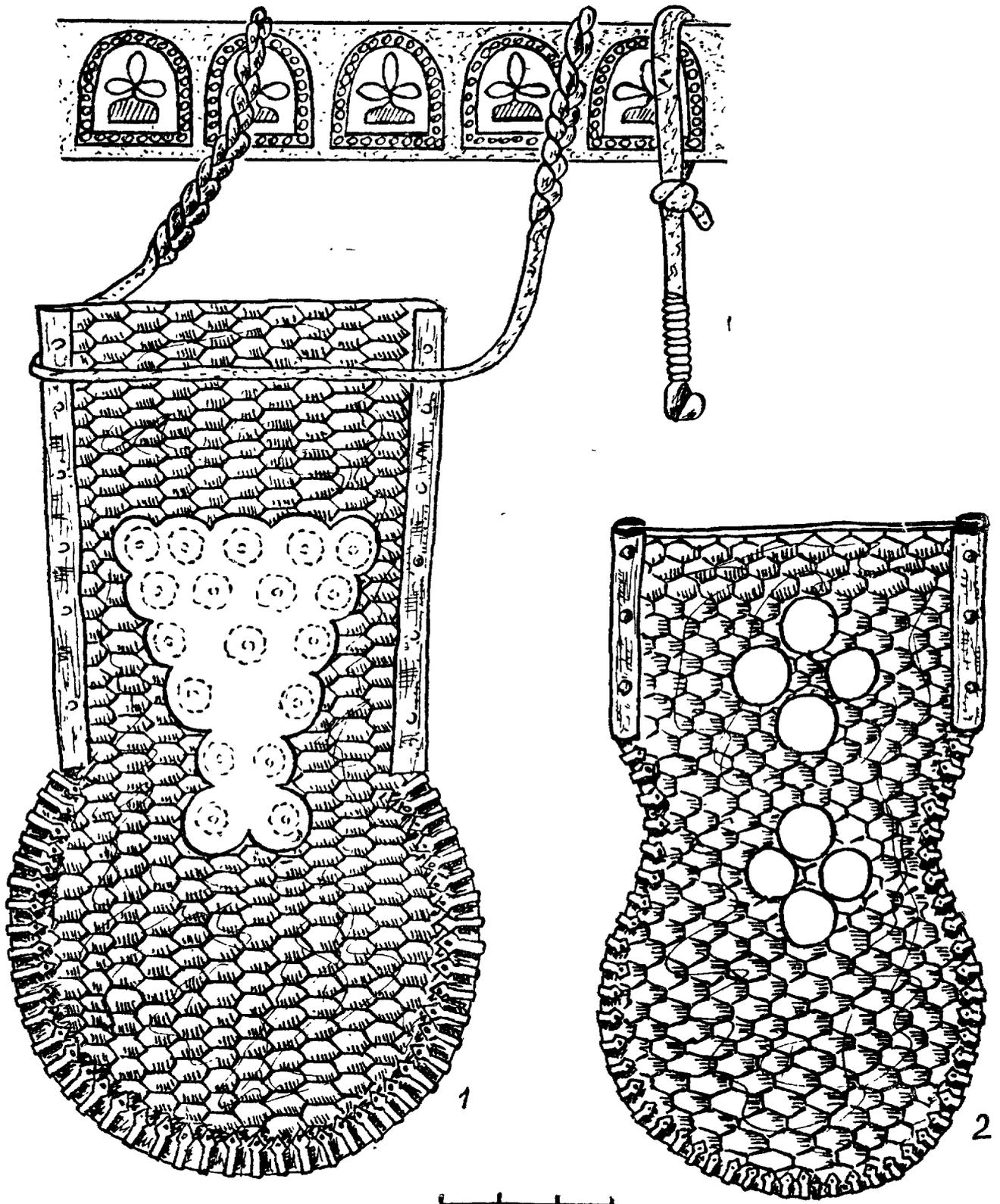

Рис. 45

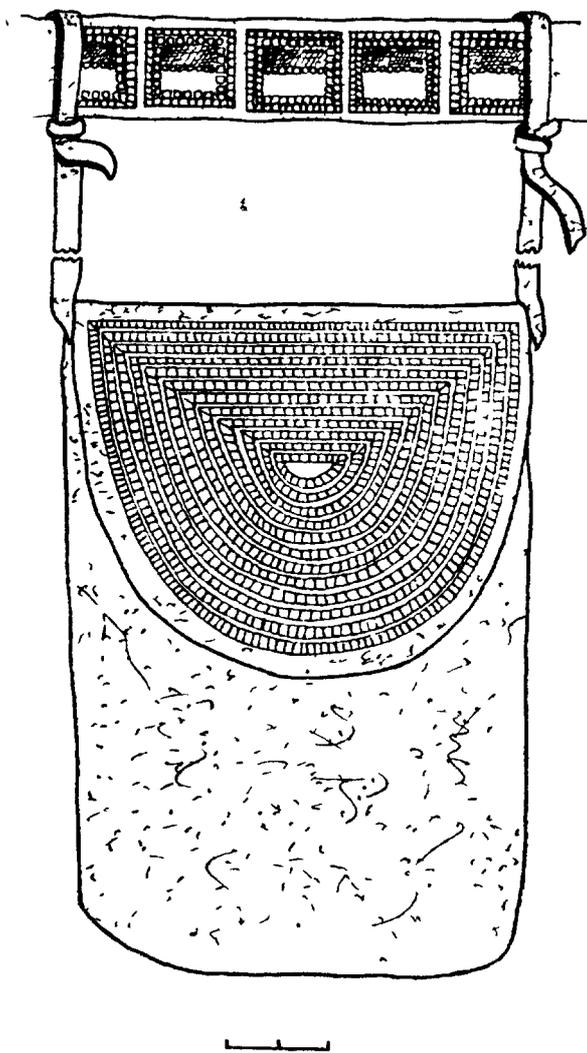

Рис. 46

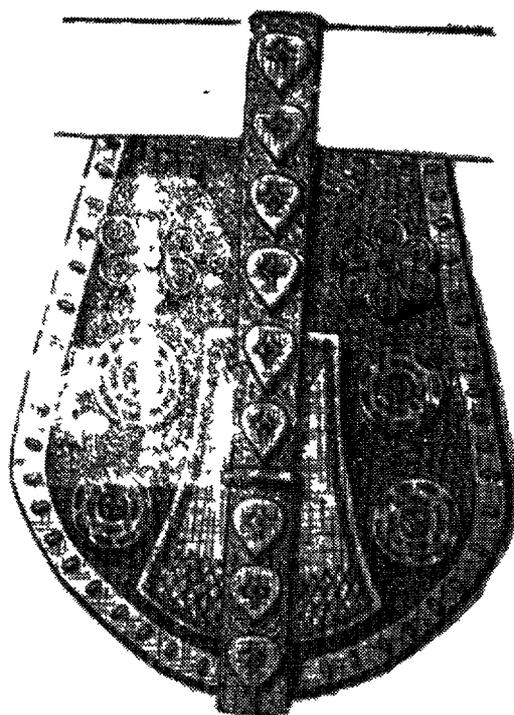

Рис. 47

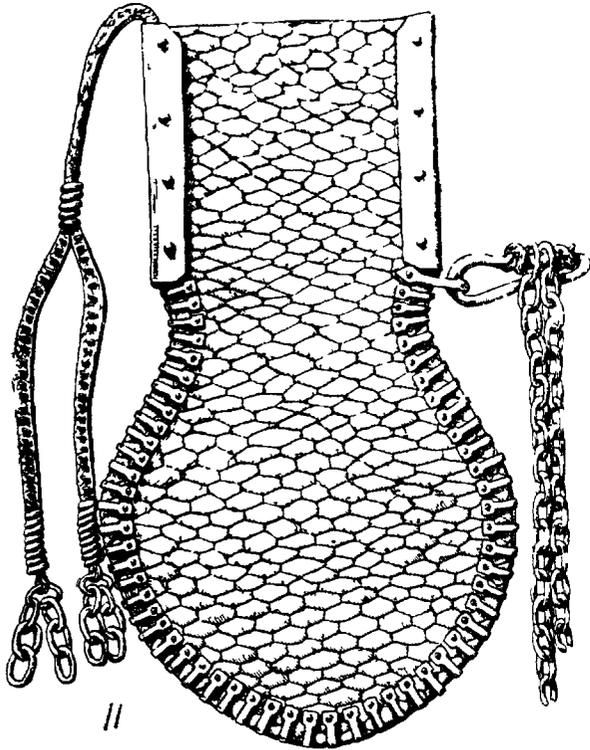

Рис. 48

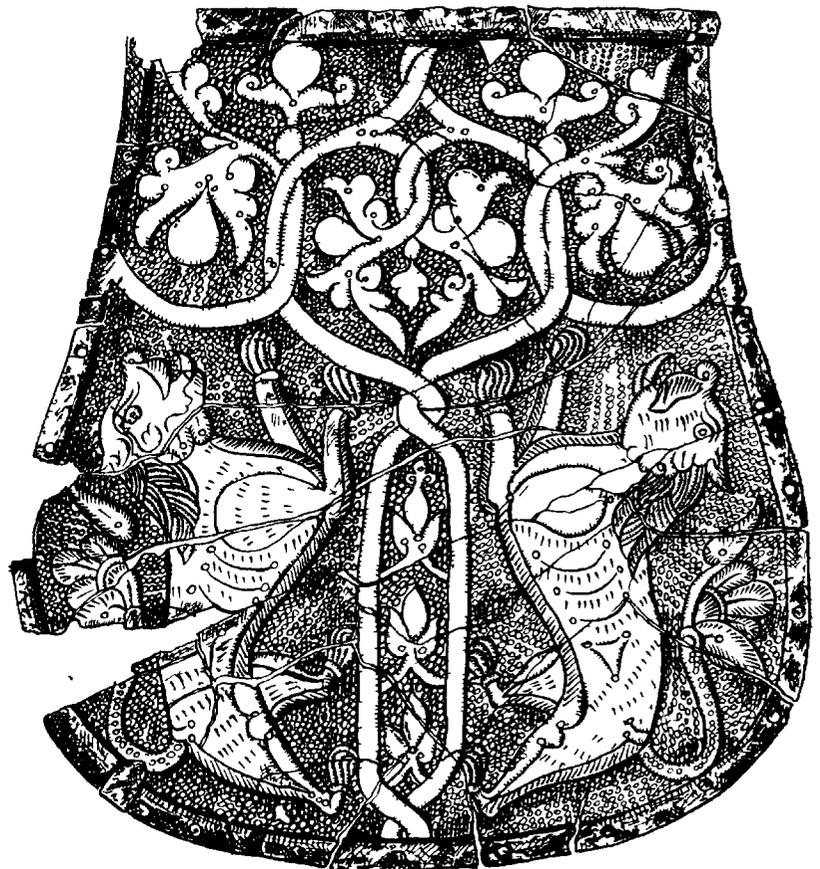
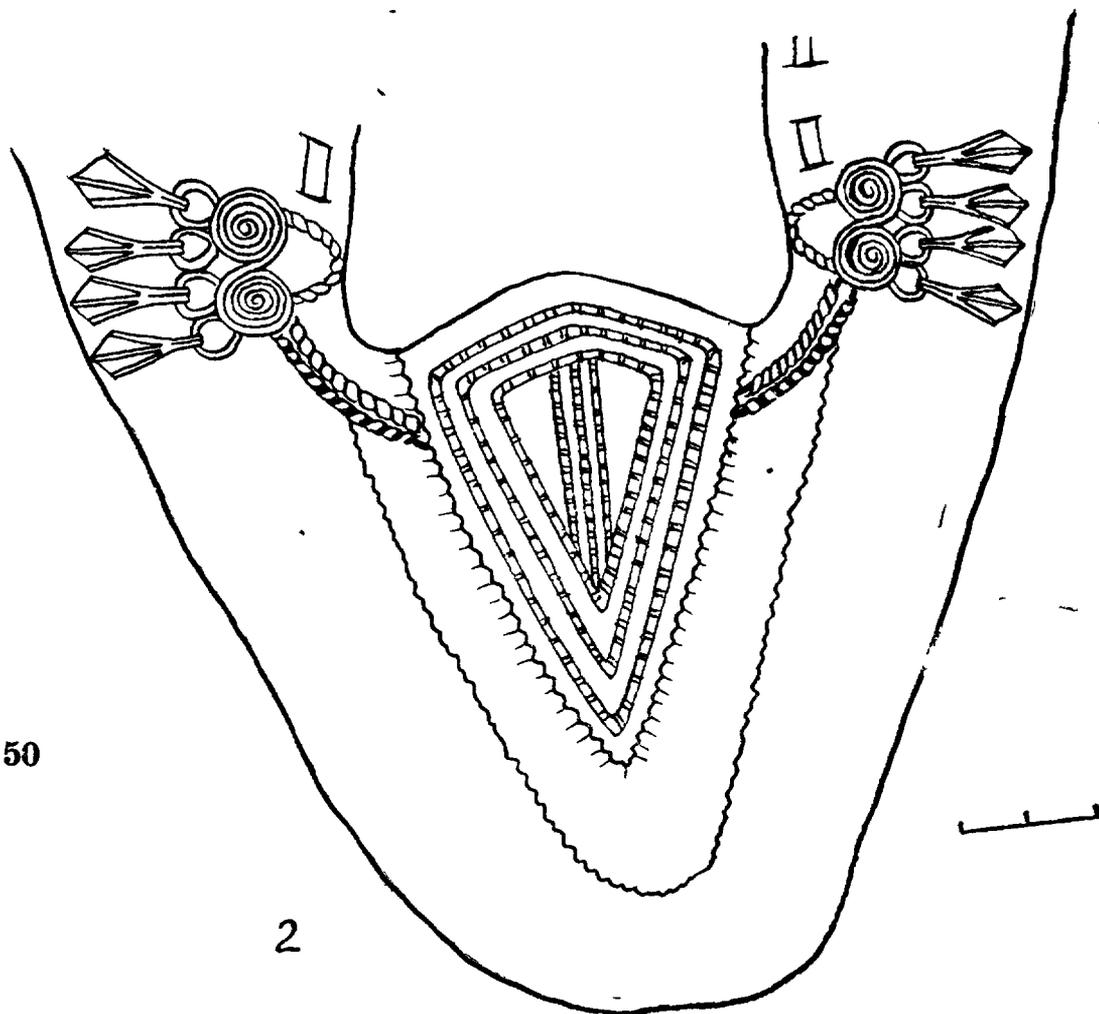

Рис. 49

1

2

Рис. 50

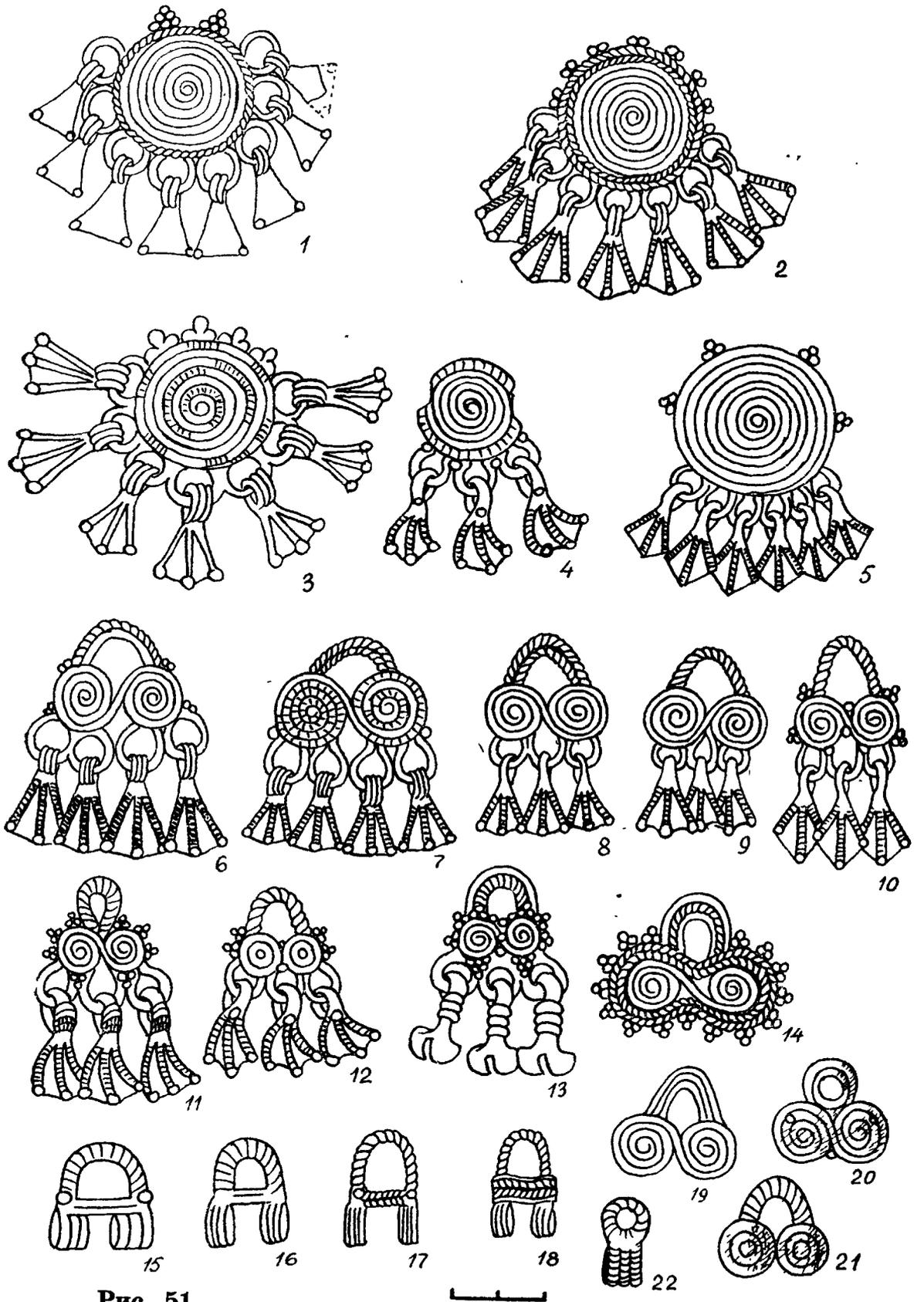

Рис. 51

11 Маривцы IX—XI вв.

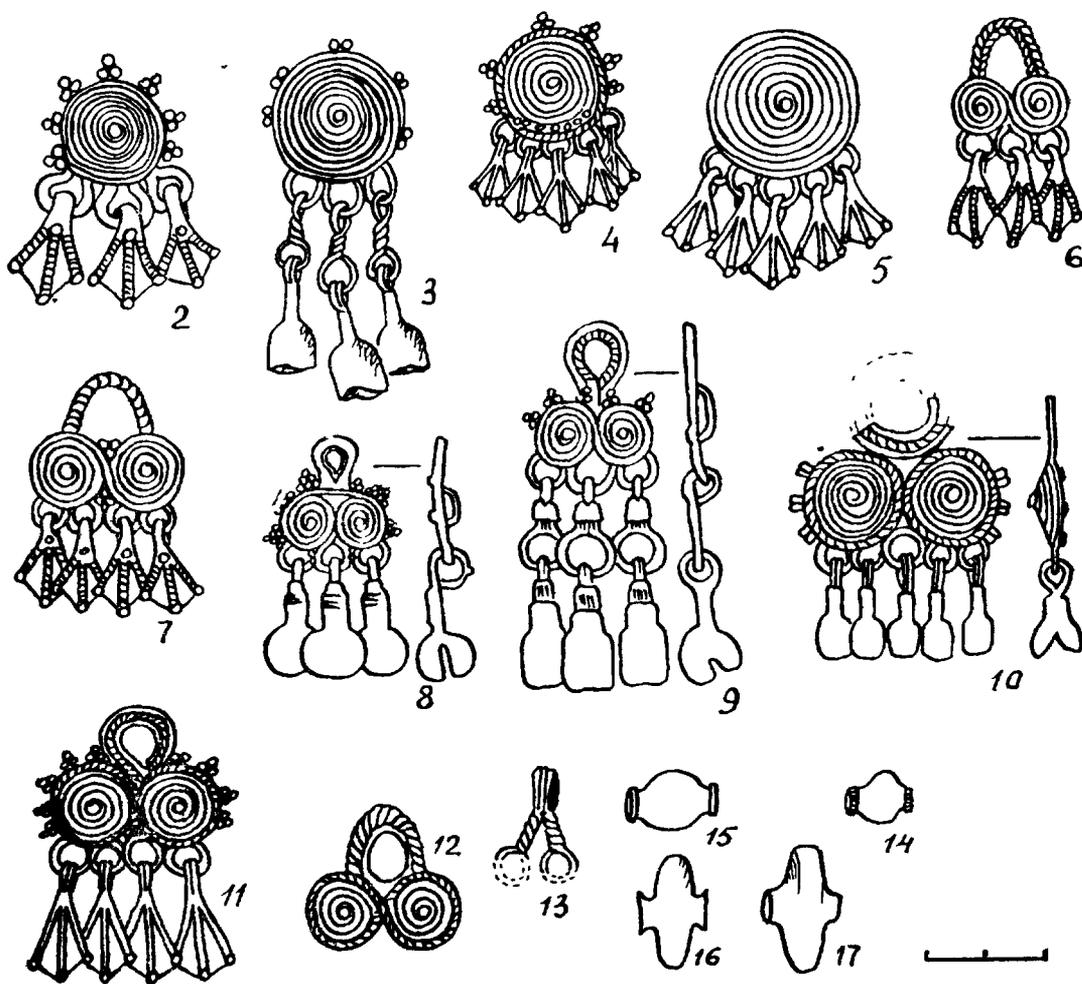
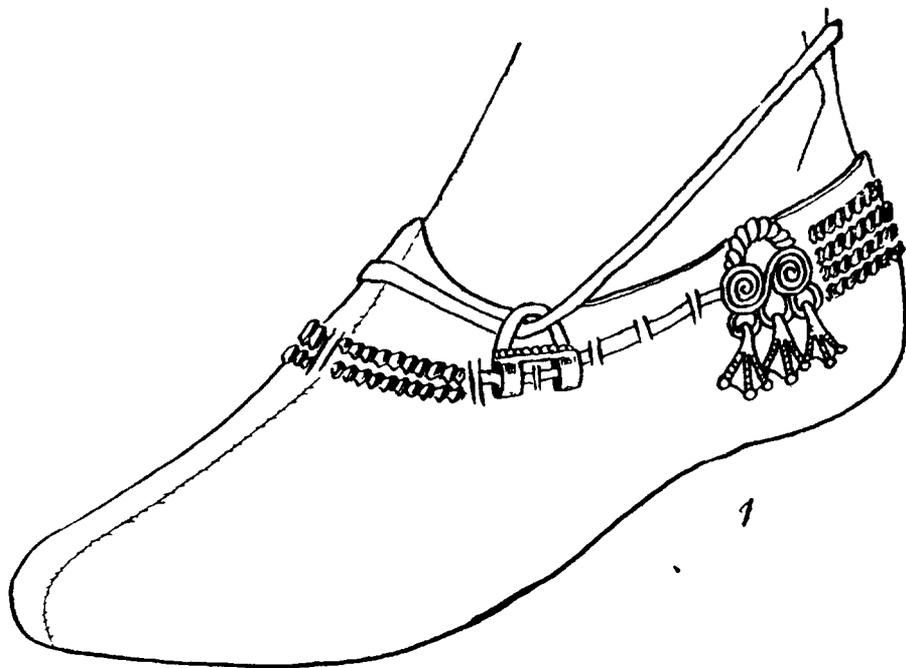

Рис. 52

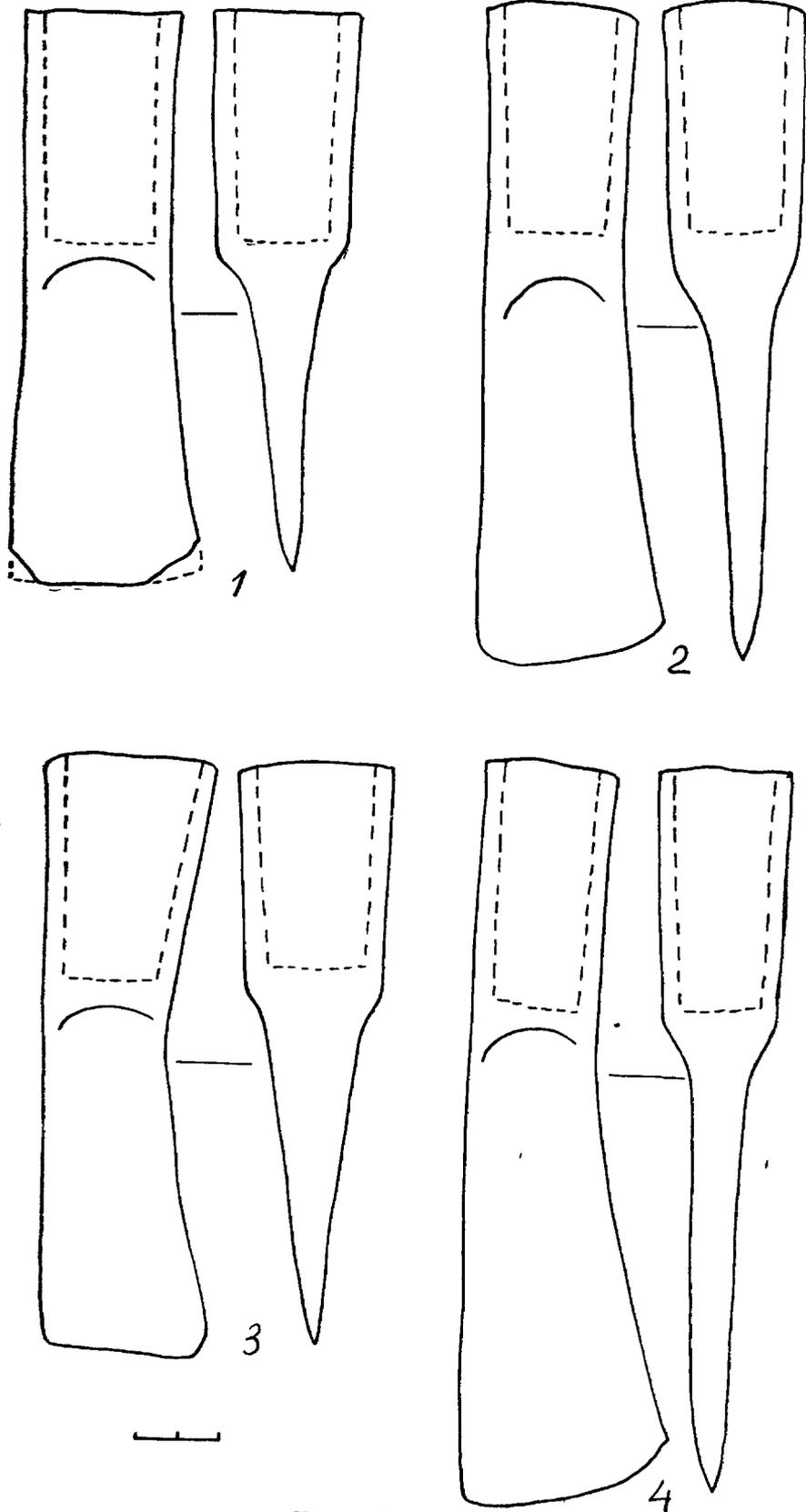
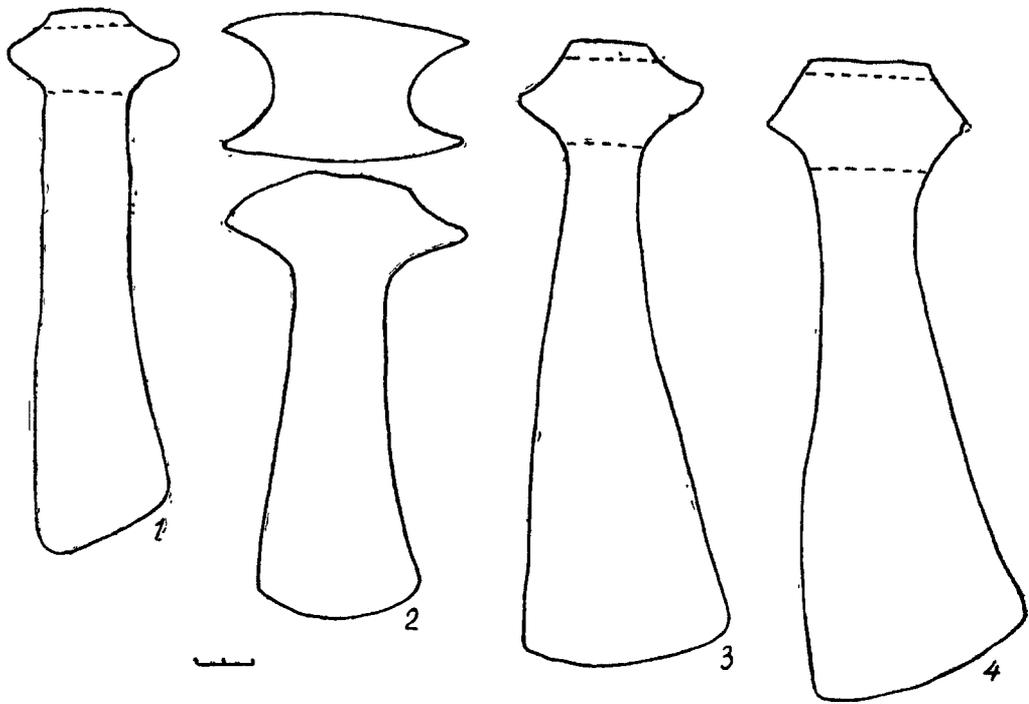
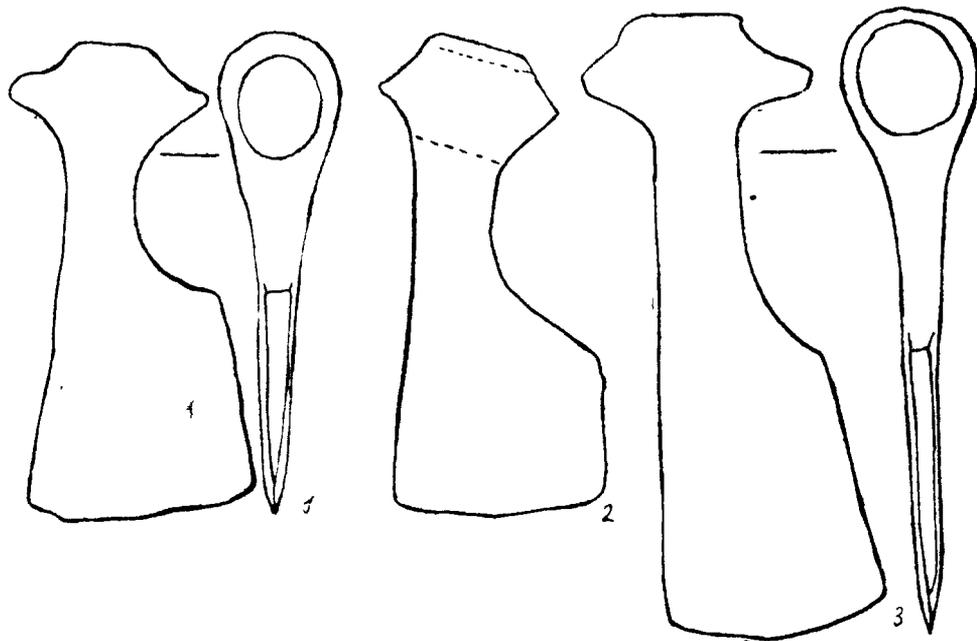

Рис. 53

Рис. 54

Рис. 55

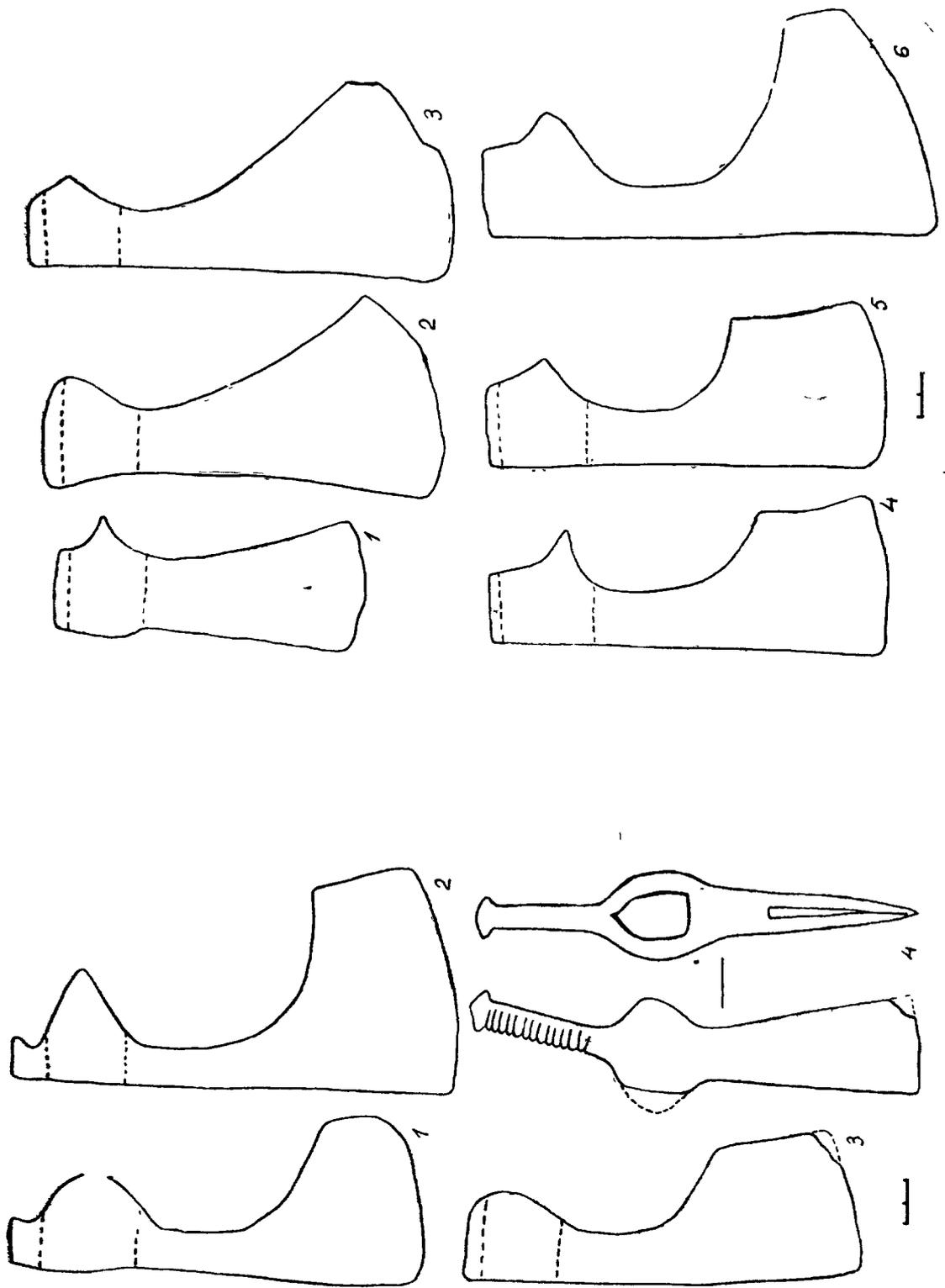

Рис. 56

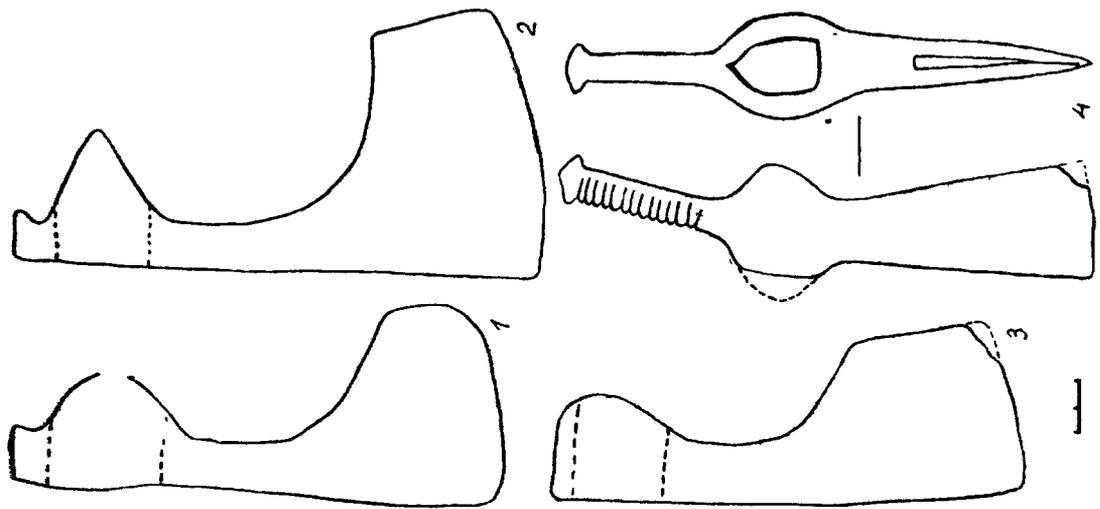

Рис. 57

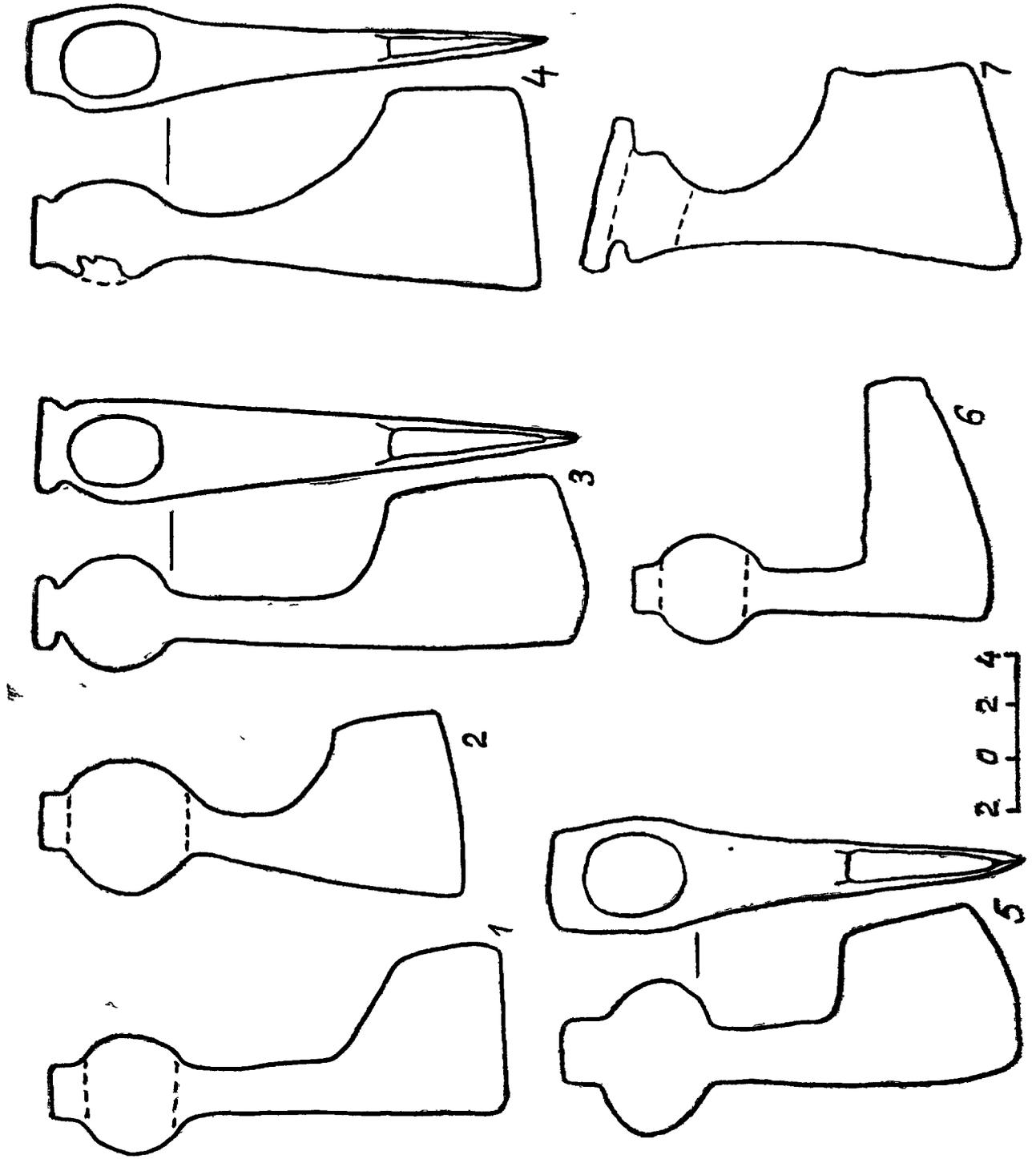

Рис. 58

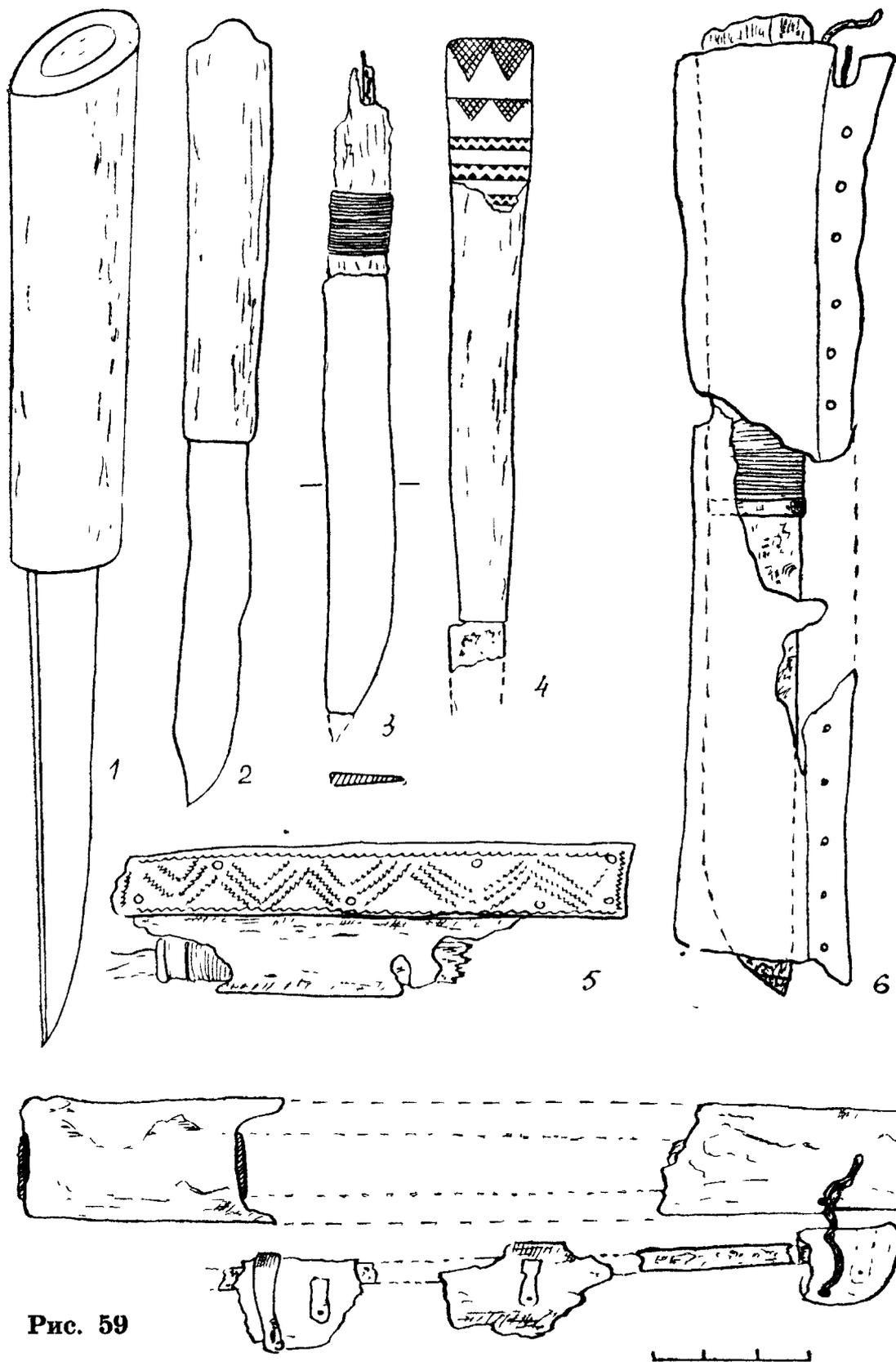
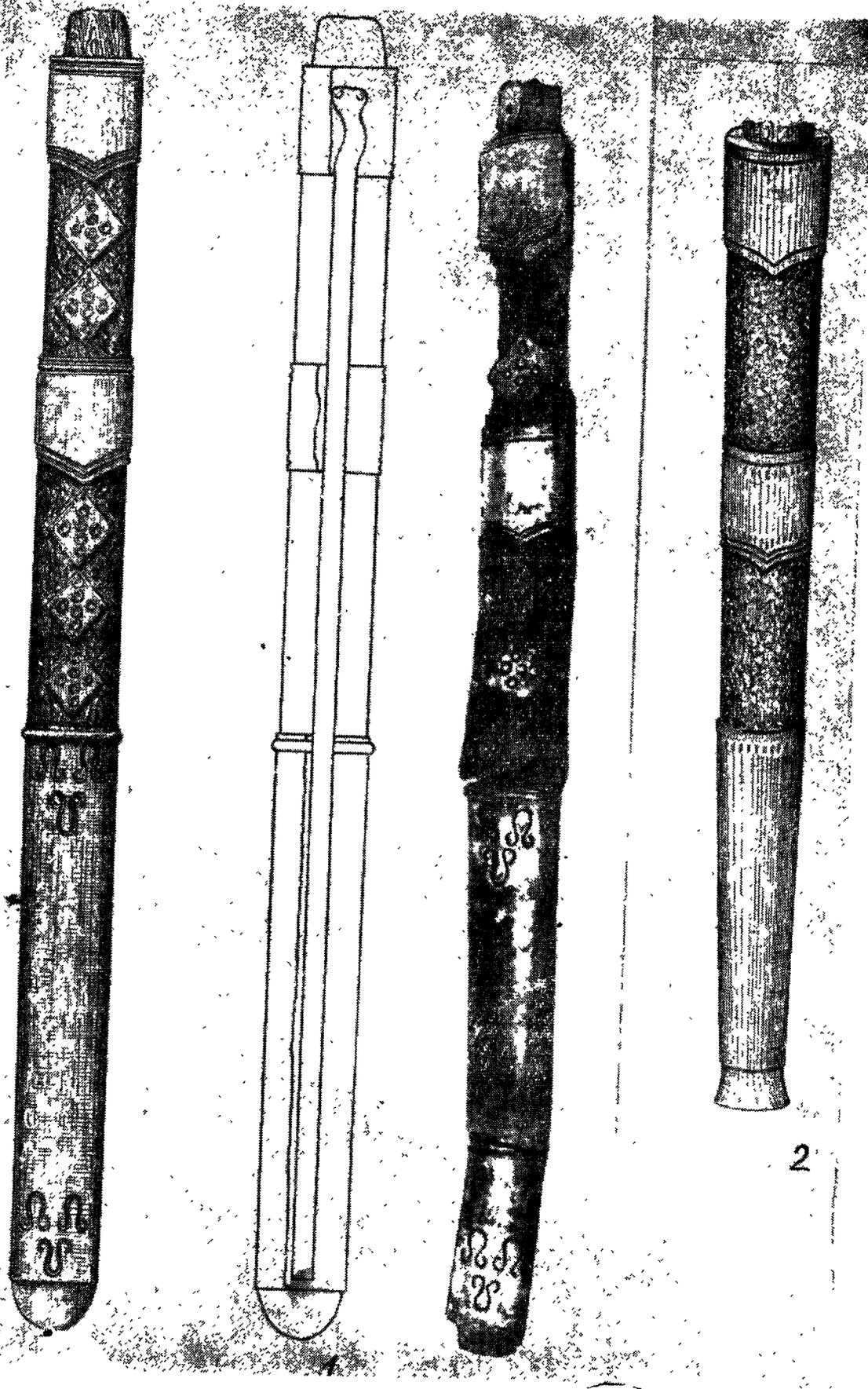

Рис. 59

Рис. 60

2

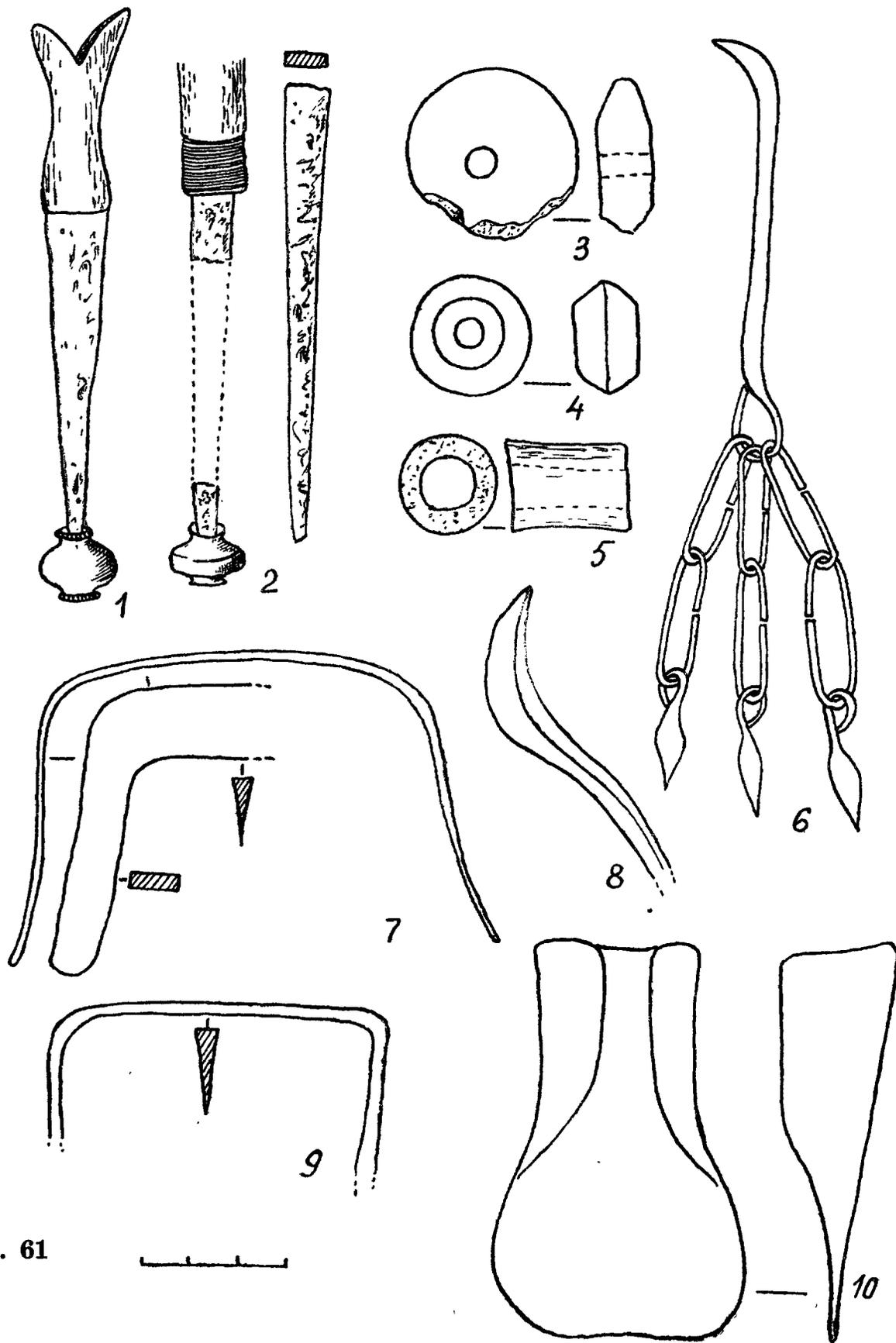

Рис. 61

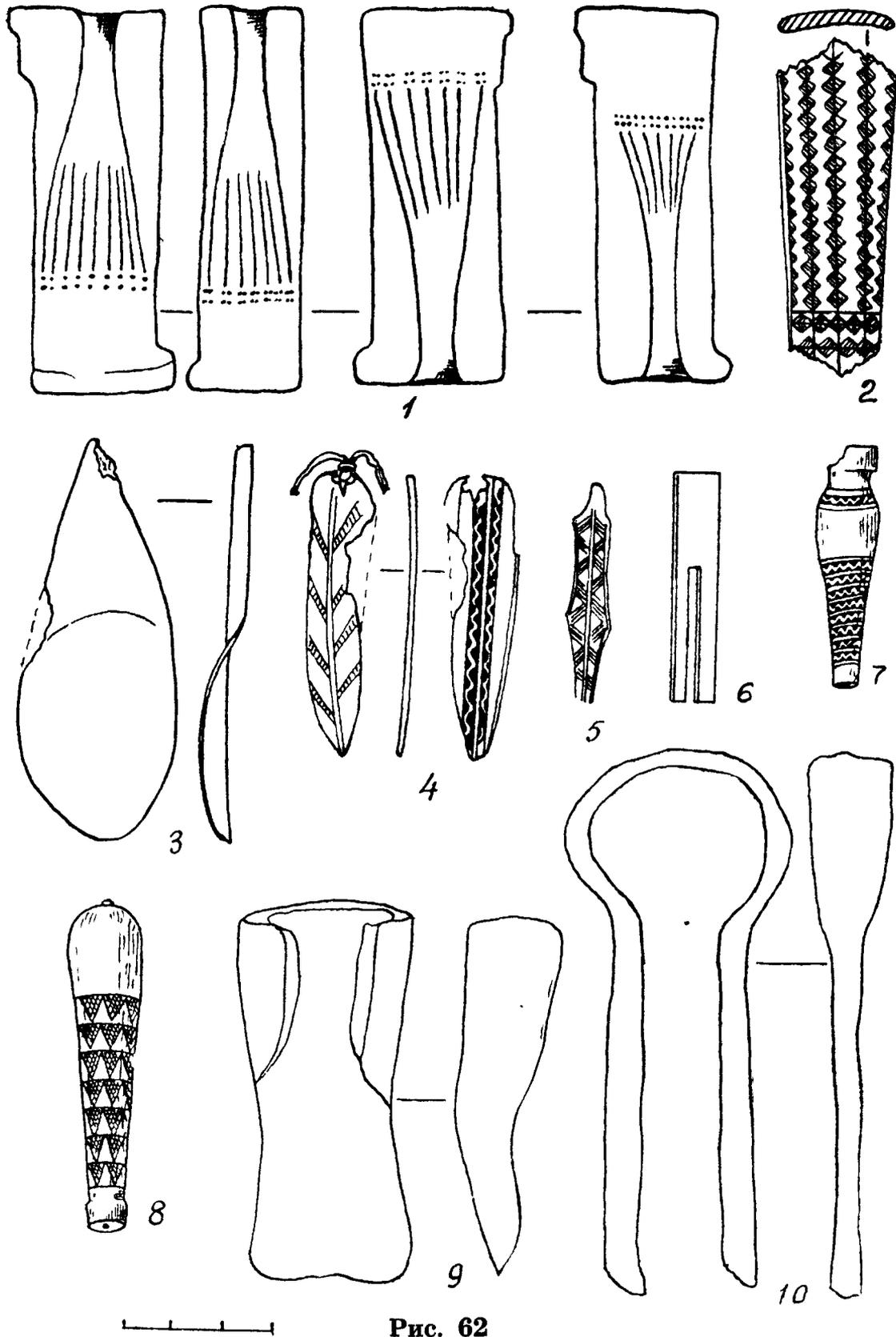

Рис. 62

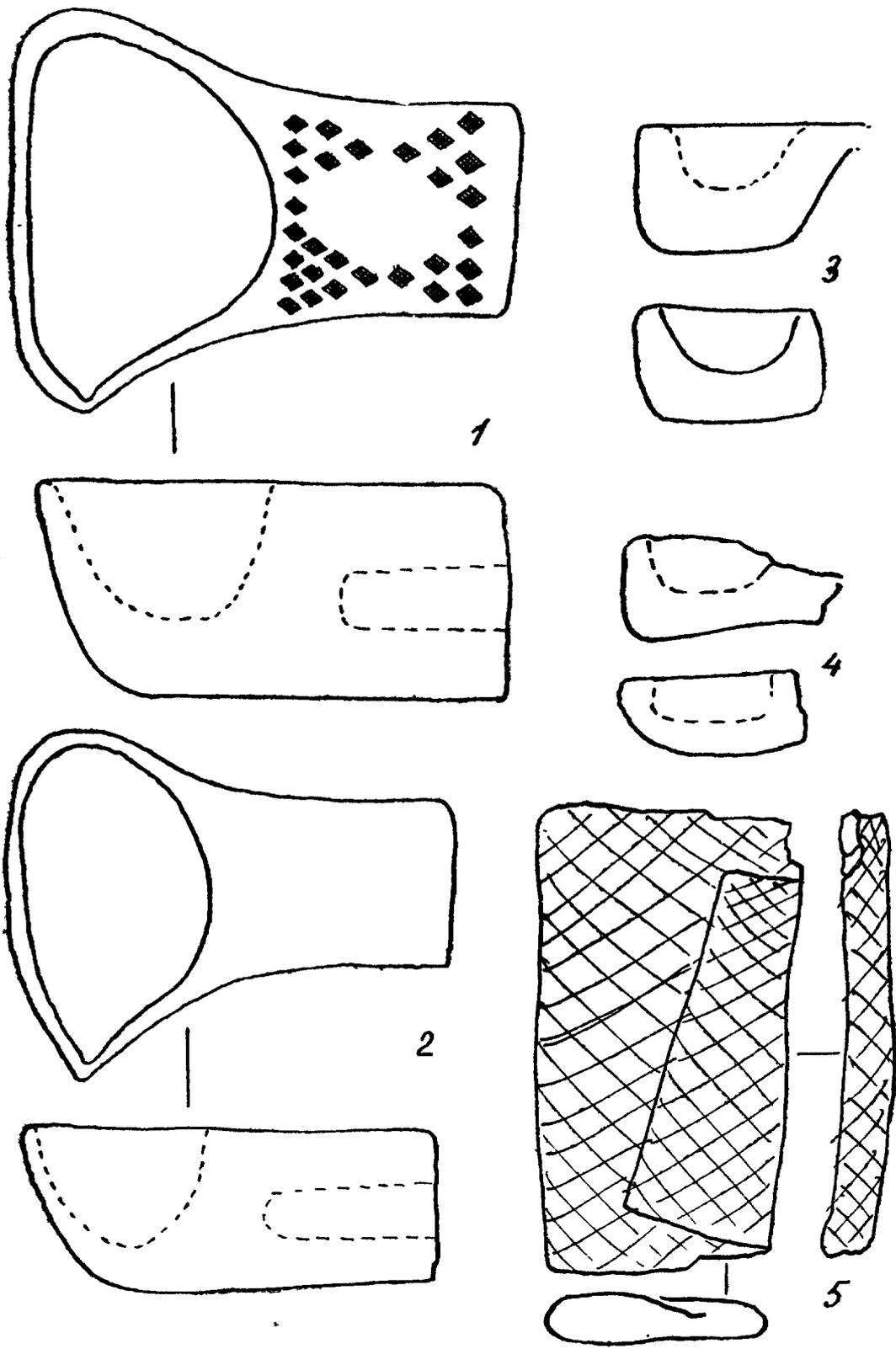

Рис. 63

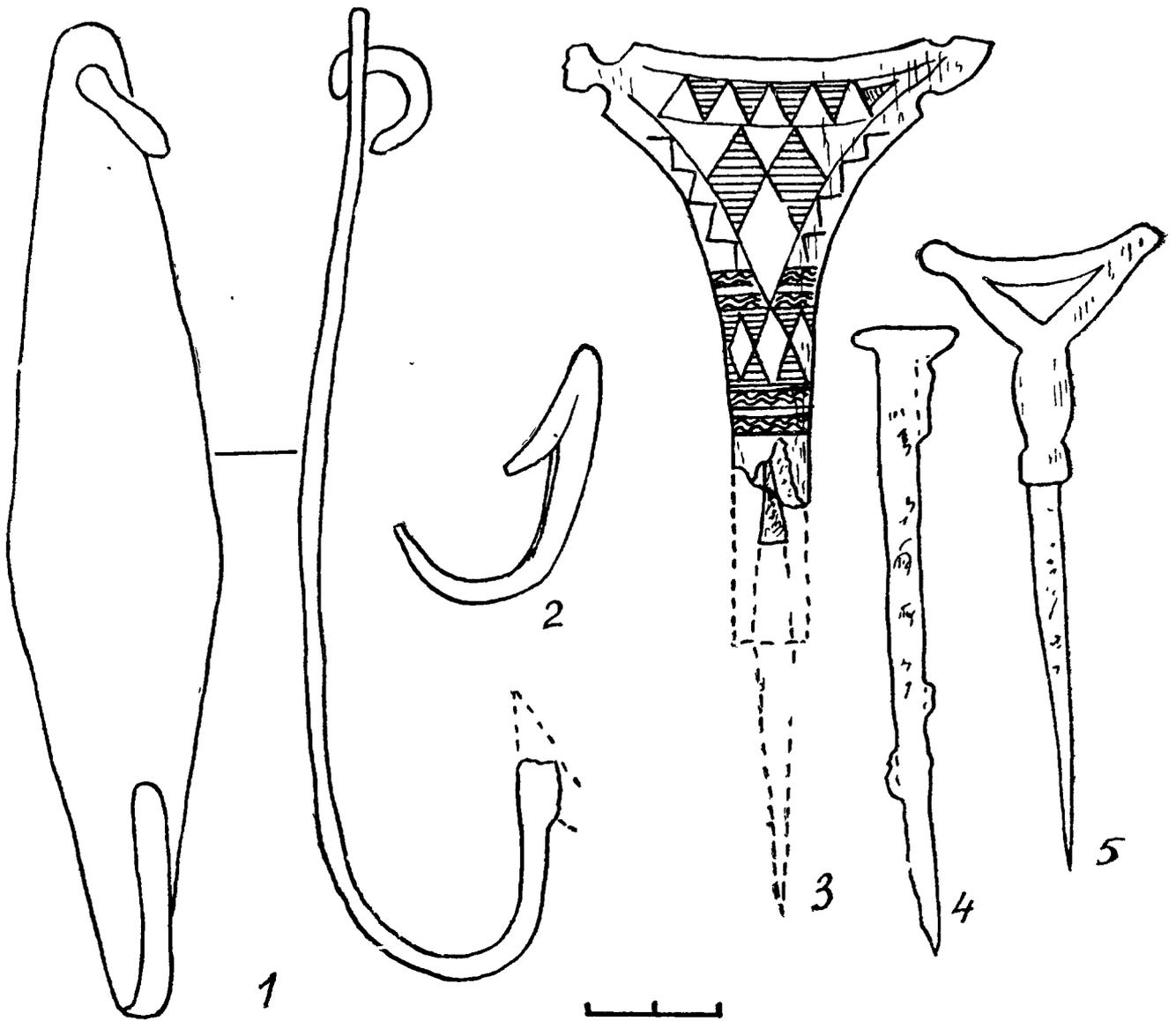

Рис. 64

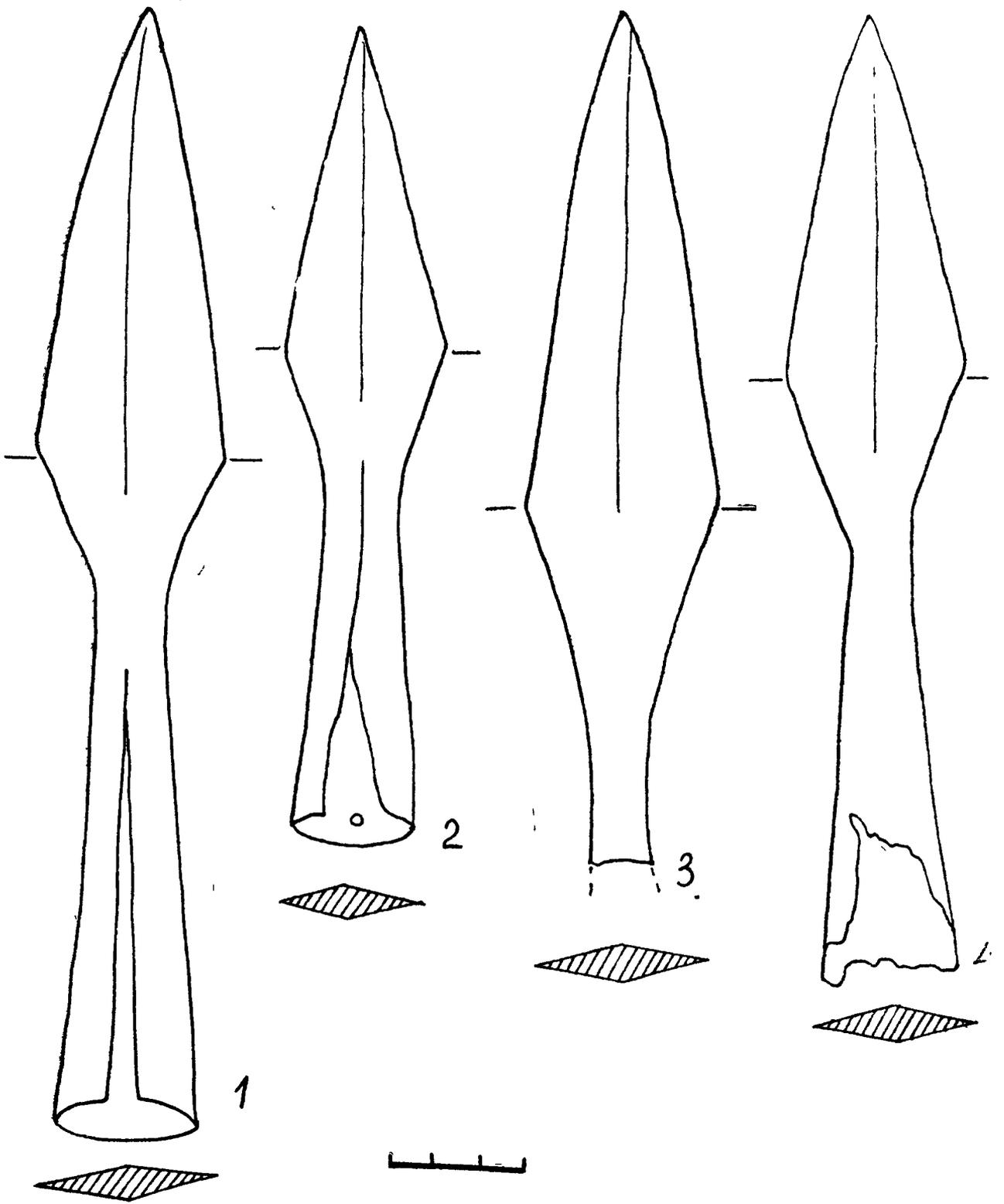
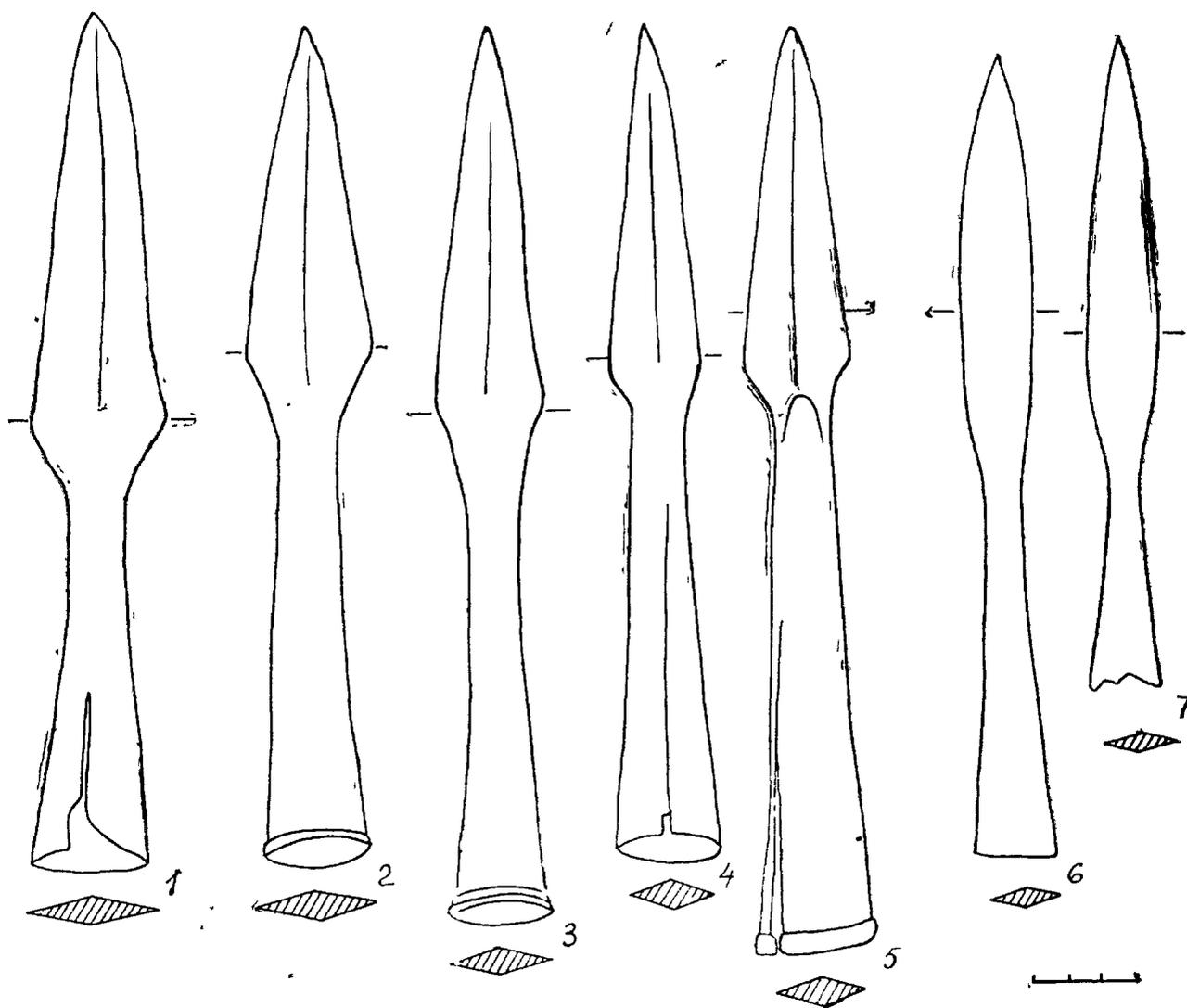

Рис. 65

Рис. 66

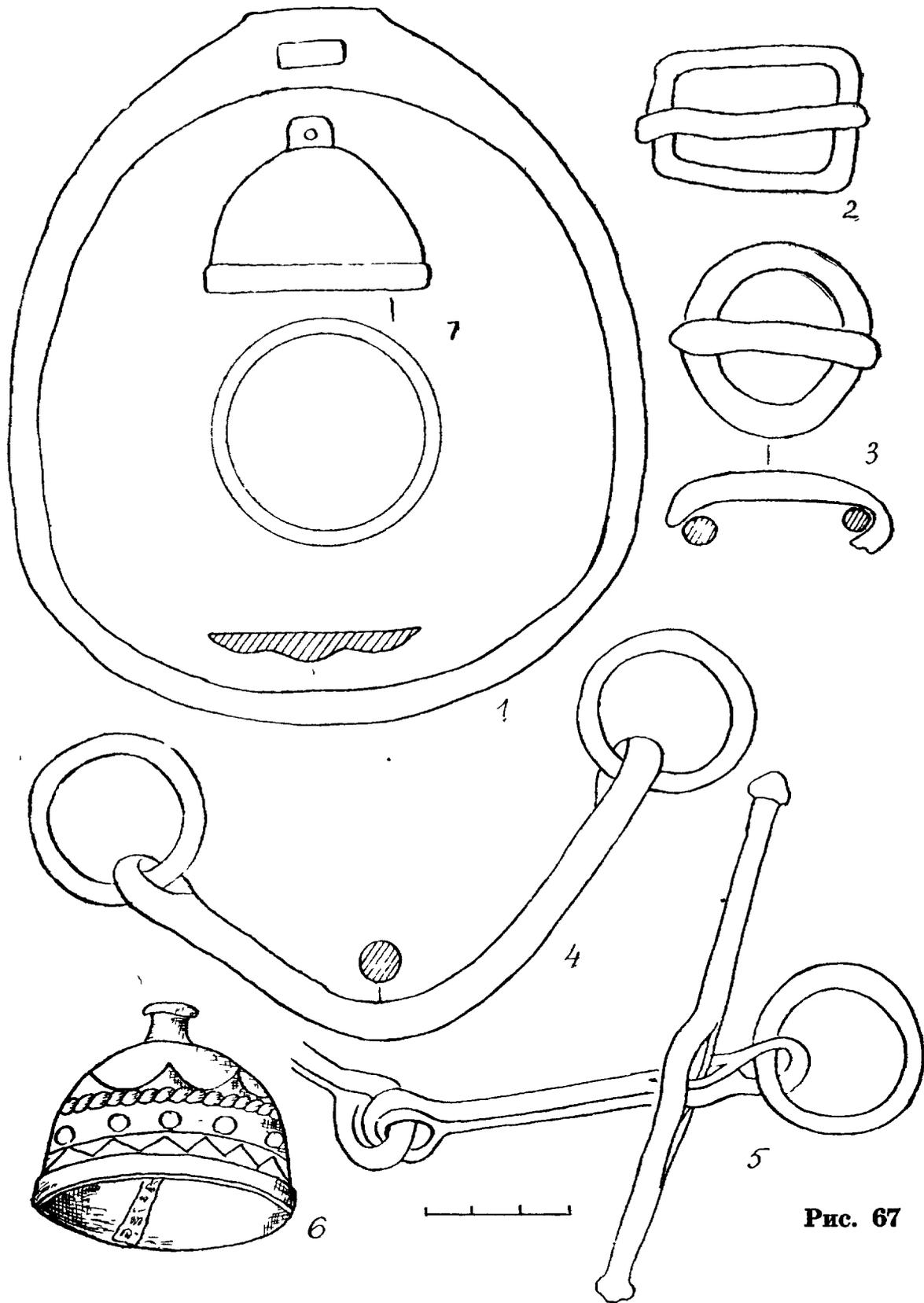

Рис. 67

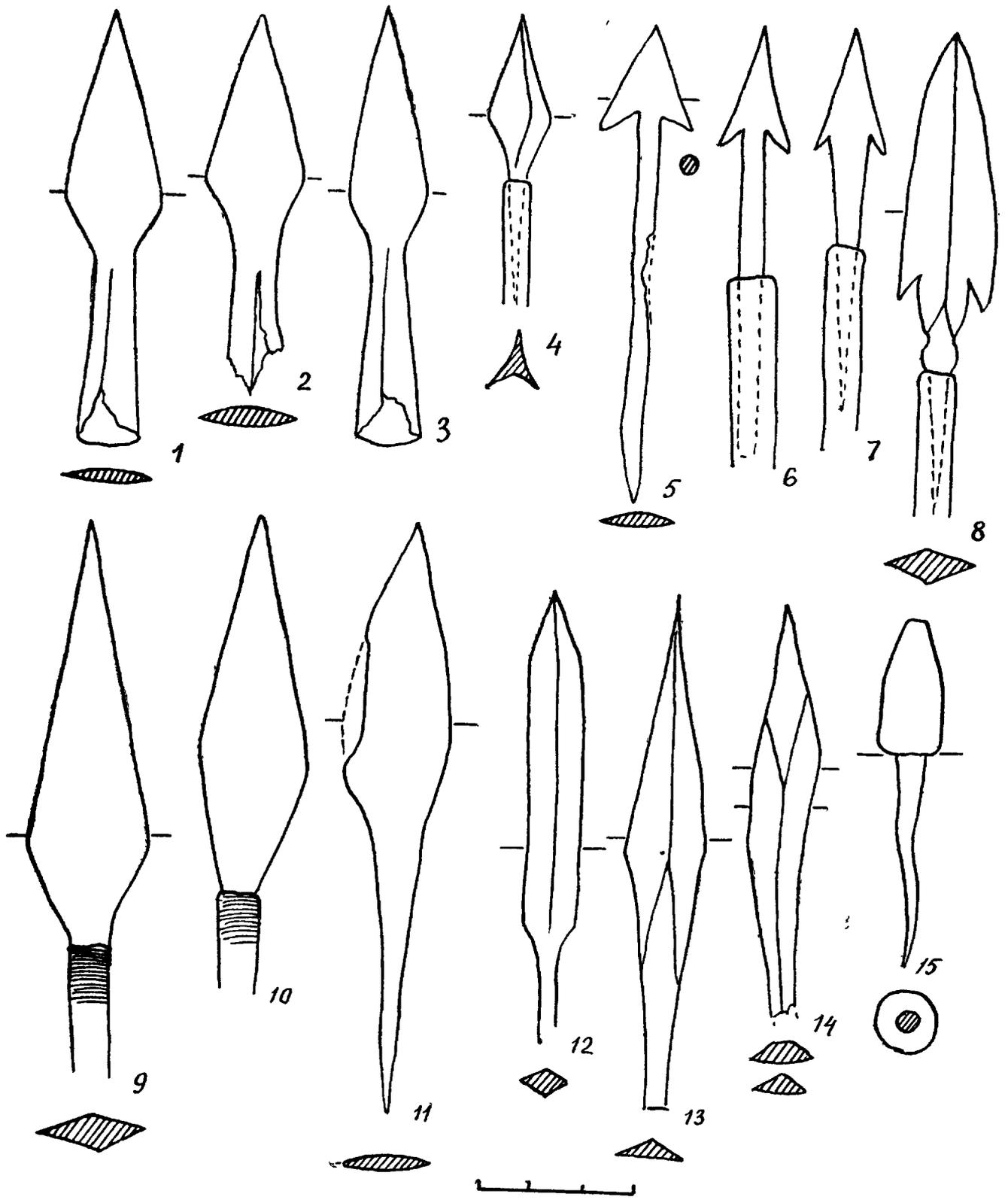
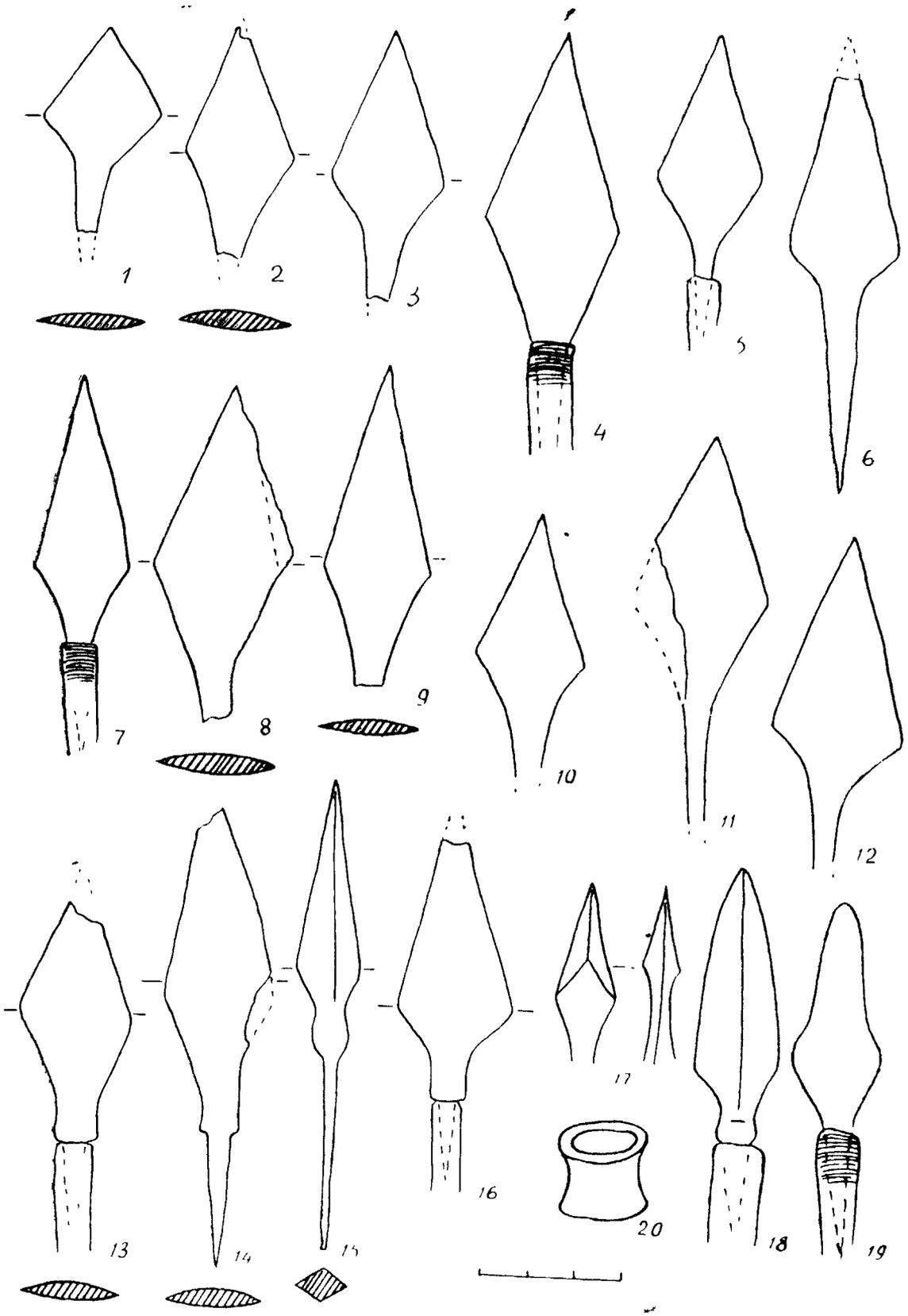

Рис. 68

Рис. 69

12 Мадридцы IX—XI вв.

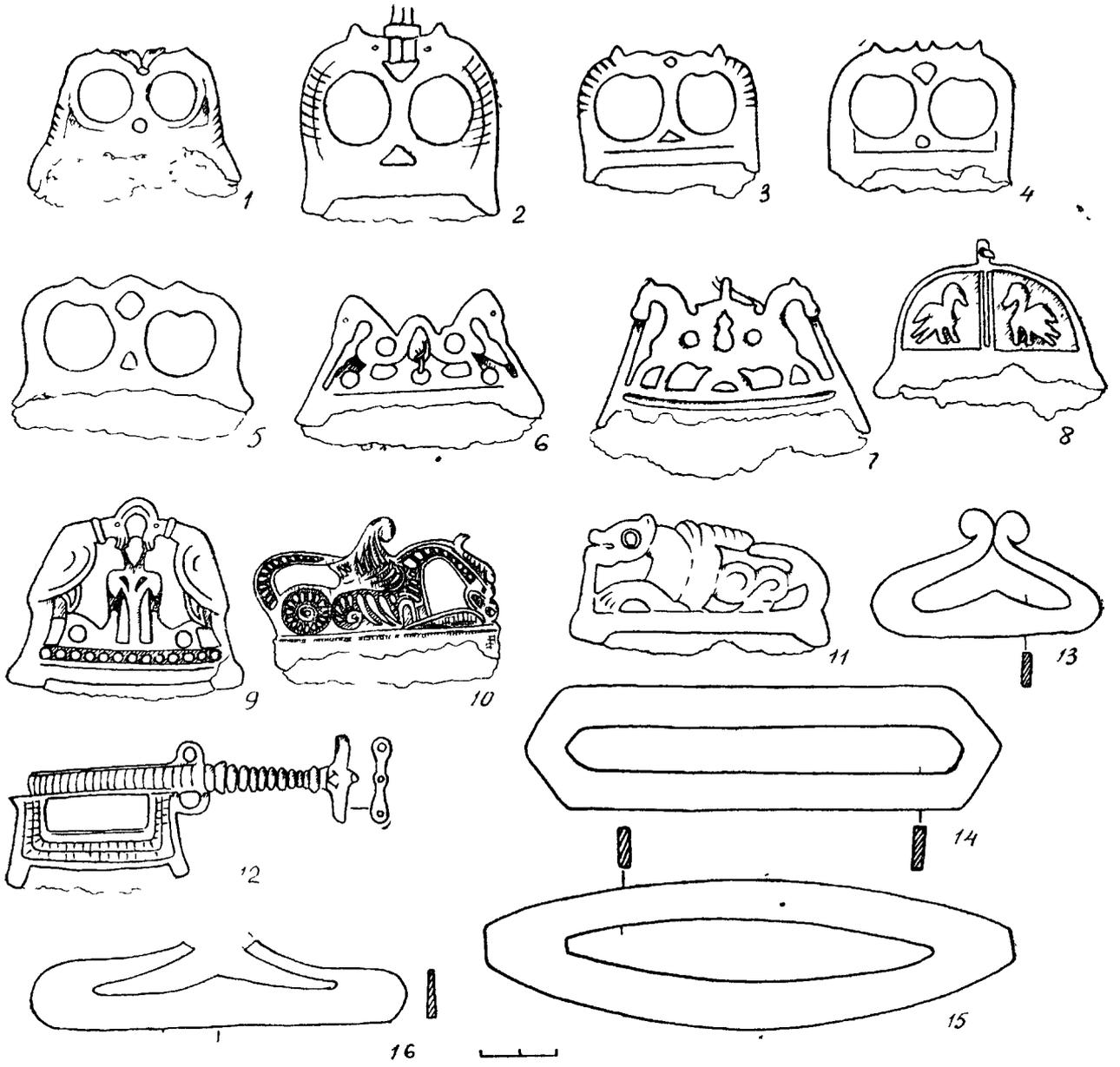

Рис. 70

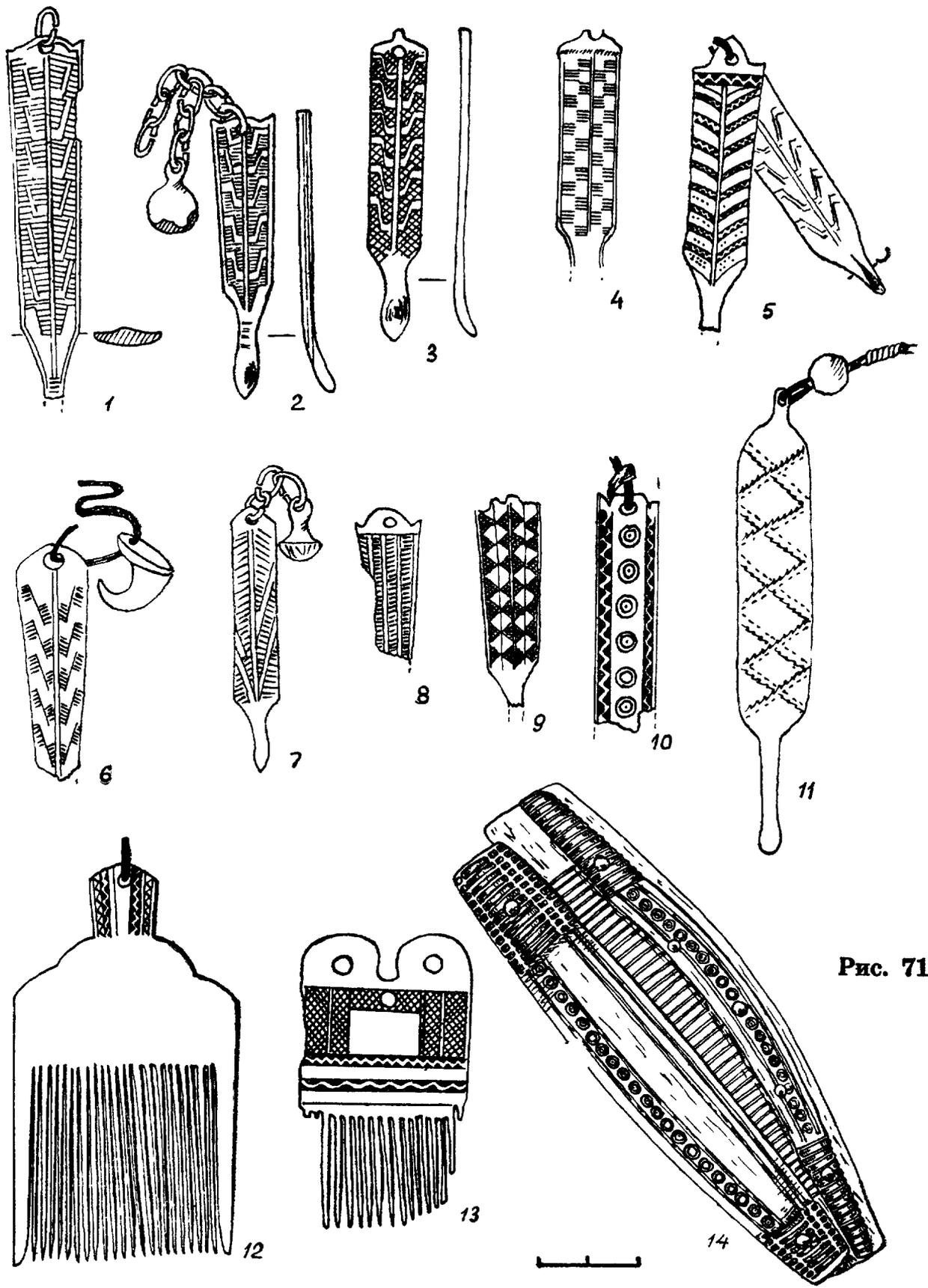

Рис. 71

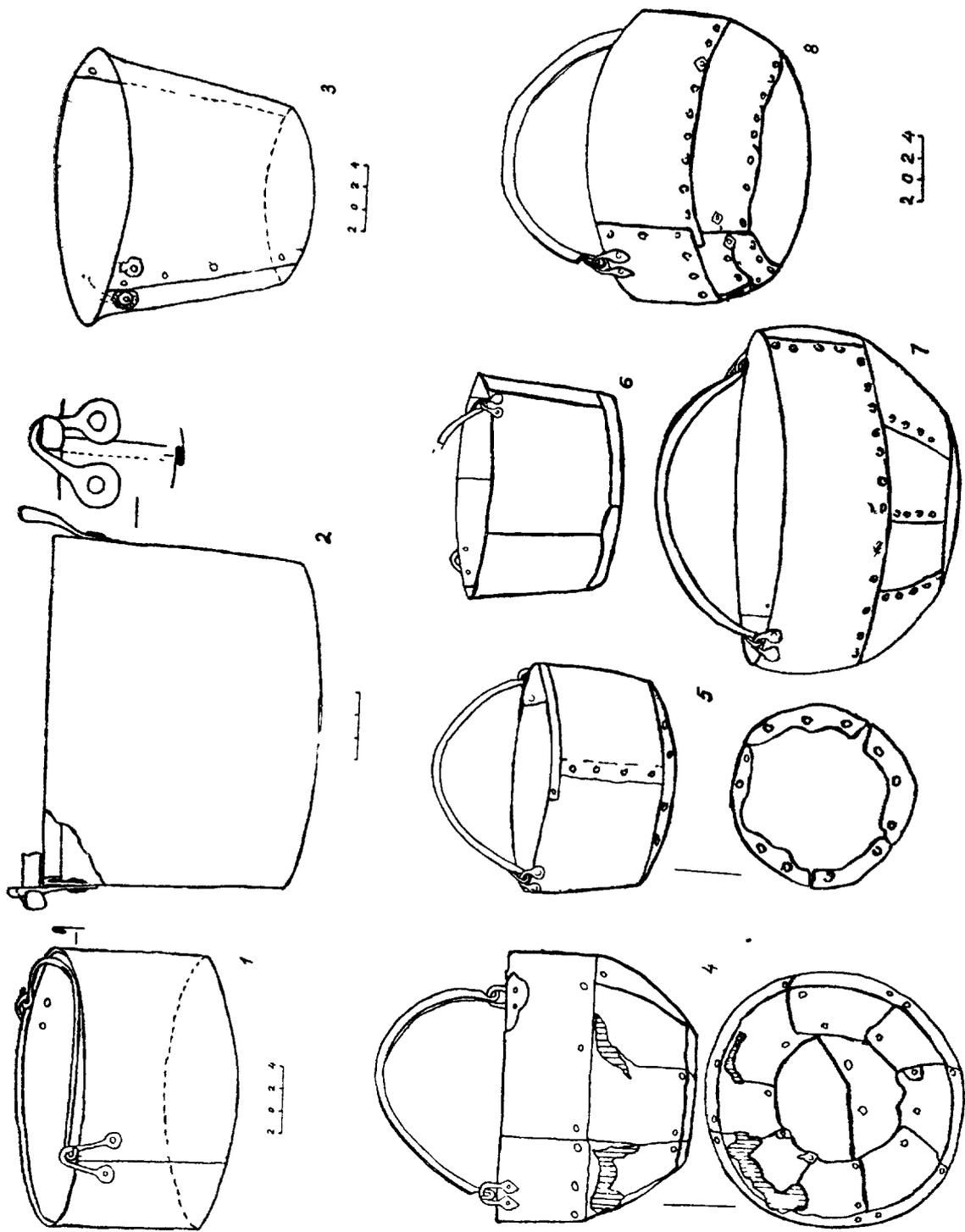

Рис. 72

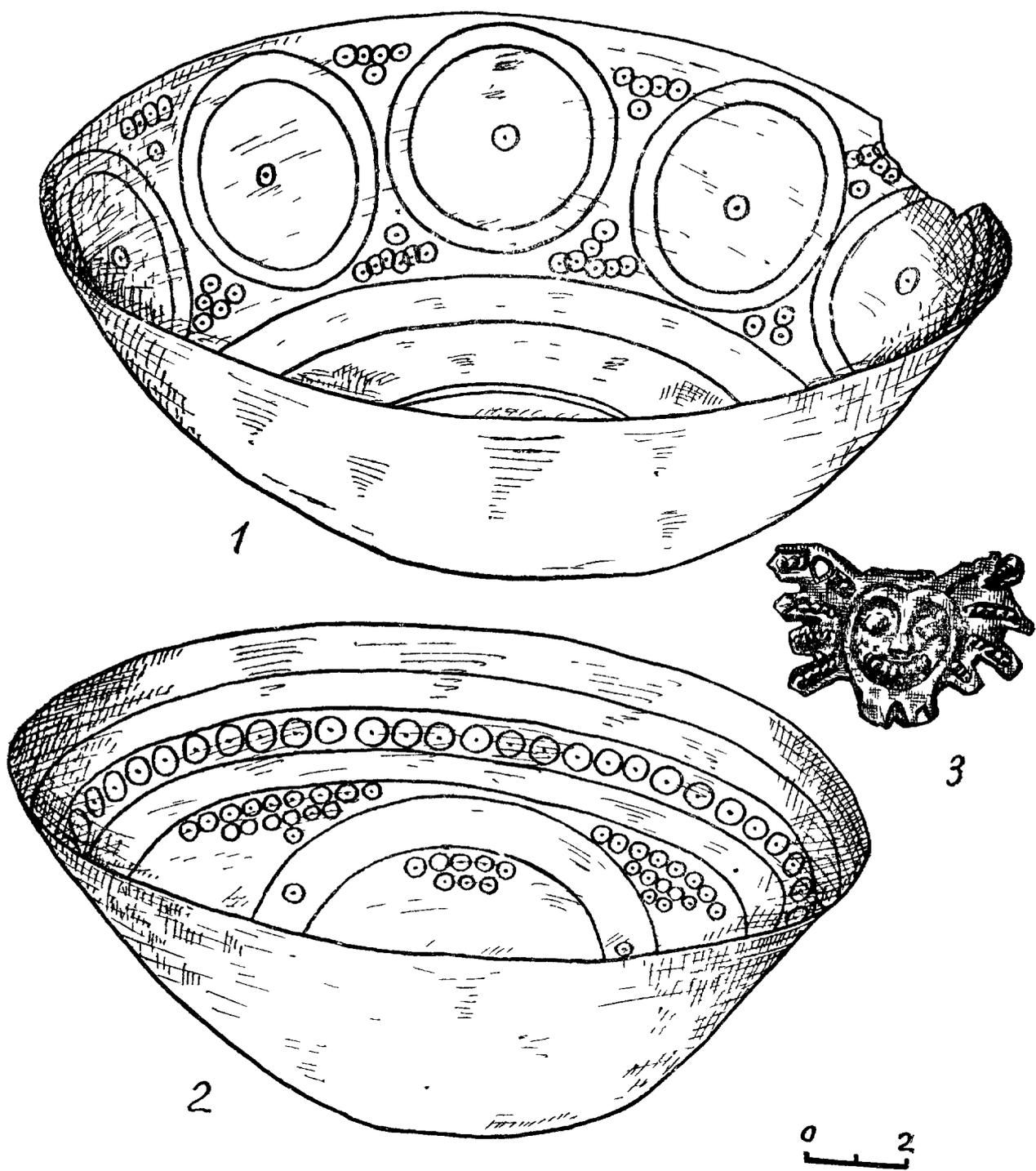

Рис. 73

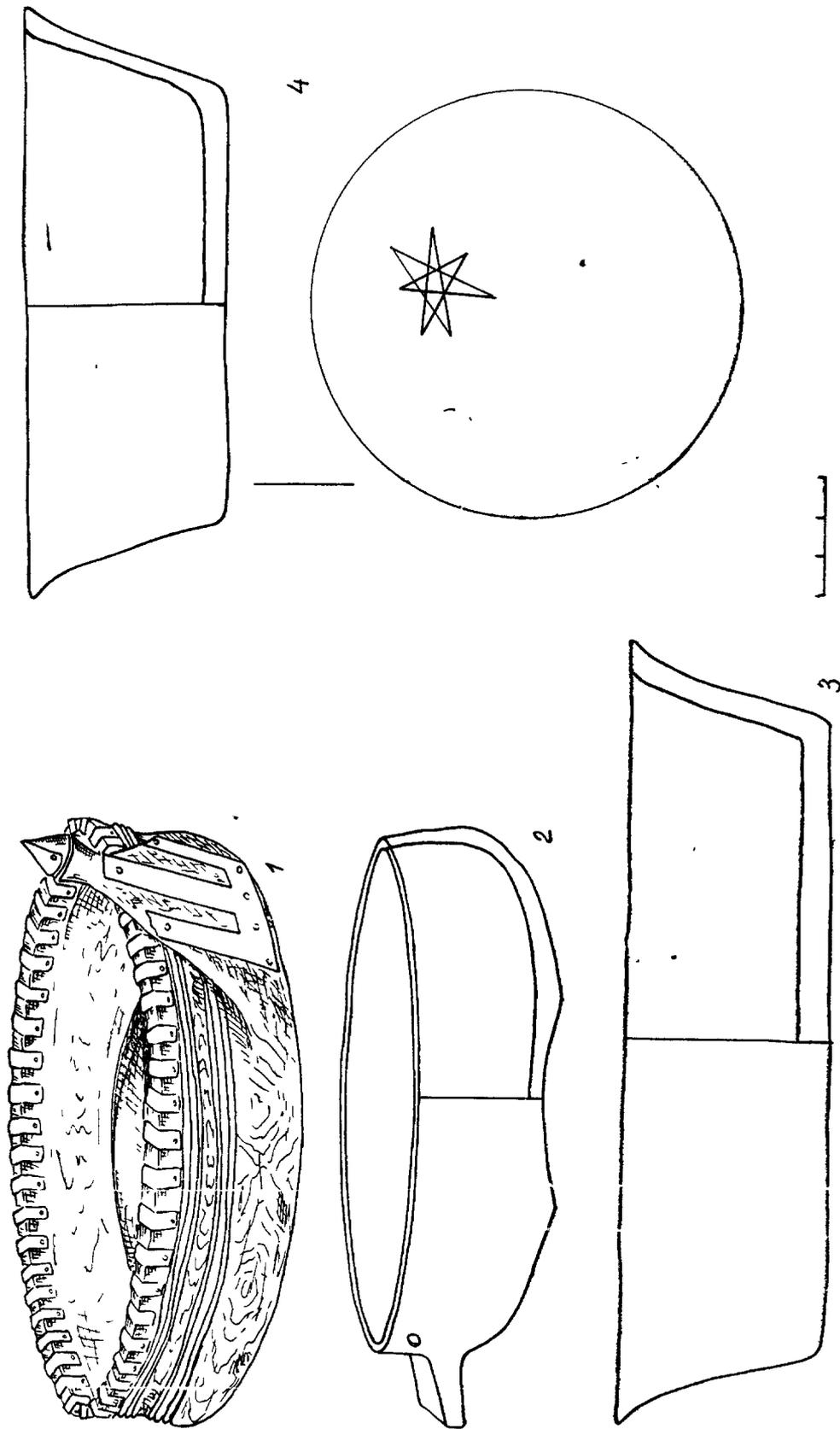

Рис. 74

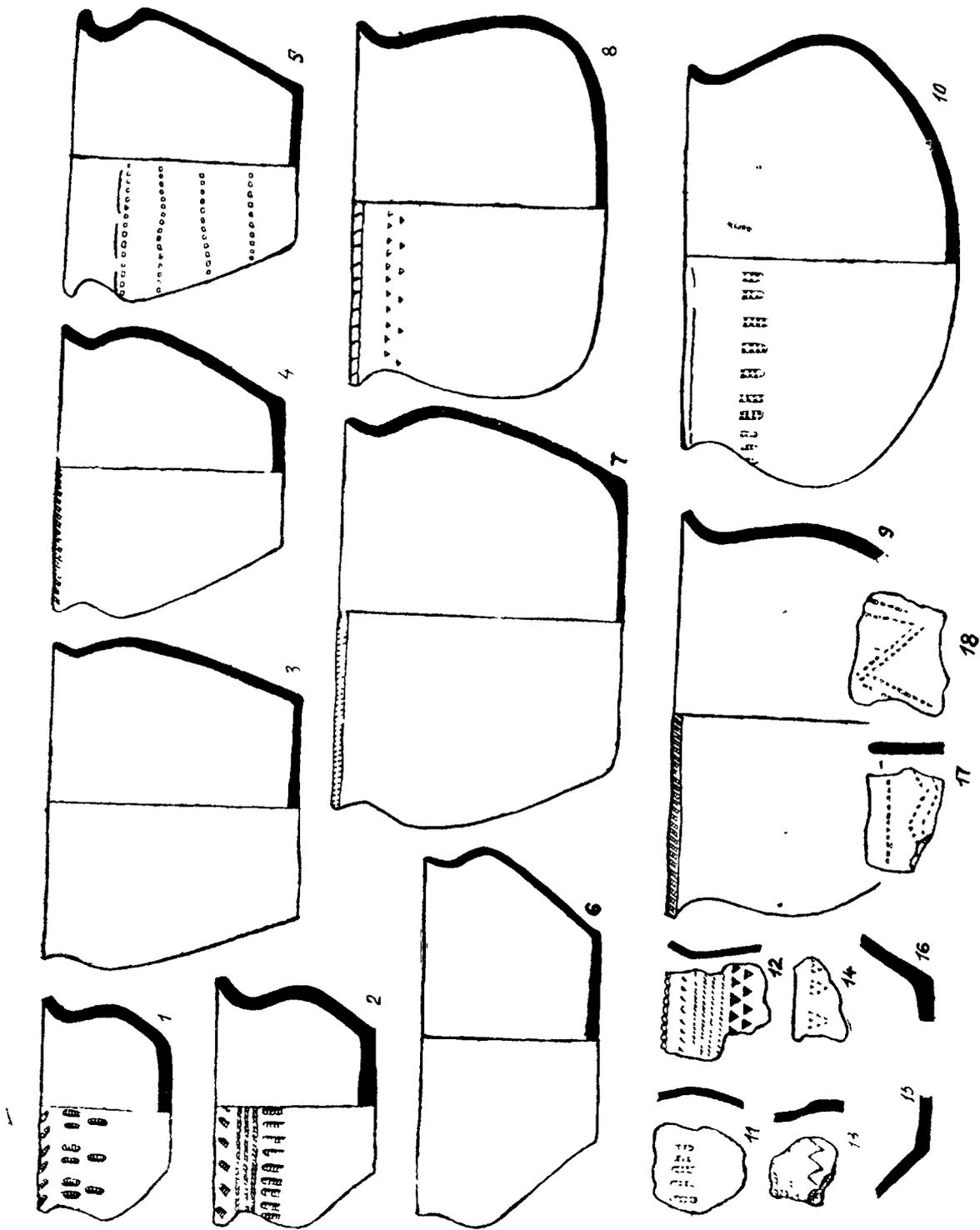

Рис. 75

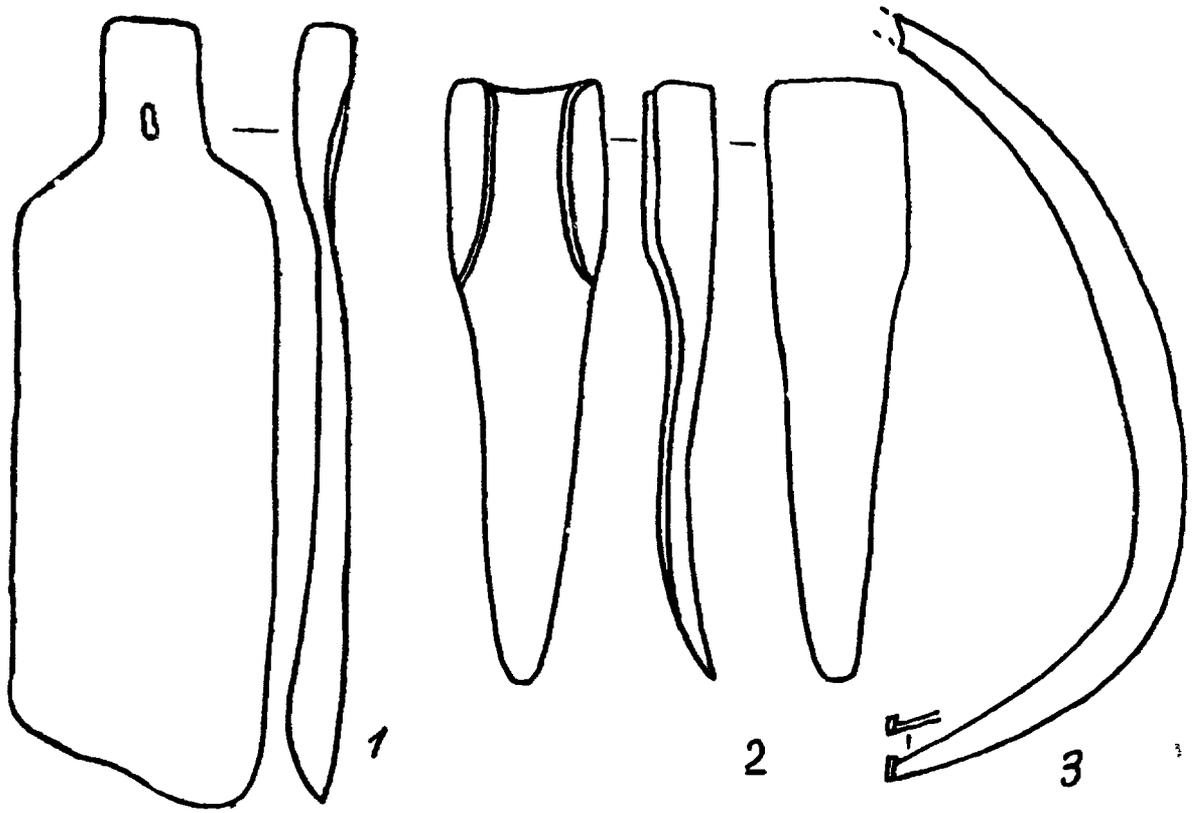
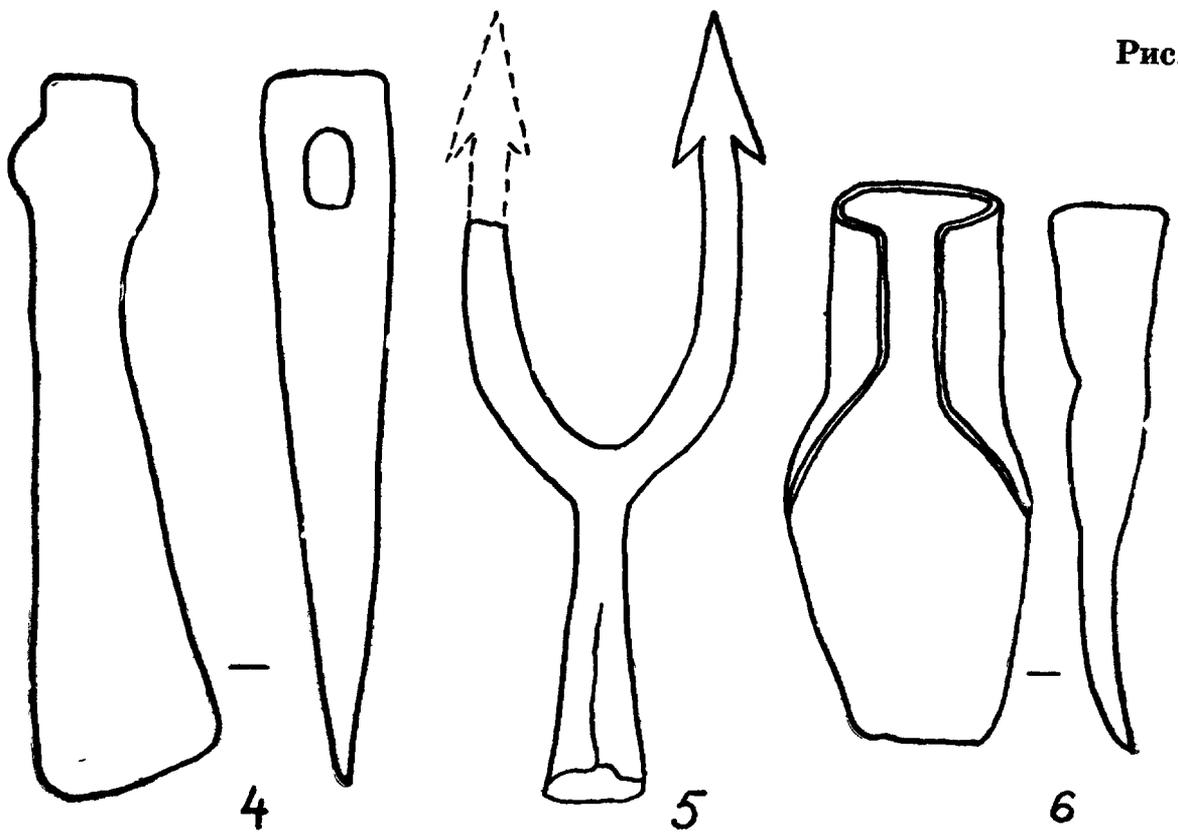
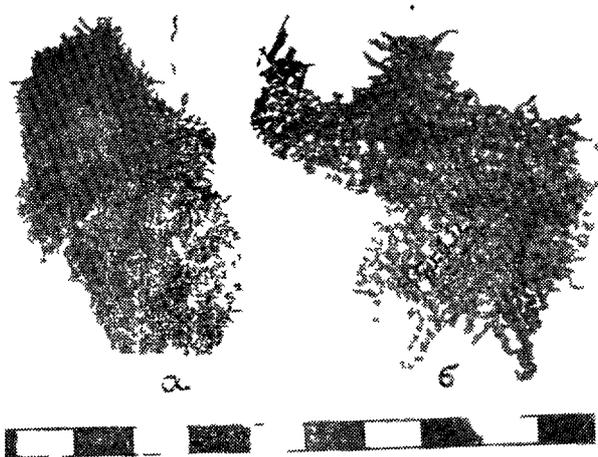
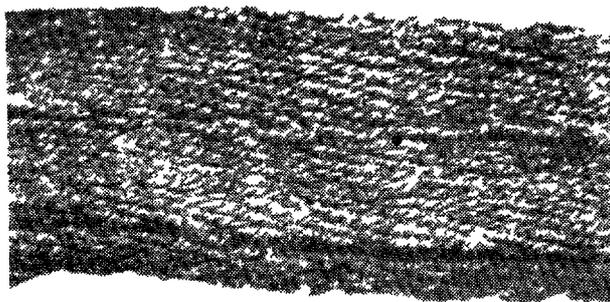

Рис. 76

Рис. 77

Рис. 78

Рис. 79

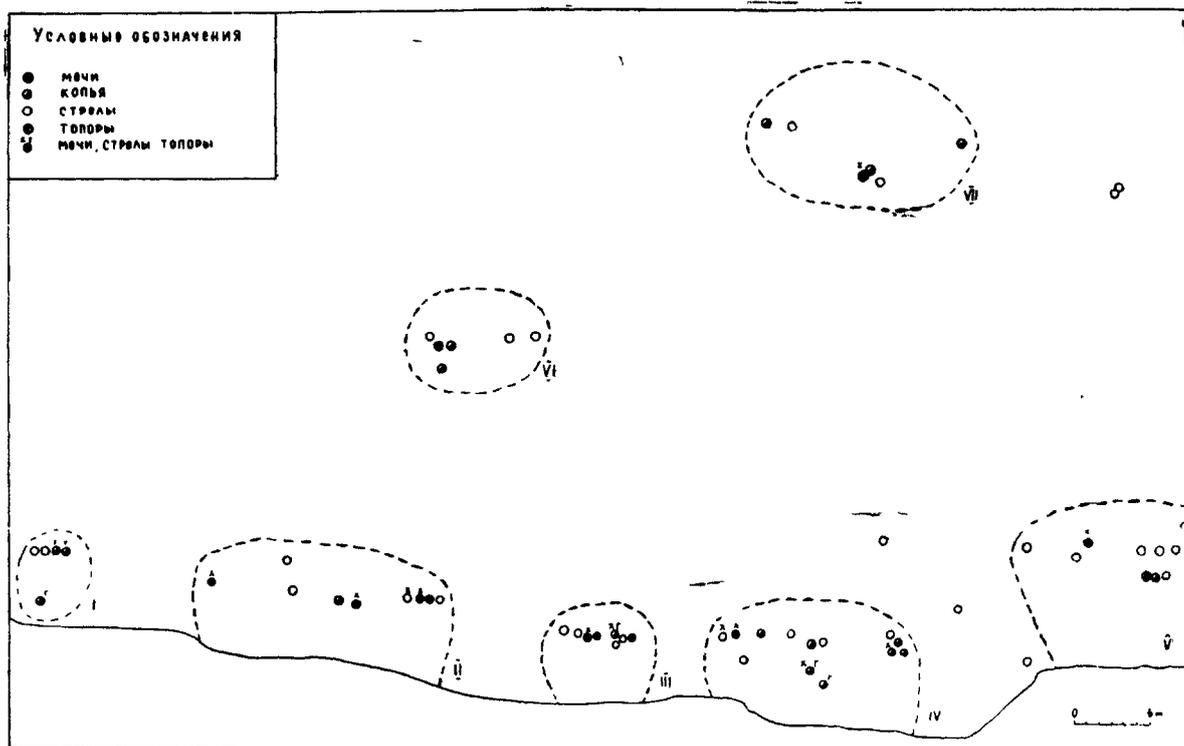

Рис. 80

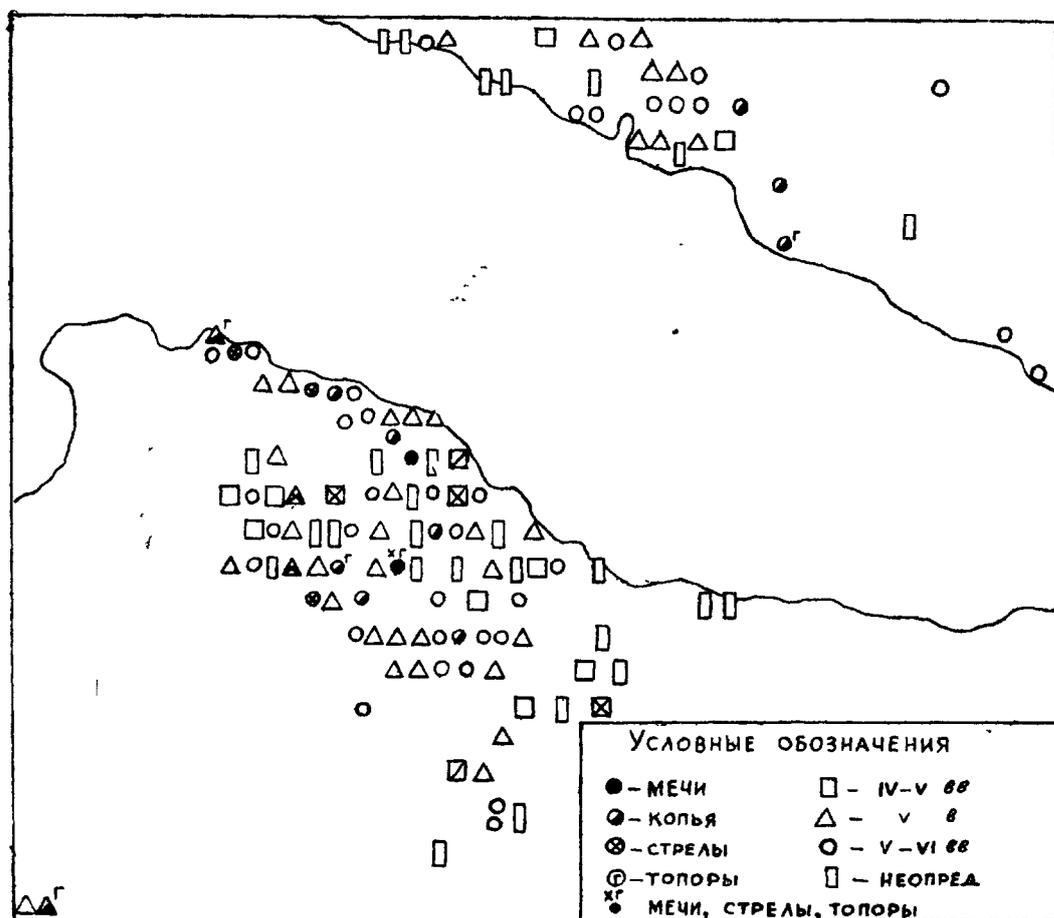

Рис. 81

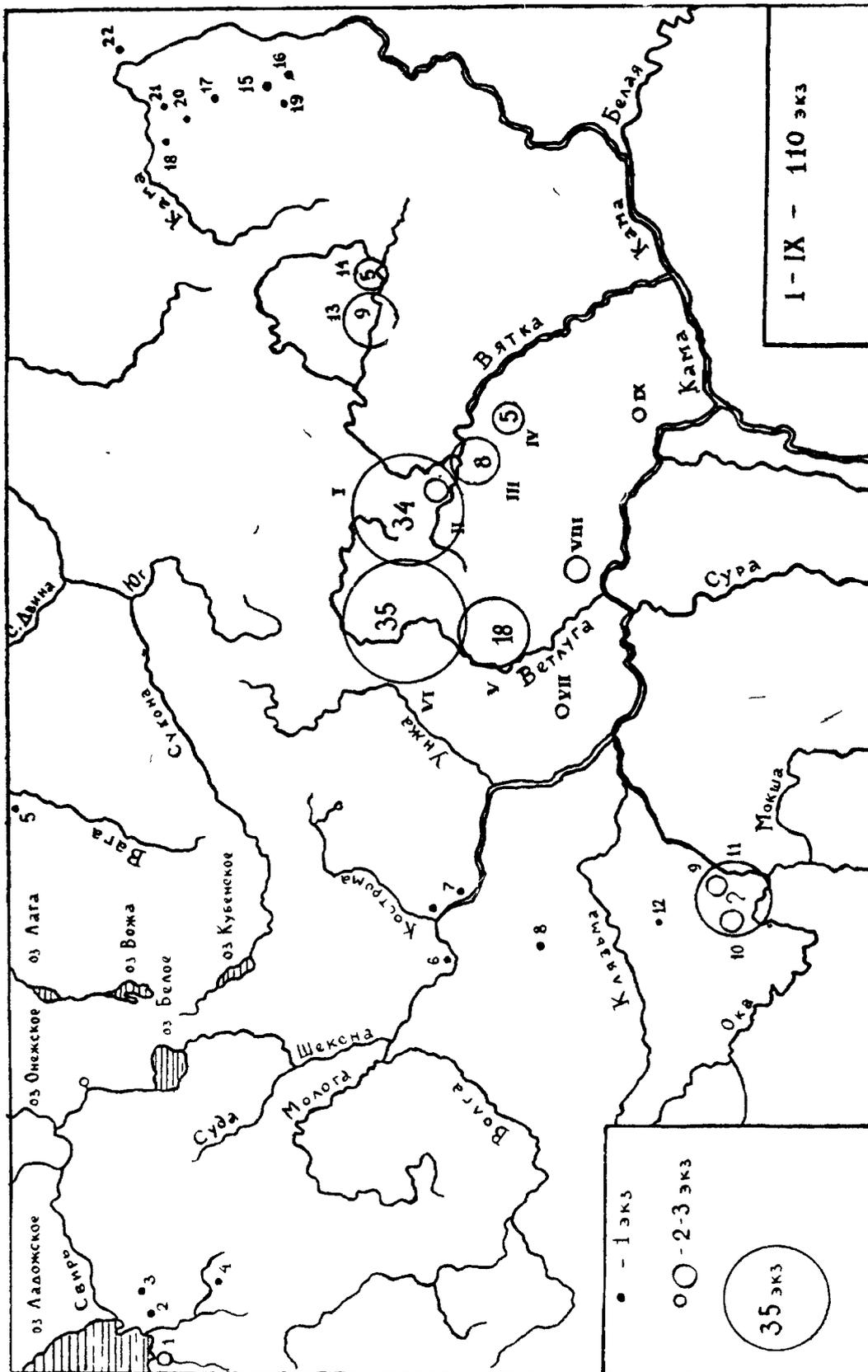

Рис. 82

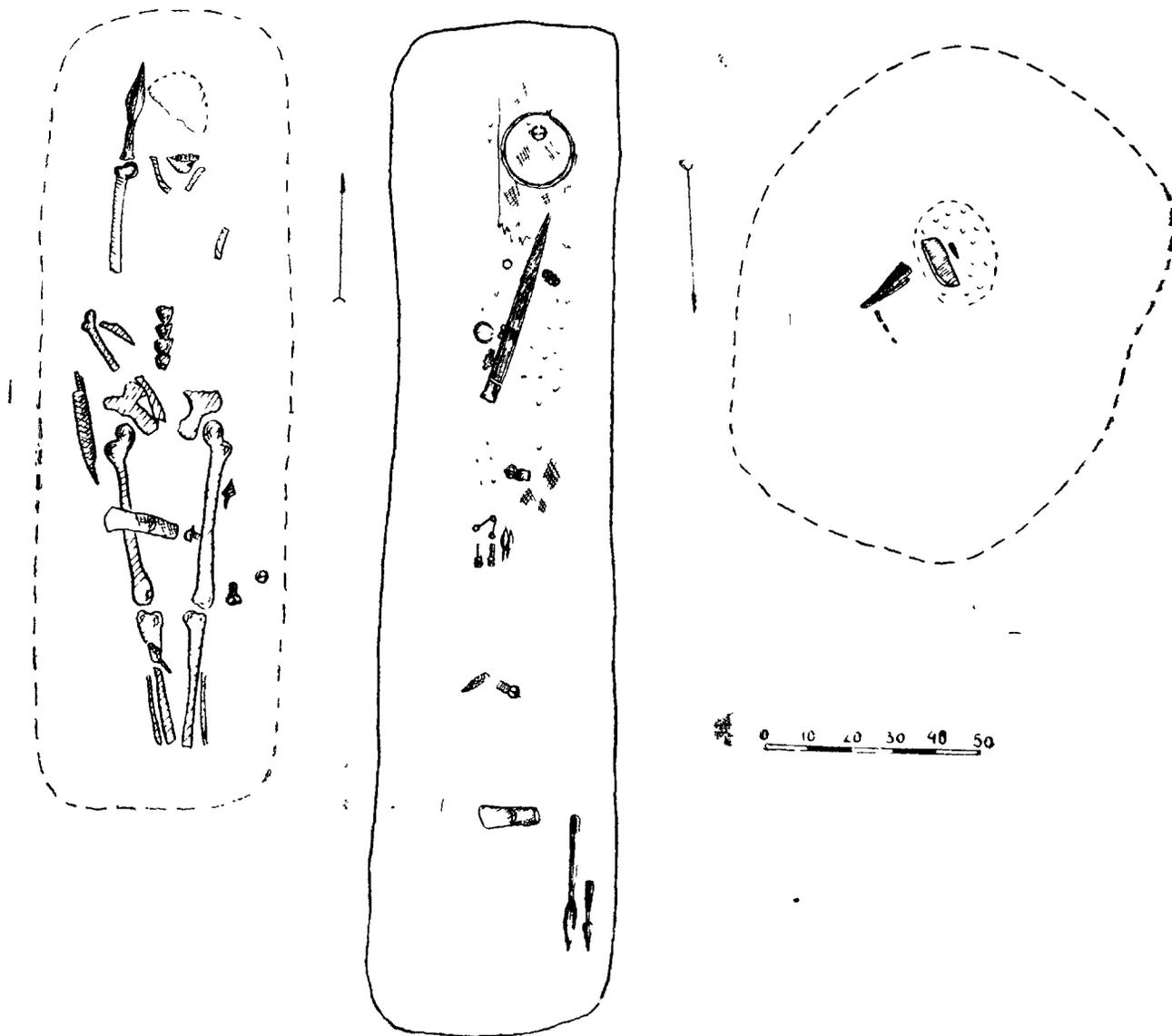

Рис. 83

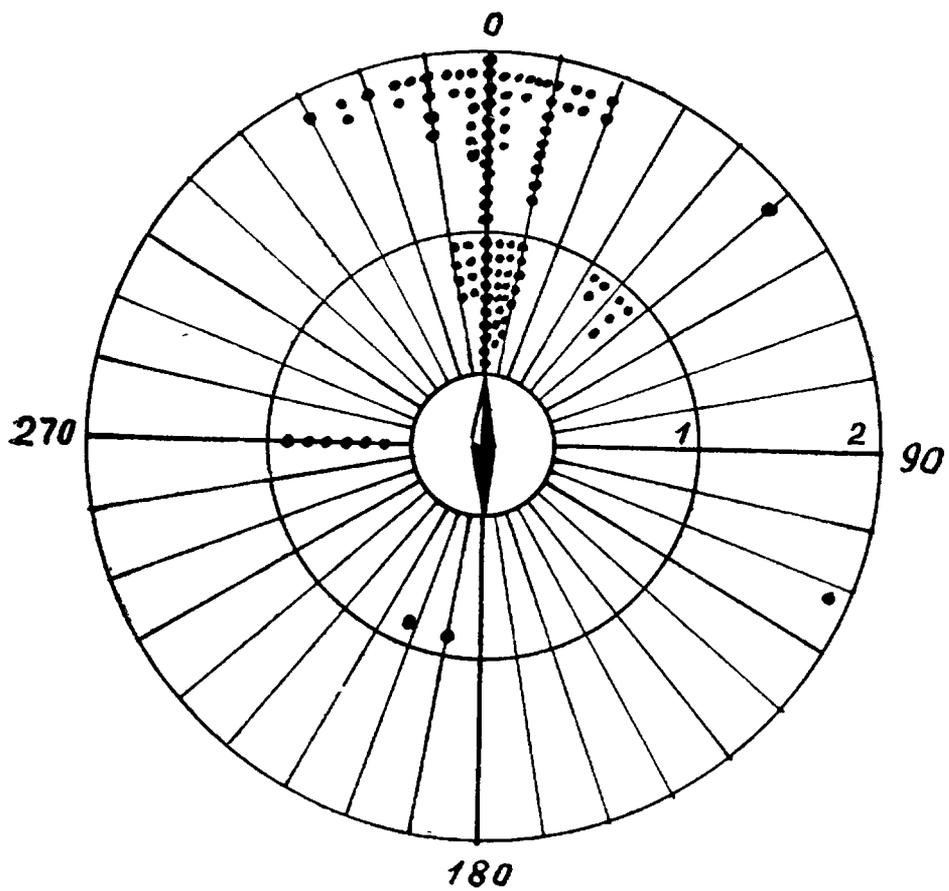

Рис. 84

Рис. 85

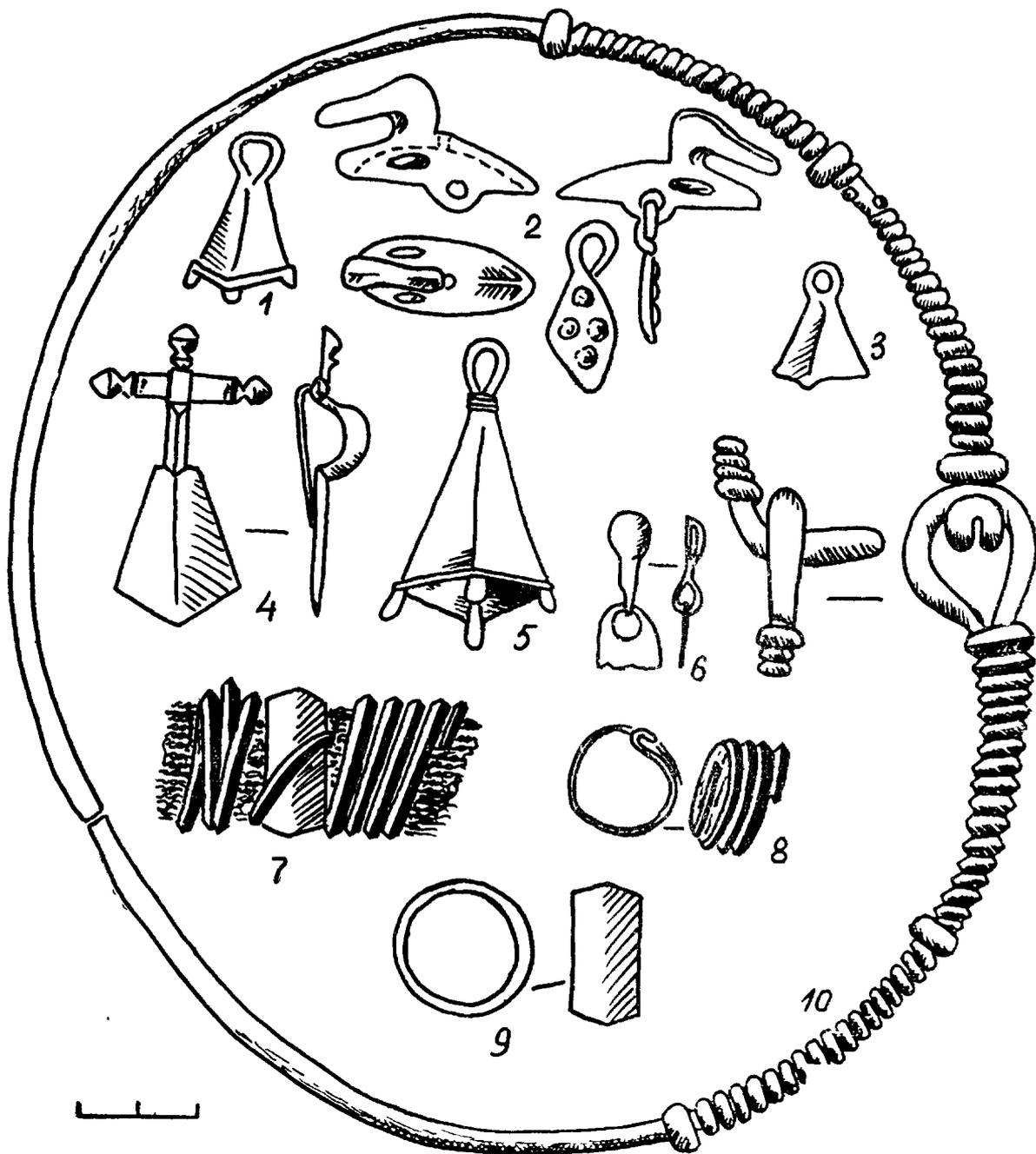

Рис. 86

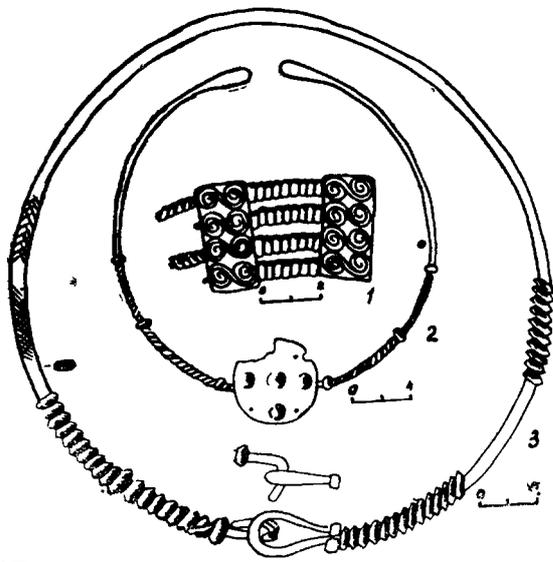

Рис. 87

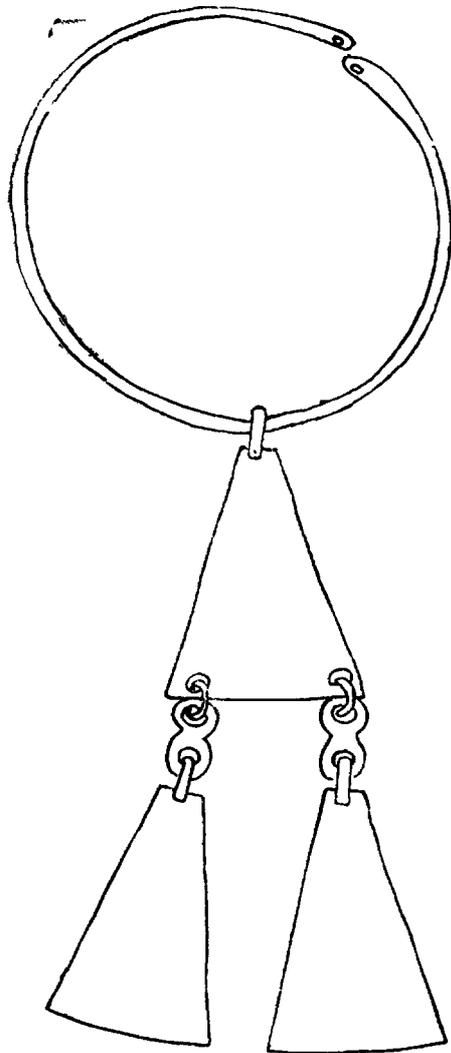

Рис. 89

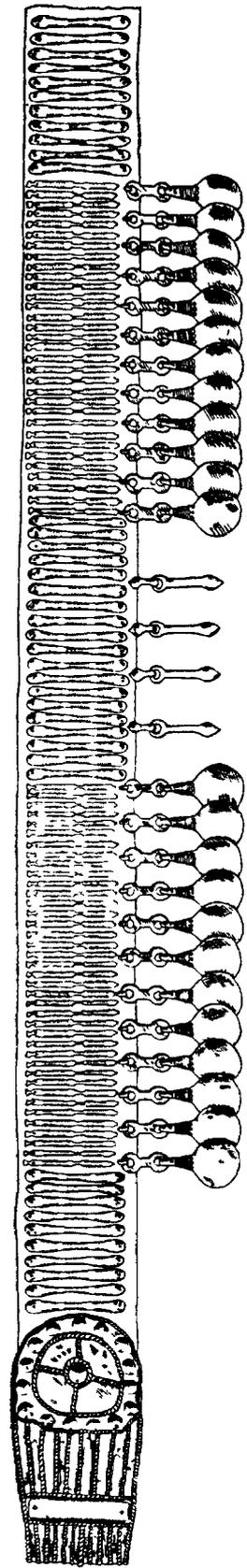

Рис. 88

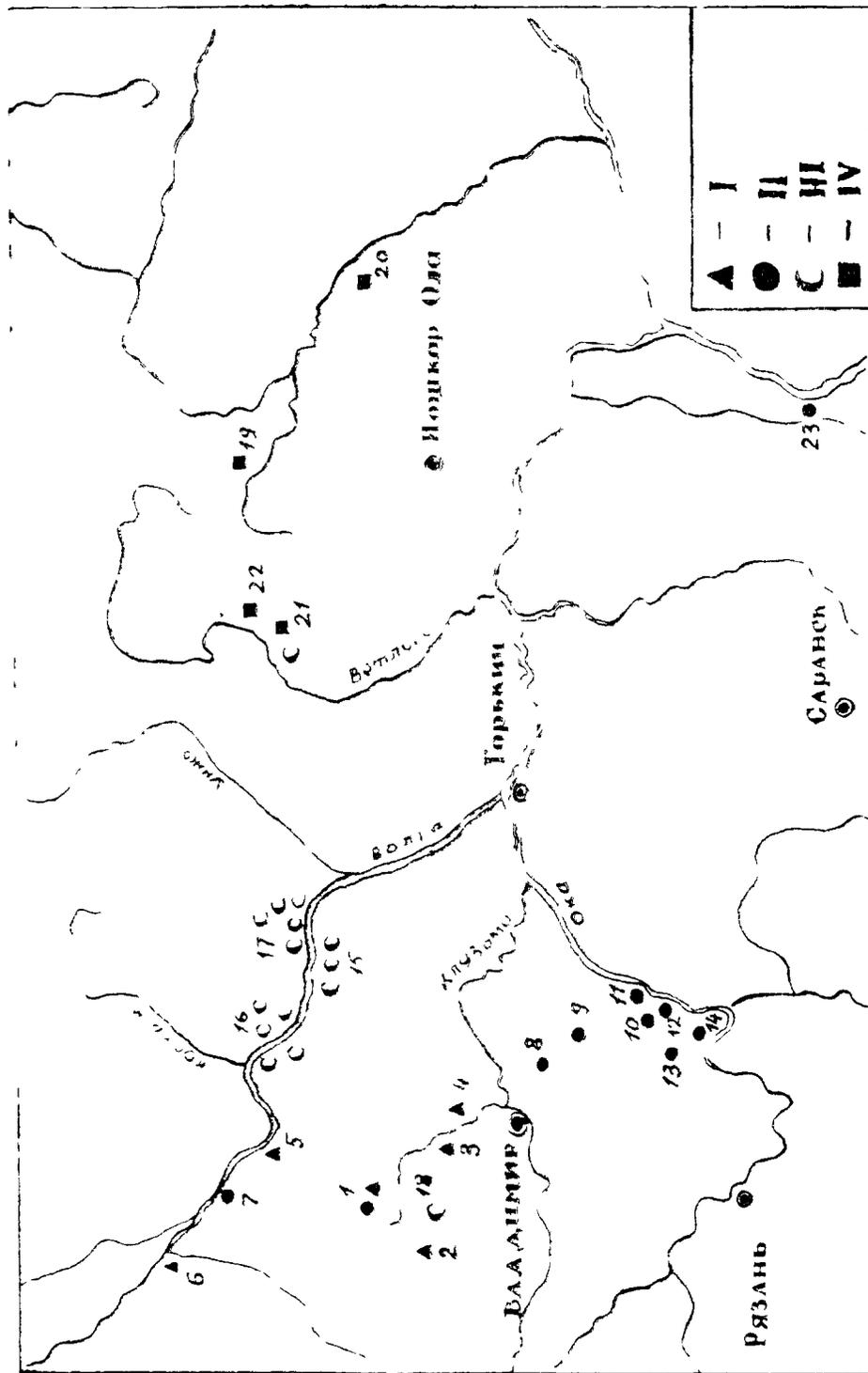

Рис. 90

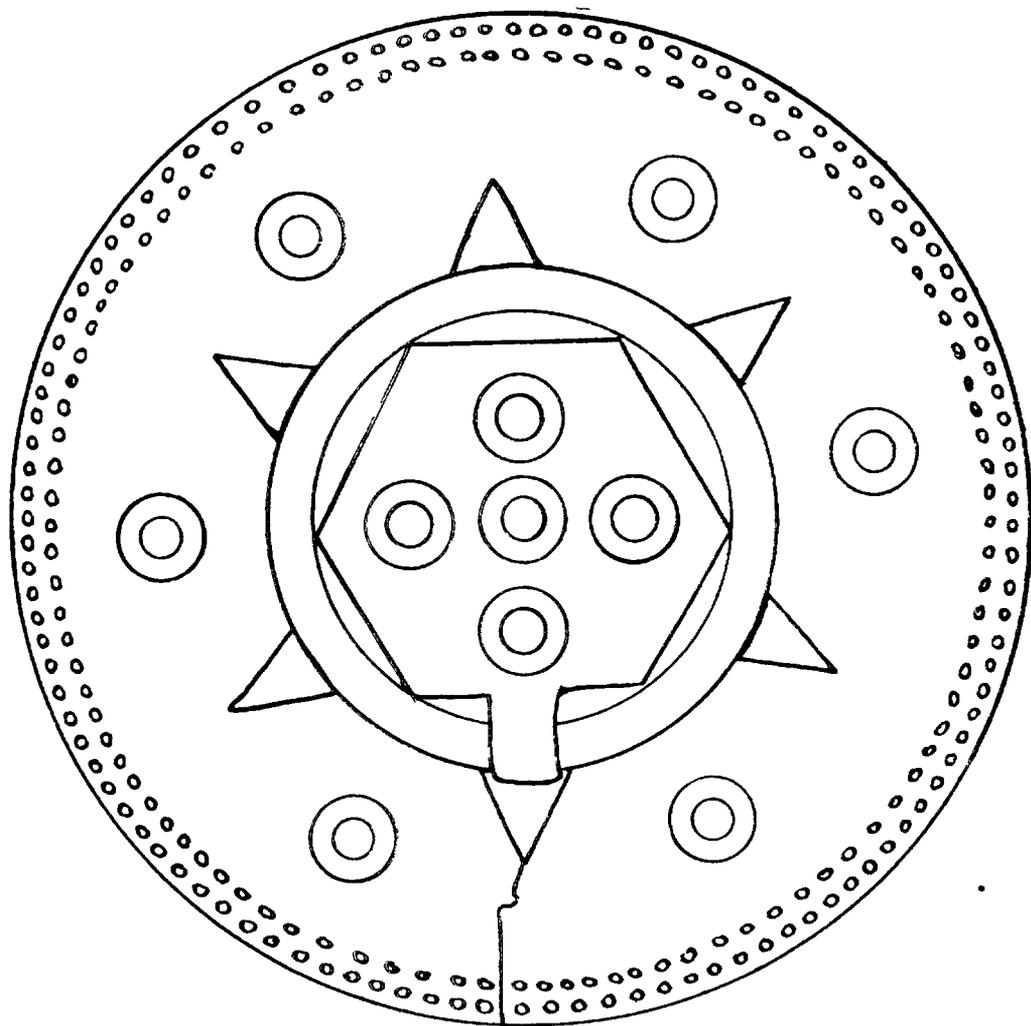

Рис. 91

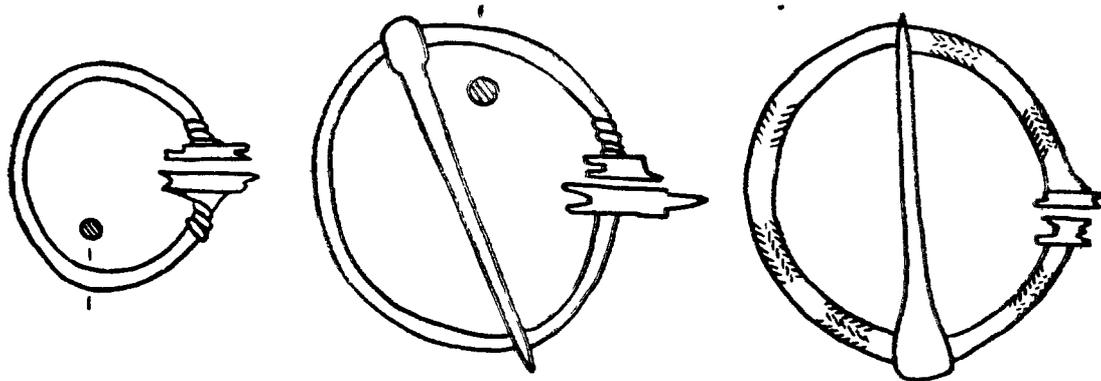

Рис. 92

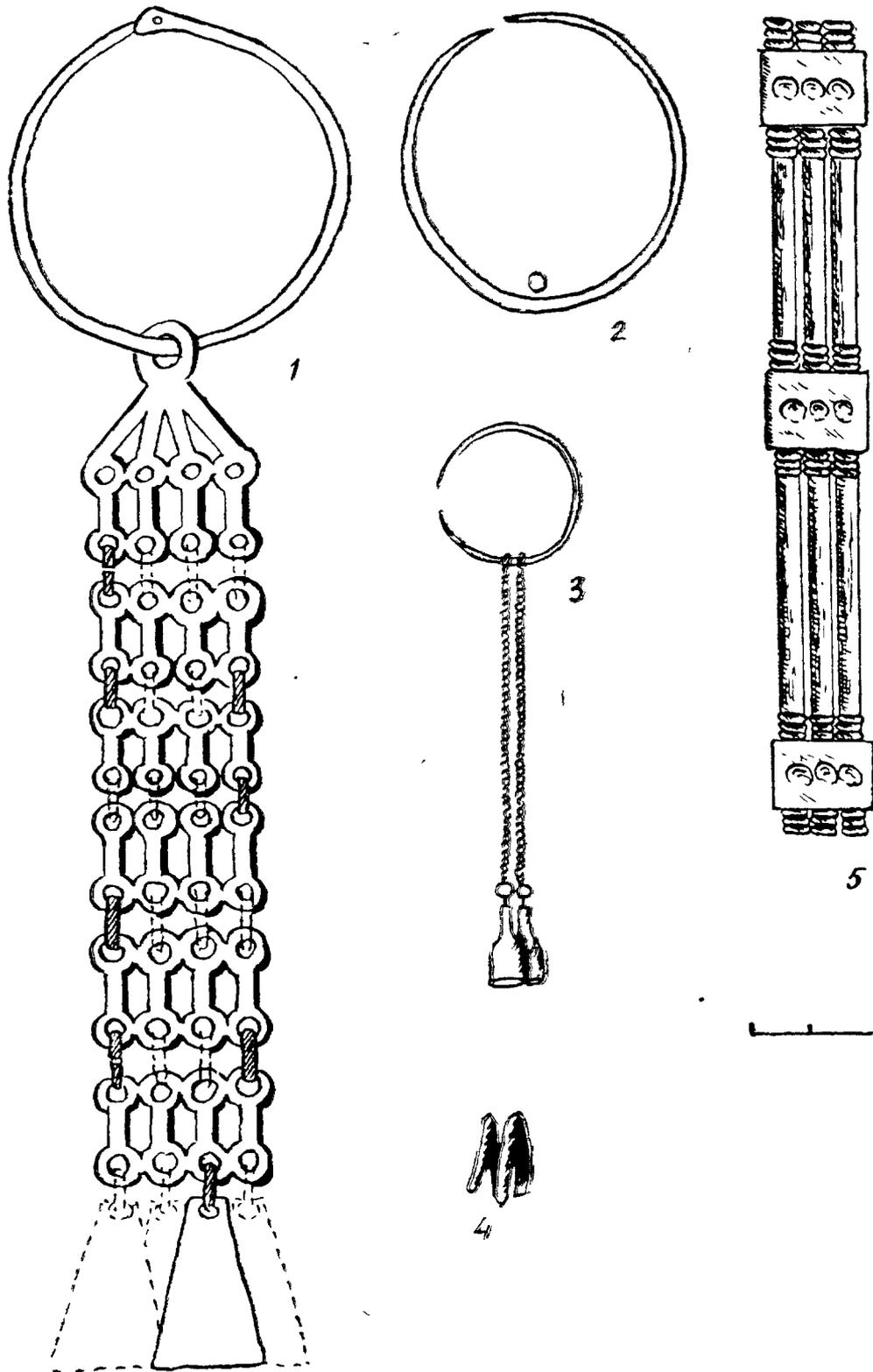

Рис. 93

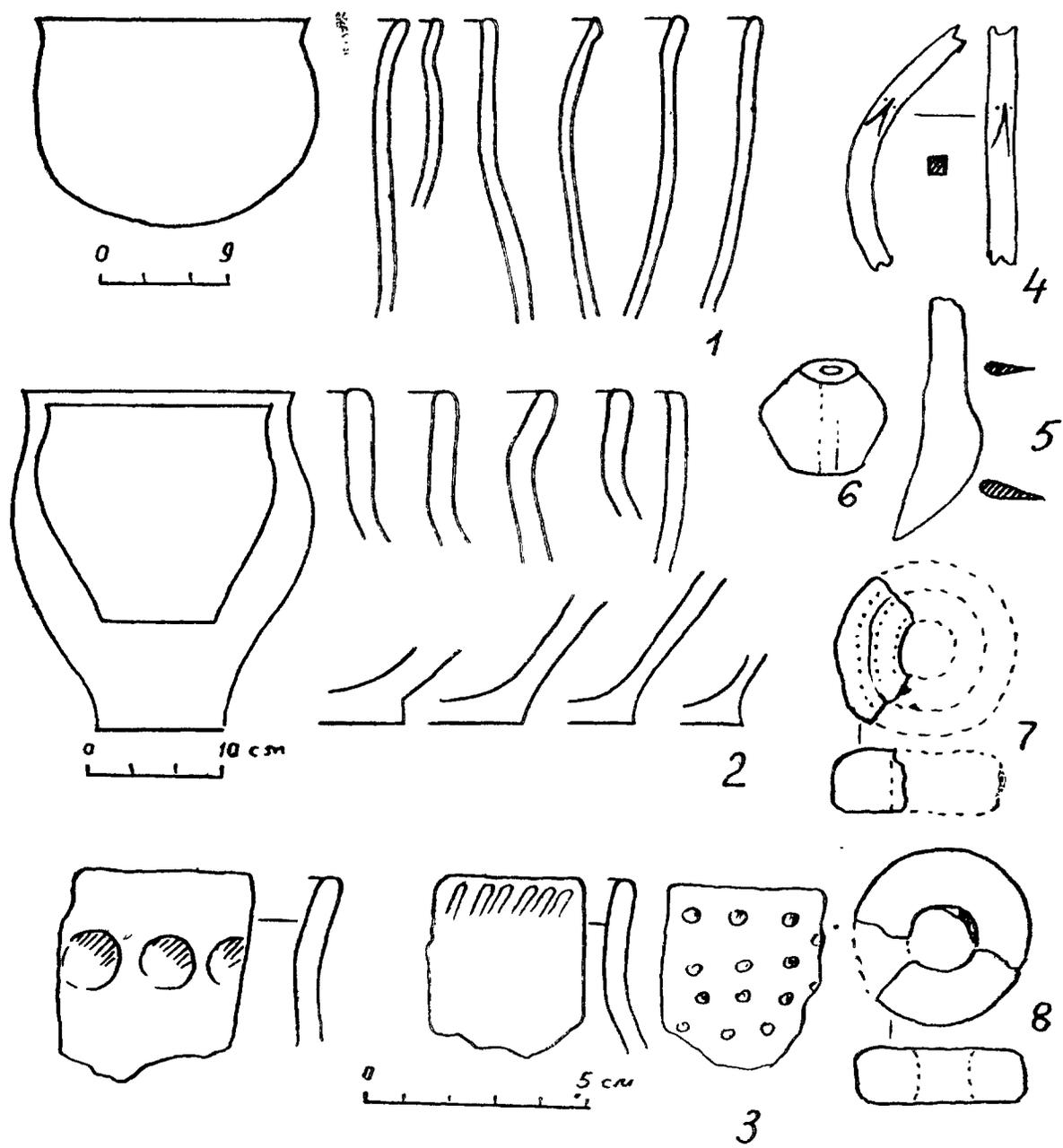

Рис. 94

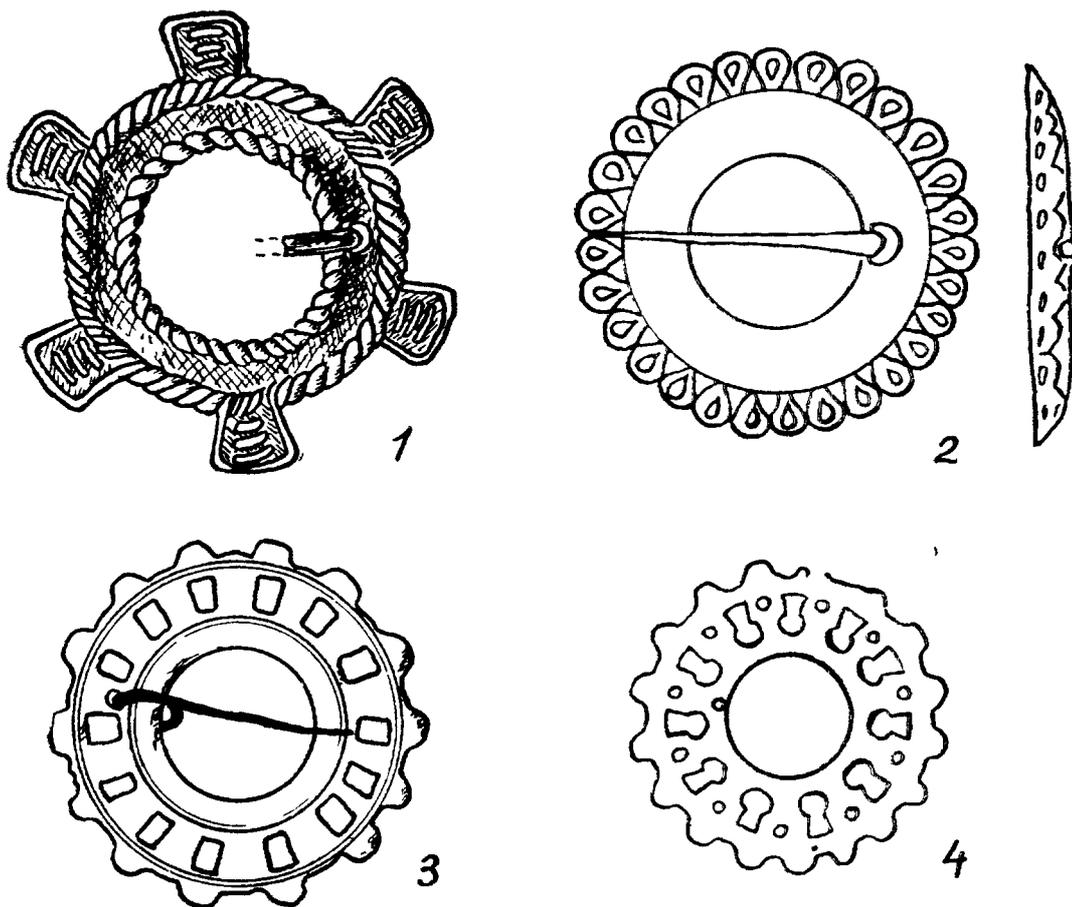

Рис. 96

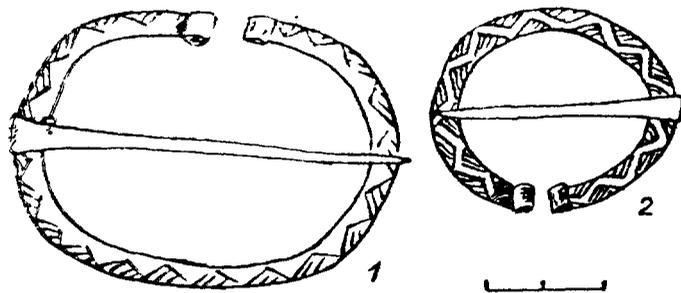

Рис. 95

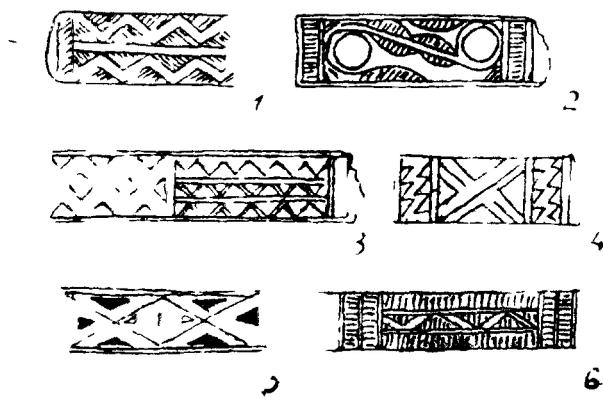

Рис. 97